Марк Копелев
Наталья Рапопорт

Ex Epistolis

или

двадцать два признания
Марка Копелева

Марк Копелев
Наталья Рапопорт
Ex Epistolis

Марк Копелев

Наталья Рапопорт

Марк Копелев
Наталья Рапопорт

Ex Epistolis

или

двадцать два признания Марка Копелева

БОСТОН • 2018 • BOSTON

Марк Копелев и Наталья Рапопорт
Ex Epistolis или двадцать два признания Марка Копелева

Mark Kopelev and Natalia Rapoport
Ex Epistolis or Twenty Two Confessions of Mark Kopelev

Печатается в авторской редакции

Copyright © 2018 by M. Kopelev and N. Rapoport

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without written permission from the copyright holder, except for the brief passages quoted for review.

ISBN 978-1940220956 (paperback)
ISBN 978-1940220963 (hardcover)
Library of Congress Control Number: 2018964369

Published by M•Graphics, Boston, MA
www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com
mgraphics.books@gmail.com

Фотографии в тексте и на обложке: из архивов авторов.
Фотографии на задней обложке: *Н. Рапопорт и М. Копелев*

Printed in the United States of America

Авторы этого эпистолярного романа
желают и Вам
радости от переписки с друзьями

Наташа и Марк

В книге:

Предисловие Натальи Рапопорт

Несколько вступительных слов
о соавторе и книге 9

Краткая биографическая справка . . . 12

Предисловие Марка Копелева 15

Фолдер первый. 17

Фолдер второй 247

Послесловие. 395

Предисловие Натальи Рапопорт

Несколько вступительных слов о соавторе и книге

Эта книга напоминает по структуре скрипичную сюиту. Марк играет в ней партию скрипки, я — аккомпанемент. Сейчас трудно поверить, что нашему знакомству всего четыре года: кажется, что оно началось целую жизнь тому назад.

В книгах принято ставить даты начала и завершения: год, иногда год и месяц. Мы, благодаря современным технологиям, знаем эти даты с точностью до минут и секунд. 19 февраля 2014 года в 5 часов 29 минут я получила электронное письмо: *«Здравствуйте Наташа! Моё имя Марк Копелев, я друг Тимура Шаова, я фотограф»*. Для книги, которую вы держите в руках, это была минута зачатия.

Булгаков учил: никогда не разговаривайте с неизвестными. Наверное, и переписываться не следует. Но здесь случилась совсем другая история: писал ДРУГ ТИМУРА ШАОВА. Лучшей рекомендации не требовалось. Марк писал, что к пятидесятилетнему юбилею Тимура он готовит фотоальбом с поздравлениями от людей, которых любит Тимур и которые любят его. Объяснил, что приглашает участвовать в альбоме только безусловно рукопожатных людей, и что *поздравления Тимуру уже прислали Шендерович, Войнович, Иртеньев, Смехов, Макаревич, Ким, Губерман и другие достойные лица.*

Я, конечно, сразу согласилась, потому что очень люблю и самого Тимура, и его песни. Но, начав думать о запрошенной Марком «паре строчек», поняла, что попала в историю в прямом и переносном смысле. Как не оказаться «чёрной дырой» в таком созвездии?! Я присылала Марку один вариант текста за другим, извинялась, падала в ноги, слёзно просила заменить. И тут высветилась первая пленившая меня чер-

та моего будущего соавтора: его бесконечное долготерпение, уважение к моим творческим мукам и доброжелательность. «Не переживайте так, Наташа,— ободрял меня Марк,— пока альбом не отправлен в печать, меняйте сколько угодно; ваш текст и в самом деле становится с каждым разом всё лучше; главное, чтобы он вам самой нравился и понравился Тимуру».

Марк прислал мне для примера несколько готовых листов альбома, и я увидела руку Мастера. Посмотрела в интернете его портретную галерею и ахнула. Такие яркие и выразительные портреты моих современников я видела, пожалуй, только у Юрия Роста.

Наша переписка быстро вышла за рамки Тимуровского юбилейного альбома. Мы оказались очень похожи по вкусам, оценкам людей, отношению к жизни, как будто выросли в одном дворе и играли в одной песочнице, хотя Марк родился на Дальнем Востоке, учился в ЛГИТМиКЕ, и был по образованию театральным режиссёром, а я родилась в Москве, училась в МГУ и была по образованию химиком. Выяснилось, что оба мы пишем книги. Его «Письма с того света» я прочитала запоем, ему моя «То ли быль, то ли небыль» тоже очень понравилась.

Кстати, о профессии. Когда от Марка пришло первое письмо, где он представился «я фотограф», мой муж проворчал «…фотограф, портной — отгадай, кто ты такой». Муж, как обычно, оказался провидцем. В процессе нашей переписки выяснилось, что Марка за политическую неблагонадёжность выгнали из режиссёров Новосибирского телевидения с волчьим билетом. Профессия была для него закрыта, а надо было как-то выживать. Тогда он начал шить. Шил «фирменные» куртки, портки и свитера, и так преуспел в этом деле, что в Штатах, где он по логике вещей в конце концов оказался, Марк двадцать лет проработал портным в «Метрополитен Опера» и шил костюмы на Паваротти, Доминго, Хворостовского и других звезд мировой оперы. А параллельно с этим фотографировал и писал книги.

Но я забегаю вперёд и отвлеклась от истории. Мы с Марком оказались интересны друг другу, завязалась активная переписка, и неожиданно получилась эта книга. Сначала Марк сделал мне сюрприз: как подарок к нашему первому совместному

Новому Году, он расположил наши письма в хронологической последовательности, художественно оформил и отпечатал в типографии в виде альбома тиражом два экземпляра — один мне, другой ему. Я перечитала нашу переписку, и тут мне высветилась вторая пленившая меня черта моего соавтора: его поразительная искренность. Марк в любой ситуации остаётся самим собой, а о его литературном таланте пусть судит читатель. Мы показали нашу переписку друзьям. Они сказали, что эта переписка — портрет Времени, и посоветовали издать настоящую книгу.

А окончилась эта книга 29-го декабря 2014 года, когда Марк в первый раз улыбнулся нам с мужем сквозь стекло аэропорта Вэст Палм Бич, куда мы прилетели по его приглашению, чтобы познакомиться лично и встретить вместе Новый Год. Но после проведенной вместе недели, ведра выпитой водки и перехода на «ты», да при наличии современных волшебных средств коммуникации, продолжать общение по переписке оказалось невозможно. Какая переписка, если мы каждый день видели друг друга на Скайпе и беседовали часами?! Марк предупреждал, что этим кончится. Этим и кончилось. Но я ни о чём не жалею.

Краткая биографическая справка

Марк Копелев родился в типичной советской семье (мама военврач, папа инженер) в самый разгар военных действий Второй мировой войны. Думаю, что это наложило отпечаток на его дальнейшую жизнь.

Сначала всё было как у людей. Учился в школе, в меру влюблялся, в меру познавал жизнь. Потом начал искать себя. Пытливый и высокообразованный юноша, Копелев не окончил два высших учебных заведения. Сначала он не окончил Владивостокский политехнический институт, навсегда вписав своё имя в его славную историю. Он не ушёл из института (*нота бене*: по собственному желанию), пока не сдал на отлично — с *одиннадцатой* попытки — теоретическую механику. Его портрет до сегодняшнего дня украшает стены этой кафедры с надписью: «Их разыскивает Нобелевский комитет». Потом он не окончил по собственному желанию Владивостокский институт искусств, откуда ушёл в Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии. Этот последний институт Марк по собственному желанию окончил и получил диплом театрального режиссёра, проведя два года в тёмном театральном зале за спиной у режиссёра Товстоногова.

Родина направила молодого специалиста в Рязанский театр юного зрителя. Там впервые сквозь обаятельную маску проступило отталкивающее лицо апологета западной культуры и развратителя юных душ. На самой заре независимого творческого пути, совершив чудовищную профанацию, Копелев поставил в Рязанском ТЮЗе любимую всем советским народом сказку о Коньке-горбунке, превратив её, впервые на советской детской сцене, в *мюзикл*, щедро оснащённый вредными для слуха джазовыми мелодиями. Бдительное руководство Рязанского ТЮЗа вовремя пресекло эту вражескую вылазку, как пресекало ранее первые творческие попытки Олега Еф-

ремова, Анатолия Эфроса и никому ещё не известного Иннокентия Смоктуновского. Копелев был направлен на перевоспитание в город Читу за Урал. Учтя уроки прошлого, он успешно перековывался, снимая для Читинского телевидения документальную туфту о неуклонном росте благосостояния шахтёров, строительных рабочих, геологов и всяких других покорителей тайги. За этот самоотверженный труд он был неоднократно отмечен высокими наградами местного значения, что позволило ему перейти с повышением в литературную редакцию Новосибирского телевидения. Там он десять лет успешно скрывался под личиной добропорядочного члена Союза журналистов и Союза кинематографистов. Однако сжигавший его демон растления советской молодёжи в конце концов вырвался наружу через организацию дискотек, стремительно набиравших невероятную популярность; сверх этого Копелев начал читать лекции о западной музыке студентам *Новосибирской консерватории*!

Но есть мудрая пословица: сколько верёвочке ни виться, конец будет. За *идеологическую незрелость* Копелев был изгнан из всех творческих Союзов и с телевидения. Терять ему было нечего, и он развернулся на новом поприще. И если раньше он растлевал юные души, то теперь добрался до тел, облекая их — за приличное вознаграждение — в штаны и куртки собственного изготовления, внешне не уступавшие западным образцам. Он собственноручно и весьма успешно торговал своей продукцией на Новосибирской барахолке, и на волне невероятного материального успеха даже создал свой кооператив. Трудно сказать, чем бы всё это кончилось — возможно, в дальнейшем он основал бы швейную фабрику или сел бы в тюрьму на пять-семь лет, но тут в насквозь проржавевшем железном занавесе неожиданно открылась брешь. Бывшие коллеги совершили безуспешную попытку вернуть Копелева в лоно творческой семьи и даже сняли о нём фильм «Портной», получивший престижные призы. Поезд, однако, ушёл. Рыбка сорвалась с крючка и уплыла в Нью Йорк, где швейное искусство Копелева оказалось востребованным в одном из лучших театров мира, Метрополитен Опера. Двадцать лет Копелев строчил на машинке в пошивочном цехе Метрополитен Опера, параллельно строча пером по бумаге («строча пером по бумаге» — это эвфемизм: свои замечательные литературные

произведения Копелев печатал на компьютере). Фотокнига Копелева «Письма с того света» о Нью-Йоркской эмиграции девяностых годов — настоящая энциклопедия эмигрантской жизни русскоязычной Нью-Йоркской богемы. Она была издана престижным издательством «Зебра», а отрывки напечатаны в журнале «Континент»; рассказы Копелева издавали и издают уважаемые журналы; недавно опубликован сборник его рассказов с предисловием Владимира Войновича.

Портной из анекдота, если бы стал царём, жил бы богаче, чем царь, потому что он бы ещё немножечко шил. Копелев оказался богаче, чем портной, писатель или царь, потому что ещё немножечко фотографировал. Его портретная галерея поставила его в один ряд с ведущими фотографами современности. К примеру, портрет Бродского в четвёртом томе пятитомника Бродского издательства Пушкинского фонда — работа Копелева; Бродский собственноручно предложил этот свой портрет издательству.

На этом, пожалуй, я закончу краткую биографическую справку.

Предисловие Марка Копелева

Эпистолярный жанр уходит. Люди почти разучились писать карандашом и ручкой, как в свое время разучились писать гусиным пером. Это не беда, писать можно и на клавиатуре компьютера и на дисплее телефона, хотя, когда человек водит пером по бумаге, мысли текут иначе. Беда в другом. Люди перестали писать письма. То есть излагать на бумаге мысли. Разучились описывать свои чувства. Оставили попытки поделиться своей болью или радостью с далёкими близкими людьми. Это печально. Человек, который получает письма, богаче того, к кому письма не приходят. Голос по телефону или по скайпу не остается с тобой. Мысль, чувство, суждение, не изложенные на бумаге, исчезают, уходят в небытие.

«*Надо же что-то описывать*! — сказал Воланд Мастеру,— *Если вы исчерпали этого Пилата, начните описывать хотя бы этого Алоизия…*»

Мир каждого человека — это отдельная вселенная. Там зарождаются галактики, взрываются и гаснут звезды, возникают и умирают планеты. Только в мутном космосе Алоизия и галактики такие же мутные и планеты кривые, необитаемые. Однако, и эти галактики надо описывать: иначе как же узнать, что в этом тусклом мире происходит.

Конечно, есть отдельные маргиналы, которые пишут книжки. Но кто в наш сумасшедший век телевидения и интернета их читает? Старики свои книжки прочитали в молодости, среднему поколению читать некогда — оно сидит в Фейсбуке и щебечет в Твиттере, молодежь обменивается SMS-ками, и смотрит телевизионную жвачку, поставляемую ей этим малограмотным средним поколением. Разучившись писать, люди отучаются думать.

И что же делать, спросите Вы? А ничего. Рассуждать о всеобщем падении нравов — дело непродуктивное. «Каждый выбирает по себе». Пишите письма друзьям и получайте от них ответы. У человека, который получает письма, будущее не может быть абсолютно темным и пустым. Вы уйдете, а письма останутся. И возможно, кто-то из потомков захочет их прочитать. Хочется верить, что это непременно случится.

Фолдер первый

Хорошо, когда есть кому написать. Как это прекрасно — сесть за стол, взять ручку и писать, перенося на бумагу свои мысли.

Харуки Мураками.
«Норвежский лес».

В своем сочинении я написала, что письма — это разговор сердец, а мне поставили тройку.

(Из школьного сочинения)

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
19 февраля 2014, Englewood, NJ

Здравствуйте, Наташа!

Мое имя Марк Копелев, я фотограф, друг Тимура Шаова. В этом году Тимуру исполняется 50 лет. Юбилей, однако, у юноши. В связи с этой славной датой я готовлю фотоальбом. Мне бы хотелось, чтобы в этом альбоме были поздравления от людей, которых он любит, чьим вниманием он дорожит, и которые любят его. Это может быть небольшой стишок, шуточное короткое эссе или просто поздравление. В этом проекте уже участвуют Виктор Шендерович, Владимир Войнович, Игорь Иртеньев, Вениамин Смехов, Андрей Макаревич, Дмитрий Быков, Владимир Вишневский, Владимир Качан, Юлий Ким, Юлий Гусман, Александр Градский, Игорь Губерман и другие достойные люди. Некоторые уже прислали свои тексты. Был бы очень признателен, если бы и Вы написали пару строчек.

Пожалуйста, подтвердите получение письма, чтобы я был уверен, что послал письмо по правильному адресу.

С уважением Марк Копелев.

P. S. Естественно, это делается втайне от Тимы.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
19 февраля 2014, Salt Lake City, UT

Дорогой Марк. Письмо получила и задачу свою поняла! Надеюсь, моя нежная любовь к Тиме прорвётся в литературное произведение, над которым начну немедленно работать! Я знаю, что юбилей 14-го июля. А когда они приезжают?

С тёплым приветом, Наташа.

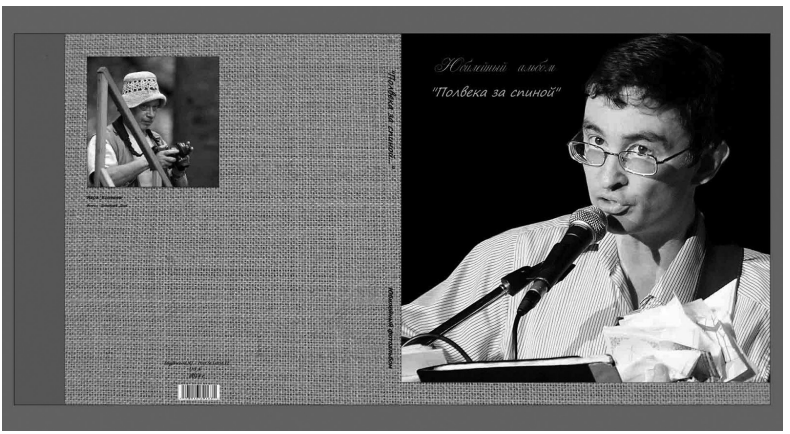
Mark Kopelev — Natasha Rapoport
19 февраля 2014, Englewood, NJ

Да, по-моему, до осени и не приедут. В июле я сам поеду на празднование юбилея. И по сердечному влечению, да и зван. А стал я работать так рано, потому что найти, обзвонить, списаться с таким звездным составом достаточно трудно. А ведь им тоже надо и подумать, и написать, а люди все занятые. Некоторые, как, например, Войнович или Слонимский, не очень дружат с интернетом. Другие, как Жванецкий и Барышников,

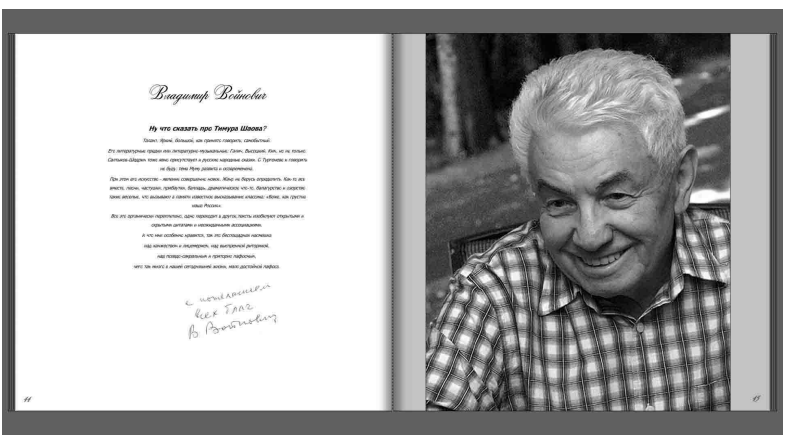
со всех сторон обложены администраторами и директорами, которые сами Тиму не знают, но надувают щеки и к телу хозяина не подпускают. Мол, «не барское это дело» самому Жванецкому поздравлять какого-то Шаова. А между тем я точно знаю, что Барышников любит Тимины песни. Но поди подберись! А прямого телефона у меня нет, хотя мы и знакомы. Может у Вас есть? Но в основном все откликаются, а многие уже прислали тексты.

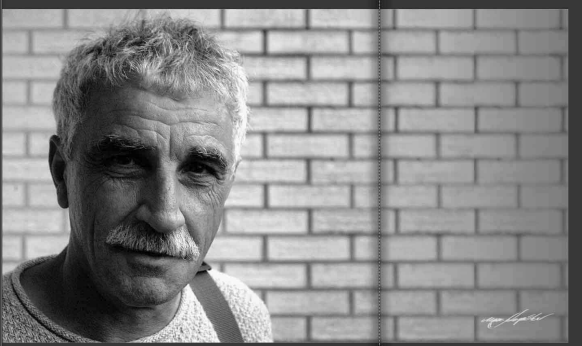
Чтобы Вам было легче работать над «литературным произведением» посылаю несколько уже готовых разворотов альбома.

С уважением Марк Копелев.

Предполагаемая обложка

Игорь Ертышев

В шло привет тебе, Тимура
На всё, поэт его скорей
Любви тебе, как чуду чуда,
Как карачаевца судей.

Дожу тебе в своих объятьях,
Желаю долгих добрых дней.
Любви, как сорок тысяч братьев
А может быть, еще сильней.

Язык звучный и могучий
С тобой нас потрогал навек.
Так будем же держаться кучей
Из двух неусохи человек.

Тост Андрея Макаревича,
произнесенный в честь **Тимура Шаова** на "Гипсоране-2011"

"Я поражался и завидовал своей способности делать то, что не делаю, и завидовал способности Шаова делать то, что не делает, и понял, в чем дело. Я ему завидую за то, что он сочиняет, когда хочет сказать. Потому что большинство из нас сочиняет" (поступал по-другому)

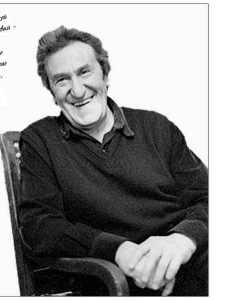
Игорь Губерман

Угрюм и крепок лук Тимура,
а тетива его - струна,
и только стрелы - не Амура,
а Светлова-Цыдыпа.

Дорогой Тимур. Во тех местах
мечей и дев таких немеряно -
но все считаю!
Дикие Вам лет и бешеных
количеств рифм. Обнимаю, ро
зочаровываясь в обилии пр.

И. Губерман.

Наташа Рапопорт — Марку Копелеву
19 февраля 2014 г., Salt Lake City, UT

Марк, какой класс!!! Губерман, Иртеньев, Войнович — звёзды! Моё литературное произведение тоже почти готово — сложилось на одном дыхании, от великой любви. Муж велел отшлифовать, придётся подчиниться.

К сожалению, домашнего телефона Барышникова у меня никогда не было, была его карточка, но я её что-то пока не нашла — лежит где-то в кругу других великих, а где лежат великие — в моём бардаке сразу не сыщешь. Если найду, немедленно пришлю. И текст тоже, когда отлакирую.

Ваша Наташа.

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
21 февраля 2014 г Port St. Lucie, FL

Смотрите-ка, как у Вас всё серьезно — с домашней цензурой. Ну, давайте, полируйте, только не долго. Кстати, о разворотах. Фотографии «великих», которых я сам не снимал, мне пришлось выкачивать из интернета. Но Ваша фотография в интернете всего одна и очень плохого качества. Так что мне понадобится несколько Ваших фото, чтобы я мог выбрать.

С уважением Марк Копелев.

А пока, если будет время и желание, посмотрите мою галлерею «великих»:

https://picasaweb.google.com/106911070425355770296

Наум Коржавин

«Лицо в толпе». Михаил Барышников

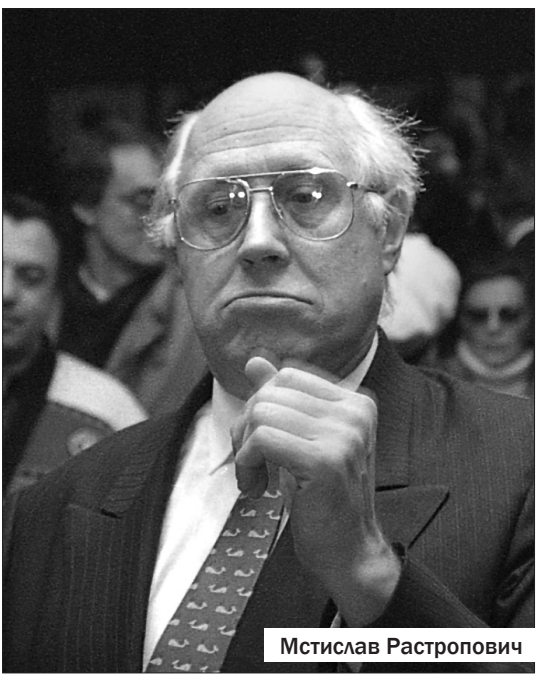
Василий Аксенов

Мария Розанова и Андрей Синявский

Иосиф Бродский

Мстислав Растропович

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
21 февраля 2014 г., Salt Lake City, UT

Марк, дорогой, какая портретная галерея!!! И не кривите душой — Вы да Рост, таких больше нет! Среди других портрет Эммочки Коржавина сразил меня наповал. Я пишу сейчас новую книжку под условным названием «Скажи мне, кто твой друг…». Там будет тетрадка посвящений с небольшими комментариями, одно из посвящений — Коржавину к 80-летию:

Столетье уж скоро, но снова
В почтенье склоняя главы,
О судьбах мы слушать готовы
Российской горящей избы.
На эту извечную тему,
Одет в нероссийский наряд,
Толкует божественный Эмма,
А избы горят и горят…

А какая Марья Васильевна!!! Боже, как уловил!!!

Посвящение Тиме прикреплено к этому письму. Там баллада и отдельно — надпись на фотографию, очень личная. Однажды я прилетела в Германию на конференцию, остановилась у друзей в Висбадене, и мой друг Кандрор мне говорит: слушай, завтра мы едем в Майнц на концерт Шаова, но тебя взять не можем, билетов давно нет. Я сказала: давай всё-таки рискнём. Он: «Бесполезно. Билеты все распроданы много месяцев назад. Тебе придётся шататься несколько часов в темноте вокруг театра». Я: «Я готова. Давай рискнём».

Это было вскоре после нашей с Тимой и Мишаней феерической поездки по Ютским каньонам. Комментариев о дальнейшем не требуется. Наблюдая наши лобзания, Кандрор сказал задумчиво: «Да-а-а… Стоило рискнуть!»

Когда я бываю на Тиминых концертах, он постоянно позорит меня публичным рассказом о том, как на Стриппе в Лас Вегасе мы пили из горла виски, передавая друг другу бутылку, спрятанную в бумажный пакет. Надпись на фотографию — об этом:

«…И счастлива, что мне судьба дала
С тобою пить из одного горла́»

Посылаю жуткое число разных фотографий на Ваше усмотрение. Некоторые — в исходном размере и параллельно — обрезанные (в хорошем смысле слова).

Сердечный привет! Сообщите Ваши впечатления!

Ваша Наташа.

P. S. Марк, я всё время забываю сказать вам самое главное: спасибо, что пригласили меня в такое созвездие! Сердечный привет! Наташа.

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
22 февраля, Port St. Lucie, FL

История с виски действительно легендарная. Он мне ее раз пять рассказывал. Я потому о Вас и вспомнил. Не может же человек, пивший с Тимой «из одного горла́» быть плохим человеком. А я ставил перед собой задачу собрать не просто звездный состав, а людей талантливых и ***порядочных***, которым не стыдно руку подать. А среди поклонников Тимура, как это ни странно, встречаются и не рукопожатные.

Спасибо за комплименты в адрес моих фотографий. Попутно, в связи с упомянутым Вами Юрием Ростом, расскажу Вам забавную историю. Два или три года назад я издал книжку с брутальным названием «Письма с того света». Это альбом моих фотографий и очерков об эмиграции, то есть о тех людях, которых я снимал. Книжка готовилась долго, мучительно, не было денег, потому что фотографии печатать дорого, я сменил три или четыре издательства, разругался вдрызг с Захаровым, который собственно и заказал эту книгу. И все из-за того, что издатели не понимали одну совершенно очевидную для фотографа вещь: фотографии должны быть ХОРОШО НАПЕЧАТАНЫ. А мне предлагались какие-то убогие типографии. Я капризничал и отказывался. Наконец нашлись несколько спонсоров, которые оплатили макет и печать. Деньги очень немалые. Но зато печатали в типографии РИА-НОВОСТИ. Пожалуй, после Госзнака, это лучшая типография России. Так вот директорствует там Татьяна Васильевна Иванова. Женщина метр пятьдесят ростом, это если в шляпке и на каблуках, перед которой трепещет не только весь коллектив типографии, но и издатели, и авторы, и вообще поло-

вина пишущей и печатающейся Москвы. Но я-то живу в Америке и совершенно не знал о её грозности. И поэтому шутил, рассказывал анекдоты, и вообще держался весьма непринужденно. Видимо, этим ей понравился, и она дала зеленую улицу моей книжке. И надо же такому случиться, что как раз в то же время, параллельно с моей издавалась совершенно аналогичная книга Роста. Ну, Рост уже классик, я ему не чета, перед ним все двери открыты, и даже Татьяна Васильевна при всей ее грозности вынуждена была с ним считаться. И вот я пришел в типографию посмотреть пробный экземпляр и вижу на столе у Ивановой лежат две книги: моя и Роста. У него огромный шикарный фолиант, у меня, конечно, поскромнее. Я взял в руки его книгу и говорю Ивановой:

— Вот как надо издавать шедевры!

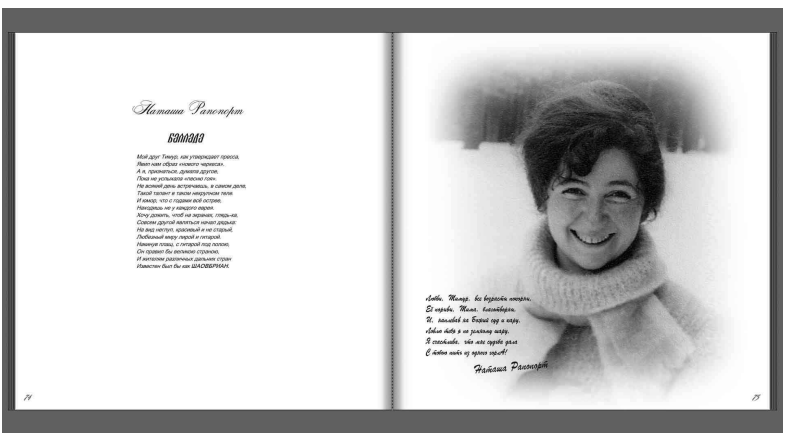
Татьяна Васильевна скептически повела бровью и сказала:

— Ну да, ну да. А твоя-то книга получше …

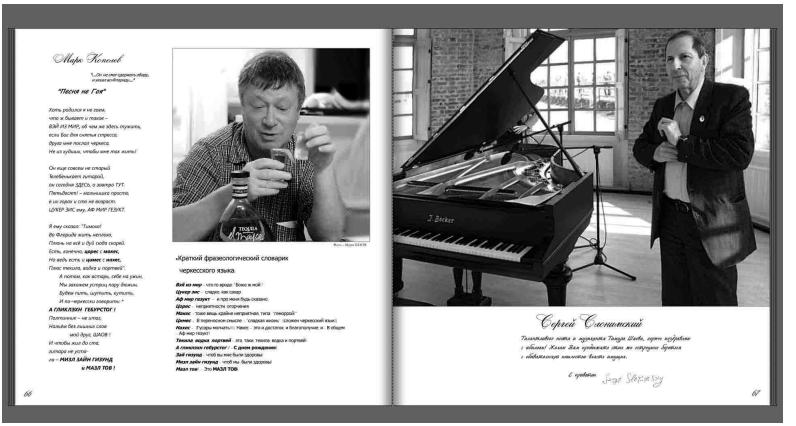
Так что вот! Самого Роста обскакал! Это я хвастаюсь. На самом-то деле я скромный.

Впечатления от Вашего «литературного произведения» самые благоприятные. Обе части замечательные.

Посылаю Ваш приблизительный разворот. Оставлю его так до тех пор, пока не сверстаю весь альбом.

И еще одна рифма. Вы упомянули «Песню гоя», а я в альбом написал стишок на мотив этой песни. Посылаю и этот разворот, и прикладываю текст.

«Песня не Гоя»

«Он не смог сдержать обиду
И уехал во Флориду…»
(Тимур Шаов)

***Х**оть родился я не гоем,*
что ж бывает и такое —
ВЭЙ ’З МИР, об чем же здесь тужить,
если Бог для снятья стресса,
друга мне послал черкеса,
Не из худших, чтобы мне так жить!

Он еще совсем не старый
Телебенькает гитарой,
он сегодня ЗДЕСЬ, а завтра ТУТ.
Пятьдесят! — мальчишка просто,
в их горах и сто — не возраст.
ЦУКЕР ЗИС ему, АФ МИР ГЕЗУКТ.

Я ему сказал: «Тимоха!
Во Флориде жить неплохо,
Плюнь на всё и дуй сюда скорей.
*Есть, конечно, **цорес с макес,***
*Но ведь есть и **цимес** с **нахес,***
Плюс текила, водка и портвей».

А потом, как встарь, себе на ужин,
Мы закажем устриц пару дюжин,
Будем пить, шутить, кутить,
И по-черкесски говорить:
А ГЛИКЛЭХН ГЕБУРТСТОГ!
Полтинник — не итог,
Нальём без лишних слов
мой друг, ШАОВ!
И чтобы жил до ста,
гитара не уста-
ла —
МИЗЛ ЗАЙН ГИЗУНД и МАЗЛ ТОВ!

Краткий фразеологический словарик черкесского языка:

Вэй 'з мир — что-то вроде: «Боже ж, мой!»
Цукер зис — сладко, как сахар.
Аф мир гезукт — и про меня будь сказано.
Цорес — неприятности, огорчения.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
22 февраля, Salt Lake City, UT

Марк, история с Ростом правда замечательная! Пришлите свою бизнес-карточку, я положу её с остальными великими, которых, впрочем, ещё не нашла. Я о Вас много слышала от Тимура, а посмотрела альбом — так что ж удивляться! Кстати, где можно купить «Письма с того света?».

Песня «не гоя» — высокий класс! Словарь черкесского очень помог восприятию. Как хорошо, что я не пошла вслед за Вами по этому пути — было у меня такое искушение, и муж подзуживал, и я даже попыталась (на мотив Перспектив), но у меня не пошло.

Я тут сообразила, что на издание альбома Тимура ведь нужны будут деньги. Когда мы издавали небольшой эксклюзивный тираж Губермана к его 50-летию (гаррики к нему отбирали Дина Рубина и Саша Окунь), на фронтисписе поместили крохотные фотографии, размером с муху, «спонсоров», набашлявших на это издание. Нас там было человек двести. Я предлагаю осчастливить таким же образом участников Вашего проекта, тем более что наши-то фотографии будут

иметь вполне впечатляющие размеры, не говоря о качестве некоторых.

Мой разворот мне очень понравился. Ещё бы: фотография-то 68-го года! Этой фотографии через 8 дней исполняется ровно сорок шесть лет.

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
22 февраля Port St. Lucie, FL

Здравствуйте, Наташа! Я, конечно догадывался, что эта фотография не вчерашняя. Но на этой очень хорошая улыбка, да и по техническому качеству она оказалась более-менее приемлема. И я подумал: «Да какая, в принципе, разница! Мы выглядим не так, как мы выглядим, а так, как нас воспринимают». Я со своим обвисшим брюхом и с мордой восемь на семь приехал этим летом первый раз в Израиль и встретился с друзьями, с которыми не виделся почти тридцать лет. После первого шока выпили, а они мне говорят — «ты почти не изменился!» Это я-то, который раньше весил 50 кг, с двумя бутылками водки в карманах, а теперь 90. Так что это все условно. Главное в фотографии суть. В Вашем случае — может ли этот человек пить из одного горла с Тимой или нет. Да и то, что он о Вас говорит, вполне соответствует фотографии.

Книгу мою покупать не надо, я Вам ее и так подарю. А вот с деньгами на издание альбома ситуация выглядит следующим образом. При сегодняшних технологиях книгу можно издать хоть в одном экземпляре. Только стоит это «сумасшедшие» деньги. Предыдущий альбом Тимура стоил $198 за один экземпляр (это без учета стоимости пробного, без которого при печати фотографий не обойтись.) Но я же практически печатаю всего два экземпляра — один Тиме, как подарок к юбилею, другой себе. Тяжеловато для простого американского пенсионера, но подъемно. После того, как альбом будет готов, я разошлю письма участникам, и если кто-то за эту цену захочет (и у него будет такая возможность, что немаловажно) — you are welcome! Шлите деньги — закажу лишние экземпляры. Цена зависит от количества страниц, качества бумаги и еще нескольких факторов, и программа, в которой я верстаю альбом, сразу выдаёт конечную стоимость продукта. Так что, если Вы захотите иметь этот альбом, ближе к концу я смогу точ-

но сказать, сколько это будет стоить. Поскольку Вы живете в Америке, типография доставит альбом прямо на дом.

Текст вашего нового объяснения Тимуру в любви уже вставлен.

Что еще? Бизнес-карточку я передам вместе с книгой. Хотя зачем она Вам? Нынче все адреса и телефоны хранятся в компьютере. И нет нужды копаться и искать в «своих бардаках», которых у каждого выше крыши. Вбил фамилию в «контакты» — и всё.

Ну и, как говорит моя внучка, для «развлекухи», посылаю Вам развороты предыдущего альбома Тимура. Это первая книга, из задуманной мной серии.

С уважением и приязнью, Марк Копелев.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
23 февраля, Salt Lake City, UT

Добрый вечер, Марик (можно так фамильярно?)

Спасибо за тимуровский альбом! Совсем сгубил: вместо того, чтобы рассматривать ультразвуковые имиджи мышей, как мне положено по чину перед тремя грядущими конференциями (две в России, одна в Лас Вегасе), рассматривала фотографии Тимура… Страницы 10–11 назначила моими любимыми. Теперь посмотрю все остальные альбомы и вообще всё, до чего доберусь. Буду счастлива получить вашу книгу!

На новый альбом подписываюсь, сколько бы ни стоил.

Хочу рассказать вам маленькую историю на тему о том, как мы выглядим и как нас воспринимают: история подлинная, и я её очень люблю. У меня есть ближайшая подруга Наташа Томилина, замечательный врач-нефролог. Сто лет назад во Втором Мединституте она училась в одной группе с неким Витей Корманом. Был кратковременный роман, потом у каждого пошла своя жизнь. По причуде судьбы я — химик — оказалась на работе в том же институте и даже в одном отделе с Витей Корманом, врачом-онкологом. И вот наступает 25-летие окончания ими мединститута, празднуют где-то в большом ресторане. К ночи прилетает ко мне Наташка Томилина, возбуждённая и счастливая: «Ты себе не представляешь, как это было прекрасно! Как будто не прошло двадцати пяти лет! Как будто и дня не прошло! Сразу ожили все старые свя-

зи, старые любови. Мальчишки, конечно, постарели, полысели и обрюзгли, а девочки, представляешь, совсем не изменились!..» На следующий день иду по территории института, окликает меня Витька Корман: «Наташ! У нас вчера был вечер встречи: 25 лет! Было просто потрясающе, все эти 25 лет сразу куда-то канули, как их и не было! Сразу возродились все старые связи. Я целый вечер не отходил от Томилиной. И вот что интересно: мальчишки за эти годы совершенно не изменились! Но ба-аа-бы…»

Марк, понимая, что вы меня убьёте, опять бью челом. У меня, если вы этого ещё не заметили, суровая домашняя цензура. Вчера «цензура» подошёл: «Покажи-ка мне ещё раз, что ты написала Тимуру». Я показала. Он сказал: «Не пойдёт! Убирай, меняй, делай что хочешь, но эта пошлятина в альбоме, посвящённом Тимуру Шаову, пока я жив, не появится!» Деваться мне было некуда, я поменяла строчку — клянусь вам, это в последний раз!!! Цензор завизировал, и результат прикреплён к этому письму. Звучит теперь довольно высокопарно:

Любви, Тимур, все возрасты покорны,
Её порывы, право ж, благотворны,
И, наплевав на Божий суд и кару,
Тебя ловлю я по земному шару,
И счастлива, что мне судьба дала
С тобою пить из одного горла́!

Марик, я дико извиняюсь!!! Прошу, не обессудьте!
С уважением и восхищением, Наташа.

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
23 февраля, Port St. Lucie, FL

Дорогая, Наташа! Извините, что мои имиджи составили конкуренцию имиджам ваших мышей. Разглядывание моих фотографий занятие, возможно, более привлекательное, но мышиных наверняка более прибыльное. Передайте привет домашнему тирану-цензору. После каждого его вмешательства текст становится все более стройным. Меня, кстати, слово «угар» тоже слегка царапнуло, хотя и не раздражало. Во

всяком случае, свой труп в качестве альтернативы я бы предлагать не стал. Мне, к сожалению, такой цензуры не хватает.

Вы зря извиняетесь за правки. Пока книга не отправлена в печать, можете править хоть каждый день — это всего лишь пара кликов мышкой. Вы не единственная — многие авторы поздравлений так и делают.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
24 февраля, Salt Lake City, UT

Марик, если дадите почтовый адрес, я пришлю вам свою предыдущую книжку, называется «То ли быль, то ли небыль». Может, когда и полистаете на досуге.

Моя новая книжка «Личное дело» только что вышла, наконец, в Питере в издательстве «Пушкинский фонд». «Личное дело» — книга тяжёлой судьбы. В прошлом октябре в ЦДЛ была «презентация несуществующей книги», которую (презентацию, а не книгу) вёл Городницкий, и пел Тимур в сопровождении Мишани Маховича. Было здóрово! У меня ещё есть диск с записью вечера — хотите, пришлю?

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
24 февраля, Port St. Lucie, FL.

Конечно же шлите. И книжку, и диск. А что там такое произошло? Почему книжка «тяжелой судьбы» и почему «несуществующей книги»? В Питере вроде бы приличные издательства?

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
24 февраля, Salt Lake City, UT

О, это история долгая и тяжелая. Даже вспоминать не хочется. Но если спрашиваете, вот она.

С этим питерским издательством меня связывает история длиной в полтора десятилетия. Около двадцати лет назад они издали мою первую книгу «То ли быль, то ли небыль». И если забыть, что издательство не включило в книгу жизненно важные для неё фотографии, а на суперобложку почему-то повесило просыхающие на верёвке кальсоны, не имевшие от-

ношения ни к тексту, ни к жанру книги, всё тогда обошлось более-или-менее благополучно. Книгу заметили.

Лиц, не причастных книгописанию и книгоизданию, взаимоотношения автора с издателем часто ставят в тупик. Возможно Вы при издании своей книги с этим не столкнулись, поэтому для начала я расскажу, как сама эти взаимоотношения понимаю. В первом приближении, существует три типа авторов. Тип первый — так называемый «брэнд», издаваемый миллионными тиражами. За авторами «брэнда» издательства охотятся, перегрызая друг другу глотку. С ними заключают выгодные договора и платят хорошие гонорары. Это — литературные сливки. Следующий эшелон — писатели, известные и интересные своему кругу читателей, скажем, интеллигенции. Издатели знают, с кем имеют дело, печатают их разумными тиражами и платят авторам скромные, но всё-таки гонорары. Есть, наконец, третий тип авторов. Помните, у Юлия Даниэля: «Мне автором прослыть хотелось»,— твердит испуганный Радищев». Писателям «третьего эшелона» хочется «прослыть авторами», и они готовы за это платить. При этом совсем не обязательно, что они плохо пишут: просто так уж сложилась (вернее, не сложилась) их писательская судьба. Широкий читатель их не знает. Издавать такого автора за счёт издательства — риск, на который издатели, как правило, не идут, и чтобы книгу напечатали, автор «третьего эшелона» вынужден платить немалые деньги из своего кармана.

Издавая в 1998 году в этом питерском издательстве (не хочу называть по имени) свою первую книгу «То ли быль, то ли небыль», я была типичным автором «третьего эшелона». Меня представила туда моя подруга Лена Краснощёкова, известный литературовед, объяснив, что издательство весьма престижное и потому дорогое. Они издали, к примеру, четырёхтомник Бродского и прекрасную серию «Былой Петербург» с книгами Лотмана, Якова Гордина и других замечательных авторов. Опубликовать свою книгу рядом с такими гигантами было очень заманчиво. Договор с издательством был у меня, конечно, совершенно кабальный: издание трёх тысяч копий я полностью оплачивала, за что получала в виде гонорара пару сотен книг. Но я на большее и не претендовала.

Через несколько лет, с лёгкой руки Дины Рубиной, я переместилась в авторы «второго эшелона». К моей второй книге

Дина написала замечательное предисловие и представила её издательству «Феникс». Динино слово весомо и дорого, как золотой слиток. Её рекомендации оказалось достаточно, чтобы книгу издали тиражом в пять тысяч экземпляров за счёт издательства (и все пять тысяч разошлись!). Но в собственном сознании я продолжала оставаться автором «третьего эшелона» и легко попалась на крючок Генерального директора первого питерского издательства, согласившись издать у них свою третью книгу, причём на тех же кабальных условиях, что и первую, только вместо двух тысяч долларов заплатить надо было теперь пять с половиной…

Маленькое отступление. Один из скетчей Аркадия Бухова о книгах и книжниках, «Убийство на ходу», посвящён комментариям, которыми незадачливые издатели щедро удобряют публикуемые тексты. Скетч этот был написан в 1934 году, но за прошедшие восемьдесят лет в отношениях автор — издатель, видимо, мало что изменилось. Берётся, например, такой отрывок из Байрона:

Смотрите, призрак встал кровавый,
Защитник Трои умерщвлён…
В семье Приама были нравы
Святей и чище…

Примечания к отрывку делаются в таком стиле:

****Троя*** — множественное число от слова — трёх…

*****Приам*** — древний грек. По некоторым источникам — мужчина. См. Историю Римской религии на немецком языке. Берлин, 1874, с. 171.

******Семья*** — соединение родственников на почве экономических интересов или бытовых предрассудков.

*******Призрак*** — обычай в средние века ходить вне своего тела. Ныне не существует, кроме отдельных буржуазных стран.

********Нрав*** — деепричастие от слова нравиться, нравный, нервный (см. пословицу «Норов — как боров»).

*********Умерщвлён*** — убит тупым орудием на почве классовых разногласий.

**********Чище*** — восклицание от глагола чистить. (Сравни у Шиллера «И чистота твоя приятна»). Чисткой сапог в Голландии занимаются прибрежные жители.

То, что делало с моей книгой питерское издательство, с удивительным соответствием укладывается в приводимые Буховым образцы комментариев. Только в моём случае в качестве «комментариев» Издательством была использована так называемая «графическая сюита», ни по смыслу, ни стилистически никак не связанная с моим текстом. В сопроводительном письме Издатель (назовём его МАГ) писал, что иллюстрации, с его точки зрения, стилистически очень поддерживают текст, ибо сопровождают его изобразительным рассказом об эпохе. «Графическая сюита» была создана, чтобы «материализовать моё слово».

Книга моя называется «Личное дело». Я написала её к своему семидесятипятилетнему юбилею, как итог прожитых лет. Открыв присланные мне после многочисленных слёзных просьб несколько десятков страниц вёрстки, я потеряла дар речи. По моему тексту разгуливал Дед Мороз с ёлочкой в одной руке и менорой в другой, рядом с ним сидел маленький зайчик; хор старых пенсионеров распевал под скульптурным портретом Владимира Ильича Ленина; простой народ ломился в пивную и в колбасные электрички… Ни ко мне, ни к моему тексту весь этот ужас не имел ни малейшего отношения. А были ещё обещаны ангелы, ведьмы и «всякая национальная чертовщина»… Издатель категорически отказывался их убрать, утверждая, что «в оформлении книги авторы зачастую ни черта не смыслят», и что цензура в России отменена, а Издательство, как оказалось, — для меня неожиданно! — не обязано ни показывать автору, ни согласовывать с автором оформление книги.

Я заметалась, как раненный зверь. Байрон в силу обстоятельств не мог протестовать против того, что Троя — множественное число от слова «трёх», а я была, хоть и через океан, но всё-таки пока еще на этой земле, и издала отчаянный вопль:

Уважаемый МАГ!
«Я потрясена Вашим беспардонным и пренебрежительным обращением с автором, невозможным ни в одной другой стране, даже менее цивилизованной, чем Россия… Это — моя книга, я — автор, и я имею право хотеть, чтобы книга мне нравилась. То, что Вы с ней сделали, мне категорически не нравится».

В ответ Издатель дал мне суровую отповедь. Человек безусловно образованный и начитанный, он, как булгаковский Берлиоз, искусно цитировал классиков. Он писал, что моя инвектива напомнила ему рассказ Тургенева «Муму», где он — Герасим, а графическое оформление книги — это Муму.

Чтобы разрешить наш спор, Издатель предложил мне послать несколько рисунков на рецензию моим московским друзьям. Я отправила тем, кто читал рукопись. В ответ получила с полдюжины рецензий. Опуская письма с ненормативной лексикой, одну рецензию считаю возможным привести:

«Один из московских друзей — это я, известный тем, что держал в руках несколько книг, в том числе, с иллюстрациями. Так вот: нет, нет и ещё раз нет! Мне это категорически не нравится! Самое мягкое определение — чудовищное убожество… Ладно, техника, а что это за менора в руках у Деда Мороза? С какого это бодуна Св. Николай немецкого разлива, пересаженный на советскую почву, взял в руки иудаистский символ? Это что, типа, юмор? С таким же успехом можно нарисовать Дядю Сэма с серпом и молотом в руке. С ангелами то же самое, нет такого создания в иудаистике. Я уже не говорю об этих тётках, детишках и зайчиках, скакавших в советских детских книжках худшего разбора. Какое это всё имеет отношение к твоей книге, иллюстраторша хоть бы заглянула в неё!»…

Началась кровавая бойня. Я мечтала иметь книгу к юбилею и шла на уступки:

«Мне казалось (с Вашей точки зрения, ошибочно), что мой текст не требовал дополнительного графического портрета времени. В конце концов, под давлением обстоятельств, я на него согласилась… скрепя сердце, протянула Вам палец, разрешив включить кое-какие иллюстрации, и Вы немедленно вознамерились откусить всю руку…

Моё письмо вывело Издателя из себя. Он писал, что Издатель, загнанный в угол, становится опасен. Что откусывать мой

палец, а тем более руку — мысль крайне неаппетитная. Что когда князь Вяземский пригласил в Астафьево Пушкина, он сказал детям: «К нам приедет Пушкин. Он весь сахарный, а зад у него яблочный», и дети очень ждали. Но что я всё-таки не Пушкин…

Это было уж чересчур!

«Автор, загнанный в угол, тоже становится опасен. Я понимаю, что сейчас Вам очень хочется передо мной извиниться. На вашем месте я бы себе в этом не отказывала. Автор».

В отчаянии я обратилась к адвокату. Издатель, как честный человек, счёл необходимым меня предупредить, что в случае судебного разбирательства у него «всё схвачено»: дело будет слушаться по месту нахождения ответчика — в Петербурге. Суд передаст дело на экспертизу, экспертов пригласят либо из Союза художников, либо из Академии художеств, либо из Эрмитажа, либо из Русского музея. Там везде хорошо знают их издания, там у них немало постоянных читателей и они, конечно, беспристрастно оценят качество предложенного Издательством оформления.

Издатель хорохорился, но всё-таки явно хотел избежать суда. В какой-то момент мне даже показалось, что мы с адвокатом победили: Издатель сообщил, что под давлением моего адвоката он «испортил книгу», убрав из вёрстки внесённые иллюстрации, оставив только «сквозные летучие персонажи концовок и заставок».

Марк, не тревожьтесь и не огорчайтесь: «испортить книгу» мне не удалось. Главными *«сквозными летучими персонажами строго орнаментальных виньеток и заставок»* оказались, как и прежде, ангелы и «макбетовские ведьмы» (кстати, я никогда не слышала, что макбетовские ведьмы летали в ступе).

К моему юбилею книга, конечно, не вышла. Открывая мой юбилейный вечер в Центральном Доме Литераторов, Александр Городницкий сказал: «Сегодня мы празднуем юбилей, который уже прошёл, и презентацию книги, которой нет».

Странное это было действо: презентация книги-фантома. Справедливости ради следует отметить, что один экземпляр будущей книги Издатель всё-таки прислал мне из Питера за несколько часов до начала вечера. Я рассматривала его, как

мать рассматривает новорожденного с синдромом Дауна. Это был полуфабрикат, напечатанный без предложенных мною для оформления гравюр нашей дочери Виктории, зато с полным набором ангелов и ведьм. Обложка, кстати, оказалась вполне приемлемая, что отчасти примирило меня с российской действительностью.

Ещё, и тоже справедливости ради, должна сказать, что другой мой приятель, мнением которого я очень дорожу, сказал мне, получив в подарок книгу: «Не понимаю, что ты так копья ломала? Книга хорошо издана. Иллюстрации настолько безликие, что их вообще не замечаешь. Есть ли они, нет их, хорошая ли графика, плохая графика — не имеет никакого значения, потому что их вообще не видишь — глаз скользит мимо, они не мешают тексту, а это главное». В каком-то отношении он прав. Конечно, предложенные мной Викины гравюры тянули бы на себя, приковывали взгляд. Но ведь я так и хотела. Книга-то юбилейная, книга — итог прожитых семидесяти пяти лет. Я хотела, чтобы мои самые близкие люди были там представлены ярко и выпукло: Володя — своим юмором, Вика — своим искусством, я сама — тем, что и как я пишу. Этого не случилось. Ну, ладно, было и быльём поросло. Сломанные копья сгорели в костре, пролитая кровь свернулась, и её смыло время.

Перечитала последнюю фразу. Ну и завернула! Вообще-то в книгах я себе этого не позволяю. Я пишу очень просто: что вижу, то и пою. Как акын.

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
25 февраля, Port St. Lucie, FL

Здравствуйте, Наташа!

Читал историю издания Вашей книжки и грустно усмехался, потому что она абсолютно повторяет историю издания моей. Только у Вас МАГ, а у меня Захаров. Да, пожалуй, моя история растянулась на подольше — книга издавалась почти десять лет. Но у меня изначально был грамотнее составлен договор (сказался опыт сутяжничества из-за многократных увольнений в Совке). Я не предоставлял Захарову никаких эксклюзивных прав, закрепил за собой в договоре контроль на всех этапах и точно обозначил конец действия договора. По-

этому, когда он попытался меня шантажировать, я просто послал его в жопу. Он было подал на меня в суд, но я ткнул его носом в договор, где было указано, что срок договора истёк почти год назад. Правда, мне было легче, чем Вам, потому что я изначально отказался платить за свое издание — мол, вам надо, вы и рискуйте, а я жил без книжки, и еще поживу, но издавать её в том безобразном виде, в той дешевой типографии, которую предлагаете вы — не согласен. А ему очень хотелось иметь эту книгу. Он облизывался на неё, как кот на сметану. А в жизни, как известно, проигрывает тот, кто больше хочет. «Никогда Вы свою книгу не издадите!!!» — напророчил мне на прощание Захаров.

Если переслать Вам мою переписку с ним, она буквально повторит Вашу с МАГом.

Конечно я, как любой автор, хотел видеть свой труд изданным, но не любой ценой. А с годами амбиции мои стали как-то поумереннее, и я утешил себя мыслью, что свой кайф я уже получил, пока писал книгу. Что в общем-то правда.

Потом книжка ходила еще по нескольким издательствам, потом без фотографий (это фотокнига-то!) была издана «Континентом». Правда, уже не максимовским, а виноградовским. Оно, конечно, лестно опубликоваться в журнале, где публиковались лучшие русские литераторы двадцатого века, но издавать фотокнигу без фотографий, согласитесь, решение странноватое. Плюс опять же попала она туда не совсем легальным образом (один из моих читателей-почитателей заслал), а они, даже не поставив меня в известность, не спросив разрешения, опубликовали. Предварительно покромсав текст, как водится. Я узнал об этом почти случайно. И хотя характер у меня достаточно склочный, ни спорить, ни судиться с ними я не стал. «Континент» все-таки — лестно! Там и Бунин, и Набоков, и Аксенов с Солженицыным, и вот я. Ну, правда же, приятно!!! К тому же, это вроде как признание текста самоценным, если такой журнал как «Континент» публикует только текст, при котором фотографии должны быть по определению.

Это я себя так успокаивал. У Сэмюэля Беккета есть замечательная мысль, которая мне очень близка: «Все, что с тобой происходит, не твое дело». Вот я и решил — «не мое дело». Плюнул и забыл. И как только плюнул, сразу нашлись прилич-

ные люди, которые оплатили и художника, и верстку, и всю предпечатную подготовку, потом другие, кто совершенно бескорыстно заплатил почти миллион рублей за печать, и книга, вопреки предсказаниям Захарова, вышла. Причем именно в том виде, в котором я хотел её видеть. И, конечно же, первый экземпляр книги я с большим удовольствием послал ему. Пусть наслаждается, засранец!

Книгу я днями Вам вышлю. И с удовольствием почитаю Вашу.

Ваш Марк.

P. S. Кстати, не могли бы Вы выслать гравюры Вашей дочери, которые планировали включить в книгу. Очень хотелось бы посмотреть.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
3 марта, Salt Lake City, UT

Добрый вечер, Марк. У меня тут на почве бессонных ночей в обнимку с налоговыми декларациями случилась Болдинская осень. С Вашего любезного разрешения переписала вторую половину посвящённой Тимуру баллады и пришла в восторг от своей находки — Вы поймёте от какой. Новый текст прикреплён. Гравюры Вики тоже прикладываю.

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
3 марта, Port St. Lucie, FL

Здравствуйте, Наташа! Книгу Вашу получил. Читаю. Гравюры Вашей дочери великолепны! Такой жесткой и яростной графики я давно не встречал. Она у Вас гениальный художник, и, видимо, как все гениальные люди, очень одинока и не добра. Ее работы на грани нервного срыва. Пробирает до глубины души.

Вариант Вашего нового текста уже вставил. Конечно,— «***Накинув плащ, с гитарой под полою…***» — здесь очень к месту! И **Шаовбриан** тоже. Но в целом, мне кажется, получилось слегка «размазано». Но это, как говорит продвинутая молодежь, ИМХО. А что Ваш домашний тиран-цензор? Одобрил эту соллогубовскую вставку?

Всего доброго.

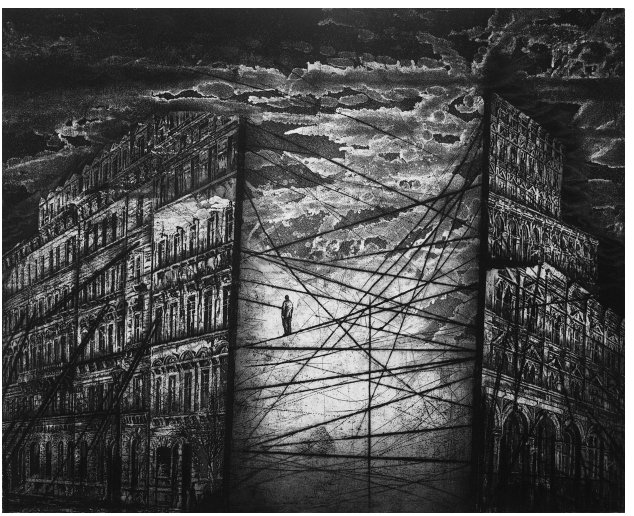
Рисунки и гравюры Виктории Горо-Рапопорт, предложенные автором

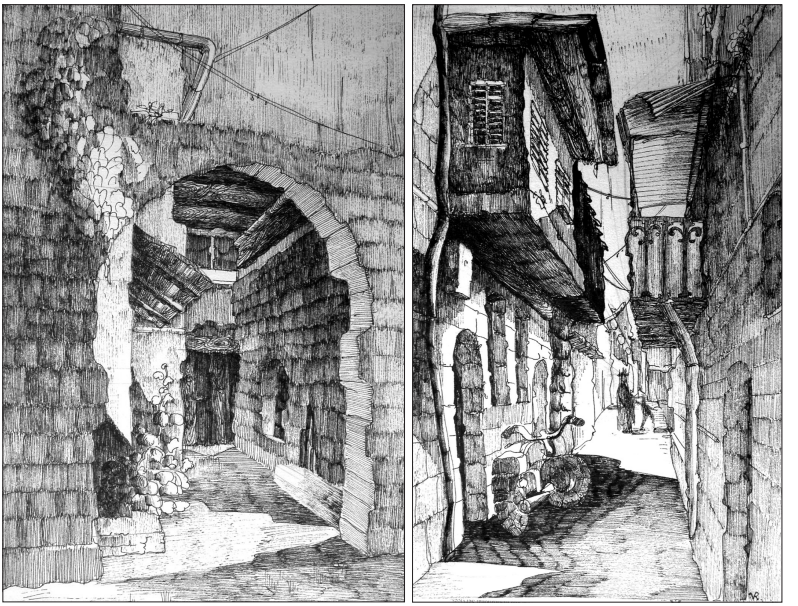
Письмо из дома
К 70-летию отца. Офорт

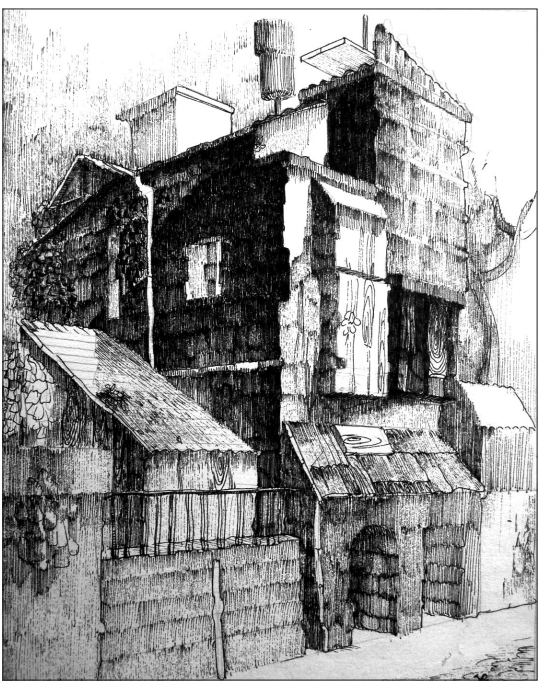

«Медаль» к 80-летию отца
На медали надпись:
За заслуги перед отечествами.
У двуглавого орла одна голова
с герба российского, другая—
с американского.

Лунатик. Офорт

Улицы в Иерусалиме. Карандаш

Дерево.
Иудейская пустыня
Тушь-перо

Летучий храм

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
3 марта, Salt Lake City, UT

Цензору не показывала, но сама испытывала те же чувства относительно размазанности, что и вы… Можно вообще закончить на Шаовбриане. Как вы думаете?

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
3 марта, Port St. Lucie, FL

Лучше закончить на «Шаовбриане», мне кажется. Там дальше слово «Тимурстан» в сегодняшних реалиях не очень хорошо звучит.. Самоиронии у Тимы вполне достаточно, но уж слишком много получится, если еще и в Вашем посвящении. «Вкус — это мера и грация», как сказал один очень неглупый человек. И строчка «на вид поэт, красивый и не старый» звучит сладковато. Но дело даже не в этом. Почему «на вид»? Он и есть поэт, хоть и открещивается от этого всячески. А что Вы мучитесь, Наташа? В первом варианте в этом месте все было благополучно.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
3 марта, Salt Lake City, UT

Всё. Я больше не буду. Давайте сделаем так: «На вид неглуп, красивый и не старый», и на этом поставим точку. Мне кажется, это оптимально. Как вы думаете?

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
4 марта, Port St. Lucie, FL

Спасибо, Наташа! «На вид неглуп» это здорово! В этом-то как раз есть ирония. Так и оставляем.

А у нас с Тимой горе. Сегодня ночью умер наш общий друг Марик Фрейдкин. Больно и горько.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
5 марта Salt Lake City, UT

Очень сочувствую вам с Тимуром по поводу смерти Фрейдкина. Я не была с ним знакома, но слышала о нём от Тимы.

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
6 марта, Port St. Lucie, FL

Сегодня попрощались с Мариком. Мы по этому поводу с Тимой и с Кумом выпили по скайпу. Чокнулись. Марик в своем прощальном обращении к друзьям просил чокаться за поминальным столом…Его песня про Костю — это про Серегу Костюхина:

http://www.youtube.com/watch?v=AD_bQQ6mRB8

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
6 марта Salt Lake City, UT

Марк, большое спасибо за песни Фрейдкина: мы с цензором послушали их и тоже пошли чокнуться рюмкой водки.

Я взяла след и нашла многое в Интернете, но не нашла, где бы купить mp3. Кроме того, увидела в Фэйсбуке, что примерно полтора года назад собирали деньги на издание трёхтомника. Тогда собрали $800 из нужных десяти тысяч. Судя по всему, ещё не поздно присоединиться. Можно я пришлю Вам чек, а Вы переправите куда надо? Извините, что пытаюсь эксплуатировать вас так бессовестно. Но сами нарвались, предложив поучаствовать в Тимуровском альбоме. Расхлёбывайте.

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
7 марта, Port St. Lucie, FL

Наташа! Дисков MP-3 у Марика нет. Есть только CD. У меня, кажется, осталось несколько дисков, но они в нью-джерсийском доме. Деньги они тогда собрали и трехтомник издали. Если Вы хотите, я узнаю у Мариши (жена Марка), остались ли экземпляры. Когда я был у него в сентябре, в углу еще стояло штук тридцать. Что не мешает Вам присоединиться к следующему проекту. Сегодня на похоронах каждый вспоминал всякие забавные случаи, связанные с Мариком, и возникла идея издать книгу воспоминаний о нем. Вот на этот проект деньги понадобятся.

А Вы что, действительно никогда не слышали его песни? Я могу прислать еще, если хотите. А что помянули — спасибо. Светлый человек был.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
7 марта Salt Lake City, UT

Песен действительно не слышала. Теперь нашла кое-что в ю-тьюбе, включая концерт в Нью-Йорке в 2005 году и записи, где Марку аккомпанируют совсем молодые Мишка Махович и Серёга Костюхин. Вот и познакомилась я с Марком Фрейдкиным… как говорится, нашла время и место. Ещё раз спасибо! Когда вернётесь в Нью-Джерси, пошлите мне диск, ладно?

В новом проекте с радостью приму самое деятельное участие, только свистните!

И если остались экземпляры книг, хотела бы, конечно, иметь.

Что это было — рак?

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
7 марта, Port St. Lucie, FL

Там было все. Но в основном, конечно, рак. Рак почки. Это при том, что тринадцать лет назад ему одну почку с этим же диагнозом удалили. А год-полтора назад — опять рецидив с метастазами в легкие. Ну и плюс целый букет всего — от гипертонии до инсулино-зависимого диабета, и куча всякой другой хрени.

Больно! Ах, как больно, когда думаю какой Человек ушел.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
8 марта Salt Lake City, UT

Марик, всей душой вам сочувствую. Человек был незаурядный.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
9 марта Salt Lake City, UT

Марк!!! Вау!!! Пришёл лучший за многие годы подарок! Ваша *потрясающая* книга! Спасибо!!!

Я ее пока только полистала, так как в цейтноте, и муж отнимает, велит готовить доклады. Мои две, посланные вам — да хоть бы их было и четыре — близко не лежат! Нагрела я вас с этим бартером. Что мне теперь делать?

Марк Фрейдкин

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
9 марта, Port St. Lucie, FL

Ой-ой-ой, Наташа. Умерьте пыл. Унижение паче гордости. Ей-богу, дураком себя чувствуешь.

Я читаю Вашу книгу с большим удовольствием. Правда, вот прервался на два дня на пьянку по поводу смерти Марика. Больно-то как… Как будто кусок из сердца с мясом выдрали.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
10 марта Salt Lake City, UT

Марк, сгубил. Пока шла дикая и нелепая предотъездная суета, мой муж бдительно следил и убирал вашу книгу подальше от моих алчущих взглядов. Вчера в час ночи я сунула в чемодан последнюю тряпку, он уснул, а я воспользовалась моментом и взяла книгу в руки. И пропала.

Не буду писать общие слова — дескать, невозможно оторваться и т.п. Я хочу сказать другое: Вы написали МОЮ книгу. Такое прямое попадание. И дело не в том, что есть пересечения и будет их, я знаю, ещё больше, когда дочитаю до конца. Дело даже не в том, ЧТО написано, а КАК. Мастерски! Остальные эпитеты опускаю за ненадобностью. Взять книгу с собой

в Москву было бы безумием, но появился серьёзный повод и полный смысл дожить до возвращения. Спасибо!

Наташа.

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
10 марта, Port St. Lucie, FL

Спасибо, Наташа! Я бы мог написать то же самое и о Вашей книге, если бы это не было уж слишком похоже на известную басню Ивана Андреевича. Читаю медленно и с удовольствием. Более полное суждение изложу, когда закончу. А Вы мою книгу рекомендуйте своим друзьям. Возможно, она будет кому-то интересна. А может (вдруг такое случится!) кто-то захочет купить — у меня в Москве еще достаточное количество экземпляров.

Я тоже собрался в Россию. 14 апреля будет концерт памяти Фрейдкина в «Гнезде глухаря». Хочу поснимать. В этот день ему бы исполнился 61 год. И по роковому стечению обстоятельств, это будет 40 дней со дня смерти. Хотя у евреев окончательно прощаются на 30-й, а не на 40-й день, но думаю, Марик простит. Он вообще был добрый человек. Перед смертью он оставил завещание — письмо к друзьям:

Марк Фрейдкин
Завещание

Наверно, все-таки надо это написать, а то, неровен час, можно не успеть.

Как говорится, находясь в трезвом уме и здравой памяти, объявляю свою последнюю волю.

Ну, с материальной стороной дела все просто: никаких сбережений и сколько-нибудь ценного имущества у меня нет. А с тем барахлом, что есть, моя жена и дети разберутся.

Теперь, что касаемо погребения и прочего. Я проводил в мир иной столько народу, что уже давно сбился со счета. И я ненавижу эту процедуру. Поэтому прошу все сделать как можно быстрей и наименее обременительным для окружающих способом. Разумеется,

кремация. Разумеется, никаких церковных обрядов — отпеваний, свечей и проч. Прощание в крематории короткое и скромное: гроб подешевле, не надо венков, огромного количества цветов — зачем зря деньги переводить? По возможности обойтись без надгробных речей и прощаний — ну, разве что, очень коротенько, и если кому-то будет совсем невтерпеж… Хорошо бы, конечно, заткнуть сотруднищу крематория, но боюсь, это едва ли удастся.

Буду рад, если после этого друзья соберутся слегка выпить-закусить. Только не нужно всей этой ритуальной мишуры: фотографии с траурной лентой, завешенных зеркал, рюмки водки с куском черного хлеба, кутьи и т.д. Хотелось бы также избежать разговоров о том, что мой дух еще витает здесь и о предстоящих встречах в загробном мире. Чокаться можно. Во избежание недоразумений можно зачитать этот текст. Урну в нашей семейной могиле на Востряковском кладбище лучше зарыть приватным порядком. Памятника ставить не нужно — вполне достаточно обычной таблички.

Вот, кажется, и все.

Вот в этом весь Марик с его грустным юмором.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
15 марта, Москва

Марк, привет из российской столицы. Только что водитель Сергей привез мне две ваших книги и получил взамен 140 долларов в пакетике с надписью, что это для вас.Погода здесь жуткая во всех отношениях, но с друзьями тепло, хоть и не слишком радостно. Кругом болезни и смерти. Такой подошел рубеж. Сердечный привет! Ваша Наташа.

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
17 марта, Port St. Lucie, FL

Здравствуйте, Наташа! Ну, как Вы там на бывшей географической родине? Сегодня разговаривал с Мишаней Маховичем.

Он поведал мне, как возил вас куда-то. Мишка «Кум» отчитался о переданных Вам книгах и о полученных деньгах. Так что Вы у меня под колпаком. Ваши передвижения, посещения и траты — всё под контролем. Вот правда с Тимкой о Вас не разговаривал, чтобы он не догадался об альбоме. Типа, с какого глузда я вдруг Вас нашел и общаюсь. А Вы с ним встречались? Обо мне случайно не проговорились? Он ведь мальчик умный, сразу догадается.

Вчера отправил на пробную печать альбом. Благодаря очень кстати возникшим деньгам от Вас за мои альбомы, смог оплатить пробную печать. Так что все движется.

Читаю Вашу книгу. Сказать что нравится — это ничего не сказать. Да и само слово «нравится» абсолютно неприменимо к сути того, о чем Вы пишете. Тут нужны какие-то другие слова. Потому что те искалеченные судьбы, та жуть, которую вы описываете, и та простота и обыденность, с которой Вы это делаете, создают какое-то поразительное горькое ощущение времени. Особенно сейчас. Спасибо Вам.

Всегда Ваш Марк.

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
20 марта, Port St. Lucie, FL

Здравствуйте, Наташа! Читаю Вашу книжку и удивляюсь количеству пересечений. Ну, например, Вы пишете о приезде в Союз Генриха Бёлля. А ведь я, будучи в те поры студентом Ленинградского института Театра, Музыки и Кинематографии, в тот приезд в Питер с ним встречался. Меня отправили пригласить его на творческую встречу со студентами театрального института. Он, конечно, отказался, сославшись на недостаток времени, но зато я тогда познакомился с ним, с его сыновьями — двумя белобрысыми охламонами, и со своим знаменитым родственником Львом Копелевым, по приглашению которого Бёлль, собственно, и посетил Советский Союз. Опережая Ваш вопрос, в каком родстве с Львом Зиновьевичем мы находимся, сразу скажу — не знаю. Мы тогда с ним виделись первый и последний раз. Я, конечно, тоже спросил его об этом, он поинтересовался, кто мои родители, сказал, что да, мы родственники, но в каком именно родстве состоим — не пояснил.

А вчера прочитал, что Вы дружны с Никитиными. Тут вообще забавная история. Я с Сергеем Никитиным познакомился по переписке две недели назад. То есть я, конечно, знал его и раньше, но наше знакомство носило, так сказать, односторонний характер — я его знал, а он меня нет. Не помню, говорил ли я Вам, что стараюсь держаться от знаменитостей подальше. То ли от невероятной скромности, безусловно мне присущей, то ли от гордости и нежелания навязываться, то ли от стремления избежать разочарования, что почти всегда происходит, когда приближаешься очень близко к известному человеку. Но тут, в связи с подготовкой альбома к юбилею Тимура, мне пришлось связаться с достаточно большим количеством известных и знаменитых. Для себя я бы, конечно, и пальцем не пошевелил, но за друга можно и пострадать. Зная, с каким уважением Тима относится к Сергею, я попытался связаться и с Никитиным. Написал ему на фэйсбук — он не ответил, достал его e-mail, написал — ни ответа, ни привета. Тогда я стал искать к нему ходы через своих знакомых в Москве. Ну, вы знаете «правило шести рукопожатий». Это тоже долго не получалось, то он был в Америке, то были заняты мои друзья, то еще что-то. Наконец, один, как впоследствии выяснилось, не очень ответственный человек, сказал мне, что был на концерте Никитиных (или одного Сергея, я не понял) и обо всем договорился. Дескать, обещал, напишет. Поскольку сроки поджимали, я выждал положенных несколько дней и написал Сергею. Мол, мне надо отдавать в печать альбом, что же вы? В ответ получаю недоуменное письмо от Никитина, что это какое-то недоразумение, никому он ничего не обещал, а что касается Тимура, то Тима очень ему симпатичен, как человек, но про его творчество он, Сергей Никитин, ничего практически не знает, что это «***не его***», и потому он — не считает — себя — вправе — что-либо писать — и бла-бла-бла, и бла-бла-бла. Как будто я прошу его написать не поздравление, а рецензию на Тимино творчество. Ну, «не его, так не его». Бывает. Как говорила моя мама: «У каждого свой вкус, своя манера — кто любит арбуз, а кто офицера». Тима не стодолларовая купюра, чтобы всем нравиться. Надо, правда, отдать Сергею должное. Он спросил, знаю ли я, когда у Тимы ближайший концерт, чтобы он мог послушать. Я послал извинения за недоразумение, и написал, что когда у Тимура бли-

жайший концерт, я не знаю, знаю только, что он регулярно раз-два в месяц выступает в «Гнезде глухаря», и еще знаю, что 14 апреля в том же «Гнезде глухаря» состоится концерт памяти недавно ушедшего нашего с Тимой друга Марка Фрейдкина. И приписал: «Думаю, с творчеством Фрейдкина Вы знакомы еще меньше, чем с творчеством Тимура».

В ответ получаю письмо, что вот с творчеством Фрейдкина он как раз знаком очень хорошо, и очень ценит его песни и переводы Брассанса. Попутно он поинтересовался, не встречались ли мы раньше. Видимо, где-то в мозжечке фамилия Копелев, благодаря моему знаменитому родственнику, маячила. Я честно признался в одностороннем знакомстве и написал, что меня он, конечно, не знает, но фотографии мои может быть и встречал. Так уж получается, что фамилии фотографов практически никто не запоминает, а вот изображения, если они легли на душу, помнят. Ну, и послал ему ту же ссылку на свою портретную галерею, что и Вам. В ответ получил, пожалуй, самый комплиментарный отзыв, который когда-либо получал (исключая только Вас, потому что сравнение с Ростом очень льстит). Этот отзыв стоит, пожалуй, того, чтобы привести его полностью:

«Марк, спасибо огромное! Потрясающие фотографии. Я испытал культурный шок, причем произвел впечатление не столько набор персоналий, сколько выразительность портретов. Возникает ощущение определенного сообщества людей думающих, глубоко чувствующих, объединенных некой общностью, не поддающейся словесному описанию, но тем не менее понятной людям «той же группы крови». Хочется быть среди этих людей…

Всего Вам самого доброго.

С. Никитин»

Нет, ну правда же, приятно читать о себе такие слова! Тем более от Никитина.

Так что нашему заочному знакомству с Сергеем Яковлевичем сегодня ровно 10 дней.

Но излагаю я Вам эту историю не для того, чтобы похвастаться (я же скромный, как не раз было говорено ранее).

Я хочу использовать Вас в шкурных целях. Поскольку Вы с Никитиным друзья, не могли бы Вы, ***ни словом не упоминая меня,*** подвигнуть его на написание поздравления Тимуру. В конце концов, не отвалится от него кусок, и принципами он не поступится, если напишет: «Дорогой, Тимур, поздравляю, желаю и фа-фа-фа и ля-ля-ля». Мне думается, Тимка этого достоин.

С уважением, всегда Ваш.

P.S. А может, среди Ваших великих и знаменитых знакомых есть ещё кто-то, кто хотел бы поздравить Тимура, и чье поздравление, по Вашему мнению, было бы ему приятно?

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
20 марта, Москва

Марк, дорогой!

Во-первых, простите за долгое молчание: уезжала на три дня на конференцию под Москву, а зарядку для телефона забыла там, где мы сейчас живем, и даже не саму зарядку — это святое — а переходник на российскую вилку. И, конечно, эта сволочь телефонная батарейка немедленно разрядилась, чуть не доехав до Удельного. И самое страшное — компьютер с тезисами моего выступления. Но у того хоть хватило совести дожить до доклада. Мои мышки потрясли мир и стали звездами экрана. С чем я и вернулась в Москву, где застала ваше письмо.

О санатории в Удельном, где проходила конференция, просто не могу не сказать пары слов. Мне, как докладчику, был забронирован конференцией номер, но когда мы предъявили на стойке наши паспорта, номер срочно поменяли на другой, видимо более оборудованный жучками. Шикарный: две комнаты, высокие потолки, большой балкон. Поэтому меня сильно обескуражило открытие, что в прилегающем к этому великолепию туалете стоит насмерть проржавевший унитаз без бачка и ванна с огромной дырой вместо слива, размером с небольшого зайца… Украшает все это бидэ, в качества которого я вникать не стала, а отправилась обратно к стойке в попытке объясниться, что не мыться три дня, в конце концов, не проблема — на улице снежная зима, потом не обливаешься, но, извините, пи́сать, не говоря о более серьезном, мы

с мужем привыкли почти каждый день. В ответ услышала, что номер сдан и со вчерашнего дня принят в эксплуатацию после капитального ремонта, бумаги о сдаче-приеме подписаны и обжалованию не подлежат. Пришлось обратиться к вышестоящим органам. Те заглянули в туалет, захлопали крыльями и переселили нас в соседний номер. Наученная горьким опытом, я первым делом посмотрела туалет. Там стояли новенький с иголочки унитаз, биде и ванна. Маленькая проблема: к ним не были подведены никакие коммуникации. В течение трех-четырех часов проблему удалось решить с помощью пяти гастарбайтеров. Под конец смущенное руководство санатория поинтересовалось, не соглашусь ли я прожить три дня без биде, к которому коммуникации подвести не удалось. Великодушно ответила, что поскольку предыдущие семьдесят пять лет я обходилась без биде, согласна потерпеть еще три дня. Так начался мой путь на конференционный подиум.

Теперь о вашей просьбе, о Никитиных. Мы действительно много лет дружили, Татьяна в молодости была очень обаятельная — живая, красивая и остроумная, я её любила, не хотела верить всяким слухам о ней, поскольку любой человек «на виду» всегда является заманчивой мишенью для сплетен. Не верила, пока сама не оказалась под Татьяниным прицелом. Марк, в девяносто седьмом году Тане, по неведомым мне причинам, показалось, что нашу дружбу следует прервать хирургическим вмешательством, что она и проделала с помощью не слишком чистого скальпеля. С тех пор мы практически не общаемся: Таня заблокировала все электронные пути. Она делит свою жизнь примерно пополам между Италией и Москвой, и как раз сейчас она в Москве в связи с торжествами по поводу Сережиного семидесятилетия. Сережа человек очень талантливый, очень обаятельный, и очень интравертный, как большинство талантливых людей. Вся его связь с внешним миром долгие годы шла через Татьяну. Думаю, что и сейчас мало что изменилось. Чтобы Сережа что-то сделал или написал, Татьяна должна дать на это санкцию. Будете ему писать, не дай Бог, не упоминайте моего имени. Я ничем помочь вам не могу, а испортить дело — легко. Если Татьяна увидит моё имя, это будет конец Вашей затеи.

А что Городницкий? Вот с кем мне легко поговорить. Вчера была на его дне рождения. Надо?

Сердечный привет! Наташа.

Mark Kopelev — Наташе Рапопорт
22 марта, Port St. Lucie, FL

Здравствуйте, дорогая Наташа. С Никитиным понятно. Я этого всего не знал, но нечто в этом роде предполагал. Слишком уж видны эти отношения между ними. Во всяком случае мне. Если мы встретимся на концерте памяти Фрейдкина, я постараюсь его сам дожать.

Не помню, писал ли я Вам, что очень боюсь доверять мудрости всяких пословиц и поговорок. На каждую пословицу приходится другая, противоположная по содержанию. Ну, типа классической пары: «Терпение и труд — все перетрут» и «Работа дураков любит». Можно вспомнить и другие. Я вообще опасаюсь мудрых мыслей, отлитых в чеканные формулировки. Отточенность формулировки мысль ограничивает. Эта чеканность, как фары автомобиля на ночной дороге — не видно, что по сторонам. Хочется бежать в световом туннеле — это же так удобно. То, что сзади могут вкатить заряд (и хорошо, если только в освещенную задницу) в расчет не принимается. К чему это я. Я априори готов поверить Вам, но хочу напомнить, что есть и такое наблюдение, как «Муж и жена — одна сатана». Лично меня сочетание «сука жена» и «благородный, умница муж» всегда настораживает и заставляет задуматься. Одна моя знакомая сказала: муж и жена линяют друг на друга. Что-то же их держит вместе. Зачастую, правда, близорукость мужа. Вспоминаю я эту поговорку вовсе не для того, чтобы посеять у Вас сомнения в друзьях, упаси боже. Так — мысли вслух.

Городницкий прислал очень теплое поздравление. Интеллигентный человек есть интеллигентный человек. Я с удовольствием подарил бы ему свою книгу, хотя, возможно, это не такое уж и большое счастье для него.

Но Вы в голове держите, кто еще из приличных людей хотел бы поздравить Тиму, и при возможности давайте мой адрес.

Желаю успехов в деле освоения забытого советского сервиса.

Ваш Марк.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
23 марта, Москва

Марик, Вы написали: муж и жена линяют друг на друга. Это гениальная метафора. Классный образ! Но я не раз замечала, что линька, к сожалению, идёт в основном с несвежего женского белья на мужское, а в обратную сторону — что-то не очень… От мужской крахмальной сорочки женский бюстгальтер не становится ни белее, ни чище. Вот я выбираю себе друзей, а они выбирают себе жен, и жены достаются мне, так сказать, «в пакете» с друзьями… Бывает, что жёны друзей становятся моими подругами, и это замечательная удача. Вы скажете — плохой у меня характер (хотя на самом деле очень хороший: я добрая, весёлая, отзывчивая, лёгкая на подъём, доброжелательная и не ворчливая! И Маркеса с Борхесом не путаю. Чего ещё желать?).

Сегодня провела чудный день (айфон заменил «чудный» на «судный»!) с Леней Штерном. Были на концерте Губермана. Он (Губерман), как всегда, велик и не иссякает.

Пойду забудусь сном.

Ваша Наташа

Леонид Штерн

Марк Копелев — Наталье Рапопорт
23 марта 2014, Port St. Lucie

Леня, неугомонный человек. Ведет активный светский образ жизни. Без него моя книжка не вышла бы. Он оплатил ма-

кет и всю предпечатную подготовку. Я с ним достаточно часто общаюсь по скайпу. Он сейчас по моей просьбе достает кое-каких людей для альбома.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
8 апреля 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марик, дорогой, вот мы и вернулись в свою мормонию. А вернулись мы уже с моей ультразвуковой конференции, проходившей на этот раз в вертепе Лас-Вегаса. История была такая: мы прилетели из Москвы поздно вечером в понедельник, во вторник смывали с себя Россию, в среду утром я села за руль и семь часов крутила баранку (могло бы быть шесть часов, если бы меня не остановила полиция за превышение скорости). Потом я три дня работала с утра до вечера, потому что председательствовала на секции, а вчера опять за руль — и назад. Результат печальный: приехала домой вдрызг больная, с кашлем и температурой. А послезавтра надо лететь в Нью Йорк на открытие выставки Бориса Заборова. Он художник, единственный из ныне живущих, чью картину купила галерея Уффицци. А жена его Ирочка оказалась дочерью поэта Бориса Корнилова, о чём она узнала совсем недавно. Его расстреляли в 37-м, когда Ирочке было несколько месяцев; мать была в списке на арест, но их спас замечательный человек по фамилии Басов, которого Ира вплоть до смерти матери считала отцом. Перед смертью мать рассказала ей правду и передала архив Корнилова, который, несмотря ни на что, сохранила. Драматическая история в жанре *а ля рюс*.

Вчера, вернувшись из Лас-Вегаса к вечеру, я опять дорвалась до вашей книги. Я её открываю в любой точке и, конечно, не могу оторваться часов до четырёх утра. С наслаждением читала главку об Ароне Каневском. А вчера перечитала историю портрета Бродского в 4-м томе его сочинений. У меня есть все пять томов этого издания (пятый — комментарии). Так вот, Марк, издатель этого пятитомника не Пушкинский Дом, как вы пишете, а Пушкинский Фонд, то есть как раз *Гордин*, мой обидчик! У них я когда-то и разжилась этим изданием. И то, что они напечатали портрет без ссылки на автора (бледновато напечатали, между прочим) — вполне в их духе. Пушкинский дом и Пушкинский фонд часто путают, а это «две большие разницы»!

А сегодня приехала посылочка с дисками Фрейдкина. Я, когда увидела её в руках у Володи, сразу догадалась, что в ней. Спасибо большое! Я поняла, по адресу на посылке, что вы вернулись в Нью Джерси. Когда улетаете в Москву? У вас, наверное, предотъездная лихорадка, а у меня кашель, а то бы вот был шанс повидаться!

У меня к вам просьба или скорее предложение. Даже два. Когда я получила в Москве ваши альбомы, Городницкий (которому предназначался один из них) был в Питере. Я оставила альбом его менеджеру Людмиле с просьбой передать по назначению. Мне бы очень хотелось, чтобы Городницкий (и его жена, поэт Анна Наль — я её очень люблю) познакомились с автором книги. Я вам дам телефон Городницкого, позвоните ему и передайте от меня привет. Не слабó исполнить?

Второй альбом был оставлен Алёне Закс с просьбой передать его нашей общей подруге Ирине Павловне Уваровой-Даниэль. Алёна, правда, усомнилась в целесообразности дарить книгу Ирине, потому что там есть портрет Марьи Синявской, а у этих двух очень достойных дам — Ирины и Марьи — развилась под старость взаимная неприязнь на чисто бабской почве. Но портрет Марьи такой выразительный, что Ирине должен быть маслом по сердцу. Если у вас будут в Москве колёса и два-три часа времени, очень рекомендую забрать книгу у Алёны, доехать до Ирины Даниэль и поболтать с ней, вы об этом не пожалеете! Обе просьбы — факультативные, никак не руководство к действию.

Писала ли я вам, что на задней обложке моей книги опечатка! Там написано: «***если бы перед НАМ был вымысел…***» Дарю вам как дополнение к словарю черкесского. Гордин мне сказал — книг без опечаток не бывает. Но ведь на *ОБЛОЖКЕ*!

Всего вам доброго.

Марк Копелев — Наталье Рапопорт
8 апреля 2014 г. Englewood, NJ

Наташа, здравствуйте! Конечно было бы лестно, если бы Городницкий, или, там, Рубина с Губерманом ознакомились с моим гениальным творением, но надо же быть реалистом. Так что не суетитесь. А то получится смешно, как со Штерном. Не помню, рассказывал ли я Вам эту замечательную

историю. Леня, будучи очарован моей книжкой, а также являясь, как со-издатель, обладателем значительной части тиража, раздаривал её направо и налево. В числе осчастливленных оказались: бывший премьер-министр Черномырдин (у меня есть фотография, где Виктор Степанович разглядывает мою книжку), внук Владимира Георгиевича Шухова, создателя телебашни на Шаболовке (тоже есть фотография), кто-то из администрации президента (что особенно лестно), а также много-много других замечательных людей. В том числе Аллен Делон и Патрисия Каас.

Когда я узнал об этом потрясшем воображение факте, мне сразу представилось, как долгими зимними вечерами, на своей вилле в Швейцарии, где Делон коротает старость в одиночестве, почти как я во Флориде, сидя в кресле перед камином, в окружении любимых собак, закутавшись в теплый плед и протянув свои красивые французские ноги к огню, Аллен читает мою книжку. А в паузе, поправив плед и очки, говорит:

— Ах, что за прелесть этот Копелев! Ну, прямо Джойс и Марсель Пруст в одном стакане… — и, хлебнув из хрустального бокала бургундского ***Romanee Conti***, урожая 1934 года, по цене 24 тысячи долларов за бутылку, переходит к следующей странице.

А на ночном столике Каас, отсвечивая глянцевым переплетом, лежат мои «Письма с того света», и Патрисия, в перерыве между приемами любовников (а иногда и вместо), с увлечением разглядывает картинки в моей книжке и думает: «Ну что я нашла в этом старом козле Делоне? Копелева надо было выбирать, Копелева! Ах, почему в мире всё так несправедливо устроено?..»

В страну с «названьем гордым Русь» улетаю завтра. То есть 9-го. Тимка меня встречает и мы с ним сразу улетаем в Сочи. Там у нашего общего друга, тимкиного одноклассника, юбилей. Возвращаемся 14-го днем, а вечером в 9.00 концерт памяти Фрейдкина. Но будет он не в «Гнезде глухаря», а в каком-то клубе под названием «Мастерская». 15-го в тесном семейном кругу (очень тесном — Тима, Маня, наверное Кум с женой Наташкой) мы будем отмечать мой день рождения. 16-го отмокать. 17-го мы с Тимуром уезжаем в Питер. Я хочу сходить на кладбище к отцу, а у Тимы интервью на телевидении и пре-

зентация фильма о нем. 19-го вечером мои московские друзья (уже в широком кругу) собираются отмечать мой юбилей. Отмечаться это безрадостное событие будет в загородном доме Мишки Плешкова — «Кума», который в этот день возвращается из Китая. Они, как я подозреваю, готовят там какой-то сюрприз. 20-го, зная нравы этой гоп-компании, будет день тяжелого похмелья. Сам-то я пью весьма умеренно, во всяком случае точно знаю, когда надо остановиться, и синдромом похмелья не страдаю, а вот остальные… Впрочем, тоже по-разному. 22-го я отбываю назад в Нью-Йорк. Так что на всё про всё у меня будет практически один день. Это к тому, что с Городницким и Уваровой-Даниэль, с которыми я очень хотел бы познакомиться, поговорить и сделать пару снимков, встретиться вряд ли удастся. Может быть, в следующий приезд в июле. Там график будет попросторнее. Да и знакомиться с этими замечательными людьми лучше, когда они уже прочтут книгу и напишут Вам о впечатлениях (размечтался, блин!). А так… Нет ничего хуже такого натянутого общения, когда приходит какой-то неизвестный человек, пусть и по рекомендации замечательной Наташи Рапопорт, о чем-то надо разговаривать, общих тем почти никаких. На их славном жизненном пути таких «неизвестных» до фига и даже больше. А когда (и если) книгу прочтут, возможно, желание познакомиться будет взаимным. А может и не будет. Это уж как карта ляжет.

Очень позабавила меня Ваша реплика о неприязни Розановой и Уваровой. Для меня, да и для всего нашего поколения, имена Синявского и Даниэля шли через дефис, как фамилия одного человека. Человека-легенды по фамилии Синявский-Даниэль. И вдруг такой афронт с женами. Хотя… Я не знаю Уварову, да и Марию Васильевну наблюдал только через объектив фотоаппарата, но и этого наблюдения достаточно, чтобы понять — она хороший, но очень непростой человек. Дружить с ней, видимо, трудная работа.

Через объектив, Наташа, знаете ли, многое видится по-другому. А может, это индивидуальное свойство моего зрения. Помните, как в старинном еврейском анекдоте:

В одной еврейской семье родился мальчик без век. Расстроенные родители пришли к ребе за советом — что, мол, делать?

— Ничего страшного, — сказал ребе. — когда мы будем делать брис, мы кожицу с крайней плоти пересадим на веки.

— Ребе, — осторожно поинтересовались родители. — А не будет ли у него хуевого взгляда на жизнь?

Опечатку я конечно не видел, и с Вашим обидчиком где-то согласен — книг без «очепяток» не бывает. Эту ситуацию замечательно описал Довлатов в «Иностранке», рассказывая об издателе Фиме Друкере (почти Ваш случай):

«Тогда Фима продал часть своей уникальной библиотеки. На вырученные деньги он переиздал сочинение Фейхтвангера «Еврей Зюсс» Это был странный выбор для издательства под названием «Русская книга». Фима предполагал, что еврейская тема заинтересует нашу эмиграцию.

Книга вышла с единственной опечаткой. На обложке было крупно выведено: ***«ФЕЙХТВАГНЕР».***

За сим, позвольте откланяться. Слушайте Фрейдкина, а 14-го поднимите рюмку за него и чокнитесь, как он просил.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
8 апреля 2014 г. Salt Lake City

Марик, дорогой, как я рада, что можно наконец перестать разыгрывать из себя девочку из хорошей семьи и начать пользоваться великим и могучим языком в полном объеме! Тем более, что, пользуясь любимой никитинской цитатой из Маугли, мы с вами точно одной крови.

Я планов ваших люблю громадьё, размаха шаги саженьи… Во даёте!!!

Ваш юбилей, о котором вы намекнули в одном из писем — это сколько? Бывает по-разному. Вы в дети мне годитесь или во внуки, как Тимур?

Поздравлять заранее не принято, но 15-го я пошлю вам весточку, что о юбилее помню.

С Маришей Фрейдкиной я говорила о Фрейдкинских книгах, сказала, что хочу купить, а она сказала, что решила их

больше не продавать, а раздавать. Я бы, конечно, хотела купить, а не получать такой подарок. Вы, наверное, будете перегружены своими книгами и я не смею вас просить захватить ещё и Фрейдкинские, но я не теряю надежды, что, может быть, Лёня Штерн прилетит к нам в гости и тогда захватит для меня книги.

Наслаждайтесь исторической родиной. Я страшно рада, что у Тимура будет интервью на телевидении. Лёд тронулся? «Когда меня покажут по ТВ» больше не актуально? А кто сделал фильм?

Привет и любовь от меня Тиме и Мане.

Ваша Наташа.

Марк Копелев — Наталье Рапопорт
8 апреля 2014 г. Москва

Я Вам в товарищи по несчастью гожусь. Ну, или почти. Что в нашем возрасте пять лет разницы? Чай, не в школе.

Родина-то скорее географическая. Историческая несколько в другом месте. А от этой географической я особого наслаждения не ожидаю.

Что у Тимура за интервью и что за фильм — не знаю. Он скрытный, сукин сын. А я, как говорят, излишне тактичный. Лишних вопросов стараюсь не задавать. Потом напишу. Привет от Вас тоже пока не могу передать, во избежание лишних вопросов. Не везет Вам со мной. Ну ничего: возможно, с книгами получится. Не обещаю, но постараюсь. Может, удастся и деньги Марише всучить. Они же, блин, гордые. Да плюс еще московские снобы. Они же там все выпускники 9-й английской спецшколы. Вам ли, москвичке, объяснять, что это за контингент.

А привет Тимуру от Вас пусть Леня Штерн передаст. Он и на концерте, и на моем юбилее будет.

Всегда Ваш

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
8 апреля 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Блин, Штирлиц из меня хреновый. С приветом Тимуру я погорячилась. Пока была в Москве, помнила, что я о вас не слы-

шала, а тут расслабилась. Но, к счастью, ничего криминального пока не совершила.

Через пять лет, Марик, Вы поймёте, как ошибались относительно «чай не в школе». А пока вам остаются «иллюзия и дорога». Счастливо!

Ваша Наташа

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
15 апреля 2014 г. Boston, MA

Марк! О том, что у Вас сегодня юбилей, я помню. Виртуальные цветы лежат у Вашего порога.

Только что в рамках Пассовера выпила, чокнувшись сама с собой в память Марка Фрейдкина. Я ещё в Бостоне, завтра лечу в Солт Лэйк. В Нью Йорке была у моих нежно любимых друзей Миши и Софы Туровских. Миша — замечательный художник. И вообще они штучные люди. Стала рассказывать им о вас и вашей книге — оказалось, они вас знают! И очень тепло о вас говорили. Хотя я почему-то не уверена, что вы знаете, о ком речь.

Всяческих вам радостей!

Ваша Наташа

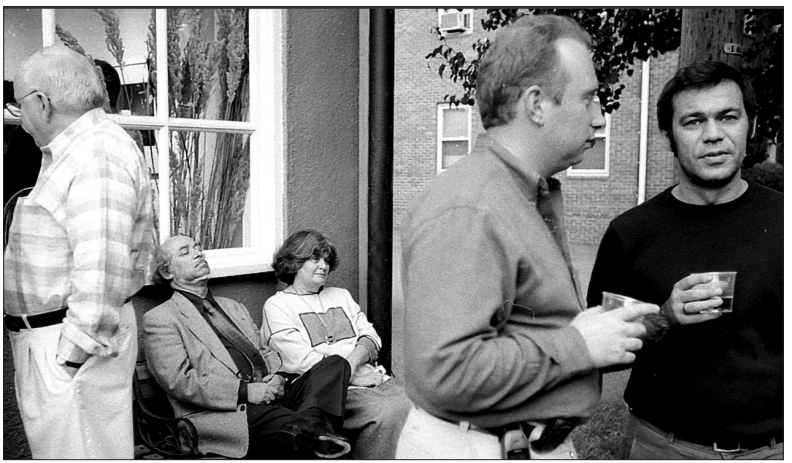
Михаил и Софья Туровские

Марк Копелев — Наталье Рапопорт
15 апреля 2014 г. Москва

Наташенька! Большое спасибо за поздравление с этой условно радостной датой. И все-равно приятно, что тебя помнят, любят.

Мишу и Софу я, конечно, знаю, был даже как-то раз у них в гостях, безусловно бывал на выставках Миши, встречались мы несколько раз в доме моего друга Арона Каневского. Я не могу сказать, что мы очень близки, но это очень достойные люди. Чтобы вы не сомневались, что я понимаю, о ком идет речь, прикладываю фотографию.

Кстати в правой части фотографии мой зять Владик Шагин.

Михаил и Софья Туровские (сидят слева под окном)
на Нью-Йоркской вечеринке

Трехтомника Фрейдкина уже нет, но мне как другу и автору лучших фотографий Марика (это не похвальба, а трезвая оценка собственной работы), дочка Марика Ася откуда-то из заначки достала комплект и подарила. Так что этот трехтомник у Вас уже есть — вернусь — вышлю.

Еще раз спасибо за поздравление.

С похмела, да на чужом компьютере, довольно трудно писать.

Ваш Марк.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
25 апреля 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марк! Я ждала и всё ещё жду радостного и подробного отчёта о минувших торжествах. А всё-таки — как было? Я в какой-то момент встревожилась, что моё знакомство со Штерном, если бы всплыло, могло вызвать ненужные вопросы. С другой стороны, меня Тимур сам пытался с ним свести год назад в связи с моей книжкой «Личное дело». Тогда не получилось, но создаёт алиби, так что я успокоилась.

Вычитала в Вашей книге, что мы с вами, Марк, чуть не стали коллегами по «Московским новостям». В конце девяностых меня пригласили туда в английскую редакцию быть заместителем Главного. Я дрогнула и согласилась — обрыдли раковые клетки и мыши. Занимательную историю, связанную с этими событиями, и как они меня в «Московских новостях» вые@&ли (недостающее вставить), когда я ещё даже не приехала заступить на должность, если захотите, опишу.

Так напишите же о Родине и юбилее! Ваша Наташа

Марк Копелев — Наталье Рапопорт
25 апреля 2014 г. Englewood, NJ

Наташенька, здравствуйте! Я с Родиной в этот раз, по большому счету, и не общался. Десятого прилетел, Тимка меня встретил; на следующий день Чурилов (герой песни «Я проснулся в мировом настроении…»), Тима и брат Тимура Мурат вынули меня из постели, и едва дав надеть штаны, ни слова не говоря, затолкнули в самолет и увезли в Сочи. Там у Тиминого школьного друга был юбилей. В полтинник ребята входят. Два дня активно отмечали. Очень активно! Ну, очень! В последний день Чурилов повёз нас по олимпийским объектам. Он архитектор, он там проектировал и строил «Роза Хутор».

Если бы я не был родом из этой ослепительной страны, я бы подумал: «Хорошо, блин, живете!» Роскошная архитектура, мосты, дороги, эстакады, развязки, гостиницы, спортивные сооружения — «***всё так мощно, громко, грандиозно***…» И такое впечатление, что на все это великолепие проклятые пиндосы сбросили нейтронную бомбу. Ни одного человека. Два крепостных таджика метут улицу — и всё! На «Роза-хуторе» («Красная поляна»), захотел, извиняюсь, пописать. Все

сортиры заперты. Подходим к охраннику: «Где здесь туалет?» Догадайтесь, что ответил. Формулировка была чеканная, как графика Родченко, и исчерпывающая, как вся идеология совка: «Курорт работает до 6-ти часов.» Ильф и Петров отдыхают.

— А вы куда ходите?»

— А у нас свой туалет.

И всё. Разговор окончен. Пришлось идти в родной Макдональдс и пи́сать там. Правда за это пришлось купить чашку кофе и съесть Биг Мак.

14-го вернулись в Москву прямо к концерту памяти Фрейдкина. Мероприятие это лично у меня оставило какие-то смутные ощущения. Я уже писал Вам, что окружение Марика — это в основном выпускники 9-й английской спецшколы. Ребята, конечно, талантливые, умные, но, на мой провинциальный взгляд, снобы, как на подбор. Представления о «прекрасном» у них свои. Оно может и неплохо, но принимаемые решения диктуются этой своеобразной логикой, которую нам, простым смертным, не постичь. Мне, например, совершенно непонятно, почему отказались проводить вечер в «Глухаре», где больше мест и есть онлайн трансляция. В клуб «Мастерская», где проводилось мероприятие, набилась куча народу, все сидели друг у друга на головах, обливаясь потом. На их языке это называется — «интимность» и «камерность». Мне не понятно, почему не пригласили Макаревича, Никитина, Быкова, которые искренне любят Фрейдкина. Говорят, Быков на похоронах плакал. Мотивируется это, как мне объяснили, нежеланием излишней публичности. Мол, придут слушать Макаревича. Ну и что? Пел бы он всё равно песни Фрейдкина. Благо у Макара с песнями Марика записан целый диск с благозвучным названием: «Тонкий шрам на любимой попе». В ответ весьма сомнительный и расплывчатый аргумент: «Марику бы это не понравилось…» Ну-ну… Впрочем, они родственники, им виднее.

Должен, правда, ради объективности сказать, что это сугубо мое частное мнение. Тимка говорит, что ему понравилось. Но, зная его, думаю, он слегка кривит душой. Он вообще никого, кроме Путина и власти, не ругает. Мишка Махович от ответа уклонился; Кудрявцев, который поначалу нес это на все корки, после вечера свое мнение поменял. Но судя по тому, с каким жаром он объяснял мне, что все было клево, он боль-

ше старался убедить в этом себя. Тима да Ольга Седакова были главными звездами на этом мероприятии. А в общем, если не придираться, то всё было вполне терпимо. Только как-то очень уж по-самодеятельному. А впрочем… Может, в случае Марика, так и надо.

После концерта вернулись с Тимой часа в два ночи, помянули Марика и Серегу Костюхина, и, поскольку 15-е уже наступило, предварительно отметили мой день рождения. Так что свой юбилей я встретил в самом желанном составе — ближайший друг и любимая жена, которую мы тут же высвистали по скайпу. Манечка спала, и только часам к 4-м утра, когда градус наших взаимных признаний в любви превысил допустимый шумовой уровень, вышла, чтобы нас разогнать.

А на следующий день, поскольку из Сочей я приехал насквозь простуженный, я свалился окончательно. Видимо, российский климат для нас, американцев, вреден. Два дня лежал пластом. Манечка и Любовь Багратовна бегали вокруг меня на цирлах, подавали солянку и чанахи. Ах, какие это были солянка и чанахи! Манечка всегда к моему приезду их готовит.

17-го мы с Тимой сели на поезд и поехали в Питер. Мишка Махович прилетел на следующий день из Красноярска, так как он сейчас играет с группой «Браво». Колька тоже приехал на следующий день. А 18-го был концерт Тимы в ЛЕНДОКЕ (Ленинградская студия документальных фильмов) и премьера фильма. Очень неплохой фильм и совершенно замечательный концерт.

Да! Перед концертом какие-то ребята-экологи, занимающиеся озеленением Питера, специально организовали посадку именного дерева Тимура Шаова. Лендок находится рядом с Никольским собором, где, как Вы наверное помните, отпевали Ахматову. Недалеко от собора на набережной Крюкова канала Тима и посадил свое дерево. Так что программа максимум выполнена — дом построен, сын рожден, дуб посажен. Фотографии этого выдающегося события есть, но я еще не привел их в божеский вид. 18-го вечером погрузились на «Красную стрелу», 19-го утром прибыли на Ленинградский вокзал, где нас встретил КУМ, двумя часами ранее прилетевший из Китая, и увез меня к себе на дачу в Доброе, где вечером того же дня они мне устроили сюрприз-пати. Маня, жена

Кума Наташка и Любовь Багратовна наготовили всяких вражеских грузинских деликатесов. Собрались друзья и, как говорит продвинутая молодежь, отхеппибездили. Я уже почти не пил, потому как был больной в хлам. Два дня лежал пластом, а 22-го Наташка оттартала меня в Шереметьево, и я почти в беспамятном состоянии прилетел домой.

Вот и всё посещение бывшей родины. Так что и рассказывать почти нечего. Во время очень кратковременных контактов с бывшими соотечественниками не близкого круга (впрочем, близкого тоже) вынес только одно впечатление: в связи с украинскими событиями, поляризация общества достигла каких-то катастрофических размеров. Даже поговорка появилась: ***«Скажи мне, чей Крым, и я скажу, кто ты»***. Меня только радует, что Тима остается во вменяемом состоянии. А сохранять адекватность в этом поле всеобщей истерии — ой как трудно. *Продается нервная система в отличном состоянии — заводится с полоборота*». Конечно, встречаются приличные, благожелательные, самоотверженные, добрые особи, которые и помогут в трудную минуту, и еврейского мальчика спрячут от фашистов… Даже среди немцев встречались такие. Примеров тьма. Стоит только заглянуть в «Яд Вашем» и пройтись по «Аллее Праведников» на Горе Памяти в Иерусалиме. *Доброта и порядочность вообще не имеют национальности*. Как впрочем и любые другие положительные или отрицательные качества.

Все нужные глаголы в Вашу реплику о «Московских новостях» я вставил. Нетрудно догадаться. Но историю опишите. О сюжете опять-таки догадаться несложно, но интересны нюансы. Так и будем обмениваться своими историями — Вы мне о «МН», я Вам, предположим, о своей кучерявой биографии. Меня сейчас нашёл друг детства, с которым мы не общались 50 лет. Отыскал через интернет. Естественно, ему интересно, что происходило со мной, мне — с ним. Образовалась переписка, которая заставила вспомнить «моменты жизни быстротечной».

Начал читать Вашу книжку, которая ждала меня по возвращении. Пока что никаких суждений высказать не могу, но нравится. Похоже, Вы правы — мы действительно гаврики «одной группы крови».

Обнимаю, если позволите. Ваш Марк.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
26 апреля 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марик, начну с конца. «Обнимаю, если позволите». Ещё как позволю.

Спасибо большое за чудесный, хотя и не слишком радостный (впрочем, чего ждать-то) отчёт. Я очень соскучилась по вашим письмам. Напишу вам подробнее вечером-ночью: сейчас должны приехать с юга Юты друзья моих немецких друзей. Я их никогда не видела, знаю только, что одна пара из Коннектикута, вторая — вовсе из Кронштадта, и, кажется, все гинекологи, что на данном жизненном витке не слишком актуально. Володя сварил свой фирменный борщ и требует меня к станку делать салат.

Вы мне пишите!!! Почтительно обнимаю. Ваша Наташа.

Марк Копелев — Наталье Рапопорт
27 апреля 2014 г. Englewood, NJ

Н. Рапопорт и И. Губерман

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
27 апреля 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Оп-ля! Это-то откуда?! Там же никого не было!

Марк Копелев — Наталье Рапопорт
27 апреля 2014 г. Englewood, NJ

Я же говорил, что Вы у меня «под колпаком».

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
28 апреля 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марик, спасибо за колпак! Мне под ним очень радостно. Не выпускайте меня на волю!

Написала для вас кусок моей истории с «Московскими новостями». Боюсь предстать перед вами совершенной идиоткой, ибо выглядит вся эта эпопея апогеем абсурда. Но из песни слова не выкинешь — что было, то было. На самом же деле история имеет внутренние пружины, которые я постараюсь, насколько смогу, раскрыть и донести.

Я начала всё это вспоминать и вдруг поняла, что моя история с Пушкинским фондом просто закономерное продолжение истории с «Московскими новостями». Я, видно, плохо усваиваю жизненные уроки. А теперь уж и вовсе поздно учиться.

Обнимаю вас из-под колпака. Ваша Наташа.

«Московские новости» — часть первая

Начать надо с моей профессии. Каждый серьёзный исследователь — а я, скажу Вам без лишней скромности, принадлежу к таким — живёт в некоем параллельном мире, втянутый туда мощной воронкой, которая редко кого отпускает и выплёвывает на поверхность. В этом зазеркальном мире темно, туда не пробивается солнечный свет. В моём случае это не метафора, а физическая реальность вонючего вивария в подвале ракового института, набитом мышами и всякой замысловатой аппаратурой, позволяющей заглянуть им в «душу». В подземном зазеркалье идёт своя жизнь, с реальными радостями и горестями, взлётами и падениями, находками и потерями, праведниками и злодеями, но качественно всё это иное, чем наверху, на поверхности. В какой-то момент поднимаешься ненадолго и — ёлки-палки, глянь-ка: голубое небо, солнце, горы, море, загорелые атлеты в белых шортах, девушки в бикини, танцы, флирт и любовные приключения. Это надо же, какая начисто забытая красота существует на свете!

Так однажды я вынырнула на поверхность, кажется, это было году в 97-м — и вдруг передо мной открылась совсем новая перспектива — «вот это перспектива, мать честна!» С чего всё это началось, я вгладь не помню. Как-то вдруг у меня образовались разветвлённые связи с «Московскими новостями». К примеру, моя подруга жила на одной лестничной площадке с главным редактором Английской редакции «Московских новостей». Возможно, это и сыграло основную роль, а может, я сама послала в «Московские новости» ещё не опубликованную повесть «Семья Канель», о загадке смерти Надежды Аллилуевой. Повесть приняли к публикации, но почему-то захотели опубликовать её на английском языке и попросили меня лично её перевести. Я тогда плохо оценивала границы своих языковых возможностей и согласилась. «Московские новости» публиковали мой перевод в трёх номерах. Мне недавно попались на глаза эти газеты — боже праведный, перевод чудовищный! Английский у меня из воздуха: в школе был французский, в университете немецкий, два месяца занятий на брошенных мною двухгодичных английских курсах ничего не дали, и всё, что я знаю по-английски, я нахватала из романов Агаты Кристи да уловила ухом. Языковой практики у меня было мало: с мышами по-английски особенно не разговоришься, а аспиранты из Китая, Кореи или Индии могли бы помочь в лучшем случае с санскритом. Артикли, предлоги, глагольные времена — вся эта премудрость для меня и сегодня за семью печатями.

Тем не менее «Семья Канель» имела успех, и меня спросили, нет ли чего ещё. Я предложила историю чумы в Москве. В своё время я рассказала её на «Свободе» Ефиму Эткинду, и «Свобода» повторяла эту передачу раз пять. «Новости» тоже за неё ухватились и попросили меня её перевести. Мне, дуре, страшно льстило, что мои переводы удовлетворяют высоким требованиям такой интеллигентной газеты, и не приходило в голову, что они просто экономят на переводчике. О гонораре за перевод и публикацию никто не упоминал, а я была в таком экстазе от того, что меня публикуют «Московские новости», что мне это и в голову не приходило.

Мой языковый барьер, видимо, «Московские новости» не смутил, потому что внезапно я получила необыкновенное письмо от Сергея Роя. Я не могла поверить своим глазам и пе-

речитала письмо несколько раз. Рой спрашивал, не соглашусь ли я перейти на штатную работу в «Московские новости» в качестве заместителя Главного редактора Английской редакции (то есть его заместителя). Предлагал мне зарплату в восемнадцать тысяч долларов в год.

Теперь, Марик, представьте себе весы с двумя чашками. На левой чашке — жизнь в Америке, работа в американском университете, нормальная зарплата (в то время пятьдесят пять тысяч долларов), и реальная перспектива получения миллионного гранта на интереснейшие исследования (перспектива, которая вскоре реализовалась). Но на этой же левой чашке, со знаком минус, описанная мной выше призрачная и изматывающая жизнь в научном зазеркалье. На правой чашке — жизнь в Москве, где у меня нет ни кола, ни двора, и зарплата в восемнадцать тысяч долларов. Но на этой чашке, со знаком плюс, перед моим внутренним взором замелькал бэйджик со словами «Пресса» на груди, корочка с надписью «Московские новости» в кармане, премьеры в московских театрах, концерты в Консерватории, вечера в ЦДЛ, приёмы в посольствах и брызги шампанского. Наверно, в моём генетическом коде записано, что я человек суетный и легкомысленный, потому что за всю эту ёлочную мишуру готова была голосовать списком. Моя прошлая жизнь мишуры мне явно не додала, а тут вдруг появилась возможность наверстать упущенное. Я дрогнула и подписала присланный мне Роем контракт… (*Продолжение следует)*

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
28 апреля 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик! Несколько часов назад пришёл посланный вами пакет (с книгами Марка Фрейдкина). Спасибо большое! Начну читать прозу. Ваша быстрота реакции меня сразила! Вы же ещё, поди, живёте по московскому времени, а уже съездили на почту. Мне бы хотелось сделать что-нибудь очень хорошее Марише, если она не возьмёт у меня денег — и если возьмёт. Посоветуйте!

Долетело ли до вас начало моей истории с МН? У меня барахлил перегруженный ящик интернета и я не уверена, что он отправил вам письмо. Привет! Ваша Наташа.

Марк Копелев — Наталье Рапопорт
27 апреля 2014 г. Englewood, NJ

Наташенька не волнуйтесь. Если бы я не чувствовал, что на тот момент предлагать Фрейдкиным деньги было бы бестактностью, я бы, конечно, предложил. Эти книги были даны мне в подарок. Если я узнаю, что они затеяли какой-то проект, требующий денег, я непременно сообщу. Лучше, когда прочтете, напишите Марише и Аське. Вот и будет Вам хорошее. Доброе слово — оно ведь тоже стоит многого. А Марик при жизни недополучил.

Книжку Вашу уже наполовину прочел. Через три часа улетаю во Флориду — там дочитаю. То, что прочел, нравится.

С нетерпением и, уж извините, с иронией ожидаю продолжения истории с МН. С иронией, потому что в Ваших телодвижениях со сменой профессии, с мечтами о бейджиках и светской журналистской жизни и прочей мишуре, узнаю себя. А поскольку похожее было и со мной, то как Вас на этой помойке отымели могу предположить. Жду деталей.

Через час выезжать в аэропорт. До следующего письма.

Обнимаю.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
28 апреля 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик, вас там не потопило? Откликнитесь, я волнуюсь.

Позавчера и вчера давление было 190/110, и я даже заглянула в свой паспорт. Там было написано: нечего скакать, как коза, пора остепениться и начать нормальный образ жизни. Какой для меня нормальный, не объяснили.

Обнимаю. Жду письма.

СПКН (Сидящая под колпаком Наташа).

На всякий случай прицепила продолжение «Московских новостей».

«Московские новости» — часть вторая

Итак, я должна была приступить к работе в «Новостях» 9-го января. Но тут на левую (американскую) чашу весов стали сыпаться первые тяжёлые кирпичи. Начать с того, что мне неожиданно позвонила некая Ирина Ришина и без обиняков

развеяла мои наивно-розовые представления о предстоящей работе. Её звонок меня удивил. Я в ту пору не была с ней знакома и, по правде говоря, понятия не имела, кто она такая. Ришина сказала, что звонит по поручению Татьяны Никитиной, которая попросила её описать для меня разнообразные нюансы работы заместителя Главного редактора, с коими сама она, Ришина, хорошо знакома по Литературной газете, а мне, судя по тому, что она обо мне знает, невдомёк. Ришина объяснила мне, что в качестве зам. Главного я буду девочкой на побегушках, находящейся в полном рабстве у Главного редактора, что работа моя будет лишена всякой романтики и чрезвычайно далека от творческой, что мне придётся быть в центре всевозможных склок и сплетен, что я этого не выдержу и сбегу, а мосты в американскую науку будут уже сожжены. Она говорила со знанием дела и очень убедительно, и Американская чашка моих весов поехала вниз и начала перевешивать. Дружеская забота Татьяны Никитиной сыграла положительную роль, и я ей от всей души благодарна. Я вернулась на землии из заоблачных высот.

Я вспомнила большой, похожий на огромную классную комнату зал в «Московских новостях», с правильными рядами сотрудников за уставленными компьютерами столами, и Главного Редактора Сергея Роя, наблюдающего за ними с отгороженного стеклянной выгородкой трона. Много лет спустя я прочитала в вашей книге необыкновенно смачно описанные эпизоды, связанные с бурлящей и сладкой жизнью вокруг Нью Йоркской газеты «Печатный орган». Судя по тому, что я услышала от Ришиной, предстоявшая мне жизнь в «Московских новостях» мало напоминала вашу в «Печатном органе», но контракт был уже мною подписан. Вскоре американская чашка весов дополнительно рванула вниз: мой муж впал в тяжёлую депрессию от перспективы моего (а, стало быть, и его) возвращения в Москву. Когда-то уговорить его на эмиграцию из СССР стоило мне немыслимо много крови, теперь история повторялась с обратным знаком и ещё более болезненно. Но… что делать, контракт был подписан. Расторгнуть его неожиданно помог мне сам Сергей Рой *(продолжение следует)*

Марк Копелев — Наталье Рапопорт
29 апреля 2014 г. Port St. Lucie FL

Здравствуйте, Наташа! Я прибыл в свою Флориду. Наводнения в моих краях нет, но зато была неприятность почище — отсутствовал интернет. Я, в отличие от Вас, с языками катастрофически не в ладу, и каждый раз объяснение с аборигенами для меня пытка. То есть объяснить, что мне надо, я еще могу, а вот понять, что мне отвечают… Такой вот языковый кретинизм. Следствие двадцатилетней безмолвной работы портным. Поэтому решение интернетной проблемы заняло два дня. Я пришел в эту контору, благо она находится рядом, но они требовали, чтобы я им позвонил. Я никак не мог взять в толк, зачем это надо, если я — вот он, тут. Наконец с грехом пополам я понял, что по телефону они дают инструкции где, что и как перемкнуть на щите коммутации в гараже, чтобы заработало. Я им объяснял, что я и визави-то плохо понимаю английскую мову, а уж по телефону-то и подавно. Нет — звоните. На мое счастье там случился парень, который как раз эти телефонные консультации и дает. «Идите домой,— сказал он,— я через пятнадцать минут подъеду.» Подъехал, сделал все бесплатно, и даже стал отказываться от чаевых. Но я всунул, так как считаю, что любая квалифицированная работа должна быть оплачена. Ну и в расчете на будущее, конечно. Теперь я при интернете, но безбожно тормозит компьютер. Настолько, что я практически не могу закончить юбилейный альбом Тимура. Приходится по пять минут ждать, пока откроется файл. Значит, опять надо двигать на языковую Голгофу. В районе Большого Нью-Йорка с этим проблем нет — всегда можно найти русскоязычного мастера, а вот здесь, в славном городе Порт Сент-Люси, тяжело.

Ваше давление меня огорчило, а вот Ваш комментарий по этому поводу вызвал ностальгическую улыбку — мама, когда ее подруги жаловались на здоровье, советовала заглянуть в паспорт, и на вопрос «как она себя чувствует», всегда отвечала: «По паспорту».

А насчет остепениться и начать нормальный образ жизни… Мне почему-то кажется, что Вам это не грозит. Читая Ваши произведения (кстати «Личное дело» я проглотил залпом, книга замечательная), я ловил себя на мысли, что очень сочувствую Вашему Вайсбергу. Чтобы иметь такую жену, да

и дочь от Вас, похоже, недалеко ушла, требуется незаурядное мужество.

С нетерпением жду продолжения вашей «опупеи». Обнимаю. Марк.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
29 апреля 2014 г. Salt Lake City, UT

«Московские новости» — часть третья

Марик, я уже писала, что отдала «Московским новостям» права на публикацию «Чумы» и они ждали от меня перевода. Напомню: речь идёт об истории чумы в Москве на самом рубеже 1939–1940 года. Её привёз в Москву из Саратова директор лаборатории противочумной вакцины. Это было лабораторное заражение. Уже больной, он делал доклад на Коллегии Наркомздрава, потом ему стало плохо, его отвезли в гостиницу «Националь» и вызвали старого доктора, который поставил диагноз крупозное воспаление лёгких. Он отправил больного в Новоекатерининскую больницу (около площади Пушкина), там дежурный врач правильно определил лёгочную чуму, изолировал больного и себя, и оба вскоре умерли. Моего папу вызвали, чтобы произвести вскрытие, и он подтвердил страшный диагноз. Больницу оцепили. Надо было изолировать всех, кто контактировал с заболевшим в течение последних суток. Чтобы избежать паники в городе, изоляции в карантин были замаскированы под аресты, которые в 39-м году никого не удивляли. Так «арестовали» Коллегию Наркомздрава и соседей заболевшего по этажу в гостинице «Националь». Последним вспомнили о старом докторе, что поставил неверный диагноз. За ним пришли ночью, «арестовали», и, как самого опасного в смысле заражения, отвезли не в карантин, а в Новоекатерининскую больницу. Там Главный врач разрешил ему позвонить домой старушке-жене. Мой папа при этом присутствовал. Сам не свой от радости, старик кричал жене: «Дорогая! Это пустяки! Это не то страшное, о чём мы с тобой думали! Это только чума!»

Рой торопил с переводом, а я работала день и ночь в лаборатории, и ни о чём другом думать не могла. Это должна была

быть моя лебединая песня в науке, и я хотела поставить красивую точку, а не какую-нибудь кляксу. Я надеялась, что идущие вслед за мной подхватят мотив моей лебединой песни, разовьют его в кантату, потом в ораторию, а там, глядишь, вылечат рак и получат Нобелевскую премию. Поэтому за перевод «Чумы» я садилась под утро, часа в четыре, и шёл он медленно и трудно. До отъезда оставались считанные недели, но о сборах и подготовке к переезду речи вообще не было, была одна только круглосуточная работа. В конце концов я осознала, что взялась за немыслимое и невыполнимое, и перевод «Чумы» придётся отложить до переезда в Москву. Я отправила Рою сделанную часть — примерно треть, и написала, что окончу уже в Москве. Он мне тогда ничего не ответил, но примерно через месяц, за несколько дней до Нового года, я получила от него письмо. Рой писал, что к Новому году издаётся двойной номер «Новостей», мой материал туда включён и занимает полный разворот. Его перевёл молодой канадский переводчик. Чтобы выдержать весь перевод в едином стиле, он заново перевёл и мою часть. Рой просил у меня разрешения на публикацию. Я написала: «Если вы считаете, что перевод хороший, я не возражаю». На следующий день получила от него странное письмо: «Большое спасибо, Вы сняли тяжёлый камень с моей души». Я ехала в университет и размышляла, что за тяжёлый камень был на душе у Роя, и каким образом я сняла его росчерком пера. И вдруг меня осенило. Я хорошо помню этот момент, я переезжала мост через хайвэй и чуть не свалилась в тартарары. Чьё имя поставил Рой над этой публикацией?! Я пришпорила свою «Хонду», примчалась в офис и написала Рою: «Пожалуйста, СРОЧНО пришлите мне электронный набор моего материала. Я хочу его видеть». Рой откликнулся и прислал. Интуиция меня не подвела: над очерком о чуме в качестве автора стояла фамилия «молодого канадского переводчика» Дмитрия Александрова. Моей фамилии не было нигде. Фамилия папы в тексте была переврана.

Надо отдать должное Дмитрию Александрову: языком он владел мастерски, все артикли и предлоги были на месте, но сам перевод был разукрашен мелкими виньетками в стиле рококо, которые мой текст категорически отвергал: он предполагал готику или ранний ренессанс, но никак не рококо.

Надо сказать, я взвилась как ракета, и позвонила Рою домой. В Москве был двенадцатый час ночи. Рой слегка задыхался, и мне показалось, что я услышала чей-то ещё мужской голос. Молодой канадский переводчик? Я сказала Рою, что запрещаю публиковать мой материал под чужой фамилией и требую, чтобы он вынул его из полосы. Рой ответил, что сделать этого не может: слишком поздно, газета подписана к печати и вот-вот выйдет в свет. Я пригрозила, что буду его судить. Он ответил, что очень опечален происшедшим и постарается вставить моё имя в конце полосы, указав, что материал предоставлен мной и переведен Дмитрием Александровым. Это всё, на что можно сейчас рассчитывать. В такой связи моё имя и появилось в газете.

По свежим следам я написала Рою короткое письмо о расторжении контракта. Он мне не ответил *(продолжение следует*).

Марк Копелев — Наталье Рапопорт
30 апреля 2014 г. Port St. Lucie FL

Я удивляюсь, почему Вы этого не сделали раньше. Я уж не говорю о принятии такого решения вообще. Тщеславие, конечно, присуще любому человеку в той или иной степени, но не настолько же! Какие-то бэйджики, корочки с надписью «Пресса», приёмы в посольствах, брызги шампанского! Что за херня?! Премьеры в Московских театрах, концерты в Консерватории, вечера в ЦДЛ… Как будто Вы и так не можете сходить в театр без всей этой пены. Нэ панэмаю, Наташа-джан, нэ панэмаю!

Ну, так чем же все это там закончилось? Судя по многозначительному — ***«продолжение следует»*** — это ещё не конец?

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
30 апреля 2014 г. Salt Lake City

«Московские новости» — часть четвертая (окончание)

Марик, я конечно дура-дурой, но, к счастью, у меня всё-таки хватило ума никому в университете не сообщать о моём грядущем переезде в Москву. Моя позиция в университете по-

зволяла мне распоряжаться своим временем, потому что в те годы я уже не преподавала, а вела только исследовательскую работу. Я могла надолго (скажем, на месяц) уезжать, не испрашивая ни у кого разрешения и никого особенно не оповещая. Вот я и хотела попробовать, что получится из моей затеи с «Новостями», и если бы всё слепилось, как мечталось, я бы вернулась ненадолго в Юту и завершила все необходимые формальности. Билеты в Москву на начало января у нас с Володей были: я же должна была приступить к работе 9-го января, в годовщину Кровавого воскресенья. Билеты были жутко дорогие: с фиксированной датой туда, но открытой датой обратно. Было жалко, если они пропадут, и мы полетели: без вещей, налегке и с лёгкой душой (Володину депрессию как рукой сняло, когда я сообщила, что мы остаёмся).

В Москве я никак не могла заставить себя зайти в «Московские новости» побеседовать с Роем. Следовало бы его спросить, что он думает о происшедшем, и не полагается ли мне гонорар за две больших публикации и один перевод. Я долго, с трудом и внутренним содроганием готовилась к этому разговору. Родители плохо воспитали нас с сестрой: у нас в семье считалось, что разговаривать о деньгах стыдно. Ни папа, всегда мгновенно откликавшийся на многочисленные просьбы друзей и коллег посмотреть вечером чьи-то биопсии, ни сестра, вечно бегавшая вечерами по просьбе друзей лечить совсем незнакомых людей, не брали за это ни копейки. Это была норма жизни. Вот и у меня язык не поворачивался поинтересоваться у Роя, когда и где я могу получить свой гонорар. В конце концов друзья просто силком притащили меня в «Новости». Рой, как всегда, сидел на своём троне за стеклянной стеной. Мне явно не обрадовался. Я заметила, как при моём появлении напряглись и начали переглядываться сидящие за компьютерами сотрудники. Я поднялась к Рою, оставив дверь в его выгородку широко открытой.

— Я сожалею о том, что произошло,— сказал Рой.

— Я тоже,— сказала я.— Но раз уж произошло то, что произошло, я бы хотела узнать, какой мне полагается гонорар и когда я могу его получить.

— Гонорара вам не полагается,— сказал Рой.— Ваши материалы шли как письма в редакцию, а за письма в редакцию газета не платит.

Я потеряла дар речи. Такого я не ожидала.

— Вам не кажется, что ваша газета получила от меня довольно длинные письма? Первое «письмо» печатали в трёх номерах, второе, считайте, в двух, потому что это был полный разворот сдвоенного номера.

— Что ж, бывают и такие длинные письма,— сказал Рой.

Я не нашла, что на это возразить, повернулась и вышла, не сказав ни слова.

В коридоре я услышала за спиной чьи-то торопливые шаги: меня догонял один из сидевших в зале сотрудников.

— Извините, Наталья Яковлевна, но вы разговаривали с Главным при открытых дверях и я всё слышал. Он вам лжёт. Я твёрдо знаю, что Ваш материал о чуме шёл как эксклюзивный, и господин Рой положил за него в свой карман две тысячи долларов.

— Спасибо,— сказала я.— Я, в общем, не сомневалась. И что мне прикажете теперь делать с этой информацией?

— А это up to you,— сказал мой доброжелатель и мгновенно испарился.

…Я вернулась к своим мышам и забыла об этой истории.

Сегодня, по прошествии многих лет и зрелом размышлении, я понимаю, что моя недавняя эпопея с «Пушкинским фондом» и Михаилом Аркадьевичем Гординым — просто естественное и логическое продолжение (надеюсь, и завершение) истории с «Московскими новостями». Видимо, на моём челе крупными русскими буквами написано: ГРЕХ НЕ НАЕ… ТЬ.!

Как вы думаете, может, ещё не поздно стереть с чела эту надпись?

Копелев — Рапопорт
1 мая 2014 г. Englewood, NJ

Здравствуйте, Наташа! Начну, как водится, с конца. С Вашего, в общем-то, риторического вопроса, что делать со стигматами, жирной славянской вязью проступающими у Вас на челе. И начну издалека, потому как история, которую я Вам хочу рассказать в этой связи, очень уж хороша. Собственно, это даже не история, а реплика.

Муж моей любимой дочери Леры Владик, которого, как и Вашего мужа, никто по имени не называет, только по фамилии — Шагин, талантлтвый инженер и поэт, и, как все талантливые люди, мечтательный и ленивый, обычно оживает только к футболу, хоккею, бейсболу и прочим, с моей точки зрения, бессмысленным видам человеческой деятельности, демонстрирующимися по телевизору. Однако сейчас, в связи с украинскими событиями, в нем проснулась ненаблюдаемая прежде активность. Он стал писать в твиттер и фэйсбук, дискутировать с неимоверным количеством мудаков, пасущихся в соцсетях, и вообще искренне переживает за то блядство, которое происходит на Украине. Он родом из Харькова, у него там родственники, друзья, украинский и русский для него одинаково родные языки. Поскольку в жизни мы дружим, а в фэйсбуке «френдим», я получаю ссылки на его комментарии.

И вот я читаю запись, что, мол, его жена, моя стало быть, дочь, простая сибирская девушка, сидя с ним у компьютера и следя за развитием событий, уже освоила украинский язык и вполне внятно материт на нем всяких януковичей, путиных и прочую мразь. Не откликнуться на эту новость я не мог и написал: «Что же это ты, Шагин, мою любимую дочь в «бендеровку» превращаешь?! В жидо-фашистку, понимаешь! Ты мне это брось!» И тут же получаю ответ от дочери: «Пиздно, таточку… Пиздно.»

Эту историю я рассказал Вам с единственной целью сообщить ответ на Ваш сакраментальный вопрос — не поздно ли стереть с чела то, что у Вас там в нецензурных выражениях обозначено. Пизднэнько, Натали, пизднэнько! Да и не стоит. Оставайтесь такой, какая есть. А всякие рои, гордины, захаровы… Да пошли они все в жопу! Изменили бы что-нибудь в Вашей жизни эти скраденные Роем две тысячи? Обидно, конечно, но ведь не за деньги же. Обидно, что за лоха держат. Но с этим ничего уж не сделать. Потому что то, что они называют глупостью, мы называем порядочностью. И эту разницу понятий никогда не преодолеть. Всё всегда идет так, как оно идет. Они счастливы своими сребрениками, мы друзьями и чистой совестью.

Обнимаю.

P. S. Кстати, с Первым Маем Вас, с Международным, извините, днем солидарности трудящихся.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
2 мая 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик, дорогой, я тоже начинаю с конца: мне бесконечно дорого, что вам понравилось моё «Личное дело». И сочувствие Вайсбергу, которое разделяют все наши друзья, наша дочь, и, в некоторой степени, я сама, меня очень тронуло. Но поверьте, я тоже достойна сочувствия, хотя и храбрюсь в книге изо всех сил. Очень уж у нас разные темпераменты: у меня шило сами знаете где, а Вайсберг человек усидчивый и больше всего в жизни любит сидеть в кресле, что-то мастерить или варить борщ в нашей кухне. Кстати, с языком у него те же проблемы, что у вас, и вся связь с миром идёт через меня. Я вам очень сочувствую, потому что иногда бываю и сама в такой ситуации, во Франции. Французский, на котором в детстве свободно говорила, я давно и почти начисто забыла, а произношение осталось классное, и когда я задаю на улице какой-нибудь вопрос по-французски, они в ответ начинают без всякого снисхождения трещать на своей мове, а мне остаётся только вежливо кивать «***merci***» и пытаться решить свою проблему без посторонней помощи — или остановить другого прохожего и спросить то же самое по-английски.

Дочка у вас классная! Я всегда утверждаю, что гены не водица!

А гравюры и рисунки моей Виктории вдруг пару дней назад опубликовали одновременно два сетевых журнала, взяв их, видимо, с её сайта. Один из журналов — «Juxtapoz» — оказался жутко престижным и знаменитым журналом современного искусства, в котором Виктория смотрится совершенной белой вороной. Она о существовании этих журналов понятия не имела и узнала о публикациях случайно — бывший соученик послал ей ссылки. Посмотрите и вы тоже:

http://www.juxtapoz.com/current/drawings-by-victoria-goro-rapoport

http://www.emptykingdom.com/featured/victoria-goro-rapoport/

Во втором случае надо ехать по окошку сверху вниз.

Марик, вы, конечно, совершенно правы — пизднэнько мне меняться, будем уж донашивать такую, какая уродилась. На презрение всяких оборотистых мудаков мне в высшей степени наплевать, но вот хамство я переношу с трудом. Вывод про-

стой: надо меньше попадать в ситуации, требующие с ними общения. Зато уж как мне везёт с друзьями!!!

На этой оптимистической ноте отправляюсь спать. Писать раньше не могла, потому что была у глазного и расширяли зрачки, так что целый день видела только расплывчатые очертания людей и предметов, и человечество от этого казалось вполне сносной божьей попыткой. Теперь опять вижу всё чётко и лучше пойду спать. Обнимаю! Наташа.

Копелев — Рапопорт
8 мая 2014 г. Englewood, NJ

Здравствуйте, Наташа! Вы нашли замечательный способ выживания в этом вконец съехавшим с глузда мире. Закрой глаза, или, наоборот, закапай какую-нибудь хреновину — и всё. Ах, если бы всё было так просто! Хотя многие так и живут с широко закрытыми глазами и прекрасно себя чувствуют.

Посмотрел гравюры Вашей дочери и вспомнил, что некоторые видел раньше. «Вавилонскую башню» точно. Да и другие тоже. Фамилию художника, конечно, тогда не запомнил, но изображение запало. Очень уж индивидуальная манера и запоминающийся авторский почерк. Она, конечно, безумно талантливый человек.

А моя дочка действительно замечательная, но мои гены здесь абсолютно ни при чем. В свое время в капустнике, посвященному моему 55-летнему юбилею, Арон Моисеевич Каневский пошутил: «А дочку он (то есть я) приобрел без особых сексуальных усилий.» В своем стремлении сказать мне приятное Вы слегка промахнулись. Что, впрочем, вполне извинительно — мы с Вами знакомы сравнительно недавно, Вы про меня практически ничего не знаете, и дружба наша возникла скорее на душевном влечении, чем на какой-либо информации. Возможно, как-нибудь я Вам расскажу о некоторых вехах моей кучерявой жизни, если у Вас такое желание возникнет.

Что-то от Вас давно ничего нет. Всё ли в порядке. Не больны ли. В прошлый раз Вы на давление жаловались. Как-то беспокойно.

Обнимаю. Ваш Марк.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
8 мая 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик, у меня такое желание (узнать о вашей «кучерявой» жизни) возникло давно и не иссякает. Кое-что я почерпнула из вашей замечательной книги «Письма с того света» — к примеру, историю Леры и Шагина, намёки на развод и новую любовь. «А из зала всё кричат: «Давай подробности!». Так уж давай!

Я очень скучаю без ваших писем. Домашний цербер Вайсберг не подпускал меня к компьютеру, стоя с заряженным пистолетом в руках. Типа: «а ну, поворотись-ка отсюдова, сынку» — всё из-за прыжков давления, то 170/100, то 120/75. По-моему, моему давлению не нравится погода в Юте — если бы ей измеряли давление, обнаружили бы точно такие же скачки! Какие же сосуды в 75 лет при холестерине 335 это выдержат?! А Вайсберг сваливает все мои проблемы на компьютер, как россияне на Америку. Сам-то он не знает как компьютер включается (это не метафора, а констатация факта), и ненавидит его настоящей мужской, злобной и ревнивой ненавистью. А у нас дома две единицы огнестрельного оружия, ибо живём на Диком Западе, и я иногда думаю, что Вайсберг не стреляет только потому, что, как Буриданов осёл, никак не может выбрать мишень: экран сначала, потом пользователь, или наоборот.

Ещё за отчётный период я одержала сокрушительную победу над американской медициной. Когда у меня настучало давление 170/100, я попробовала записаться к своему «фамильному» (то есть семейному) доктору. Это — вторая попытка с одним и тем же, ставшим уже стандартным, описанным ниже результатом. Обычно после телефонного звонка врач принимал меня на следующий день, ну максимум на второй, и выписывал чего просили. Довольно молодой мормон с кучей детей. Теперь же его ассистент, которому я по телефону сообщила своё давление, накинув для острастки ещё десятку на верхнее, спросил: «Рассматриваете ли вы своё состояние как emergency (чрезвычайное, экстраординарное, требующее немедленного вмешательства)? Я ответила: очень даже. Он сказал: первый opening for emergency appointment (возможность срочно посетить врача) 9-го июня. Я спросила: Вы, наверное, хотели сказать *мая*? Он: нет, июня. У нас в клинике перестройка и доктор очень занят. Я спросила: а если не сроч-

но? Он: тогда на июль. Мой предыдущий (апрельский) звонок завершился предложением посетить их, поскольку есть срочность, через три недели, что я тогда с негодованием отвергла и приступила к самолечению. Теперь в мае, скорая помощь откладывалась уже не три, а на пять недель. В прежние времена я бы утёрлась и пошла тихо помирать. Остановила меня, однако, мысль, что ведь произойдёт это, вероятно, не сразу, а через всякие параличи и инсульты: и родственникам забота, и мне никакого удовольствия. И знаете, что я сделала? Я написала телегу директору госпиталя!!! Его переправил по назначению один мой бывший высокопоставленный друг (бывший высокопоставленный, а не бывший друг). Я кратко описала ситуацию и спросила: «Что происходит?! Это что, ваш способ саботажа Obamacare?» И не прошло и двух часов, как мой доктор позвонил мне сам! Никогда раньше такого не бывало! К этому времени срочная необходимость общаться с ним отпала, потому что, к счастью, у меня есть в Германии старшая сестра Ляля по кличке Налима, гениальный врач. Её российские пациенты не выговаривали редкое «черкесское» имя Ноэми и изощрялись, кто как мог. Один называл её Налима Яковлевна, и кличка прилипла. Налима по Скайпу взяла меня под контроль, и дело понемногу пошло на лад.

И, представьте, стучать — я имею в виду моё письмо директору госпиталя — оказалось совсем не так трудно, хотя я долго колебалась и мучилась, прежде чем на это решиться. Но в результате испытала чувство глубокого удовлетворения. Может, и другим поможет. Вы мной гордитесь?

Вот, Марик, я поделилась с вами интимными подробностями своей жизни. Других, к сожалению, нет. Спросили бы меня лет этак двадцать тому назад…

Теперь ваша очередь.

Пишите, я подсела на ваши письма, как на колёса, которых никогда не пробовала.

Ваша Наташа.

Копелев — Рапопорт
12 мая 2014 г. Port St. Lucie, FL

Здравствуйте, Наташенька! Расстроило меня Ваше давление. И даже не само давление — со 170 верхним еще вполне

можно жить. А вот 110 нижнее и скачки плохо, потому как радужная перспектива поиметь инсульт, инфаркт или еще какую хрень сильно от этого возрастает. Я бы предпочел в этом случае иметь рядом ковбойца Вайсберга с двумя единицами огнестрельного оружия. Как кардинальное средство избавления от какого-либо давления вообще.

Вы молодец, что дожали этих коновалов из госпиталя. Медицина в Америке борзеет с каждым годом всё больше и больше. И происходит это не потому, что они саботируют Obamacare, а именно *вследствие* Obamacare и прочих прелестей социализма в отдельно взятой американской стране. Так что — *«я, Вася, тебя не просто уважаю — я, Вася, тобой горжусь!»*

Мы с Вами, Наташа, как два встретившихся на прогулке барбоса — ходим друг вокруг друга, виляем хвостами и принюхиваемся. Понятно, что есть желание узнать друг о друге побольше. Я-то в более выгодном положении, потому что прочитал две Ваши автобиографические книги и какое-то поверхностное представление о Вас имею. Вы же обо мне судите только по намекам, разбросанным в моем бессмертном труде «Письма с того света», который охватывает довольно короткий период моего существования. Да и вообще, эта книга написана, собственно, не обо мне, а о нью-йоркской тусовке. Но на данном этапе жизни я, похоже, созрел для того, чтобы подвести некоторые итоги. И тут Вы возникли очень кстати.

Не подумайте, что я выё… м-м-м…, ну, в общем, стараюсь показаться умнее, лучше и образованнее, чем я есть, но, как известно, содержание диктует и форму изложения. У Августина Иппонийского, которого также кличут Блаженным, есть труд, который называется «Исповеди». На языке оригинала (надеюсь вы не подумали, что я читал «Исповеди» на латинском языке) это называется «*Confessiones*». Думается, что для нашего дальнейшего общения форма «*confessions*» будет самое то.

Итак:

Confession I

(почти по Бл. Августину)

В жизни каждого человека рано или поздно наступает этап, когда он оглядывается назад и пытается осмыслить пройденный путь. А люди пишущие (а ведь мы с вами принадлежим именно

к такой категории) ещё и пытаются эти размышления зафиксировать на бумаге, в расчете на то, что эти воспоминания и размышления кому-то будут интересны. Собственно Ваши две книги и есть такая попытка.

Каждый человек, задумавший автобиографическую прозу, или просто решивший рассказать о себе, непременно задумывается: «Что такое я из себя представляю, чтобы утомлять кого-либо своей персоной? Кому это нужно? Для чего?» Тут, конечно, очень важно, что и как человек о себе думает: не слишком ли он высокого о себе мнения, достаточно ли самоироничен, ибо без этого любое жизнеописание превращается в самолюбование, а главное, насколько он честен в этом описании и какие выводы делает. Вы, Наташа, все-таки происходите из известной семьи, и в силу этого, изначально, с детства принадлежите к тому самому кругу высокой московской интеллигенции, по которой советская власть прокатилась асфальтовым катком. И дружбы Ваши, и связи во многом определены принадлежностью к этому кругу. Взгляды, понятия, убеждения, мораль — соответственно тоже. Поэтому, когда Вы пишете о себе, о своей семье — вы рассказываете о Времени. И это делает Вашу прозу социально значимой, нужной и интересной. Собственно, любая автобиографическая проза имеет смысл только в том случае, если она рассказывает о Времени. А что, скажем, делать человеку, происходящему из среднестатистической советской семьи? Хоть и интеллигентной, но вполне верившей в разумность того абсурда, который назывался советской жизнью, плывшей по течению вместе со всем советским народом. Я, во всяком случае, не помню, чтобы в нашей семье подвергали сомнению основы или плохо говорили об отце народов. Даже на еврейские темы почти не разговаривали. Правда, и фанатизма особого не было. Папа — офицер, хоть и поневоле: война, призвали, после войны надолго застрял на Дальнем Востоке и даже, несмотря на инвалидность по пятой группе, дослужился до относительно больших звезд. Инженер, хороший специалист, закончивший Ленинградскую мореходку, будучи подполковником, занимал адмиральскую должность: там, где нужна была голова, на пятую графу внимания особо не обращали. Мама — поначалу военврач (призвали во время войны по окончании Новосибирского медицинского института), после демобилизации — преподаватель в медицинском училище. Умная, начитанная, с острым язвительным умом и не менее ост-

рым языком. Папа — талантливый музыкант. Музыке никогда не учился. Просто садился и играл. Всё, что слышал. В основном музыку из оперетт — Кальман, Оффенбах, «Сильва», «Марица», «Летучая мышь», «Фиалка Монмартра», «Цветы роняют лепестки на песок...», «Помнишь ли ты, наши мечты...» — чем и завоевал мою заводную, поющую и танцующую маму. На довоенном конкурсе самодеятельных пианистов Ленинграда папа занял третье или даже второе место после никому тогда ещё не известного Цфасмана. К сожалению, война, последующая послевоенная жизнь и какая-то, чуть ли не патологическая деликатность и скромность, талант реализовать не дали. Скромность вообще, как известно, кратчайший путь к неизвестности. Мама тоже была удивительно тонким, тактичным человеком. Они и нас с сестрой так воспитывали. У них, правда, ничего не получилось, но вот мое нежелание особо выпячиваться — это от них.

Поэтому, если уж начинать рассказ о моей скромной персоне, то мне бы хотелось говорить, может, не столько о себе, сколько обо мне как о типичном представителе того поколения, которое сформировалось на излёте хрущевской оттепели. И о тех тонких ниточках, которые, в конечном итоге, сплелись в разноцветное, звёздно-полосатое полотно (все-таки красиво, блин, завернул, не правда ли? — *«звёздно-полосатое полотно»)*. Писатель (а ведь мы с Вами писатели, правда? — раз книжки пишем) отличается от прочих тем, что пытается внятно осмысливать свой опыт. Многие просто не задумываются. Ну, случилось что-то там, и случилось — чего, мол, рассусоливать, копаться, размазывать кашу по тарелке. То есть события отдельной частной жизни, извините за тавтологию — отдельно, а Время — отдельно. Понять, как эта *Отдельная Частная Жизнь* и *Время* сопрягаются, и почему пришло к именно такому результату — это же дико интересно. Какие нити сложили этот узор, каким образом они переплелись, какие узелки завязаны на обратной стороне вышивки, которая называется биографией... В этом хочется разобраться. Для чего? Да, бог его знает. Хочется. А опыт научил меня: если чего-то хочется — делай. Потом может и не удастся.

Принимаясь несколько раз за свое жизнеописание, стараясь сделать его как можно правдивее, я каждый раз ощущал, что задача эта практически непосильная. Всё, что человек говорит о себе — это, вообще-то, вранье. Как бы ты ни относился

к самому себе — ты все равно пристрастен. Даже если ты только перечисляешь факты и даты. Все равно отбираешь их ты сам. Объективных, не поддающихся двойному толкованию, дат у человека всего две. В этом смысле надгробный камень — лучшая анкета. Родился, умер. Всё остальное — подробности. Тире на могильном камне. Но это тире — как раз и есть жизнь человека. И если продолжить поэтическое сравнение, то у одного оно (тире) выглядит плавной синусоидой, у другого кардиограммой смертельно больного человека с пиками и провалами, как, скажем у меня, а у кого-то так и бредет прямой линией от рождения до самой смерти.

Однажды, на заре нашего знакомства с Витей Шендеровичем, я задал, надо признаться, не совсем ясный вопрос: «Ну, как у вас там?» На что Витя, ни на секунду не задумавшись, поинтересовался: «С какого момента начинать?». Вот и я тоже, раздумывая над ответом на вопрос: «Как жизнь прожил?» — по известной еврейской привычке отвечать вопросом на вопрос, спрашиваю себя: «С какого момента начинать?» Обычного эпистолярного формата будет явно недостаточно для рассказа о жизни. Неизбежны отвлечения. Ну, например, семья. Многого я, конечно, не знаю — пуганые эпохой родители особо с нами не делились. И вообще, с папой у меня, к моему стыду и горечи, близкого контакта не было. Я мамин сынок. А сестрица — папина. Так часто бывает, отцы больше любят дочек. Плюс, я довольно рано выпорхнул из отчего дома и нужные вопросы своевременно не задал. А когда созрел, было уже поздно. Но из того, что знаю:

У папы было пять братьев и одна сестра. Многодетная местечковая еврейская семья. Папа из братьев самый младший. Тетя Лиза еще младше. Они перебрались в Питер где-то в двадцатые годы из Бобруйска. Что подвигло на переселение — не знаю. Прочерк. А ведь поступок, как я теперь понимаю, почти героический. Сняться с места таким кагалом... Папа до восьми лет не говорил по-русски. Только на идиш. К концу жизни помнил только «бекицер» и «азохен вей». Конечно, время потрепало и их семью. Дядя Наум, четвертый из братьев, сгинул на войне, оставив после себя троих детей, у дяди Миши, второго по старшинству в семье, жену и троих детей немцы сожгли в лагере, историю с дедом папа как-то обходил в разговорах, а я, по молодости, глупости и, свойственному всем нам юношескому эгоцентризму, не расспросил. Бабушка умерла в блокаду от го-

лода. Папа, тетя Лиза и старший из братьев, дядя Макс (у них с папой разница больше, чем 20 лет), во время блокады были эвакуированы в Уфу, откуда папу в 43-м году забрали в армию. В войне с Германией уже произошел перелом, поэтому его отправили на Дальневосточный театр военных действий, где он и встретил красивого, обаятельного лейтенанта медицинской службы Матильду Студниц. Сев за рояль, папа быстренько охмурил артистичного, поющего и танцующего молодого врача, в результате чего на свет появилось такое чудо как я. И было это чудо блондинистое с голубыми глазами, при том, что оба родителя жгучие брюнеты. Семейное предание гласит, что мама, когда я должен был появиться, говорила: «Не знаю, какой он будет, красивый или некрасивый, мальчик или девочка, но что темненький — обязательно.» То же предание повествует, что когда папа первый раз увидел меня в окне родильного дома, он написал записку: «Когда он глянул на меня своим синим глазом, мне стало как-то не по себе».

Поскольку шла война, чудо появилось на свет, естественно, вне брака. Этот факт заставил маминых патриархальных еврейских родственников «слегка призадуматься», когда мама поехала в Новосибирск, откуда она родом, показывать меня родным. Вкупе с тем, что папа, который тоже должен был приехать в Новосибирск познакомиться с семьей, всё не ехал и не ехал, у родственников возникли обоснованные подозрения, а есть ли у этого чуда вообще отец. Конечно, папа задерживался, потому что на фронте было какое-то обострение, но ведь дед Лейб Меерович (Лев Маркович), бабушка Хая-Эстер (в миру Анна Марковна), и четыре маминых сестры с прекрасными русскими именами — Цира, Дина, Яха, Роза — этого не знали. А когда папа, наконец, появился в Новосибирске, сомнения не исчезли, потому что сравнение масти родителей и белокурого чада было никак не в пользу мамы. Мама рассказывала, что очень переживала по этому поводу, и думала, что если уж семья, где её знают, как облупленную, может её в чем-то подозревать, то что же скажут родственники папы.

Но все сложилось с точностью до наоборот. Дядя Арон, увидев меня на перроне Ярославского вокзала в Москве, заорал, что я вылитый дед (на которого кстати был похож и он сам, единственный в семье рыжий), и далее по жизни относился ко мне теплее всех родственников папы. Он из всей нашей род-

ни оказался самым умным и первым рванул в Америку, как только в 1971 году приоткрыли щелочку. Я думаю, что источником столь ясного понимания, что надо валить, был факт его московского проживания. В столицах всегда сильнее осознается гнусность власти. Провинция слишком архаична и глупа. В 1991 году в аэропорту JFK в Нью-Йорке, помимо представителей Еврейского агентства «СОХНУТ» и НАЯНы, нас встречала его дочь, моя двоюродная сестра Слава Острова, которая к тому времени дослужилась до руководителя русского отдела ХИАСа. Это значительно облегчило мне иммиграцию и начальный период адаптации. Она прислала вызов, сняла на первое время квартиру в Нью-Йорке, и вообще, они с мужем Володей помогали как могли. Спасибо им.

Однако вернемся ко мне. Вываливать на Вас всё, что накопилось за 70 лет, разом, было бы, согласитесь, безжалостно и жестоко. Поэтому пока, для начала, пунктирно, по верхам. Была, естественно, как у всех школа. Этот розовый период жизни протекал во Владивостоке, где мои родители осели после войны с Японией. В школе, как всегда, закладывались основы — через книги, музыку, фильмы, через общение, разговоры, влюбленности и т.д. Но об этом позже. Потом был Политехнический институт, затем Дальневосточный институт искусств, не совсем плавно перешедший в Ленинградский институт Театра, Музыки и Кинематографии (ЛГИТМиК). Практика в БДТ у Товстоногова. После окончания, работа в театрах Свердловска, Рязани. Были спектакли, были сняты довольно приличные документальные фильмы, были лауреатские премии, была ссылка в Читу, были долгие допросы в КГБ, было увольнение *«за идеологическую незрелость»*, был запрет на работу по профессии, было несколько фильмов обо мне в эпоху Перестройки, была эмиграция в Соединенные Штаты, была работа в одном из лучших театров мира «Метрополитен Опера», была публикация в «Континенте», была известная Вам книга... Было три жены и много кого между ними. Вот ведь как! Всё *«было, было, было...»* М-м-да... Начинаешь излагать и ясно понимаешь: «С ярмарки едем.» Сейчас на пенсии. Так сказать, тихий американский пенсионер, живущий на два дома — один в Нью-Джерси, другой во Флориде. Я предпочитаю жить во Флориде, куда перебрался два года назад. В Нью-Джерси вся семья — любимая жена Люда (она-то еще не на пенсии, работает с моей легкой руки тоже

в Метрополитен Опера), дети, внуки. Внуков пять от разных детей, от разных жен.

Это взгляд сверху. Так сказать — «overview». Более подробный рассказ о «вехах», с красочными подробностями и «размышлизмами» на разные темы — в последующих письмах. Если я, конечно, не напугал Вас замахом. Чуть ли не эпическое полотно грядет.

Ваш Марк.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
14 мая 2014 г. Калифорния

Марк, дорогой! Так и не добравшись до приличного компьютера (мой не пережил тягот дороги в Калифорнию, где я с блеском представляю свое «Личное дело» и уже окупила авиабилет, а вечером надеюсь окупить новые юбку и майку), пишу по телефону, что делать ненавижу. Хотела написать вам большое настоящее письмо и напишу, когда доберусь до дома, то есть в среду. А по телефону невозможно. Но хочу сказать, что текст открыла еще утром в день отъезда и чуть не опоздала на самолет. Очень правильный жанр со всех точек зрения: пишите мне! Более подходящего адресата, ей богу, не найдете. Мне интересно о вас все до последней, самой мелкой, и с вашей точки зрения, может, незначительной детали. Я знаю, почему: мы с вами из одной песочницы, и нам нравятся одни и те же ведерки, и совочки, и куличи, которые печет каждый. И то, что интересно мне, будет интересно всем людям нашего с вами круга. А История и Время складываются из маленьких историй каждого из нас, из вашей в ничуть не меньшей степени, чем из моей, а вовсе не из перехода одних общественных формаций в другие. Ваш бессмертный труд «Письма с того света», есть Летопись нью-йоркской эмиграции девяностых годов. Будущие историки эмиграции третьей волны будут изучать вашу книгу как учебник, скажем, истории средних веков. Но учебник, в равной степени интересный для классного и внеклассного чтения, причем «классного» в обоих смыслах этого емкого эпитета. Я все ваши письма в отдельную папочку складываю. Может, книгу напишете. Заодно и меня прославите.:)))

Пишите! Жду!!! Ваша Наташа

Эта сволочь телефон исправляет то, что я пишу, как хочет. Если какая несуразица — я не виновата.

Копелев — Рапопорт
16 мая 2014 г. Port St. Lucie, FL

Как Ваше давление? Две единицы огнестрельного не понадобились? Я смотрю, Вы с кавалерийской лихостью по Калифорнии кочуете.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
16 мая 2014 г. Walnut Creeck, CA

Ну да! Как только я оторвалась от домашнего цербера, измерений давления, исколотых вен и от солт-лейк-ситиевской высоты в полторы тысячи метров над уровнем моря, как резко получшало. Голова не болит, а народ от моих выступлений кричит ура и в воздух чепчики бросает. Я в сумасшедшем прибытке: сегодня вечером раскупили все книги, кроме четырёх, из двадцати возможных. Итого триста двадцать долларов минус новая юбка и подвеска ослепительной красоты (в сумме 62 доллара) плюс волна положительных эмоций от зрительного (слушательного) зала. Во мне погибла Елизавета Ауэрбах, если вы помните такую.

Сейчас три часа ночи в Волнат Крике. Завтра с утра заедут друзья и увезут меня в Сан-Франциско. Там выступление в воскресенье днём. Отчёт сдан. Отчёт принят?

Копелев — Рапопорт
16 мая 2014 г. Port St. Lucie, FL

Здравствуйте, Елизавета. Я безмерно рад и улучшению Вашего самочувствия, и читательскому (зрительскому) успеху. Книга того стоит. Успех — это такое лекарство, которое, хоть и не лечит столь кардинально, как две единицы огнестрельного оружия, но все болезни помогает переносить. Я действительно очень за Вас рад. Отчет принят!

А вот я не понял, — у Вас это специальная поездка с презентацией книги? А кто Вам ее устраивает? Кто организаторы? Как они на Вас вышли?

У меня в Волнат Крике родственники живут. Моя двоюродная сестра, дочь упоминавшейся выше тети Лизы, и вся мишпоха со стороны ее мужа. Очень смешной случай: когда Тимка первый раз поехал в Калифорнию, он потом рассказывал о каком-то Боре и о каком-то Юре. Как они пили, причем этот самый Боря пил, как ломовой извозчик или биндюжник с Молдаванки. Ну, пили и пили. С кем Тима не пьет. С некоторыми даже из одного горл*А*. А потом, уже после второго визита, он случайно назвал фамилию — Зунделевич. И тут выяснилось, что это те самые мои родственники. Причудливо тусуется колода!

Вы сильно гонораром-то не разбрасывайтесь. Скоро придется высылать деньги на юбилейный альбом Тимура. Жду припозднившиеся поздравления от Дмитрия Быкова и Севы Новгородцева и отдаю в печать. Цена, как я и говорил, вырисовывается в районе 240 долларов вместе с пересылкой. Ваш альбом закажу прямо на Ваш домашний адрес. Но деньги вперед, мадам. Это не я, это печатный сервис требует.

Обнимаю.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
17 мая 2014 г. Walnut Creeck, CA

Марик, пишу в телеграфом стиле. Обижаешь, начальник! А то бы я сама не догадалась! Мою первую презентацию организовывала джуйка (там были старые евреи, человек 30), организатор — Ляля Кац, телефон пришлю, но не советую. А вторую презентацию организовала поэт Галя Залевинская в жутко закрытом женском клубе. Там совсем другая публика и дом а ля зАмок. Наконец, концерты Тимура (а их было здесь несколько) организует Леонид Духовный и в Волнат Крике, и в Сан-Франциско. Это легко сделать через Тимку.

Обнимаю.

Копелев — Рапопорт
18 мая 2014 г. Port St. Lucie, FL

Наташенька! Вы таки поняли неправильно. Я вовсе не собираюсь устраивать свои презентации. Мне просто было интересно, как это происходит. В частности у Вас.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
18 мая 2014 г. Walnut Creeck, CA

А чё нет? У вас такой материал! Людей бы порадовали. Я всем своим друзьям-приятелям рассказываю о вашей истории и книге, слушают взахлёб, кое-кто даже спрашивал, где можно купить. Правда, от цены, которую я называла, слегка остывали. Но в силиконовой долине публика другая, их этим не испугаешь. Правда, занятие это не для домоседов. Вчера в Волнат Крике в «женском клубе» — там народ собирает в своём салоне юная Белла, такая мадам Рекамье, а живёт она в недавно построенном испанском замке невиданной красоты и немыслимого размера, с внутренним двориком и балконом Джульетты — было очень приятно и весело и даже голова не болела. Кстати, это действо не надоедает, потому что у меня нет заранее заготовленной программы, и каждый вечер отличается от другого, никогда не повторяясь. Потому что я — не профессионал и работаю на интуиции. Губерман делает это на автопилоте.

Сэр, на какой адрес высылать чек? Чем скорее, тем лучше, а то неровён час всё пропью.

Завтра (то есть уже сегодня) презентация в Сан-Франциско, так что пошла спать. Отчёт пришлю.

Бесстыдно обнимаю. Наташа.

Копелев — Рапопорт
18 мая 2014 г. Port St. Lucie, FL

Чё нет? Да, как-то так… Наверное, Вы правы — это занятие не для домоседов. А профита, кроме аплодисментов, никакого. На гонорары от презентаций я не то что «дивной красоты юбку» — трусы сатиновые не смогу купить. И хотя, конечно, аплодисментов хочется, но лень сильнее. Мне интереснее сидеть и писать, или с фотографиями возюкаться. Раньше хоть перспектива попушить хвост перед какой-нибудь красоткой Беллой могла подвигнуть меня на подобный подвиг, а сейчас и это не колышет. На фиг я этим красоткам сдался. Может, потому и не колышет.

Деньги шлите на флоридский адрес. Обнимаю.

Всегда Ваш.

Копелев — Рапопорт
22 мая 2014 г. Port St. Lucie, FL

Наташа! Вы живы? Пришлите пару строк, успокойте.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
23 мая 2014 г. Salt Lake City, UT

Жива, и даже в ночь на вчера прилетела до дому до хаты, но спать отправилась в 4 утра и проспала до часу дня, после чего домашний цербер отобрал телефон, заменил его прибором для измерения давления, и не подпускал меня вчера к компьютеру. Хотя давление — как у новорожденной (то есть если у них нормальное давление, в чём лично я сомневаюсь: легко ли после тишины и покоя материнской утробы оказаться в нашем сумасшедшем доме).

Как «свидетельство о нахождении в живых», отправила вам сегодня ценное почтовое отправление. Получите через несколько дней.

Я там в Калифорнии слегка расслабилась и забылась (возраст, знаете ли), и на прогулке с внучкой моей подруги (я у них останавливалась в Сан-Франциско) решилась по её предложению (внучки, а не подруги) покачаться на соседних с ней качелях (к моему великому удивлению, исполненных как раз по размеру моего зада). Вот этого делать не надо было. Последний раз я качалась на качелях лет семьдесят назад, тогда вестибулярный аппарат был крепче. Словом, не столько я качалась, сколько меня откачивали. Тамарка сказала, что я была совершенно жёлтого цвета. Только диким усилием воли я не облевала им всю их детскую площадку.

Видите, с какой доверчивостью я делюсь с вами интимными и не слишком аппетитными подробностями моей «личной жизни».

В Сан-Франциско на моё выступление собрались старые евреи. Я, по меткому выражению моей подруги, «оживляю работу морга». Один симпатичный слушатель так расчувствовался, что сочинил мне целую поэму с редкой по изобретательности рифмой, которую и зачёл по окончании моего выступления. Вот она:

Богат приезжими, пардон,
Наш Сан-Франциский порт,

Но вечно будет помнить он
Наташу Рапопорт.

То есть, в пандан к моим усилиям, он тоже как бы спел мне «вечную память».

С нетерпением жду от вас продолжения жизнеописания.

Копелев — Рапопорт
23 мая 2014 г. Port St. Lucie, FL

Здравствуйте, Наташа! Я рад, что Ваша калифорнийская гастроль закончилась благополучно, если не считать Ваших легкомысленных попыток вспомнить розовое детство. На мой взгляд, совершенно не обязательно всовывать свой зад везде, куда он влезает. Я эти качели-карусели, *туды их в качель*, ненавижу с детства. Но Вы, видимо, экстремал — у Вас то качели, то головой в сугроб, то из горлА перед носом полицейского. Вроде моей Людки — пока шею не свернет, не упокоится. Она с подругой сейчас приехала ко мне во Флориду, в связи с чем мой спокойный размеренный распорядок жизни полетел к чертям собачим. Меня таскают на океан каждое утро, хотя именно утром мне лучше всего работается, думается и пишется. Кроме того, женщины имеют одно удивительное свойство — в тот самый момент, когда тебе в голову пришла хорошая мысль, когда слова сложились в нужную фразу, фраза зацепила и продиктовала следующую, и ты хочешь все это записать, она (женщина) врывается без стука в кабинет и говорит: «Ты же всё равно ничего не делаешь — давай разберёмся со счетами». Или — «пойдём погуляем», или — «а ты не хочешь поесть…» И всё! *«Летучих мыслей рой»* прыскает в стороны, как стая испуганных воробьёв, всё, что ты хотел написать, летит кувырком. Ты начинаешь материться, а она обижается: «Я же тебе поесть предлагаю!», «Я же о тебе забочусь!», «А когда с тобой говорить? Ты либо за столом, либо в постели…» Ты понимаешь, что она права, от этого раздражаешься еще больше, и на полдня выходишь из строя. Приучить домашних к мысли, что когда дед работает, тревожить его нельзя, за девятнадцать лет супружеской жизни мне не удалось, пусть они будут трижды здоровы и продолжают мешать ещё, по крайней мере, лет двадцать.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
23 мая 2014 г. Salt Lake City, UT

Ах, Марик, не гневите Бога! Вам, по крайней мере, не измеряют каждые полчаса давление (такая теперь у Вайсберга новая развлекалочка), а выводят прогуляться на океан. А меня никто не выводит прогуляться на океан… Зато в огороде отчаянно цветут маки, но я не знаю, что с ними делают дальше. Вы не в курсе? Консультация эксперта мне бы не помешала. Может, прилетите с женой, пока есть такой серьёзный повод?

Копелев — Рапопорт
23 мая 2014 г. Port St. Lucie, FL

Здравствуйте, Наташа. А с чего это Вы решили, что на меня приборы не вешают? Вешают, да еще как. Потому и на океан тащат, якобы для поправки здоровья. Но все мои хвори, когда я приезжаю во Флориду, куда-то уходят и без этих поездок на океан. Давление 135–140 на 80 (это для меня почти норма), сахар, который в Инглвуде от 150 до 200 и скачет, как Наташа Рапопорт по Калифорнии, здесь тоже более-менее приходит к нормальным цифрам. Я ведь, когда здесь один, веду вполне размеренный, я бы даже сказал респектабельный, образ жизни: встал утром, завел себе кофе, сел к компьютеру, пересмотрел, подправил сделанное накануне, чего-то там такое написал, и в девять-полдесятого пошел погулять-подумать. Красота здесь невероятная. Кругом озера, пальмы и сосны, все цветет буйным южным цветом, все дорожки заасфальтированы — и никого. Вы можете себе представить? Ни-ко-го!!! Мечта мизантропа! Одна девица с лошадиной мордой и в кепочке козырьком назад регулярно бегает трусцой, и еще какая-то тетенька возит в детской коляске болонку с розовым бантиком на макушке. Болонка каждый раз добросовестно меня обтявкивает. Погуляешь час-полтора, полюбуешься на журавлей, которые бродят здесь, как куры по миргородской улице, и идешь в бассейн. Бассейн не свой, а комьюнити, но можно считать, что и свой, потому что, во-первых, он в метрах ста от моего дома, а во-вторых, я там по большей части один. Аборигены, которые там изредка случаются, смотрят на меня, как на моржа, хотя температура в бассейне градусов 20 по Цельсию. Часов в 12 прихожу домой, завтракаю и сажусь работать.

«…И право, очень хороши,
Часы, когда дела забросив,
Сидя в тиши в небытии,
Пишу творения сии».

А когда приезжает супруга или дети, всё это благолепие летит к чертям собачьим. Их почему-то бассейн не устраивает, им, как уже было сказано, океан подавай. Кстати о супруге — вот с кем Вам надо советоваться по поводу Ваших маков. Она у меня, хохлушка из Николаева, родилась и жила на Украине в доме с садом-огородом, то есть человек земли и все про это знает. Язычница. Крестьянка.

Наша переписка, разумеется, и у меня хранится в отдельной папке, только не в качестве будущей книги, столь высоко в мечтах я не воспаряю, а скорее просто так — по привычке собирать письма, негативы, фотографии в фолдеры по темам. Могу подарить эти письма Вам для *Вашей* будущей книги. Заодно и меня прославите:)))

Вот подошла супруга, объяснила, что надо делать с Вашими маками. Пусть, сказала она, Наташа дождется, пока маки отцветут, коробочки созреют, а затем возьмет зернышки, разотрет их в ступке, приготовит маковый настой, и кайфует у камина в свое удовольствие. Ну, а если, сказала она, возиться лень, пусть так и оставит. Они сами созреют, рассеются и прорастут на следующий год. Мне кажется, это очень дельный совет. Особенно в своей первой части. Ни в какой Амстердам ездить не надо. Кстати, Людка с большим энтузиазмом восприняла Ваше приглашение. Она спрашивает, а где обещанное прикрепленное свидетельство о маках? Чего-то в Вашем письме ничего такого не было.

Ну, а теперь к воспоминаниям.

Confession II

Я нередко задумываюсь: почему, чем старше мы становимся, тем больше нас тянет в места, где *«наша младость пролетела»*, почему хочется восстанавливать прошлые связи, находить старых друзей, и даже (о, ужас!) посмотреть на девушек, которых трахал, в которых был влюблен, которых любил и которые любили тебя, хотя умом понимаешь, что ничего, кроме разочаро-

вания, это не принесет. И в первую очередь им, если посмотрят на тебя сегодняшнего. Я даже, будучи прошлой весной в Израиле в первый раз, не стал звонить и встречаться со своими бывшими подругами, которые в те далекие времена имели на меня серьезные виды. Пусть лучше в их уже поизносившейся памяти я останусь молодым, высоким, неотразимым красавцем.

Кто-то скажет — что ж тут удивительного, загляни в свой паспорт, друг мой. Это у тебя «ностальгия по прошлому». На самом деле это не так. Ну, или, не совсем так. Какой-то уж такой особой ностальгии по тем славным годам у меня нет. Печально конечно, что молодость отзвенела, но чего тут роптать — это естественный ход вещей. Всё, что было в Прошлом, было в Прошлом, а оно, это Прошлое, никуда не исчезает, покуда мы живы. Просто Прошлое, хранящееся в памяти, есть часть Настоящего. Но наступает минута, когда вдруг приходит осознание, что впереди как раз только Прошлое и осталось, а Будущее, увы, уже позади.

Итак *ab ovo*. После школы я поступил в Дальневосточный политехнический институт. И хотя выбор института — важное и ответственное решение (а что еврейский мальчик должен учиться, обсуждению не подлежало), я подошел к нему со свойственным мне легкомыслием. Я мнил, что непременно должен стать знаменитым актером. Но театрального института в ту пору во Владивостоке не было, а понять, что в Москве или Ленинграде мне с моими внешними данными, при конкурсе 100–150 человек на место, ничего не светит — ума хватало. Тонкий, звонкий, общипанный подросток. Плюс национальность. К тому времени я уже понимал, что в столицах это бо-о-о-льшой минус. Талант, как Вы понимаете, обсуждению не подлежал. Подразумевалось, что его-то как раз в избытке. Пророков в своем отечестве нет, родители против моих планов стать Качаловым или Тархановым, естественно, возражали. Они совершенно справедливо актерство профессией не считали. А так как все остальные виды человеческой деятельности мне были по барабану, выбор пал на Политех. Почему на Политех? Потому, что он был в двух минутах ходьбы от дома. Гораздо больший интерес представляет выбор факультета. Я решил поступать на лесотехнический факультет. Или, как его еще называли, деревообрабатывающий. Руки у меня растут из правильного места, я с детства что-то пилил, строгал, выпиливал, выжигал, собирал разные шкатулки, полочки... И ещё мне почему-то казалось, что изготавливать ме-

бель — более интересное занятие, чем строить корабли. Почему я заговорил о кораблях, надеюсь понятно: во Владивостоке, в этом портовом городе, в восточных, так сказать, воротах СССР, профессия корабела была самая востребованная, и потому кораблестроительный факультет был самым популярным и даже модным. Но я никогда не любил ходить строем, а к веяниям моды относился с подозрением. Для этого у меня было слишком живое воображение. А поскольку и конкурс на деревоотделочный факультет был ниже, то я довольно успешно проскочил.

Через год лесотехнический факультет по каким-то никому не ведомым причинам решили перевести в Хабаровск. Мне туда очень не хотелось — мама, папа, сестра, все друзья во Владике — какого хрена, чего я там в Хабаровске не видел. К тому же, после производственной практики на широко известном Дальзаводе (главный завод города Владивостока), где меня научили пить водку, готовить политуру для потребления вовнутрь, делать табуретки, а также попутно лишили девственности во время ремонта каюты стюардесс на круизном теплоходе «Советский Союз» (бывший «Адольф Гитлер»), я понял, что в этом табуреточном занятии ничего романтического нет, и решил перевестись на другой факультет. Выбор пал на электротехнический. Конкурс туда всегда был очень высокий: это был самый престижный факультет. Но я к тому времени очень ярко засветился в художественной самодеятельности, которая была в те годы делом чрезвычайно важным. Отношение к ней было таким, как в американских университетах к баскетболу или американскому футболу и вообще к спорту. Факультеты соревновались между собой, и заполучить такую «звезду», как я, стремились все. За меня боролись два факультета — кораблестроительный и электротехнический. Наивные люди — они не знали, какое счастье в итоге свалится на их голову. Как бы там ни было, в этой схватке титанов победил электротехнический. Там романтики тоже было не густо, но мне это было как-то до фонаря. Я к тому времени твердо вбил в свою самонадеянную голову, что должен стать актером, и что Политехнический институт — лишь промежуточный этап на моем усыпанном розами творческом пути. В Театре Владивостокских Студентов в комедии Исидора Штока «Божественная комедия» я с большим успехом (так мне тогда казалось) играл Создателя. Нас показывали по телевизору, мы собирали аншлаги. Возможно, Вы помните эту пьесу. Она несколько сезонов шла в БДТ у Тов-

стоногова. Там роль Создателя играл Евгений Лебедев, а роль Адама — Юрский. Но разве может Лебедев сравниться с мастерами студенческой провинциальной сцены. Тем более, что роль Адама в нашем спектакле исполнял Саша Михайлов, ныне Народный артист России («Любовь и голуби», «Змеелов» и т.д.).

Это я говорю о Городском Театре Студентов. В родном же Политехническом я был, так сказать, протагонистом Студенческого Театра Миниатюр, Райкиным местного разлива, и на этом поприще пользовался зрительскими симпатиями и успехом у девочек. А что еще надо в 17 лет.

Сам процесс обучения, при моем бойком характере, был мне в тягость, и вместо того, чтобы постигать премудрости сопромата и теоретической механики, я на лекциях учил роли, читал книжки по греческой мифологии или на задней парте резался в карты с моим школьным корешем Алькой Истоминым. За этим занятием меня однажды и застукал преподаватель, завкафедрой теоретической механики, некто Орлов, сволочь и зоологический антисемит, и торжественно на учебнике сопромата, как на Библии, поклялся, что он скорее сожрет этот самый учебник, чем Копелев окончит Политех. Оно бы и плевать, я всё равно уже намылился в Щепкины. Но, увы! Как уже было сказано, театрального института в ту пору во Владивостоке не было, потому, хочешь — не хочешь, пришлось сдавать теоретическую механику *12* (!) раз. Двенадцать, Карл, двенадцать! Валили меня добросовестно всей кафедрой. Сдавал я со всеми группами, на всех факультетах, во все семестры и сессии в течение трех лет, предмет знал так, что от зубов отскакивало. Они, конечно, добились бы своего, если бы не папин, еще по Ленинграду, друг, главный конструктор упомянутого выше Дальзавода. Фигура во Владивостоке весьма значительная. Он был дружен с деканом электротехнического факультета, замолвил за меня словечко, и мне разрешали под разными предлогами пересдавать, тем более что по другим предметам у меня были довольно приличные оценки. Ну, и статус звезды Театра Миниатюр. Кафедра термеха боролась, кафедра не сдавалась, была даже организована компания в прессе. Местная газета «Политехник» вышла с фельетоном, который заканчивался козырной фразой: *«Доколе...* (ох уж это сакраментальное «доколе»! Сколько раз в моей жизни оно было употреблено по отношению ко мне.) — *доколе наш Политехнический институт будет выпускать инженеров-комиков?»*

В конце концов, на 12-й пересдаче появился новый преподаватель, который был не в курсе кровавой клятвы. Пока он был один, я успел проскочить, и он, впечатленный глубиной моих познаний, поставил мне в зачетку жирную пятерку, а когда кафедра спохватилась, было уже поздно. Кстати, Орлову жрать учебник не пришлось, потому что его годом позже турнули из института то ли за блядство, то ли за взятки. Бог не фраер — всё видит.

К тому времени во Владивостоке открылся Институт Искусств, и я пошел осуществлять, так сказать, мечту детства. Прошел с первой попытки. Казалось бы, путь в Москвины открыт. Но, если Вы помните, в те годы из гуманитарных ВУЗов гребли широким неводом в армию. А понять умному еврейскому мальчику, что Советские Вооруженные Силы будут функционировать намного успешнее, если его там не будет, труда не составляло. В результате я, как Буриданов осел, оказался перед выбором: то ли театральный институт с перспективой в любой момент загреметь в армию, то ли постылый Политехнический, откуда в армию не забирали, потому что там была военная кафедра.

Однако руководство вновь открывшегося Института Искусств так впечатлил мой нечеловеческий талант, что они вопреки всем правилам разрешили мне учиться сразу в двух институтах. И в политехническом, и в театральном. Это был нонсенс по тем временам. Да и по нынешним, пожалуй, тоже, хотя нынче это зависит только от желания и денег. Если же смирить гордыню, можно предположить, что у них просто был недобор.

Семестр я проболтался, как говно в проруби, между двух ВУЗов, и, естественно, сессию завалил и там, и там. Театральный ВУЗ от технического и вообще от любого другого, помимо специфического набора предметов, отличается тем, что он требует всего твоего времени полностью. Надо было определяться. Пришлось выбирать политехнический, где была военная кафедра. Досдал, что завалил, и еще семестр мыкался в ДВПИ, изучая математику, физику, химию, сопромат и другие чуждые человеческому естеству предметы.

И тут родное правительство сделало немыслимый подарок — издало указ, что студентов гуманитарных ВУЗов забривать в солдатчину не будут. И на следующий год я с чистой совестью бросил облегченно вздохнувший Политех и поступил в Институт Искусств.

Это, так сказать, канва, внешний событийный ряд. На самом деле, эти годы после школы были полны всяческих событий, общений, знакомств, связей, влюбленностей, безумных романтических поступков, книг, фильмов, стихов — всего того, что, как писалось в советских газетах, «влияло на становление личности».

«В быту греховном,
и в поиске духовном,
Чредуя аскезу и сладкий разврат,
Томленье духа,
Весна и бормотуха —
Весьма опасный для душ конгломерат».

Это про нас, про мое поколение. Марик Фрейдкин вообще умел точно сформулировать мысль и облечь в тонкую элегантную форму самые приземленные материи. Скажем «Песня о зубном протезе» или «Амур пердю». Пару лет назад в своем поздравлении с днем рождения он написал мне:

В этом гаме и бедламе –
Помни — жизнь еще не вся,
Поседевшими мудями
Ностальгически тряся.

М-да... Так о чем это я? О времени после школы. Точнее, о становлении личности юного распиздяя, о тех людях, событиях, книгах, которые прямым или косвенным образом повлияли на этот процесс. Конечно же, в первую очередь, это две книги, которые появились в то время. «Над пропастью во ржи» Сэлинджера и «Звездный билет» Аксенова. Я и раньше, благодаря родителям, был достаточно начитанным мальчиком, но именно в этих двух было то, что помогло нам сформировать свое отношение к миру. Именно Холден Колфилд, Димка, Алик, Юрка стали нашими моделями поведения. Прорвавшиеся в это время на экраны американские фильмы «Великолепная семерка», «Серенада солнечной долины», немного позднее «В джазе только девушки», сам джаз, ещё позднее рок-музыка развернули лицом к западной культуре, определили вектор, ориентиры. Это сейчас мы можем говорить, что названные фильмы по сути сказки, мифологемы западного образа жизни, а тогда каза-

лось, что *ТАМ* именно так и живут. И эта «тамошняя» жизнь на экране помогала осознать, в какой затхлой атмосфере живем мы. А главное, эти ребята из «великолепной семерки» во главе с блистательным Юлом Бриннером (выходцем из Владивостока, кстати) — были *СВОБОДНЫ*. Внутренне свободны. В них было самоуважение и достоинство. И это был главный урок, вынесенный из этого фильма.

Мне повезло. На этом отрезке моей жизни я попал, точнее сказать был допущен, в компанию талантливых, ярких людей старше меня, умнее, образованнее. Сима Ярошевич — замечательный скрипач, ученик Ойстраха, зав. кафедрой музыки Института Искусств, впоследствии ректор какой-то, кажется Горьковской, консерватории, красавец, невообразимый бабник, из тех, о которых моя мама говорила, что за ними нужно высылать бабоуборочную машину; Женя Калганов — зав. кафедрой хорового искусства, впоследствии руководитель известного московского хора «Пересвет»; Эрлен Киян, открывший для меня поэзию Дмитрия Кедрина и Бориса Слуцкого — в будущем редактор журнала «Советский спорт», а тогда руководитель Театра Владивостокских Студентов, из которого вышли такие замечательные люди, как Марк Копелев и Народный артист России Александр Михайлов; Юра Барбой — впоследствии и сейчас зав. кафедрой театроведения Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, и другие. Вся эта молодая столичная гвардия появилась во Владивостоке с открытием Института Искусств. Они тоже были молоды, лет на пять-семь-десять старше меня, и жаждали интересного свежего дела. Открытие нового института такие возможности им давало, и они смело рванули из затхлых столиц на Дальний Восток. Конечно, я был им не ровня. Но они все-таки привечали меня, а у меня хватало ума молчать, слушать и смотреть. Смотреть, как они ведут себя, как охмуряют баб, читать те книги, о которых они говорили, пытаться понять ту музыку, которую слушали они, и, как завещал великий Ленин — «учиться, учиться и учиться.»

На этом я, пожалуй, прерву первую часть своего жизнеописания. Времени у нас впереди не сказать что много, но все-таки есть, и я очень рад, что мне приходится вспоминать. Что-то проясняется и для себя самого.

Обнимаю.

Ваш разговорчивый Марк.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
23 мая 2014 г. Salt Lake City, UT

Я создала новый фолдер «Марк Копелев» и собираю туда вашу будущую книгу. Перечитала уже имеющееся. Здорово! И жанр мне очень нравится — жизнь в письмах. Я бы на вашем месте такое название и сохранила!

Сегодня утром звонил Лёня Штерн, но я проспала. Вчера ходила в нашу консерваторию (я, если вы ещё не заметили, интеллигентный человек со всеми вытекающими осложнениями и последствиями). Давали Симфонические танцы Рахманинова. Который (третий, а может, четвёртый) раз их слушаю, силюсь, но никак не могу понять, где там танцы. Совершенно не хочется пускаться в пляс и вообще скучновато, как будто не тот же самый человек написал второй и третий фортепьянные концерты. Но это, безусловно, скорее характеризует мою музыкальность, чем Рахманиновские Танцы.

Итак, мы остановились на Владивостокском Институте искусств. Мне как-то жалко, что вы не окончили политехнический после таких титанических усилий с теоретической механикой. Как бы украсило биографию! И впоследствии торговать на Новосибирской барахолке с таким дипломом сподручнее. Приятно, конечно, что Орлов получил по заслугам (но, думаю, вы просто не в курсе: его вероятно перевели на повышение в райком, обком или вовсе какой-нибудь центральный орган. У таких кадров своя историческая судьба, её изменить нельзя).

У меня с Владивостоком тоже связаны кое-какие воспоминания. В молодые годы (то есть до отъезда в Штаты в 1990-м) я много разъезжала по линии Общества «Знание» — это был мой способ путешествовать по стране (другого, вообще-то говоря, и не было). Я была популярным лектором, потому что язык был живой и прилично подвешен, и кроме того я старалась как можно меньше врать народу (отчего случались всякие неприятности с власть предержащими, но я сейчас не об этом). Меня обычно выручал академик Гольданский, Председатель «Общества Знание», большой учёный (позже, перед самым моим отъездом, он стал директором нашего института Химфизики). Он был очень остроумный человек, писавший под псевдонимом на 16-ю полосу Литературки. Ко мне он очень хорошо относился и выручал, когда на меня шли разнообразные доносы. Кстати, раз уж к слову пришлось, Гольдан-

ский был зятем академика Семёнова, Нобелевского лауреата, основателя и первого директора Химфизики. Когда у Гольданского родился сын, замечательно остроумный профессор нашего института по фамилии Компанеец написал:

Гольданский Вэ посредством члена
Продлил Семёнова колено.
И был за это очень скоро
Отмечен званием член-корра.

Меня, несмотря на пренебрежение «политической корректностью», в обществе «Знание» уважали, и я могла сама выбирать, куда поехать с лекциями. Выбирала я обычно самые медвежьи углы, куда вообще никаким иным способом не доберёшься. Что замечательно: общество «Знание» всё оплачивало — дорогу, обкомовские гостиницы, да ещё прилично платило за лекции! Много было интересного, часто опасного (я же «экстремал»!). Когда-нибудь я включу в свою книжку главу о поездках от общества «Знание» под названием «Записки знающего человека».

Да, так я о владивостокской эпопее. Владивосток к медвежьим углам и экстремальным поездкам, конечно, не относился. Я должна была читать там в химчистках и прачечных какую-то херню о научно-техническом прогрессе, об окружающей среде и о связанных с прогрессом процессах в воде, земле и воздухе, о веке полимеров, о *старении пластиков* (это была в Совке большая проблема — пластиковые детали, например, в автомобилях и самолётах разлетались в прах). Я этой проблемой занималась в Институте химической физики на уровне механизма и кинетики твердофазных радикальных реакций. Так вот, за дальностью расстояния, организаторы лекций что-то перепутали, и вместо химчистки привезли меня во Владивостокский городской театр, где на наружной стене я увидела большой плакат: «Кандидат наук Наталья Рапопорт (г. Москва) читает в Большом зале лекцию «*Наука в борьбе со старостью*» (!!!). Мне было в это время лет тридцать, и вопросы борьбы со старостью меня мало беспокоили. Я ахнула: «Что вы! Это ошибка!!! Я не о старости! Я о старении полимеров! Я о борьбе со старостью вообще ничего не знаю!», а ваши мне строго: «Вы — столичный лектор. Народ собрался

слушать об этом. Полный зал. Читайте им то, что объявлено». Что было делать? Я вышла на сцену: и правда, битком набитый зал вашего городского театра (кстати, вас там не было? Впрочем, вряд ли — вам было лет двадцать, вы, как я поняла, были заняты другим). Словом, вышла я на трибуну, народ мне аплодирует — приветствуют. Я сказала: мне пятьдесят восемь лет (ярко рыжая и веснушчатая, я лет до сорока выглядела, будто мне шестнадцать). Зал ахнул. Я сказала: «правда, мне больше пятидесяти семи никогда не дашь?» Зал согласился: не дашь. Тут я взяла их голыми руками и прочитала лекцию об испоганивании нашей окружающей среды язвами научно-технического прогресса (время от времени ссылаясь, что всё это отражается на старении организма). Ушла под шквал аплодисментов. Чистый Остап… Так что впечатления от поездки во Владивосток следует отнести к положительным.

Марик, я с вами, как и с Вайсбергом, живу в противофазе. Для меня самое продуктивное время с одиннадцати вечера до трёх утра. После трёх постепенно иссякаю. С вами-то ничего, а с Вайсбергом это создаёт большие проблемы: он настоящий жаворонок, и мы редко видимся. По утрам ему приходится долго ждать, прежде чем он получает возможность нацепить мне на руку рукав от прибора для измерения давления. Но он постепенно смирился, хотя и ворчит непрерывно.

Привет! Жду продолжения жизнеописания. Наташа.

Копелев — Рапопорт
28 мая 2014 г. Port St. Lucie, FL

Здравствуйте, Наташа. А вы уверены, что слушание «Танцев» Рахманинова и более-менее регулярные походы в консерваторию являются достаточным признаком интеллигентности? Не то чтобы я усомнился в Вашей, но я знаю великое множество людей, которые считают себя интеллигентами только на том основании, что способны выслушать всего «Тангейзера» или пятичасовую «Гибель Богов». По секрету и со стыдом скажу: лично я в опере засыпаю с первыми аккордами увертюры и просыпаюсь, когда главный герой под мощные раскаты литавр долго и красиво умирает (а умирает он всегда, но при этом поёт), и когда занавес, тихо шурша, падает, закрывая скорбно молчащий (поющий) хор. Наверное, я не по-

нимаю чего-то. Честно говоря, я предпочитаю легкомысленные песенки Шаова или Марка Фрейдкина, «Зигфриду» или «Лоэнгрину». Хотя иногда, в охотку, могу послушать и их, но сугубо в наушниках и в записи. Сидючи в партере «Метрополитен оперы» — не могу. Более того, признаюсь и в такой крамоле, что в целом считаю оперу картонным искусством, и полностью согласен со Львом Толстым, который поносил оперу всякими бранными словами. А также двумя руками подписываюсь под мнением Ежи Леца, что «*Опера еще не исчерпала своих возможностей, потому что нет такой глупости, которую нельзя было бы спеть со сцены.*» Заявляю об этом вполне компетентно, как человек, слушавший оперы в течение 21 года, по семь-восемь часов каждый день, и переслушавший поневоле весь мыслимый оперный репертуар. Потому как всё, что происходит на сцене Метрополитен, транслируется во все помещения театра, в том числе и в наш цех. Я очень наслушанный человек, Наташечка. Не могу, правда, сказать, что стал от этого интеллигентнее. Скорее наоборот.

Однако вернемся к моему жизнеописанию. Остановились мы на том, что к большому неудовольствию родителей, я послал подальше Политехнический институт и поступил в Институт Искусств. От этого опрометчивого шага меня отговаривали всей семьей. Но я был тверд. Призвание, понимаешь, едрён корень.

Confession III

В институте, памятуя о моем первом заезде, меня приняли, как родного. Приемную комиссию я до глубины души потряс монологом Хлестакова. Вспоминая сейчас об этом своем артистическом достижении, думаю, что только безмерная юношеская наглость и столь же безмерное самомнение позволили мне так нахально вести себя перед серьезными людьми. Я, как принято говорить в театральной среде, наиграл на три зарплаты. К счастью, в приемной комиссии сидели люди, которые меня уже знали, которые видели меня на самодеятельной сцене, поэтому мое нахальство осталось безнаказанным. Что я пройду, мне сказали уже на первом туре.

Группа (в театральных институтах они обычно небольшие — 25–28 человек), у нас сложилась весьма разношёрстная. С од-

ной стороны, молодые ребята сразу после школы, а с другой — взрослые мужики, уже отслужившие армию, некоторые, естественно, члены партии. Уровень образованности и интеллигентности у всех весьма различный. Один чувак на экзамене на вопрос: «Что написал Лев Толстой? — честно ответил: «Филиппок». Но он-то как раз был членом партии, поэтому больше вопросов ему не задавали.

Я был своеобразной прослойкой. Во-первых, из интеллигентной семьи, во-вторых не после армии, то есть не с ушибленными мозгами и без привычки стоять по стойке «смирно». Но и не после школы, все-таки за плечами четыре года политеха, общения с умными людьми и свободного выпаса на воле. Это обстоятельство определило мое особое положение на курсе. Меня избрали старостой. Наш Мастер (руководитель курса в театральных ВУЗах называется «Мастер») Нина Николаевна Гороховская, которую пригласили из Ленинградского Института театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиКа), где она преподавала на кафедре знаменитого Бориса Вульфовича Зона (кафедра выпустившая, почитай, половину лучших ленинградских актеров — Фрейндлих, Юрский, Тенякова, Громадский и др.), была женщиной властной, непререкаемой, млела от крупных фактурных мужиков, но ко мне, несмотря на мою тогдашнюю мелкость, благоволила. Едва появившись на курсе, она объявила, что человека два-три переведет на индивидуальную режиссерскую программу. Такая практика существовала в ЛГИТМиКе на курсах Зона, и она решила внедрить её и в Дальневосточном Институте Искусств. Мотивировалось это тем, что на курсе должны быть студенты, имеющие склонность к режиссуре — они будут помогать ей в работе над отрывками. Я оказался в числе этих трех, а со временем и вовсе остался один.

Первый семестр пролетел, как во сне, легко-играючи. Многое из того, что было необходимо читать, у меня уже было прочитано, голова в те годы тоже работала еще вполне прилично. Вкупе с самостоятельным мышлением это давало неплохие результаты. Преподаватели меня любили. Им нравилось, что я умел развернуть материал под неожиданным углом. Им было со мной интересно. Я досрочно сдал зимнюю сессию и почти на месяц, впервые в жизни, умотал в Москву и Ленинград на каникулы. Как говорили во Владивостоке — «на Запад».

По выражению Михаила Сергеевича Горбачева, это был «пирдуха». Я прорвался на Таганку, которая тогда гремела, и посмотрел «10 дней, которые потрясли мир», «Добрый человек из Сезуана», с молодыми Славиной, Демидовой, Эйбоженко, Филатовым, Хмельницким; в Вахтангова посмотрел «Турандот» с Лановым, Ульяновым, Гриценко, Борисовой, Яковлевым; в Ленинграде, используя наводки, которые мне дала Нина Николаевна, я за 20 дней посмотрел 20 спектаклей в БДТ, в Комисаржевской, в Акимовском Театре Комедии, увидел на сцене Александринки Николая Симонова, Николая Черкасова, Юрия Толубеева, Василия Меркурьева; облазил Эрмитаж и Русский музей, увидел полотна, которые раньше видел только на иллюстрациях в «Огоньке». Помните, была там такая вкладка в журнале: «Шедевры мировой живописи». Короче, вернулся я, с одной стороны в просветлении, до краев заполненный впечатлениями и ориентирами, с другой — совершенно раздавленный, с полным пониманием своей провинциальности и осознания, в каком дерьме живу.

Второй семестр после возвращения из Питера прошел в склоках и разборках. Я уже отмечал, что Нина Николаевна была женщина нетерпимая, властная, и рано или поздно просто должна была разосраться с руководством института. Что и произошло. В склоку оказались втянуты и преподаватели, и руководство — от ректора и чуть ли не до завхоза и, что самое худшее, студенты. Скандал дошел аж до Министерства Культуры. Из-за чего там был сыр-бор, я уже не помню, да и не важно это. Просто я, как староста курса, оказался меж двух огней. Понимая, в общем, правоту претензий, предъявляемых к Гороховской, я тем не менее должен был ее поддерживать, поскольку только от нее зависело, будет ли у меня индивидуальная режиссерская программа. А Нина Николаевна была женщина опасная. Портить с ней отношения было рискованно. На моих глазах она сожрала пару неугодных ей студентов, натравив друг на друга части курса, устраивая собрания с обличениями и покаяниями, с битием себя в грудь, с благородным негодованием масс против ослушников. Всё, как всегда в таких случаях, под красивым соусом высоких идеалов и борьбы за чистоту искусства. Я тогда занял трусливую нейтральную позицию.

Это был опыт подлости. Лично моей трусливой шкурной подлости. До сих пор не могу простить себя за то, что тогда от-

молчался. Да простят меня несчастные Славка Петров и Витька (кажется Витька) Ковалев, которым эта ведьма испортила, а может и сломала жизнь при моем молчаливом соглашательстве. Возможно всё, что потом происходило со мной, было возмездием за проявленное тогда малодушие, ибо пройти мне пришлось ровно через то же самое. Бог, повторюсь, не фраер.

В этом хрупком равновесии, презирая себя за конформизм, я дотянул до конца семестра. Нину Николаевну уже дожевывали. Она вызвала меня и сказала: «Скорее всего я дальше здесь работать не смогу, а без меня режиссерской программы у тебя не будет. Я могу дать тебе рекомендательное письмо в ЛГИТМиК на кафедру Зона, езжай, попытайся поступить там».

Это было в конце июня 65 года. Я заостряю внимание на дате, потому что вступительные экзамены в театральных институтах обычно сдаются на месяц раньше, чем в других ВУЗах, с тем, чтобы те, кто не прошел по конкурсу, мог поступать в другие учебные заведения. Очень разумная мера, учитывая, что конкурс в ЛГИТМиК в те годы был до двухсот человек на место. Мои бедные родители прочитали рекомендательное письмо, из которого следовало, что я новый Вахтангов, ну или, по крайней мере, Таиров и Мейерхольд в одном флаконе, почесали репу, мама, со свойственным ей скептицизмом, заметила — *«на безптичьи — и жопа соловей!»,* но денег дали и сказали: «Езжай». И я поехал.

Когда новоявленный Растиньяк нарисовался в Питере, вступительные экзамены уже закончились. Точнее, осталось только несколько общеобразовательных, на которые в театральных ВУЗах никто особого внимания не обращает. Главное — сдать мастерство актера, то есть экзамен на профессиональную пригодность. А этот экзамен уже прошел, и руководители курсов разъехались кто-куда. Зон, в частности, уехал в Чехословакию. Опять-таки обратите внимание на эту деталь, потому что она важна для моего дальнейшего повествования. На мое рекомендательное письмо посмотрели, как на пустую бумажку — Вахтанговых из Владивостока, Одессы, Перми, Калуги и Таировых из Урюпинска было хоть отбавляй. Мне было предложено поселиться в общежитии института, подождать, пока Зон к сентябрю вернется из зарубежного вояжа, и поговорить с ним лично, так как у него, мол, есть место, потому что один абитуриент завалил не то историю, не то сочинение. Может быть, мое письмо и сработает.

Это был конец июня, начало июля. Студенты уже разъехались, и я пребывал один в комнате на семь человек, в славном общежитии театрального института на Васильевском острове в Гавани, занимая свободное время походами по музеям, библиотекам и историческим местам этого замечательного города. Причем делал я это весьма фундаментально — день Эрмитаж, день Русский музей, как на работу, и почти каждый день после обеда в Публичную библиотеку, где в вестибюле над широкой лестницей, ведущей в читальные залы, висел огромный плакат с изречением Писарева: ***«Настоящее образование — есть только самообразование!»*** Вот я и самообразовывался. Делал это я не потому, что во мне проснулась такая уж неодолимая тяга к знаниям, хотя и это тоже, а потому, что понимал — ничего мне не светит, никто меня ни в какой театральный институт не возьмет (я уже представлял себе уровень и планку этого института), и единственное, что я сейчас могу сделать — это добрать и увезти с собой во Владивосток то, чего я там лишен. За два месяца я облазил все музеи Ленинграда, перешерстил гору уникальной театральной литературы в Публичке, изучал труды Евреинова, основателя Государственного Еврейского Театра (ГОСЕТ) Грановского, Мейерхольда, Таирова, Вахтангова, Лобанова, перечитал кучу дореволюционных и послереволюционных театральных журналов и даже газет, и т.д. и т.д.

В этот период случилось следующее событие. Ко мне в комнату подселили чувачка с киноведческого факультета ВГИКа. Была такая практика, что студенты иногородних театральных институтов и училищ на каникулах могут жить в общежитиях столичных театральных ВУЗов. И вот этот чувачок однажды предложил мне смотаться в Петергоф. Я там никогда прежде не бывал и с удовольствием согласился. Мы на Дворцовой набережной сели на «Ракету» (теплоход на подводных крыльях, который курсировал между Ленинградом и Петергофом), на нём по пути склеили двух девиц, и такой дружной компанией прибыли в Петродворец. Помимо удивительных красот, каскада фонтанов, статуи Давида, разрывающего пасть льва, и громадного количества туристов, по аллеям этого чудесного места бродило тогда великое множество цыган, продающих тушь, жвачку, презервативы и пристающих к прохожим с предложением погадать. Привязались и к нам. Я с детства и по сей день не люблю все эти гадания-предсказания-гороскопы, считаю это

маразмом, и поэтому просто послал их подальше. Но одну нашу подругу они все-таки охмурили. И пока я ее ждал, до меня докопалась одна старая цыганка — дай, мол, погадаю, бриллиантовый мой, позолоти ручку. Я, конечно, золотить ручку отказывался, но этот чувачок вдруг сказал:

— Да что тебе, рубля жалко? На, погадай ему, — и дал цыганке три рубля.

И вот что она мне нагадала. Я это хорошо помню, потому что, приехав домой, записал всё дословно в своем дневнике. Ну, не в дневнике, дневник это громко сказано, а была у меня такая тетрадь, где я конспектировал, что прочитал, где был и так далее. Если опустить подробности и отжать всю воду, вот её слова:

> *— У тебя, золотой мой, сейчас большие хлопоты* (ну, это общее место), *и ты не веришь, что они закончатся хорошо. Но ты не беспокойся, мой бриллиантовый: они закончатся* ***так хорошо, как ты даже не предполагаешь****. Приедет* ***червовый король из-за границы*** *и уладит твои дела.*

Тут у меня уши слегка встали торчком. Потому что одно дело ***«большие хлопоты»*** (у кого их нет?), и совсем другое — «*червовый король* ***из-за границы»***, когда ты ждешь приезда человека, который должен решить твою судьбу. И таки именно из-за границы.

Дальше она предсказала мне *«долгую бурную жизнь»*, о чем, полагаю, нетрудно было догадаться, глядя на мою продувную харю. Правда с оговоркой — *«если ты, мой золотой, переживешь очень трудный для тебя период с 33 до 40 лет. Будь осторожен, чаво-ро (сынок), ты можешь умереть»*! И напоследок утешила, что если я переживу этот трудный период, то в конце жизни буду *«богат, известен, и много писать»*.

Судя по длине моих писем, она было права. Поэтому останавливаюсь. Еще бы сбылось предсказание о **«богатстве и известности»**. Но это, как Вы сами понимаете, вещи весьма и весьма относительные. Если заглянуть в интернет, то конечно я более известен, чем какой-нибудь Ваня Пупкин, о котором не написано вообще ничего, а имея два дома в Америке — несравнимо богаче бомжей в подземном переходе с Тверской на Манежную, хотя о размерах состояний этих ребят можно только догады-

ваться. Но с другой стороны, до Гейтса или Сергея Брина мне тоже далеко, не говоря уж об Абрамовиче или Усманове. Так что будем довольствоваться тем, что имеем, считать, что известности и богатства мы уже достигли, и соответствовать последней части предсказания пиша (или пися?..), ну, короче, будем писать длинные-длинные письма друзьям.

Обнимаю.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
28 мая 2014 г. Salt Lake City, UT

Ну? Где же вы? Почему ещё не здесь? Маки отцветут! Априори люблю мою союзницу Люду, подарившую мне надежду на ваш приезд. Боюсь поверить своему счастью. А конкретнее, имею дельное предложение. Я только что положила трубку: звонила из Вашингтона моя замечательная подруга Стэлла Коппель (Коппель, я понимаю, это обрезанный Копелев. Как всё рифмуется в жизни!). Звонила она с сообщением, что взяла к нам билет на 15 июня. Вообще-то она собиралась прилететь на мой день рождения в прошлом августе, но поскользнулась в своей библиотеке Национального института здоровья и сломала руку. Добрая авиакомпания Дельта сохранила ей билет — лети дескать по выбору в любое время в течение года, и вот она прилетает 15-го июня на 8 дней, и мы планируем ослепительные вояжи по нашим Национальным паркам. Присоединяйтесь!!! Дом большой (см. прикреплённый файл), у вас внизу будет целая квартира с гостиной, спальней, сортиром и душем, с глядящими в окна кустами роз (см. прикреплённый файл). А Стэлла будет с нами наверху в бывшей Викиной комнате. В машине (Тойота Камри)

тоже места всем хватит, да мы и не будем ездить больше чем по пять часов в день — остальное гулять.

Июнь в Юте, обычно, не смертельное время года. Смертельное наступает в июле-августе, когда температура в среднем 100 градусов по Фаренгейту — правда, у нас очень сухо, поскольку рядом пустыня Невада — это помогает пережить тяжёлые времена. Но вы в июле всё равно в Москве празднуете юбилей Тимура (а я дико завидую), так что всё сходится.

Следующее сказочное время наступает в сентябре и тянется до конца октября, иногда до середины ноября. Потом выпадают снега, и для тех, у кого не кружится голова и не переломаны все возможные члены, наступает сезон горнолыжного катания. Но перевалы бывают закрыты, и никуда особенно не усвистишь. Ну?

Остаюсь, как прежде, ваша…

Копелев — Рапопорт
30 мая 2014 г.Port St. Lucie, FL

Наташенька, родная! Спасибо за приглашение, но вся жизнь наша до августа расписана по дням. Числа 10–12 июля мы с Людиком летим в Москву на торжества по случаю знаменательной даты нашего гения. Из Москвы возвращаемся 23 июля. Так что Ваше грозное «НУ» пока повисает в воздухе, а Ваша замечательная подруга с замечательной фамилией

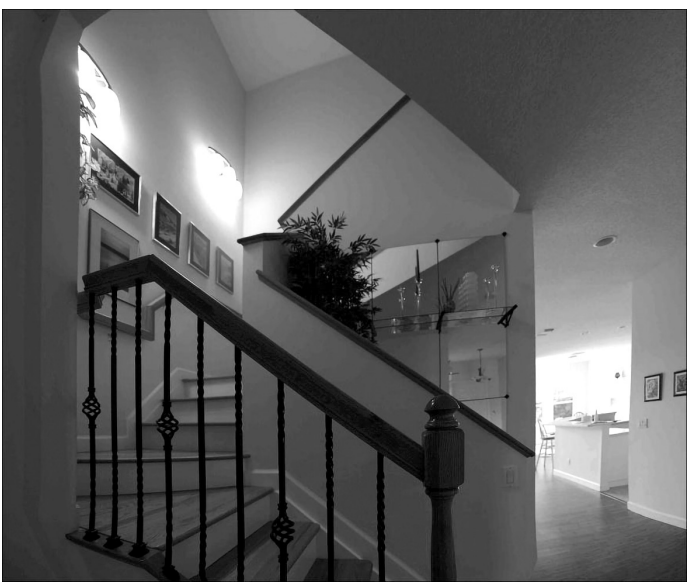

пока остается без замечательной компании. Ну да ладно, какие наши годы — еще свидимся.

А может быть, когда перевалы завалены снегом, Вы соберетесь во Флориду. Чего сидеть в снегах, как ледокол без выхода. У нас здесь свои красоты. Пальмы, озера, океан. И дом не хуже, о чем свидетельствуют приложенные файлы.

Всегда Ваш.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
1 июня 2014 г. Salt Lake City, UT

Ничего себе живут некоторые Портные (это я о доме)! Сказать по правде, я усомнилась, живут ли там. Дом такой стерильный — в нём же нельзя шагу ступить! Где беспорядок, который мой Вайсберг прокламирует как необходимую составляющую жизни? Где носок, засунутый между диванными подушками, который потом полдня ищут — вот и время занято, где двенадцать пар очков, рассованных по три-четыре на кухонном столе, в сортире, под подушкой, в будуаре у соседки и т.д., при этом совершенно не нужных, потому что лет пять назад Вайсберг поимел очень успешную операцию на глазах? Где, в конце концов, газеты Солт Лейк Трибьюн, начиная с прошлого года, летающие по дому, по саду, по кровати, по воздуху и по крыше? Где, я вас спрашиваю?

Не верю! Так не живут! И как мне теперь, после того, что я увидела, приглашать вас в гости?!

Ваша обескураженная Наташа.

Копелев — Рапопорт
1 июня 2014 г. Port St. Lucie, FL

Наташа! Сколько лет Вы живете в Америке? Мне ли Вам объяснять, что рекламе верить нельзя. Неужели Вы думаете, что весь бардак, который бывает в доме, может появиться на ре-

кламной картинке? Хотя должен сказать, что я не то чтобы уж сильно аккуратный, но предыдущий опыт несанкционированных обысков приучил меня к тому, что вещи должны лежать на своих местах. Уходя из дома, я подсознательно запоминаю положение ручки на столе. А во Флориде, где я живу один, где дом новый, а «Солт Лейк Трибьюн», как, впрочем, и другие газеты, следуя совету профессора Преображенского, я не читаю — все Вами описанные прелести разводить просто некому. Так что не пугайтесь. Приезжайте, запихивайте носки между подушками, очки по кухонным столам и сортирам, коих в доме четыре, а если уж Вам так нравится бардак, как необходимая составляющая жизни — you are welcome в Нью-Джерси. Вот там-то эти прелести присутствуют в полной мере. Да в такой, что удивить меня еще чем-нибудь трудно. Внуки стараются.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
1 июня 2014 г. Salt Lake City, UT

Ах, Марик, я бы и сама так жила, как на вашей рекламной картинке, но лет около пятидесяти назад неразумно вышла замуж, так что приходится донашивать. Вот в Москве –, там у нас был ещё какой порядок, даже Вайсберг знал, где лежат его носки — они, для примера, прикрывали катушку с оригинальной (из первых рук!) записью Галича, доставшуюся нам от Алика Гинзбурга, когда он ждал обыска. А потом, когда мы сами ждали обыска, Вайсберг её сжёг, чего до сих пор не могу ему простить. И ещё кучу ценнейшей литературы на папиросной бумаге — всё сжёг! А с обыском тогда не пришли. Зато после одного посещения некой французской съёмочной группы (канал Антенн-2) в сопровождении двух «переводчиков», после их посещения нашли столько оставленных «жучков» — в люстре в столовой, в фиалке на кухне, даже у Вики в комнате сзади за пианино, что я даже забеспокоилась, как бы «контора» не разорилась, если так разбрасывается заграничным хайтеком. Мы с Викой описали эти события с двух сторон, она — очень талантливо, я попросту, но никогда эти писания не публиковали.

А после моей публикации в «Юности» я всегда оглядывалась, выходя из лифта, прежде чем сунуть ключ в дверь. Эта сука, наша косметичка из парикмахерской, председатель или как там это у них называется Тушинского отделения общества

«Память», подкладывала в наш почтовый ящик такие гнусные записки с угрозами, что мало не покажется. Так что мы с Вайсбергом вздохнули облегчённо, когда Вика улетела в Израиль, хотя улетала она в полную неизвестность: невероятно, но у нас там не было никого родных и близких, и Вика сама пробивалась, достигнув небывалых социальных высот в мытье попок бабушкам на богадельне и уборке в гостинице. Губерман, к которому я воззвала, сказал: через это, старуха, надо пройти и ничем Вике не помог.

Что-то я разболталась. Назад к мышам! Ваша Наташа.

Копелев — Рапопорт
1 июня 2014 г. Port St. Lucie, FL

(Общая рассылка о юбилейном альбоме Шаова)

Дорогие друзья! Все, кто прислал поздравления к юбилею Тимура и просто его поклонники. Альбом почти готов. На следующей неделе я хочу отдавать его в печать. Первоначально планировалось, что альбом будет напечатан всего в двух экземплярах — Тимуру и мне, как автору. Но уже сейчас несколько человек изъявили желание приобрести этот альбом. Многие спрашивают сколько это будет стоить. Объясняю: это штучная печать, поэтому она стоит дорого. Стоимость печати зависит от количества страниц, типа обложки (твердая, мягкая, в нашем случае твердая), качества бумаги и еще некоторых параметров. В альбоме 130 страниц. Обложка твердая с фотографией. Программа, в которой я верстал альбом, показывает, что стоимость одного экземпляра $224.95. (см. два первых скриншота).

Возможно, кто-то из вас настолько любит творчество Тимура, что захочет приобрести этот альбом, несмотря на высокую стоимость. Обращаю ваше внимание на то, что это будет раритетное издание, в котором собраны поздравления и высказывания о Тимуре лучших людей России.

Если у вас такое желание есть, для начала вы должны в течение четырех-пяти дней дать мне знать об этом. Тем, кто напишет, я объясню, как передать мне деньги. Это необходимо, потому что сервис, который печатает альбом, требует предоплату.

С уважением Марк Копелев.

P. S. Альбом готовится в тайне от Тимура, поэтому прошу тех, кто имеет с ним прямой контакт, не проговориться. Заранее благодарен.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
1 июня 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик, виртуальный альбом совершенно классный!!! Представляю, в каком восторге будет Тимка! Много талантливых поздравлений, но всё-таки от Губермана — непревзойдённое. Следующее за ним — Ваше.

Можно я несколько страничек перешлю Вике? Она с Тимой никак не связана, и вообще ей некому проболтаться, потому что живёт, как сыч, в своей студии, царапает свои медные доски и с людьми не общается. И вообще через неделю улетает в Рим на 10 дней. А?

Обнимаю! Наташа.

Копелев — Рапопорт
1 июня 2014 г. Port St. Lucie, FL

Да, конечно, Наташенька. Только не думаю, что ей понравится. Она-то профессиональный художник, а там, если с этой точки зрения покопаться, много чего наворочено. Я же не профессиональный дизайнер.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
1 июня 2014 г. Salt Lake City, UT

Три часа со страницы на страницу — и, как говорит Губерман в одной из своих баек, а я люблю повторять: совершенно не жалею, что зря потеряла время!

Письмо подлиннее напишу позже, то есть раньше, а то сейчас 2 часа утра и Вайсберг настойчиво и злобно зовёт в койку. Но главный вопрос задам уже сейчас — «письмецо в конверте» получили? Имейте ввиду, что это почтовое отправление из серии «погоди, не рви»!

Обнимаю!

Копелев — Рапопорт
10 июня 2014 г.Port St. Lucie, FL

Наташа, у Вас всё в порядке? Что-то от Вас уже 10 дней ничего нет. Как здоровье?

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
10 июня 2014 г. Salt Lake City, UT

Записки из подполья

Марик, я решила, что вы купаетесь в семейном счастье с детьми и внуками, такой создала себе образ — дедушка с седой бородой и газетой у горящего камина, а вокруг резвится племя младое, незнакомое. А я ушла в подполье — провалилась опять в ту самую научную яму, где ни охнуть, ни вздохнуть: подвалили одновременно два дэдлайна — на большую главу в книгу о терапевтическом ультразвуке самого наипервейшего научного издательства Springer, и параллельно надо было обработать новые материалы о циркуляции моих флуоресцирующих нано-капель и лекарств в живой мышке — отцифровать видеоклипы, обработать математически полученные ряды чисел, найти закономерности и описать — словом, то ещё занятие! Спать совсем перестала, потому что думы не давали, с утра до утра в башке молчаливые ряды цифр — а мне надо, чтобы они заговорили. Но думала о вас каждый день в коротких ночных перерывах, где-то с трёх до четырёх утра, только писать не хотела и не могла, потому что *BAM* мне хочется писать письма, а не отписки, а на это не было сил… Сегодня надеюсь поставить заключительную точку на главе в Springer, и отправить редактору издания с глаз долой, а с мышиной статьёй придётся ещё повозиться, но это уже в охотку, такой строгой срочности нет.

А вам удаётся писать продолжение романа жизни? Я жду!

Тут дня два назад вернулась из поездки в Нью Йорк на чью-то свадьбу моя приятельница Нина Богуславская (вдова Миши Богуславского, альтиста, директора Баршаевского оркестра) и привезла мне неожиданный и замечательный подарок от Бэллы Давидович — её книгу воспоминаний, названную неприхотливо: «Мои воспоминания». Издана в Москве, замечательно красивая (и Бэлла, и книга), издательство М. П. Юргенсона (я о таком не слышала). Я положила её около кровати и любуюсь, а открыть не позволяю себе, пока не отправлю

главу. Родители мои через общих друзей были связаны с музыкальным миром, встречались с Марией Вениаминовной Юдиной, Давидович, Янкелевичем, и меня таскали. У папы-то был редкостный слух — его принял в Консерваторию сам Глазунов, да папа предпочёл медицину, но работал дома всегда под классическую музыку. У него половину книжного шкафа занимали пластинки. Я думаю, редко у какого врача была такая фонотека. Когда я уехала в 90-м, сестра продала шкаф. Он был уникальный, светлого дерева, до потолка, с колоннами и потрясающей резьбой. Пластинки все выбросили…

Сын Бэллы Давидович Дима Ситковецкий — замечательный скрипач и дирижёр (он прислал мне как-то несколько дисков). Он сделал программу для канала «Культура» — интервью с Кисиным, Бэллой и ещё двумя музыкантами, имён не помню. Их покажут по «Культуре». Дима талантливый, обаятельный и замечательный. Как-то приглашал меня в Лондон, да пути не пересекаются. К тому же я робею перед генильными музыкантами, я в прошлой жизни была Глухая Тетеря. Когда будет минутка, посмотрите интервью с ним, не пожалеете (дурацкие вопросы журналистки об Украине, в конце передачи, можно не слушать):

http://www.svoboda.org/content/transcript/25408631.html

В связи с дикой нагрузкой я перешла на новое лекарство от давления — Беникар — едва выпросила у врача рецепт. Дорогое, блин (больше трёхсот долларов!), и страховка не оплачивает, потому что брэнд, но пока очень помогает.

Так что я жива и, как всегда, очень Ваша.

Обнимаю, Наташа.

Копелев — Рапопорт

10 июня 2014 г. Port St. Lucie, FL

Ну слава богу, что живы и «как всегда…». Я действительно стал волноваться. Как-то не хочется употреблять словосочетание «в нашем возрасте», но куда деваться… Ну ладно, предлагаю отстраненный вариант — «*в этом возрасте*». Вроде не «*наш*», а так отстранённенько, вообще — «*этот*». К нам никакого отношения не имеет. Мы-то молоды, мы-то молодцы, но вот в *этом возрасте* бывает всякое. Особенно с *нашим* давле-

нием и с *нашим* сахаром. М-м-да. От этих «*наших*» уже не откреститься… Ну да бог с ними. Живы, и слава Богу.

Я как-то всё время забываю, что это я пенсионер-бездельник, а Вы у нас серьезная научная дама, у Вас виварии, инсектарии, и нано, извиняюсь за выражение, технологии. Но Вы не волнуйтесь, Наташа, я в полной мере понимаю Вашу занятость, длинных писем и не ожидал, и единственно, за что переживал, за Ваше здоровье. Тем более, что для того, чтобы писать продолжение «романа жизни», как Вы его называете, требуется некоторое время. Тут же надо не только вспомнить, но и осмыслить, и постараться описать, и желательно так, чтобы не было стыдно за написанное. Вот этим, наряду с альбомами и переговорами со всякими людьми, в разной степени считающими себя великими, я эти дни и занимался.

На чем мы остановились? Ага, на Петергофе, на подготовке к экзаменам и на предсказании цыганки. На ожидании *«червового короля из-за границы».*

Confession IV

Итак. Продолжая каждый день ходить по музеям и в Публичку, я дождался конца августа. К сентябрю съехались преподаватели, профессура, мастера курсов, заведующие кафедрами. Разговор с вернувшимся из Чехословакии Зоном был короткий. Он прочитал мое рекомендательное письмо, поморщился, отложил в сторону и сказал: «Извините, но у меня на курсе мест нет». Я набрался наглости и напомнил ему, что, по моим сведениям, Сеня Бульба (Бульба — это фамилия абитуриента) завалил историю, и я наравне с ним имею право претендовать на это место. Теперь-то я понимаю, что это было высшей степенью нетактичности, чтоб не сказать наглости, которая шла от моей глубокой, дубовой провинциальности. Не разговаривают так с профессорами в Ленинградском театральном институте: нет значит нет. Утрись и дуй назад в свой Урюпинск. Зон долго изучал меня, как нечто совершенно диковинное, а потом спросил:

— Вы откуда, молодой человек?» (как будто письма не читал).

— Из Владивостока,— гордо ответил я.— Там же в письме написано.

— А… Ну, ну… У Бульбы пятерка по мастерству. Историю он досдаст. А и не сдаст, особой беды я в том не вижу. Мы воспи-

тываем актеров и режиссеров, а не историков. А Вас я не знаю. Возможно все, что написано о Вас в письме, и правда,— он брезгливо потряс листком,— но мне это неведомо.

На том разговор и был закончен.

Ну, нет так нет. Я как-то и не особенно надеялся, несмотря на предсказание. То есть я вообще во всю эту чертовщину не верил, да, пожалуй, не верю и сейчас. Но все мы так устроены, что не верить-то мы не верим, а в глубине души... Помните, в одном из первых вариантов «Мастера и Маргариты», Воланд, рассказывая историю об Иешуа, рисует тростью на песке его лик. И когда Иван Бездомный заявляет, что все это чушь, Воланд предлагает ему этот лик растоптать. И Иван при всем своем безбожии долго сделать это не решается. Так и я — не верить-то не верил, но... в глубине души...

Однако в данном случае все было предельно ясно. Отлуп был дан по полной. Мне даже кажется, что письмо, учитывая, мягко говоря, трудный характер Нины Николаевны, сработало как раз в обратную сторону.

На следующий день я упаковал вещи, сказал коменданту и уже подъехавшим соседям по комнате, что через пару дней отбываю, и поехал в институт по какой-то бюрократической надобности. По пути заехал в агентство Аэрофлота, купил билеты. Придя в институт, прямо на парадной лестнице столкнулся с секретарем приемной комиссии Манефой Николаевной (классное имечко, не правда ли), которая, увидев меня, закричала:

— Копелев, Копелев, я вас везде ищу. Вас хочет видеть Музиль (Музиль, режиссер Александринки, в это время добирал второй режиссерский курс). Музиль — это кафедра народного артиста Леонида Сергеевича Вивьена, главного режиссера Александринского театра, на которой в то время преподавали и он сам, и Музиль, и Василий Васильевич Меркурьев, и Ирина Всеволодовна Мейерхольд.

Тут надо кое-что объяснить, потому что человеку, не очень разбирающемуся в специфике обучения в театральных ВУЗах, может быть неясно, с какого бодуна, при конкурсе в 200 человек на место, требуется еще добирать второй курс. А дело в том, что несмотря на пятерки, полученные по мастерству на вступительных экзаменах, в течение первого года обучения выясняется, что многие оказываются профнепригодными. Ибо прочитать обязательные стихотворение, басню и отрывок из

прозы — это одно, а доказать свою актерскую или режиссерскую состоятельность — совсем другое. Талант измерению не поддается, объективных критериев нет, да и проявляется он не всегда сразу. Поэтому отсев с первого курса бывает до 50%. На актерских курсах эта проблема обычно решается набором кандидатов. То есть набирают не положенных 25–28 человек, а 30–31. Эти лишние бесправные кандидаты первый год учатся наравне со всеми, и в конце занимают, если хорошо себя проявили, освободившиеся в результате отсева места. Часто из кандидатов как раз и получаются хорошие актеры. Примером тому Алиса Фрейндлих или Марина Неелова, которая училась на курс младше меня. Они обе не прошли по конкурсу и первый семестр протелепались в кандидатах.

Но на режиссерских курсах картина иная. Там кандидатов не наберешь, потому что принимают людей взрослых, как правило, с уже имеющимся высшим образованием (вот тут мне и пригодились четыре года политехнического). Они не могут позволить себе болтаться в кандидатах: семью кормить надо. При этом поступающим на второй курс приходится сдавать не только обычный вступительный экзамен, но и все зачеты и экзамены за первый курс.

Не буду утомлять Вас подробным описанием этого месяца, скажу только, что сдал я все на пятерки. Нет, вру — четверка за этюд была. Один из главных экзаменов для абитуриентов-режиссеров — коллоквиум (собеседование) — я сдал блестяще. Да не покоробит Вас такая нескромность. Я ответил на все 25–30 вопросов из всех разделов гуманитарных наук, поражая преподавателей своими недюжинными познаниями, которых никто не ожидал от провинциального отрока. Цепкая юношеская память и лето, проведенное в музеях и Публичке, не прошли даром. Прав был Писарев, прав!!!

Но тут возникла новая коллизия. Нину Николаевну сожрать не удалось, и был получен приказ из Министерства Культуры оставить ее в институте. И с той же легкостью, с какой она давала никому не нужные рекомендательные письма в ЛГИТМиК, Гороховская не захотела теперь отпускать меня со своего курса. То, что я сдал все на пятерки в Ленинграде, только усугубило ситуацию. «Доколе, — кричала она в ректорате, — доколе, столичные ВУЗы будут переманивать наших лучших студентов!» Документы мне не отдавали и требовали, чтобы я вернулся, грозя отчислением.

А отчисленный, я не имел права на прием на второй курс в Питере. Между тем учебный год уже начался. В результате я завис между двумя институтами — в ЛГИТМиК меня не зачисляли, потому что не было документов, а в Институт Искусств я уже и сам не хотел возвращаться. *«Воздух свободы сыграл с Плейшнером злую шутку»*. Кончилось тем, что мама пополам перепилила моего скромного папу, он одел парадный мундир, все свои ордена и медали и, бренча этим иконостасом, явился в ректорат. Что он там говорил — не знаю, но документы мои он выцарапал.

В результате долгих мытарств меня зачислили на второй режиссерский курс профессора Музиля. Вот тебе и предсказание! Помните, что сказала цыганка? *«Дела твои, мой бриллиантовый, закончатся так хорошо, как ты даже не предполагаешь»*. И вот пожалуйста — не первый курс, как предполагалось, а второй, и не актерский, а режиссерский.

Кстати, Музиль накануне собеседования со мной вернулся из Болгарии. У-у-упс, как говорят в Америке.

Всегда Ваш.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
18 июня 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик, пришёл альбом, замечательный! Себя я в созвездии на фронтисписе сначала не нашла, потом пригляделась — да я же на великом переломе, в центре событий, рядом с Войновичем (хотя, может, предпочла бы быть под Городницким).

Совершенно замечательный портрет Тимы на обложке. Гениальный.

Ко мне прилетела на неделю подруга из столицы нашей капиталистической родины и завтра мы едем во Флеминг Гордж, а на обратном пути — к динозаврам в их среду обитания (у нас тут натуральный Джурасик в Dinosaur National Park, мормоны даже извлекли у них ДНК и пытаются клонировать. Если затея увенчается успехом, я вам сообщу заранее, приезжайте снимать встречу с пращуром!).

Альбом пришёл очень вовремя (пока мы дома), потому что сегодня целый день не переставая лил жуткий ливень, перемежавшийся снегом, и если б нас не было — альбом бы пострадал. Вернёмся в субботу или воскресенье. Горы в снегу.

Обнимаю! До новых встреч в эфире! Наташа

Копелев — Рапопорт
20 июня 2014 г. Port St. Lucie, FL

Ничего не поделаешь, Наташа. На Великих переломах всегда кто-то оказывается под кем-то, а если сбоку, то еще и повезло. Но может Вас утешит, что Вы оказались над Чубайсом, с которым у Вас родство по рыжей масти. Да и вообще, он мужчина крепкий — не чета Александру Моисеевичу.

Что-то у Вас всё, что я ни сделаю — то замечательно, то гениально. Смотрите, испортите пацана на старости лет. Хотя, с другой стороны, мы же культурные люди — не писать же в самом деле — «говно» или там: «Свистнуто, не спорю… Но свистнуто очень средне!»

Понимая, что Вам сейчас, в связи с приездом подруги, письма писать некогда, посылаю очередную порцию жизнеописания. Читать — не писать. Попытаюсь выполнить обещание ужаться. Если, конечно, получится. Написать-то я хочу о том, каким зигзагом моя кривая судьба занесла меня в Благословенные Штаты Америки, а получается про себя любимого. Хотя как отделить одно от другого?

Confession V

Однажды мне попался научно-фантастический рассказ, где было описано путешествия в Прошлое на машине времени. Герой отправляется в мезозой посмотреть на динозавров, поскольку любознательные мормоны Юты к тому времени их еще не вывели. У этого путешествия были обязательные правила: попав в прошлое, ходить только по проложенному маршруту, ни в коем случае с дорожки не сходить, не мять траву, не рвать листья, ничего не трогать руками и т.д. Короче только смотреть, ибо любое вмешательство влечет за собой непредсказуемые изменения в Будущем. И вот герой, заглядевшись на схватку тираннозавра с динозавром, сходит с дорожки и случайно наступает на бабочку. И хотя обо всех таких случаях положено сообщать, он никому ничего не сказал, рассудив, что раздавленная бабочка слишком незначительный эпизод истории и никоим образом на будущее повлиять не может. А вернувшись в свое время, он видит вывески на непонятном языке, автомобили выглядят не так, люди разговаривают на непонятном наречии, носят какую-то странную одежду, и вообще всё как-то изменилось. Рассказ собственно

о том, что понять, как то или иное действие или поступок отзываются в будущем, нам дано далеко не всегда.

Помимо явных причин и поводов, эмиграции предшествовало множество разнообразных событий, разговоров, связей, происходивших и во время учебы, и в первые годы работы в театре, а потом в Чите и в Новосибирске на телевидении. В институте были капустники, были постановки в самодеятельности, после института работа в театрах Свердловска, Рязани, на телевидении в Чите, Новосибирске. И все впечатления, размышления, разговоры оседали где-то в подсознании, формировали отношение к той стране, где мне посчастливилось родиться, и постепенно набрали ту критическую массу, которая, как известно, ведет к взрыву. Скажу только, что ни один мой спектакль, начиная с первых студенческих, не миновал запрещения. Под «запрещением» я имею в виду не полное закрытие спектакля, хотя и это было, а цензуру, когда готовый, выношенный, выстраданный спектакль начинают кромсать по живому. Запрещали в Ленинграде, запрещали в Свердловске, запрещали в Рязани. С треском, с травлей в прессе, с вызовами в студенческие годы на ковер в ректорат, позже — в обкомы и КГБ. Сегодня вспоминая, *«оглядываясь с ужасом,* — как поет Марк Фрейдкин, — *на свой духовный путь»*, я пытаюсь понять, почему в моей жизни всё так повернулось. Конечно же, я был не единственный, у кого запрещали. Время было такое. Помню, на встрече студентов нашего института с театром «Современник» Олег Ефремов, комментируя эту ситуацию, сказал: *«У нас тут недавно худсовет был, на котором Женя Евстигнеев пошутил: «Что-то у нас давно ничего не запрещали — туда ли мы идем?»* Так вот я, видимо, шел всё-таки в правильном направлении. И попал под этот советский асфальтоукладчик по полной. Ну, и характер. Меня, конечно, «подстрелили на взлете», но не я один такой был. Того же Розовского сношали в хвост и в гриву, но он прорвался. Видать, чего-то во мне самом не хватило. Напора, целеустремленности, харизматичности. Скорей всего именно харизматичности. Ведь что такое — харизма. Это абсолютная уверенность в своей правоте и способность этой уверенностью заразить других. Я не такой. Ну, или не совсем такой. Я, при всем моем тщеславии, не люблю высовываться, мне это претит. И в своей правоте уверен далеко не всегда. У меня не было той *эмоциональной избыточности,* которая есть у действительно харизматичных лидеров.

Таких, как скажем, Моше Даян, Бен Гурион, тот же Товстоногов или Розовский. Это дар. Это либо есть, либо нет. Кстати, с греческого «харизма» так ведь и переводится — «дар богов». Всё произошло так, как должно было произойти в соответствии с заданными условиями и характерами действующих лиц. Те, кто прорвался, на своем месте. Я — на своем. И должен Вам сказать, что не очень жалею. Я как-то недавно снимал Розовского, и что-то он не произвел на меня впечатление очень уж счастливого человека. А по поводу оценочного суждения — хорошо сложилось или не очень, сошлюсь на древних. Кажется, у Гесиода в «Трудах и днях» есть что-то такое: «Смертный не может сказать, что был счастлив, пока Стикс свои воды за ним не сомкнет».

С советской властью поначалу у меня случились не столько политические, сколько *«эстетические разногласия»,* как очень точно сформулировал Андрей Донатович Синявский. Из Рязани, где я поставил мюзикл, по сути дела первый на советской тюзовской сцене, было даже написано письмо в институт и в Министерство Культуры СССР с требованием лишить меня диплома. *«За развращение нашей молодежи и пропаганду чуждых нам западных ценностей».* Вот так — не больше, не меньше! «За развращение!» Это вообще был замечательный театр. Не зря Рязань ассоциируется у меня с запахом помойки. Там последовательно в свое время сожрали молодого Олега Ефремова, затем молодого Анатолия Эфроса, не приняли в труппу малоизвестного тогда и, по мнению руководства театра «совершенно бездарного» актера, Иннокентия Смоктуновского. То есть я был не одинок в этом изысканном меню. С традициями театр. Об этом, если захотите, я потом расскажу более подробно. А сейчас, чтобы не утонуть в деталях, хочу вернуться в студенческие годы.

Ура! Победа! — я поступил в ЛГИТМиК! На режиссерский курс! — сразу на второй! — Заслуженного! — деятеля! искусств! — профессора — Александра — Александровича — Музиля!!! Мечта сбылась! Я учусь в Ленинграде! В одном из лучших театральных ВУЗов страны! Папа в задумчивости чешет затылок, мама иронично хмыкает и говорит, что, мол, конечно — «на безводье — и хер водопровод» и втихомолку гордится сыном. Мои бывшие однокашники поздравляют и завидуют. Или наоборот — завидуют и поздравляют. Здесь хочется к месту сказать пару слов в защиту так осуждаемого всеми чувства зависти. Ничто так не способствует самоуважению, как зависть. Зависть — это как ме-

даль. Зависть — это признание твоих заслуг. И, если ты не совсем дебил, зависть — это двигатель. Зависть толкает вперед. Как заметил Александр Сергеевич Пушкин: *«Зависть — сестра соревнования, следственно из хорошего роду»*. Тут можно было бы конечно порассуждать о белой и черной зависти, но я не буду этого делать, во-первых, чтобы не отвлекаться, а во-вторых, потому что не очень верю, что зависть имеет цвета. Оттенки, конечно, есть, но при самой доброжелательной зависти в глубине души всегда таится темное ревнивое чувство. Это свойство человеческой природы, и ничего с этим не сделать. *«The grass is always greener on the other side of the fence»,* — говорят американцы. По мне, лучше быть предметом зависти, чем сострадания. А за любую победу приходится платить, ибо у неё всегда есть обратная сторона. И сколько там потерь, чем тебе за эту победу пришлось расплачиваться — никто кроме тебя не знает. Победа, говорите? Сбыча мечт? Ну-ну... Господь — шутник великий, мечтам осуществиться позволяет, когда наказать хочет!

Сейчас память о первых днях пребывания на курсе уже сгладились, а тогда... Не передать, в какую атмосферу «доброжелательности» я попал. Какие ломки приходилось проходить. Если актеры, как бы они не относились друг к другу, всё-таки партнеры, и друг от друга хочешь-не хочешь зависят, то режиссеры — абсолютные индивидуалисты и, даже более того — соперники. Эту нехитрую мысль уважаемый Сан Саныч старательно вбивал нам в головы на протяжении всей учебы. Он готовил нас к театральной жизни. К существованию в этом гадюшнике, который называется ТЕАТР. Он сталкивал нас лбами, старательно сеял зерна раздора, культивировал соперничество, зависть. Такого понятия, как взаимовыручка, на курсе практически не существовало. Оступиться было нельзя. «Утопающего толкни» — таков был негласный принцип выживаемости на курсе. Не думайте, что я преувеличиваю — это действительно было так. В этом, кстати, Сан Саныч мало отличался от Гороховской.

Я и тогда и потом часто размышлял о мотивах их поведения. Почему они это делали? Поначалу я думал — оттого, что Музиль, в общем-то, посредственный режиссер. А посредственности в мутной воде склок и раздоров существовать всегда легче. То есть в таком его поведении я прозревал сознательный злой умысел. Потом понял, что это не совсем так. Просто в человеческих сообществах существуют те или иные правила поведе-

ния, и человек, какой бы он изначально ни был, долго живущий в определенной среде и, заметим, выживший в ней, начинает считать, что поведение, позволившее ему выжить — единственно возможное, единственно правильное, что именно так устроен мир. Что это — НОРМА. За примерами далеко ходить не надо — современный среднестатистический россиянин не может себе представить в ПРИНЦИПЕ, что какое-либо благое дело можно сделать бескорыстно. У него не укладывается в голове, что усыновить больного ребенка можно просто из сострадания. Для него ясно как день, что делается это только для того, чтобы пустить несчастного на органы. А иначе — зачем! Вы что, шутите?! Зачем нужна эта дырка в голову? Переубедить невозможно. Потому и появляются законы типа пресловутого закона «Димы Яковлева». Или, если спуститься пониже — тюремный быт. Взаимопомощь, благородство в этой среде воспринимаются, как слабость. Конечно, существуют исключения типа Ходорковского, Лебедева или Пичугина. Но они, помимо действительно сильного характера, подперты и деньгами, и международным общественным мнением, а то неизвестно, чем бы это кончилось. Да что я Вам рассказываю. Вы, вероятно, знаете это лучше меня от своего отца или от Даниэля. Театр существует ровно по тем же законам. Может, даже с большей драматичностью, поскольку театральный люд более пассионарный. В литературе о театре этот аспект широко освещен. «Против кого дружим?» — говорила Раневская. Дрессировщику Анатолию Дурову негашеную известь в грим подсыпали. Любимое развлечение балетных артистов камешки в пуанты подсовывать. Или вот последние веяния — кислотой в лицо. Булгаков на эту тему целый «Театральный роман» наваял. Вспомните хотя бы дирижера Романуса или Людмилу Сильвестровну Пряхину. Да и самого Ивана Васильевича. Так что Музиль учил нас театральной подлости не потому, что был такой плохой — он, за годы существования на минном поле Александринки, просто не представлял, что может быть по-другому.

Вот тут и возникает развилка. Дальше уже твой выбор — либо ты принимаешь эти правила и живешь по ним, либо, если сможешь — живи по своим, но будь готов, что сожрут и шнурков не оставят. Я, честно говоря, плохо вписался в эту парадигму. Я же поступил на второй курс, а они-то до меня год существовали вместе и уже знали, чего от кого можно ожидать. А тут новень-

кий молоденький провинциал (я был самым молодым на курсе) — какая прелесть!!! Какие новые возможности! В театральной среде существует такая фишка, когда спрашивают: «Ну, как вам новый режиссер?» отвечают: «Пожуем — увидим...» Вот меня и стали жевать. Музиль по вышеизложенным причинам этому не препятствовал. И пришлось бы мне ой как плохо, если бы не второй педагог на курсе, Евгений Павлович Злобин, светлая ему память. Он меня прикрыл и помог пережить этот трудный период, пока я сам не смог за себя постоять. Пакости делать я, правда, так и не научился, но навык чувствовать подводные течения и видеть скрытые пеной камни приобрел. Полезное, в общем, умение. И не только на театре. Возможно, Музиль учил нас правильно.

Столь же трудно проходило мое вживание в Питер. После привычного, провинциально-теплого города, где все знают тебя и где ты знаешь всех, Ленинград навалился на меня всей своей столичной мощью. Всеми своими набережными, дворцами, музеями, театрами, своими безразличными громадными пространствами и холодными, почти неприязненными, отношениями между людьми.

Тема «провинциал в столице» со вкусом обмусолена в классической литературе от Бальзака, Стендаля и Достоевского до замечательного Гончарова с его романом-диагнозом «Обыкновенная история». Вряд ли я смогу добавить что-либо существенное. Мастера, создавшие всех этих Растиньяков, Сорелей, Александров Адуевых подробно описали путь провинциала в столице, и, можно сказать, под микроскопом исследовали все метаморфозы, происходящие в его характере. И хотя все упомянутые герои жили в прошлом и даже позапрошлом веке, соотношение столицы и провинции практически не изменились. Великие произведения литературы потому и велики, что они на все времена. Люди, родившиеся и выросшие в Москве, Ленинграде, Париже или, скажем, в Нью-Йорке, не очень понимают, с каким стрессом сталкивается провинциал, отправившийся завоевывать столицу. Они, столичные жители, во всем этом выросли, все впитали с воздухом громадного города, они с детства живут по этим правилам. Я не обсуждаю, хороши эти правила или плохи — они просто другие. Разница между столичным жителем и провинциалом приблизительно такая же, как между животным, выросшем в вольере зоопарка, и осо-

бью, выросшей на дикой природе. И там и там свои законы выживания.

У меня, благодаря зимнему восторженному визиту и лету, проведенному в Ленинграде, некоторый иммунитет к этому городу-фантому все-таки уже был. Но одно дело приехать на каникулы и упиваться увиденными впервые в жизни красотами, и совсем другое — жить среди этих красот и ходить каждый день на работу или учебу. Я иногда думаю, так ли уж счастливы жители, скажем, Венеции или Парижа.

Поначалу я обитал в общежитии театрального института в Гавани на Васильевском острове, в той самой 21-й комнате на 7 человек, в которой провел все лето. Только теперь помимо меня в ней жили еще шестеро здоровых охламонов. Йося Рейхельгауз, которого в первый же семестр отчислили за профнепригодность. Теперь это известный московский режиссер, создатель и художественный руководитель московского театра «Школа современной пьесы»; Жора Лапето, наверное знакомый Вам по фильму «Город мастеров», где он исполнил главную роль; будущий режиссер московского ТЮЗа Сеня Бульба, тот самый абитуриент, с которым мы претендовали на одно место у Зона, что в ту пору не способствовало нашим теплым отношениям. Сейчас мы с ним френды на фейсбуке; мой приятель Алик Махциер, первый из моих знакомых сказавший: «Поехали...» Сейчас живет в Нью-Йорке в районе Центрального парка. *«Жалеет страшно»*. Больших успехов не достиг, актерам это почти невозможно, но член гильдии киноактеров, играет небольшие рольки в commercials и владеет пятиэтажным билдингом в Гарлеме. Аркадий Шалолашвили... О-о-о-о! Шалик — это отдельная песня!!! Талантливый актер, впоследствии отпетый уголовник, окончивший свою жизнь в лагерях, якобы от инфаркта. О судьбе этой неординарной личности, если Вас заинтересует, вы можете во всех красках узнать, пройдя по ссылке: http://spb-tombs-walkeru.narod.ru/len_obl/komarovo/shalolashvili.html. Очень рекомендую почитать.

Ну, и еще кто-то, кого я сейчас просто на помню. Все вышеперечисленные, кроме Жорки Лапето и меня, были одесситы. Стоит ли объяснять, что за атмосфера царила в этой комнате? Пьянки, гулянки, бабы, которые слетались в эту комнату, как мошкара к костру (ребята-то все яркие, красивые), драки, разборки, милиция... То есть веселуха по полной. Смесь Молдаванки и Привоза.

Вначале после достаточно умеренной провинциальной жизни мне это нравилось. Богема! Ощущать себя её частью, общаться с известными актерами, поэтами, музыкантами, бардами, которые постоянно паслись в нашей комнате, выпивать с ними было так приятно. Кого тут только не бывало: молодой еще, почти неизвестный Высоцкий, болтающийся по Питеру с гитарой, ищущий, где можно выпить; начинающий актер Боярский, красавчик Юрий Каморный (фильм «Зося»), Сандро и Николя Товстоноговы, Фима Падве и проч., и проч., и проч. «Жизнь бурлила, как в джакузи», хотя в ту пору об этом достижении цивилизации в совке даже не подозревали. Если мне не изменяет память, даже душа в общежитии по-моему не было. Рассказов, связанных с этой знаменитой 21-й комнатой, наберется на отдельный том.

Потом моя профессия и характер пришли в противоречие с тем образом жизни, который махровым цветом цвел в общежитии, а в нашей комнате в особенности. Они-то все актеры. Для них эта раскрепощенность — часть их профессии. Прочь все тормоза, эмоции наружу, раззудись плечо, размахнись рука... Шалолашвили наразмахивался на первую трехгодичную отсидку, Жорка Лапето едва открутился. А я — режиссер. Нам надо читать километровые списки рекомендованной литературы, писать экспликации. Застольная работа, как эти ни покажется странно непосвященным, занимает основное режиссерское время.

Короче, из общежития я ушел. Мне надоели эти пьянки, гулянки и этот разнузданный «праздник жизни», когда в комнате на семь рыл ночуют 14 лиц разного пола с визгами, стонами, счастливыми женскими всхлипами, сценами ревности, полуночными выяснениями отношений и прочее. Я просто не вписывался в этот яркий дружный одесский коллектив.

Начались поиски жилья. Вначале болтался по новым микрорайонам (там дешевле), а потом нашел комнату в самом центре. Ну, просто центрее не бывает — угол Невского и Литейного. На одном углу знаменитое кафе «Сайгон», в ту пору «Москва», на другом — кинотеатр «Октябрь», замечательный винный магазин в полуподвале и Дом работников искусств им. Станиславского, на третьем углу — кинотеатр «Титан» и стоячее кафе-автомат, весьма популярная в то время в Питере едальня, а на четвертом — магазин «Парфюмерия». Вот над этим замечательным магазином, который коренные ленинградцы называли «ТэЖэ» (название, кажется, пришло еще из НЭПа), мы с моим приятe-

лем Аликом Махциером и нашли комнату в коммуналке на 18 семей. Устройство этого коммунального рая было весьма своеобразное. Я бы сказал спруто-образное. Большая, метров 35–40, кухня, с никогда не мывшимся окном и струпьями краски на потолке, со столами под замками, с керогазами и примусами, с веревками для белья и лохмотьями паутины по углам. От кухни рукавами-щупальцами отходило 3 коридора разной длинны и с разным количеством комнатушек, образованных очень «временными» фанерными перегородками, воздвигнутыми, по-моему, еще 1918 году, в эпоху уплотнения буржуев. В том рукаве, где жили мы, было три комнаты. Наша в центре. По правую руку жила старушка-божий одуванчик — член партии с 1905 года, всю жизнь проработавшая если не в ВОХРе, то в учреждениях близких по профилю, со всеми вредными привычками, свойственными этим заведениям. Этакая Аннушка-Чума местного пошиба. С левой стороны проживала сорокалетняя корабельная блядь на пенсии со своими постоянно меняющимися сожителями. Прошу заметить, слова «корабельная блядь» — это не моральная оценка ее образа жизни, а обозначение профессии. Не знаю, встречались ли Вы когда-нибудь с этой разновидностью людской популяции. Я в свою бытность прохождения производственной практики на приснопамятном Дальзаводе имел возможность наблюдать этих дам вблизи, когда плавучие краболовные базы ставили в ремонт. Не могу сказать, что это были сексуально-озабоченные женщины. Это было бы понятно и извинительно: природа секса темна. Нет, это были бабы, для которых секс был не таинством жизни, затрагивающим эмоциональные струны, а нечто сродни процессу мочеиспускания или дефекации. Они в сезон путины нанимались на плавучие рыбо- и крабо-заводы и не столько занимались разделыванием рыбы, хотя и этим тоже, сколько ублажали плавсостав за государственные деньги. Такой низкопробный плавучий бордель с вполне тюремными внутренними отношениями. Вот наша левая сожительница была из этих. Надо сказать, что из этих двух ближайших соседок левая была безвреднее, потому что, когда в ее дела не лезли, была вполне терпима и толерантна. А толерантность при существовании с картонными стенками необходима, потому что мы-то ведь тоже были не подарок. К нам тоже девочки иногда захаживали.

Сортир в этом социалистическом общежитии имени Бертольда Шварца, естественно, был один. Находился он как раз при

входе в наш коридор. А в конце этого коридора был выход на черную лестницу. Такая конфигурация была чрезвычайно удобна для нас. Когда приходила хозяйка, которая в этой квартире не жила и появлялась только за тем, чтобы изъять деньги за проживание, а у нас в это время оказывались зависшие с ночи боевые подруги, что весьма не поощрялось высоконравственным коллективом нашей «Вороньей слободки», мы в щелку двери перед ней извинялись и просили немного подождать на кухне, мол надо одеться. Затем один из нас шел в туалет, дверь которого просматривалась из кухни, и соответственно всё, происходящее в сортире, прослушивалось. Чтобы избежать некоторой публичности этого интимного акта, дверь в кухню при посещении сего богоугодного заведения приходилось закрывать. С разными смущенными ужимками (актеры же) мы эту дверь закрывали, и в это время через черный ход выпускали наших девушек на волю.

В этом коммунальном раю мы просуществовали около полугода. Алик, как студент актерского факультета, большую часть времени проводил в институте, приходил поздно, и я имел возможность более-менее спокойно и тихо заниматься, не особенно докучая соседям. Чем даже вызывал у них некоторое подобие уважения.

Но со временем это хрупкое равновесие, конечно же, было нарушено. Проживание на самом центровом углу Ленинграда имело как свои плюсы, так и минусы. Этот злосчастный угол лежал на пути в институт и из института, и миновать его было невозможно, куда бы и по какой бы надобности кто-то не направлялся. Вот наши буйные однокашники его вниманием и не обходили. Ну как же, такая замечательная точка, живут такие хорошие ребята — почему бы не зайти с бутылкой и парой девочек. Или просто с бутылкой. Или просто зайти. Поговорить, выпить, пообщаться. Общение это, честно говоря, не всегда проходило бесшумно. Обсуждались фильмы, спектакли, читались стихи и монологи, звучали песни бардов... Ну, а когда сокурсник Алика сын известного актера Федора Никитина («Гибель империи») Мишка Никитин — белокурый красавец, высокий, голубоглазый принц из сказки, оттрахал семнадцатилетнюю красавицу-сироту Аэлиту из соседнего коридора, возмущению соседей не было предела. Меня как Васисуалия Лоханкина пригласили на кухню на собрание жильцов.

Почему именно меня? Ну а кого же? Не приходящего же Мишку Никитина или вечно появляющегося заполночь Алика. Атмосферу этого судилища я описывать не буду: Ильф и Петров сделали это гораздо талантливее до меня. Все было в точности, как описано у них, за исключением, разве, Никиты Пряхина, вымачивающего розги в углу. Помимо претензий в соблазнении сироты с марсианским именем, мне были вменены в вину следующие преступления:

а) постоянный шум (Врут! Шум конечно бывал, но чтобы постоянно...)

б) топанье бахилами (Алик) по коридору. (Правда. Это и меня раздражало).

в) большое количестве посещающего нас народа (Правда).

г) не гашение (Алик) света в уборной (Ну это классика. Лоханкин пострадал за то же самое.)

И главное преступление, не сравнимое даже с соблазнением сироты:

— *Алик садится с ногами на унитаз!!!*

— Как с ногами?

— А вот так! С ногами!

— А вы откуда знаете?

— Знаем!

— Откуда?

— Знаем!!! Мы всё знаем!

Возразить на это абсолютное знание мне было нечего, и я пообещал разобраться. Лично ко мне никаких претензий не было. И то слава богу. Я уж боялся, что меня заставят жениться на обесчещенной марсианке из дружественного коридора.

Вечером, когда Алик пришел, я спросил его:

— Ты что, действительно садишься с ногами на унитаз?

— Да. А что?

— Но зачем? Со стульчаком же удобнее.

— Ты понимаешь,— признался Алик.— я же из Одессы. У нас на Островидова все удобства были во дворе. Я с детства привык садиться на унитаз «орлом». У меня по-другому не получается.

Это была вполне осмысленная аргументация.

— Ну ты хотя бы дверь плотнее в сортир прикрывай.

— Да, пошли ты их всех на хер,— посоветовал Алик.— Тебе что, больше делать нечего, как разбираться, кто как срет? Да

и вообще, давай подыскивать другое жилье. Они нас так или иначе достанут.

Он оказался прав. Через пару недель меня опять пригласили на кухню. Теперь уже собрался полный кворум из всех трех коридоров. Похоже, на сей раз уже и розги были приготовлены в углу. Пришла даже горящая жаждой мести, брошенная коварным принцем-соблазнителем марсианская девушка Аэлита.

— Мы хотели с вами по-хорошему, но вы, видимо, по-хорошему не понимаете,— начал председатель кварткома, человек с внешностью (да и характером) гоголевского Городничего.

«Точно, пороть будут!» — подумал я.

— Ну.

— Алик по-прежнему садится с ногами на унитаз.

Я напрягся и приготовился дорого продать свою еще не поротую задницу.

— Ну.

— Что ну?

— Ну. Я жду продолжения. Садится... Так это же он садится, а не я. От меня-то вы что хотите?

— Чтобы вы, как старший и более ответственный товарищ, указали ему на недопустимость этого.

— Указал. Он сказал, что иначе не может.

— Какэтонеможет? Какэтонеможет? — засепетила бабка-большевичка, что справа.— Мы можем, а он, видите ли, не может!

По правилам режиссерской науки надо было ломать ситуацию.

— Да! — драматическим голосом сказал я.— Да!!! Вы можете, а он не может. Потому что, когда он садится как вы, мадам, у него яйца полощутся.

И оставив остолбеневших соседей дорисовывать в своем воображении эту впечатляющую картину, я ушел в свою комнату собирать вещи. Через три дня мы съехали. Тем более, что нашлась коммуналка в десяти минутах ходьбы от института, всего на четыре семьи. Тоже не подарок, тоже не с самыми милыми соседями, но все-таки.

Эта комната в цокольном этаже по знаменитому ныне адресу Басков переулок 12, имела свой отдельных вход из подворотни и окно, смотрящее туда же. Свет проникал весьма скупо, в комнате всегда было темно и от этого сыро, но зато приходящие ко мне друзья и девушки, привстав на цыпочки, могли до-

тянуться до окошка и постучать. И я, если хотел, открывал, а не хотел, так и не открывал. Таким образом я жил вполне себе автономно. Стены на сей раз были капитальные в метр толщиной, кухней я не пользовался, так что с соседями пересечений почти не имел. Алик после полугода проживания в этой сыроватой петербургской обители делить со мной тяготы оплаты жилья не смог и вернулся в общежитие. В этом тихом, уютном пристанище площадью 10 квадратных метров я и прожил до окончания института. И, наверное, это были самые счастливые годы моей питерской молодости.

Вы, Наташа, можете спросить: «А чем же знаменит этот, упомянутый мной, *Басков переулок 12,* кроме того, что некто Копелев провел там лучшие студенческие годы?» Для пущего драматического эффекта я мог бы адресовать Вас в интернет, чтобы это открытие поразило Вас в самое сердце, но пощажу Вашу психику и Ваших мышей. В доме по Басковому переулку 12, только в соседнем подъезде, жил один шпанистый питерский паренек, который после десятого класса с трудом поступил в университет, где добросовестно стучал на сокурсников, потом в школу КГБ, затем был назначен мелким шпионом в резидентуру советской разведки в Германии. Ничем особенным, по сведениям беспристрастных очевидцев, он там себя не проявил, поэтому вернувшись, так сказать, «с холода», некоторое время «бомбил» по Питеру на своем «Запорожце», занимаясь частным извозом. Потом ему тоже повезло, и он еще пару лет таскал портфель за мэром города Ленинграда, приторговывая попутно цветными металлами… Но Клио — великая шутница. В силу необычайного стечения обстоятельств, этот прыщ с оловянными глазами по кличке «Окурок» был заброшен на самый верх социальной пирамиды. «Сладкая жуть подкатывает к сердцу», когда представляешь, что этот титан, этот матерый человечище, эта гордость новой России, каждый день в течение трех лет ходил у меня под окнами, заглядывался на моих девочек, агрессивно сплевывал под ноги моим приятелям, и, возможно, вполне возможно, что это именно он с компанией таких же гопников начистил мне рыло в этой самой подворотне.

Ну что же это такое?! Причем здесь этот сукин сын? Вроде не хочу размениваться на детали, хочу избегать ненужных подробностей, а начинаешь писать и всплывает то одно, то другое, то третье, и за этим потоком сознания забываешь, с чего начал

и что хотел сказать. А истории, *изложенные на бумаге,* подчиняются уже другим законам, литературным, и требуют, как любое литературное произведение, завязки, развития действия, кульминации и развязки. Так нас учили в институте.

На этом на сегодня заканчиваю. Извините за сумбурность. Память — она, как провинциальная девушка, попавшая на распродажу в замок обанкротившихся аристократов — выхватывает яркие тряпки и не обращает внимания на элегантные вечерние платья.

Всегда Ваш.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
26 июня 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик! Несколько дней не работал интернет (а может и всю неделю, что меня не было, но уж точно три дня после возвращения), а с ним и домашний телефон, сидящий на том же модеме. Так что не писала я не потому, что у меня подруга, то да сё, а по чисто техническим причинам. Вчера к вечеру удалось наконец победить Comcast и они поменяли модем, вернув мне связь с жизнью. Таким образом я только что добралась до вашего письма, и всё — сгубил. Эпитеты типа «замечательно и гениально» писать теперь опасаюсь, словаря эпитетов у меня под рукой нет, а я — не Дина Рубина, у которой всегда есть в запасе пара подходящих к случаю эпитетов. Но пока не дочитала до последней точки, не могла оторвать глаз от экрана, хотя несколько раз появлялся в кабинете разъярённый домашний тиран и требовал меня к священной жертве на кухню. Марик! Очень! Хорошо! Очень!

Копелев — Рапопорт
27 июня 2014 г. Port St. Lucie, FL

Здравствуйте, Наташа! Ну, слава Богу, обозначились. А то я уже волноваться начал. По моим расчетам, Вы должны уже были вернуться из загула по горным тропинкам Юты, а письма все нет и нет.

Перечитал свое прошлое письмо и ужаснулся неимоверному количеству грамматических ошибок. Про запятые просто молчу, у меня с этим делом всегда была напряженка. Вы уж из-

вините. Это со школы — почти всегда пятерка по литературе, и троечка, а то и двойка, по русскому языку. Как теперь сказали бы «двушечка».

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
26 июня 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марик! Вы будете это читать уже в Нью Джерси, в суматохе сборов, так что постараюсь оседлать сестру таланта и не слишком вас обременять эпитетами и метафорами.

Рассказ о раздавленной бабочке, который вы цитируете — это Рэй Брэдбери, по-моему он называется «Сафари». Классный рассказ, он у нас в семье был очень в ходу, да и до сих пор в ходу, хотя и реже. Это было постоянной прелюдией к моим очередным эскападам. Вайсберг грозил: «Смотри, раздавишь бабочку»; читать это надо было, например, так: «вернёшься, а меня нет». Варианты, почему «меня нет», были разнообразные, вариант «потому что я умер» был из них самый оптимистичный.

Марик! Умерьте гордыню! Когда вам чистили морду в подворотне, будущий Президент великой державы только-только перестал писать в штаны. Он мог быть в этой банде сочувствующим, и я бы его поняла — уж очень неудобный вы, Марик, были человек для Софьи Власьевны. Но главным исполнителем он был вряд ли: не выглядите вы человеком, подставляющим другую щёку какому-то мелкому пацанчику, пусть даже и большому фраеру. Извините, если развеиваю мечту, но правда всего дороже, мы же с вами документалисты?

Марик, день икс — 15-го? Где будет большой Хурал? Какой зал вместит всех участников альбома и всех любящих Тима? Я умираю от зависти. Бросила бы к чёрту всё и прилетела… хотя бы в родное Гнездо. Вы уж мне наснимайте, пока трезвый, а можно и по пьяни.

Обнимаю вас! Ваша Наташа

P. S. Кстати, что-то не припоминаю, что (или когда) я якобы просила вас ужаться. Что это за фантазии Фарятьева? И думать не могите! Всё, что вы пишете, очень интересно (ну, по крайней мере, тем, кто, как я, готов пить с вами из одного горлА), а пишете вы так ярко, как дай нам бог… И ваши похо-

ды «на сторону» от основной линии не менее интересны, чем сама ось. Пишите!

Копелев — Рапопорт
27 июня 2014 г. Port St. Lucie, FL

Ужаться в своих жизнеописаниях меня просили не Вы. Просто я чувствую, что меня несёт то туда, то сюда. Начинаю про одно, перескакиваю на другое, потом на третье, и в конце концов теряется нить повествования. У меня в Новосибирске на телевидении была ассистентка Наталья П. Имя полностью называть не буду, потому что к ее письмам мне видимо еще придется обращаться и даже цитировать. Как недавно выяснилось, ее неоднократно таскали в КГБ по моему поводу, когда родной советской власти я осточертел окончательно. И она, как мне кажется, «пела» там курским соловьем, хотя уверяет в письмах, что «*конечно же, нет*.» Но проговаривается. Впрочем, это сейчас неважно. Когда до ее писем дойдем, я расскажу о ней более подробно. Так вот, она человек в общем-то пишущий, словом владеет, но читать ее эпистолы трудно именно в силу вышеобозначенных причин: её кидает из стороны в сторону, и в конце концов перестаешь соображать, о чем же она пишет, зачем, и что хочет сказать. Чтобы не уподобляться, хочу обозначить цель своего повествования. Как говорила моя мама, цитируя соседку с четвертого этажа: «Чтобы потом разговору не было.» Рассказать-то я хочу о том, как вполне благополучный провинциальный мальчик из правоверной советской семьи стал предателем самой лучшей в мире социалистической родины с ее идеалами гуманизма, добра и человечности. А значит, и говорить надо о том, как это происходило, а не распыляться на всяких мудаков, живших с ним в одном дворе. Хотя опять же — как отделить факт побития морды автору этих строк будущим президентом России от конечного результата? Это, может, и не бабочка на тропинке прошлого, но какая-то примятая травинка.

Confession VI

В предыдущих письмах не раз мелькало слово — «Чита». У меня это слово тащит за собой целый пласт воспоминаний, без кото-

рых дальнейшее изложение становится мутным, расплывчатым и непонятным. Вам ведь, как я понимаю, интересно не только услышать о моей «кучерявой» жизни, но и понять что-то большее, чем простое жизнеописание нового друга. Да и что это за «кучерявость»? Откуда она произошла у мальчика из вполне приличной еврейской семьи? А может быть, как раз оттого, что из еврейской? А возможно она проистекала от беспокойного характера нашего героя. Возможно, просто в силу профессии. Там много было всяких факторов. Этих цветных тряпок на распродаже.

Но историю «падения» мне хочется начать с Читы, так как именно там, пожалуй, отчетливо обозначается цепочка, приведшая в результате к эмиграции. Это, знаете, как исток реки — вначале маленькие ручейки из разных мест, разной ширины, разной наполненности, а потом — раз! — и становится ясно, что вот с этого места уже пошла река. Хотя о «ручейках», которые впадают в эту реку, я немного позже тоже расскажу.

Как я попал в Читу. В Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии, собралась умная, высокообразованная, свободомыслящая профессура, лекции которой очень расширили кругозор любознательного провинциального отрока. Но, как сказал многомудрый сын царя Давида, *«кто умножает познания, умножает скорбь»*. Отрок стал понимать, что есть почем в жизни, и в нашем славном Отечестве — в частности. Я и раньше-то был не сильно невинен в этом смысле — владивостокские старшие друзья кое-что в свое время мне объяснили. Но, опять же — столица, столица, *«...пьяный воздух свободы сыграл с Плейшнером злую шутку»*.

Затем невероятное везение — два с половиной года практики в БДТ у Товстоногова. Вначале по цехам, а потом год так называемой ***«созерцательной»*** практики. Красивый термин, не правда ли?! Означает он тихое сидение за Мастером и наблюдение за его работой. Несмотря на иронию, должен сказать, что это «созерцание» много мне дало.

То была эпоха расцвета БДТ: «Идиот», «Мещане», «Три сестры», Юрский, Копелян, Стржельчик, Смоктуновский, Лавров, Олег Борисов, Евгений Лебедев, Басилашвили, Луспекаев et cetera, et cetera. Весь цвет актерской элиты! Два с половиной года рядом с Мастером, два с половиной года наблюдения за процессом рождения спектакля. Это дало не только замечатель-

ную режиссерскую школу, но и заставило задуматься, что есть ТЕАТР, как он соотносится со временем, в котором живет.

Общение с умными людьми в Ленинграде, многие из которых прошли лагеря, не только сталинские, но и хрущевские, и брежневские, прояснило темные места нашей истории из первых рук, добавило отторжения «советских ценностей» и заставило задуматься — в какой же стране я живу. А человек думающий, да имеющий трибуну в виде театральной сцены, по определению был для режима, скажем так, неприятен. Поначалу, еще во время учебы, меня таскали в ГэБэ в Питере, прочищали мозги, пытались завербовать в стукачи. На вопрос *«чем я заслужил такую честь?»,* мне было сказано: *«Вы, Марк Исаакович, яркий человек, к вам тянутся люди, вам доверяют»*. На моё: *«А вы хотите, чтобы я этих людей вам сдавал?»* — мне объяснили, что *«забота о государственной безопасности — почетный долг каждого советского человека»*. На вопрос — чем же я, простой советский студент театрального института, могу помочь безопасности любимой Отчизны, мне сказали, что *«сегодня* (дело происходило в 67 году, тогда многих студентов нашего наполовину еврейского ВУЗа таскали в гэбэ), *сегодня, когда агрессивная израильская военщина бомбит мирные города и села наших арабских братьев, нам очень важно знать о настроениях еврейского студенчества, коего в театральном ВУЗе «больше, чем положено»* (так и было сказано), *и вы, как председатель студенческого творческого клуба, обязаны нам помочь»*. Я, естественно, от этой почетной обязанности отказался. Мне было обещано, что я об этом пожалею. *«Горько пожалеете!»*. Ну, и началось. Подробности излагать утомительно, изощренно травить у нас умели. Это частично объясняет, почему при наличии способностей и талантов (извините за нескромность) результат в итоге оказался не слишком впечатляющим. Меня, как уже было сказано,— *«подстрелили на взлете»*. Хотя, конечно, не только это. Были и субъективные факторы, зависящие только от меня.

А потом было 21 августа 1968 года, которое разом похоронило под собой все остатки юношеского идеализма. Я в этот день был в Крыму с друзьями, преподавателями Ленинградского Университета. Они со своими студентами занимались раскопками Херсонеса, как тогда, вслед за Галичем, шутили — *«копали Россию с под низа»*. Среди них, кстати, были многие

известные сегодня люди — Андрюшка Лебедев, ныне профессор Санкт-Петербургского Университета; очень рано ушедшая Наташа Ботвинник, профессор античной литературы и истории того же Ленинградского Университета, в ту пору моя девушка, из-за которой я, собственно, и оказался в Херсонесе; известный ныне обозреватель Радио «Свобода» Владимир Тольц, с которым мы соперничали из-за упомянутой выше Наташи Ботвинник. Вы можете посмотреть или почитать на «Свободе» его передачи.

Сказать, что известие о том, что советские танки в Праге, было для нас шоком — это ничего не сказать. Это был крах, обвал, крушение всех представлений о добре и зле. Это, знаете, как смотришь на удава. Умом ты понимаешь, что эта гадина опасна, что она может вскинуться, и совсем иное дело, когда она действительно вскидывается, и у бедного кролика начинают хрустеть кости, и его заглатывают вместе со шкуркой. Было стыдно, было гадко, и мы этого особенно не скрывали. Я, который в те далекие времена, пуша хвост перед девушками, пел, играл на гитаре и сочинял всякие романтические сопливые песенки, даже написал две вполне приличных песни про это советское свинство. Одна была довольно дилетантская, где неумелость искупалась градусом гражданского пафоса, а вторая вполне так себе ничего в стиле Юлия Кима. Я до сих пор помню слова:

Поизносилися ботиночки —
Ну, просто не в чем мне ходить.
И за восемнадцать с полтинничком
Решил обувку я купить.
Я на водке экономил,
Блядей неделю не водил,
И отвалив с работы утром
В ДЛТу покатил.
(ДЛТ — Дом Ленинградской Торговли)
В магазине, как обычно,
Много всякого говна.
Вруг, смотрю, блестит чегой-то,
На витрине у окна.
«Дорогая продавщица —
Посмотреть бы их мне бы…»
На подметку посмотрел:
«Maid in фабрика «Цебо»

Молодцы чехословаки —
Умеют вещи создавать!
Дать бы им еще сто танков,
Чтоб свободу отстоять.
За подметку — пулеметик,
За подошву — пушечку,
А за верх блестящий новый –
Армии союзничков.
В них же можно и на танцы,
И в пивбар идти, и в ТЮЗ…
Пусть же здравствует и крепнет
Этот блядский… ну, то есть братский
Русско-чешский наш союз.

Эти мои песенки, как водилось в те годы, тут же были записаны на магнитофон, и быстро и довольно широкими кругами разошлись по Питеру, а потом и по Союзу. Несколько лет спустя я ее уже анонимную слышал в Чите. А поскольку я не сомневаюсь, что в нашей среде, как впрочем во всякой другой, были стукачи, то безусловно и эти тексты, и все наши разговоры оседали *«там где надо»*. Ждали своего часа, так сказать.

А тут после дипломной практики в Свердловске подоспело распределение. Наш педагог Евгений Павлович Злобин порекомендовал меня на Ленфильм Козинцеву, который в это время запускал «Короля Лира», и мэтр вроде даже был не против меня взять. Но с другой стороны я очень понравился заведующему литературной части Рязанского ТЮЗа и меня звали туда очередным режиссером, обещая всяческие блага типа квартиры. Вообще-то работать в кино — мечта каждого выпускника театрального ВУЗа. Однако я к тому времени уже достаточно хорошо представлял себе киношный механизм и понимал, что ассистент режиссера — это практически «мальчик на побегушках». Тем более ассистент по площадке (позиция, которая предлагалась мне). А я жаждал самостоятельной работы, чтобы воплотить свои гениальные замыслы на сцене. Вы будете смеяться Наташа: я поехал в Рязань.

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что это была моя самая большая ошибка в жизни. Поработав пару лет с Козинцевым, можно было рассчитывать на самостоятельную постановку фильма под патронажем великого режиссера, и потом всю

жизнь слыть учеником Козинцева. Большой плюс для дальнейшего плавания в бурном море кино. Но самонадеянность, самонадеянность… Повышенное самомнение. Не следует слишком хорошо о себе думать, Наташенька. Вот где стоило смирять гордыню.

На этом пассаже самобичевания я сегодняшнее письмо заканчиваю.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
27 июня 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марик! Вы самобичуетесь не по делу. И термины путаете. То, что вы предпочли Рязань Козинцеву — я думаю, не самонадеянность, а ваша неспособность быть мальчиком на побегушках. То есть я на эту вашу ситуацию смотрю, можно сказать, с противоположного конца, и не знаю, что двигало вами больше — желание гениально воплощаться на сцене Рязанского ТЮЗа или нежелание быть на побегушках. Почему-то предполагаю, что второе. И хотя с житейской точки зрения отказ от Козинцева, возможно, и был большой ошибкой, но, думаю, меньшей, чем вам представляется.

В научных публикациях есть такое клише: «на основании вышеизложенного»… На основании уже написанных вами и прочитанных мною вышеизложенных «Конфессий», у меня сложился ваш образ, думаю, недалёкий от истины, и «мальчик на побегушках» в этот образ не вписывается. Вы бы от Козинцева сбежали, может быть даже со скандалом, не успев стать на всю жизнь его учеником. Утверждаю это на основании несостоявшегося личного опыта. Помните, когда мне объяснили, что в «Московских новостях» в качестве замглавного я буду девочкой на побегушках, это меня мгновенно остановило. Мы с вами люди свободолюбивые. Я с изумлением смотрю на популяции, живущие в самой свободной стране мира и по доброй воле выбравшие в этой стране несвободу. Я видела две таких популяции — во-первых, мормоны, среди которых живу, получают детальные указания о том, как жить, от своего руководства, во-вторых, так называемые «Махариши» (то есть это я их так называю) — трансцедентальные медитаторы, живущие коммуной, с портретом Махариши Махеш Йоги в каждой спальне и на каждом углу, обедающие все вместе в анапурне,

медитирующие скопом и следующие заветам. Это не для меня и не для вас. Так что, Марик, не огорчайтесь, что жизнь пошла другим путём, и скорее пишите дальше, мне не терпится.

Confession VII

Итак мы остановились на распределении. Вы, Наташа, конечно, помните, как это происходило, и с какой нервотрёпкой было связано. Складывались все отметки за пять лет учебы, полученная сумма делилась на количество предметов, учитывались еще какие-то параметры и выводился средний балл. В соответствии с этим баллом определялась очередность. Те, у кого балл был выше, имел возможность выбрать место получше. Но в театральных институтах система несколько иная. Не знаю, как сейчас, а тогда приезжали представители театров (как правило, главные режиссеры или, на худой конец, завлиты), смотрели дипломные спектакли, выбирали понравившегося выпускника. Здесь в Америке таким образом выбирают баскетболистов из университетских команд в профессиональные клубы НБА. Это называется «драфт». Вот такой драфт был и у нас. С выпускником обсуждали условия, на которых он соглашался ехать в тот или иной театр, и присылали на него заявку: «Мол, хотим вот этого». Иногда, если выпускника уже знали и предполагали, что он может быть нужен театру, заявку присылали даже без просмотра дипломного спектакля. Как правило, это бывало, когда запрос присылал театр, где выпускник проходил дипломную практику. Но увы, это был не мой случай. Выпуск моего дипломного спектакля был связан с таким громким скандалом, что руководство Свердловского ТЮЗа не то что приглашать — слышать обо мне не хотело. И хотя спектакль критикой был в целом обласкан, имя мое было изъято из программки спектакля и практически не упоминалось в рецензиях.

Вы спросите: что же там такое могло произойти, что начальство начинало трясти при одном упоминании моего имени? Ох, Наташа, Наташа! Такой вопрос может задать только человек, совершенно незнакомый с причудливыми запахами театральной кухни. Двор Екатерины Медичи может показаться детским садиком для младшей дошкольной группы по сравненью с этим, таким заманчивым и привлекательным со стороны миром.

Об этом серпентарии называемом ТЕАТРОМ написано много и смачно. Зощенко, Раневская, Смехов... Один Булгаков чего стоит. Не мне с ними тягаться. Я могу описать только собственные наблюдения за этим удивительным миром. Поэтому давайте отвлечемся от распределения и вернемся чуть-чуть назад к дипломной практике.

Итак, когда нам предлагали театры для дипломной практики, мне был предложен Свердловский ТЮЗ. «Самое то! — подумал я. — Большой миллионный город, два драматических театра, Театр оперы и балета с мировым именем, Кукольный театр, где режиссером был мой приятель по институту Ромка Виндерман, несколько картинных галерей, музеи...»

Режиссёр Борис Преображенский, к которому я был прикреплён в качестве ассистента для преддипломной практики, был человеком талантливым, хамоватым, много и тяжело пьющим. Не знаю, был ли он алкоголиком, но запои у него случались с удручающей частотой. Когда он впадал в запой, он мог неделями не появляться в театре. Конечно, руководство театра в лице директора Ирины Глебовны Петровой и главного режиссёра театра Юрия Ефимовича Жигульского много раз его предупреждало и грозилось уволить, но что стоит для человека, родившегося и выросшего в родном Свердловске, сделать справку о тяжелой простуде или еще какой-нибудь холере. И хотя все знали, что он в очередном запое, но справка есть справка, оправдательный документ — отец и мать российских загулов и прогулов... А поскольку, как я уже говорил, он был неплохим режиссёром, то на все его художества смотрели сквозь пальцы.

Обычно запои у него случались, когда заканчивался застольный период и начинались сценические репетиции. Происходило это, как мне кажется, оттого, что будучи виртуозным и очень тонким мастером анализа пьесы, выстраивания психологического рисунка роли, он терялся, когда надо было переходить на сцену. Я же, наоборот, как мне тогда казалось, умел хорошо выстраивать мизансценический рисунок.

Когда я появился в театре, Преображенский ставил спектакль по пьесе Геннадия Мамлина «Эй ты, здравствуй!» Это очень трогательная пьеса для юношеского театра, на двух человек, в силу этого удобная в постановке. В то время она была очень популярна и прошла во многих театрах Советского Союза. Вот ассистентом на эту его работу я и попал. Надо сказать,

я много почерпнул у Преображенского по методике работы в застольном периоде. За что очень ему благодарен. Но личные отношения у нас не сложились. Почему? Черт его знает. Могу только предполагать. Хотя нет, знаю. Во-первых, как учил нас Музиль, режиссеры всегда конкуренты. Жизнь на театре не дала мне поводов усомниться в этой истине. Во-вторых, непьющий человек в театральном коллективе выглядит подозрительно. А я тогда был почти совсем непьющим, и каждый раз, когда Преображенский предлагал выпить, я отказывался. Им это воспринималось, как высокомерие. «Не уважаешь ты меня» однажды сказал он мне. В-третьих, Преображенский был записной хам, а я хамов не люблю. Он походя мог унизить, оскорбить и, казалось, получал от этого какое-то садистское удовольствие. И в-четвертых, он был невероятным бабником.

«Ну и что?! — улыбнувшись, скажете вы. — Тебе ли об этом говорить? Разве это недостаток? Скорее уж достоинство. Раз нравится женщинам, значит, что-то в нем есть такое, и женщины это *«что-то такое»* в нем видят». Так-то оно может и так, кто спорит. Но бабник бабнику рознь. Один охмуряет баб своей красотой и мужской привлекательностью, другой умом и талантами, а третий — используя своё служебное положение. Взаимоотношения актрис и режиссёров и вообще сексуальная жизнь на театре и в кино — это отдельная, весьма специфическая тема. Бог его знает, что женщины видят в мужчинах, на что клюют в этой взаимной рыбалке. Но вот что, как мне кажется, следует исключить из арсенала Преображенского — это физическую привлекательность. Я забыл сказать, что он был инвалидом. Одна нога у него была короче другой сантиметров на двадцать и не сгибалась в колене. Он не ходил, он ковылял и даже ортопедический башмак его не спасал. Это был Квазимодо с изрытым лицом, с пропитым сиплым, как у сифилитика, голосом. И тем не менее, актрисули из его койки не вылезали. В отношениях с ними Преображенский предпочитал третий способ — наглый, хамский напор. Черт его знает, может это женщинам и нравится. «Зайдёшь сегодня вечером ко мне», — как бы в шутку говорил он очередной актрисульке или студентке театрального училища. И попробовала бы она не прийти.

В ту далекую пору я еще не был столь циничен, и эта часть театральной жизни была мне омерзительна. Я и потом старался не очень-то связываться с актрисами.

Так вот. Когда пришла пора выходить на сцену, Преображенский тяжело «заболел». И доделывать спектакль пришлось мне. Когда спектакль практически был готов, он внезапно выздоровел, провел последние четыре-пять репетиций, а в программке спектакля даже имени моего не указал. Хотя прекрасно понимал, что это мне надо как зачет по преддипломной практике. В общем, учитывая характер данного персонажа, нечто подобное я от него ожидал и не очень удивился.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
28 июня 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марик, очень яркий и «привлекательный» образ Преображенского вы создали! Но если вы думаете, что описываемая вами ситуация уникальна и характерна только для театра, вы глубоко заблуждаетесь. В науке тот же серпентарий, только младших научных сотрудниц в койки тянут не режиссёры, а научные и партийные руководители, и в научных статьях фамилии истинных исполнителей тоже часто забывают поставить. Так что у вас было дальше?

Confession VIII

Поехали дальше по вехам моего театрального «падения». После внезапной амнезии Преображенского, «забывшего» указать мое имя в афише, я наконец, получил возможность самостоятельно поставить дипломный спектакль. Мне была предложена замечательная пьеса Александра Хмелика «Жил-был тимуровец Лаптев». Материал, о котором можно только мечтать, острая социальная сатира на всю советскую действительность. И я со всем пылом неофита взялся за дело.

Для того, чтобы понять все коллизии, развернувшиеся вокруг постановки, необходимо для начала хотя бы в двух словах пересказать сюжет пьесы: Дело происходит в нормальной советской школе, где существуют два пионерских отряда — один, возглавляемый председателем Юрой Узюмовым, другой под предводительством Машки Грибоедовой. Как было принято в те славные советские времена они соревнуются, кто больше соберет металлолома, макулатуры, бутылок, пузырьков, кто выполнит больше

пионерских поручений и т.д., и т.п. Всё это с приписками, с начетничеством, с подтасовками, с демагогией, ну, то есть, точно так, как в Большой жизни. Современным школьникам этот абсурд, вероятно, не понять. Они даже не поймут, о чем идет речь: Какие пузырьки? Какой металлолом? Зачем? Для чего?! Но мы-то помним какие страсти разыгрывались вокруг этих соцсоревнований. Так вот. У тимуровца Вити Лаптева, которого у меня играл Боря Плотников (будущий доктор Борменталь в «Собачьем сердце») есть пионерское поручение — ухаживать за пенсионеркой, не совсем вменяемой, капризной старушкой Анной Аристарховной Пружанской. И Витя добросовестно это поручение исполняет: покупает ей лекарства, продукты, помогает ей по дому и вообще ухаживает, как за родной бабушкой. Благодарная старушка заявляет, что Витя для нее самый близкий человек, и поскольку у неё никого нет, кроме сволочей-родственников Копытовых, с которыми она *«прекратила разговаривать с первым залпом «Авроры»,* то всё свое имущество она завещает именно ему, *«пионэру, настоящему тимуровцу Вите Лаптеву». «Да какое там имущество?»* — скептически говорит Витя, накапывающий в этот момент старушке лекарство, то ли валокордин, то ли валерианку. Звучит какая-то причудливая, кривая мелодия, в которой угадывается искаженная ария Германа «Три карты, три карты, три карты...» и старуха говорит: *«Золото, драгоценности, бриллианты на сумму приблизительно миллион двести тысяч рублей...»* Лаптев от неожиданности выпивает весь пузырек лекарства, впадает в ступор, и весь дальнейший спектакль или ходит, как сомнамбула, или просто спит на громадном столе для заседаний в пионерской комнате. А вокруг него, точнее вокруг его почти бездыханного миллионерского тела разворачиваются шекспировские страсти — пионерский отряд во главе с Юрой Узюмовым начинает делить наследство. С драками, с подлостью, с предательствами, с интригами — чтобы проклятая Машка Грибоедова утерлась и «сдохла от зависти». Ни у кого не возникает даже мысли о том, что наследство это не общее, а Лаптева. Да и вообще еще неясно есть ли оно. Тем не менее, каждый стремится урвать что-то из этого наследства для себя. За жизнью этого пионерского отряда угадывалась вся советская действительность.

Понятно, что только за этот сюжет спектакль имел все шансы быть запрещенным. А поскольку этот материал лег еще и на мое

собственное отношение к Степаниде Валькирьевне и на мой, что уж там греха таить, не гибкий и не склонный к компромиссам характер, то сдача спектакля была сопряжена с огромным количеством скандалов, с обвинениями молодого режиссера в идеологической незрелости, в непрофессионализме, спектакль то запрещали, то разрешали, то опять запрещали... В конце концов, он всё-таки был выпущен, шёл с большим успехом, но... фамилии режиссера в афише опять не было.

Через много лет, блуждая по просторам интернета, я вдруг наткнулся на воспоминания Андрея Невраева (тоже известный актер, сыгравший Николая II в фильме Хуциева. Он играл в этом моем спектакле. Вот что он пишет:

«К сожалению, имени режиссера спектакля нет в программке, а ставил его выпускник режиссерского факультета ЛГИТМИКа Марк Копелев — это был его дипломный спектакль. В театре в то время шел спектакль «Пузырьки» по пьесе А. Хмелика. Это была острая сатира на пионерскую организацию, да и на всю нашу жизнь в целом. Хмелик написал продолжение, которое назвал «Жил-был тимуровец Лаптев», и театр, разумеется, тут же взял эту пьесу и в качестве постановщика пригласил (или его направили, как дипломника) Марка Копелева. Работа шла успешно с азартом, с юмором. Хохотали до колик, да и потом, когда играли спектакль, не могли удержаться от смеха. Но пришло время сдавать нашу работу Управлению культуры, областному художественному совету. И этот худсовет закрыл спектакль по идеологическим соображениям. Понятно, время было такое».

Какое это было время нам, жившим в нем, конечно, понятно. Но время жевало не одного меня. Через его челюсти проходили многие. Мы помним, как запрещали спектакли Марка Розовского, Юрия Любимова, Анатолия Эфроса, Олега Ефремова, как клали на полку замечательные фильмы Хуциева, Гайдая, Аскольдова, Смирнова, Тарковского, Муратовой... Но они прорвались. Вероятно чего-то всё-таки мне самому не хватало. Может гибкости, может, умения идти на компромиссы... Андрей относит закрытие спектакля целиком к причинам идеологическим. Он прав, но только отчасти. Идеология в данном

случае была лишь одной из причин. Только «временем» скандал вокруг моего спектакля не объясняется. Театральный механизм, Наташа, гораздо сложнее и изощрённее. За причинами внешними часто скрываются причины самые что ни на есть банальные: зависть, жадность, интриги, материальный интерес. В жизни это вообще так — за общими словами всегда маячит чей-то маленький шкурный интерес. Но я, будучи в то время в театральных интригах малоискушенным, попал, что называется, «как кур в ощип».

Тут, для человека не театрального, надо кое-что объяснить. Практически в любом театре, помимо Главного режиссера и одного-двух очередных,, есть актеры, как правило заслуженные или народные, которые тоже иногда ставят спектакли. Поговорка «плох тот солдат, что не мечтает стать генералом», в приложении к театру звучит так: «Плох тот актер, который не мнит себя великим режиссером». Хотя любому здравомыслящему человеку ясно, что профессии это разные, и хороший актер совершенно не обязательно хороший режиссер, так же как хороший режиссер далеко не всегда хороший актер. Но как не дать народной артистке РСФСР возможность поставить спектакль, тем более, если она жена высокого партийного начальника? И тем более, если она подруга директора театра. А поскольку это не основная её работа, с ней заключается договор на постановку спектакля, в котором фигурируют очень не маленькие суммы. Так что помимо творческого интереса здесь присутствует и очень серьезная материальная заинтересованность.

Когда я появился в Свердловском ТЮЗе, репертуар театра был уже сверстан, и народной артистке Б-й была обещана постановка. Мое появление эту договоренность отменяло. Отправить меня к чертям собачьим было невозможно, поскольку на практику я был распределен Министерством культуры СССР и обещанный спектакль теперь должен был ставить я. Стало быть, в бюджете семейства высокого партийного начальника возникала серьезная финансовая брешь размером более чем в две тысячи рублей. В 1968 году, при средней по Союзу зарплате 100–120 рублей в месяц, это были очень большие деньги. Таким образом, еще до своего появления в театре я, сам того не подозревая, уже имел двух могущественных врагов. Даже трех, если к этому приплюсовать директора театра, которая из-за свалившегося на голову дипломника попадала в очень нелов-

кую ситуацию не только перед подругой, но и перед высоким начальством в лице мужа этой подруги.

Надо было что-то с этим выскочкой делать. Решение было найдено чисто иезуитское. То есть театральное. Народная артистка Б-ва была назначена на роль старухи Пружанской. Вы представить себе не можете, Наташа, сколько времени и нервов я потерял, работая с ней, сколько седых волос приобрел. На любые мои режиссерские указания она с милой улыбкой говорила: «Я не понимаю, что вы хотите». А я режиссер — я же должен объяснить, если актер чего-то не понимает. Я объяснял, она опять пожимала плечами и говорила, что не понимает, всем своим видом показывая, что молодой режиссер несет несусветную чушь. Я бился об неё, как волна об утес, а она всё не понимала и не понимала. У меня не оставалось времени на других актеров. Она съедала все мое репетиционное время. По любому поводу она бегала жаловаться директору театра. Короче, ситуация достигла такого накала, что мне пришлось звонить в институт. Я обрисовал положение. Надо сказать, что в институте не сильно удивились. Видимо, я был не первым. Евгений Павлович Злобин, мой любимый учитель, сказал: «В таких ситуациях выход один: найди железный повод, доводи до открытого конфликта, и снимай с роли. А я приеду на сдачу спектакля. Сожрать не дадим». Я дождался, когда Б-ва опоздала на репетицию, закатил скандал и потребовал снять с роли нарушительницу трудовой дисциплины. Прибежала директриса. Я услышал о себе много интересного: что я мальчишка, что я сопляк, что я выскочка, что я антисоветчик, и что я еще пожалею, что так веду себя с заслуженным человеком... Ну и еще много чего. Но, тем не менее, Б-ву с роли сняли. И спектакль покатился, как по рельсам. Но когда пришла пора сдавать, областной худсовет спектакль запретил. А как он мог не запретить, если в членах худсовета были народная артистка Б-ва, её муж, высокий партийный начальник, директор театра, ну и много других хороших людей — друзей директора театра, народной артистки и партийного начальника. Правда, приехали представители института и Министерства. И хотя спектакль отстоять они не сумели, но за дипломную работу я получил отличную оценку — к режиссерской работе претензий не было. Однако славу скандалиста и неудобного человека я приобрел.

На этом пассаже самобичевания я сегодняшнее письмо заканчиваю.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
29 июня 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марик, вот видите! «Как я угадал, как я угадал!» Неудобный вы были человек для больших партийных начальников, их жён — народных актрис, и их друзей — директоров всех мастей. Догадываюсь, что последует в следующих конфессиях, которых жду с нетерпением.

Confession IX

Мы остановились на том, что вопреки голосу разума, я отказался от возможности работать с Козинцевым и поехал в Рязань.

В Рязани мне было предложено поставить сказку Петра Ершова «Конек-горбунок» в замечательной инсценировке Всеволода Валериановича Курдюмова. Я был молод, полон творческих сил, фантазия била ключом, и под впечатлением от спектакля Товстоногова «Вестсайдская история» — первого мюзикла на советской сцене, я решил поставить своего «Конька» в этом жанре. Меня грела тщеславная мысль, что это будет первый мюзикл на сцене детского театра, и этот факт безусловно войдет в историю. Мюзикл действительно был первый, но в историю театра почему-то не вошел. Я дописал пролог, эпилог и дивертисменты, подобрал музыку, в основном джазовую (диксиленды Грачева, Гараняна с фантазиями на русские темы, оркестр Левиновского и тому подобное), придумал прием скоморошьего действа, одел сцену в рогожные декорации. Эта рогожа вышла мне потом боком. По приему — это было классическое брехтовское «отчуждение», когда актер не играет персонаж, а как бы рассказывает от его имени. На сцене пели, плясали, грустили скоморохи, и как бы разыгрывали сказку про Конька-горбунка. Все это было свежо, необычно, а на фоне затхлых, пыльных, натуралистических постановок разных «Двух кленов» и «Красных шапочек», заполнявших тюзовские сцены того времени, выглядело полной театральной крамолой. Уже только по форме такой спектакль должен был вызывать отторжение театральных чиновников. Он и вызывал. Последующие статьи и рецензии на спектакль звучали так: «Верните детям сказку!», «Рогожная подстилка на сцене ТЮЗа»... Всесоюзный желтый журнал «Театральная жизнь» разразился фельетоном — «Из куля в рогожу»,

где рассказывалось, как выпускник ОДНОГО театрального ВУЗа некто Кларк Попелевич, приехал в ОДИН детский театр ОДНОГО города и снюхавшись с некой художницей Тамарой Карманчевой (художника моего спектакля звали Тамара Романчева),— устроил на сцене этого ОДНОГО театра форменное безобразие. «Развели модернизьм, понимаешь!» Этакая подлая статейка, когда не называется ни город, ни театр, ни подлинные фамилии — диффамация подменяет информацию, лишая возможности спорить. Но те, кто по должности должен был разбираться в этом говне, прекрасно понимали, о ком и о чем идет речь, и обязаны были (как это принято в Совке) принять меры.

Во всем этом визге была некоторая странность. Раздражение и злоба, хлещущая через край в этих статьях, вызывали удивление. Ну, пляшут, ну, танцуют, ну, поют — чего слюной-то брызгать. По молодости и неискушённости я не сразу в этом разобрался. Потом понял — была еще одна сторона — идеологическая, которая больше всего и раздражала. Дело в том, что когда режиссер начинает работать над спектаклем, главным вопросом является — *про что* ты ставишь этот спектакль, что ты хочешь сказать, какую мысль хочешь донести до зрителя. То есть то, что Станиславский называл сверхзадачей. Ведь в основе большинства запрещений спектаклей, фильмов, книг того удивительного времени было отнюдь не качество, не форма, хотя иногда и это, а именно идеологический посыл. Как это тогда называлось — *«неконтролируемый подтекст»*. Вроде как и придраться не к чему, а все-равно... что-то такое «не наше». Спектакли Любимова, Товстоногова, Ефремова, Розовского, Эфроса, других замечательных режиссёров будили мысль, заставляли задуматься над проблемами сегодняшнего дня. И наши мастера в институте именно этому нас и учили. Другими словами, сформулировать сверхзадачу и воплотить её адекватными средствами — есть главная забота режиссера-постановщика. Причем надо, чтобы эта идея, этот «неконтролируемый подтекст» были не высосаны из пальца, а органично вытекали из материала пьесы. Для этого изучается масса литературы, иконографии, исторических и социологических данных о времени, в котором разворачивается действие, а так же много другого различного материала.

Занимаясь этой подготовительной работой, я наткнулся на статью то ли Добролюбова, то ли Белинского, то ли Стасова, сейчас уже не помню, но точно кого-то из этих ребят. Помню толь-

ко фразу, которая подтолкнула меня к дальнейшему размышлению: *«В сказке воплотилась душа народа, в сказке воплотился народный идеал»*. В общем-то, вполне очевидная мысль. Но чаще всего «очевидные мысли» мы не привыкли додумывать до конца. «Известное известно немногим», — сказал Аристотель. Я уже писал Вам, Наташа, что не люблю чеканных формулировок. Чеканные форма ограничивают мысль. А если постараться додумать эту очевидную мысль до конца, то возникает вопрос: а в чем же, собственно, заключается именно *«РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ИДЕАЛ»*, как на него откликается *«ДУША НАРОДА»*, и чем этот *«РУССКИЙ ИДЕАЛ»* отличается, скажем, от немецкого, французского или, скажем, арабского? Я начал перечитывать разные сказки и обратил внимание на одну довольно очевидную вещь: герои почти всех сказок народов мира, как правило, что-то делают: Ганс-портняжка из немецкой сказки шьет, француз Жак-простак работает на мельнице, араб Синдбад-мореход купец — торгует, плавает за моря, Ходжа Насреддин обучает осла говорить и, хоть врет, жульничает и подворовывает, но какую-то видимость действий создает. (Согласитесь, что воровство — это тоже вид деятельности требующий выдумки, ума, сообразительности и затраты определённых физических усилий. Но это *a propos*.)

Иван-дурак, Емеля — лежат на печи. Они неплохие ребята, эти герои русских народных сказок и, если их хорошенько пнуть, — «Емеля, сходи за водой» или «Иван, пойди подежурь ночью на поле, кто-то там посевы топчет» — то они идут и худобедно работу делают. И вот тут-то начинается главное: во время этого *ОДНОРАЗОВОГО ДЕЙСТВИЯ* они хватают Удачу за хвост. В виде Щуки, в виде Конька-горбунка, в виде Серого Волка, Царевны-лягушки... А дальше — они опять лежат на печи (причем до такой степени, чтобы даже к Царю на печке), а работают за них другие — Щука, Конёк, Василиса Премудрая и она же, безусловно, Прекрасная и т.д. и т.д. Вот это и есть русский *«народный идеал»*. Раз поработать, сорвать куш, а дальше пусть другие на меня пашут. Заветная мечта раба — стать барином.

В принципе, ничего нового я тут не открыл. Что русский народ ленив и безынициативен было известно и без меня. Основополагающая поведенческая норма в России — *ничего не делай*. Не делай ничего — бог спасёт. Не поможет, а именно спасёт. Подгонит к тебе волшебную щуку, превратит лягушку в царевну. Нефть вдруг чудом снова вырастет в цене, и все будет хоро-

шо. Разговоры про Русскую Лень всегда были общим местом. Но я главную идею спектакля акцентировал на другом. Изучая сказки разных народов, я понял еще одну вещь: в русских сказках, впрочем, не только в русских, у главного героя, как правило, есть братья. Но братья французского Жака-простака не делают младшему гадостей. Просто так сложилось — отец оставил старшему в наследство мельницу, среднему — осла, а младшему Жаку — кота. Жак со своим котом в мукомольном бизнесе оказывается лишним. Поэтому он берёт кота и идет странствовать. И Кот в благодарность за любовь и заботу помогает Жаку достичь успехов в жизни. Кстати тоже интересный штришок — кот оказался умнее и изобретательней Жака.

У русского Ивана-дурака два брата — один умный и завистливый, другой глупый и завистливый. Они такие же ленивые, даже еще ленивее (хотя куда уж?), и у них тот же «идеал» и та же мечта жить хорошо, не прикладывая усилий. Но им не повезло — они свою удачу, когда дежурили на поле, по лени проспали. И винят они в этом, как водится на Руси, не себя, а Ивана. Они смертельно ему завидуют и делают всякие пакости: то коней златогривых сопрут, то ещё как-нибудь нагадят. Завидуют и делают всякие подлости не только братья, но и Царский Спальник, который строчит доносы на Ивана, и даже сам Царь, завидующий молодости и удали Дурака.

Другими словами, это был спектакль не только и не столько о Русской Лени, сколько о *Русской Зависти*. В те далекие советские времена это свойство национального русского характера ещё не очень осознавалось. Делить было нечего, все были равны в нищете — чему завидовать? Хотя по мелочам, конечно, бывало. Только лет через двадцать пять, уже на излёте перестройки, я прочитал статью Леонида Жуховицкого, где русский фольклор рассматривался под этим углом.

Так вот этот пласт, этот «неконтролируемый подтекст», который был заложен в спектакль, *«теми кому надо»* был прочитан. А поскольку этот самый «подтекст» был запрятан за всякие хиханьки-хаханьки, танцы-шманцы, то все свое раздражение «те кому надо» оборотили на театральную форму. К этому придраться всегда проще. Названия критических статей я Вам уже приводил. Я был заклеймен как формалист, как модернист, как адепт чуждой нам культуры, и вообще как враг и вредный социальный элемент. Тут надо отметить одну немаловажную де-

таль — я уже вам писал, что в этом замечательном театре задолго до меня последовательно сожрали в своё время: еще молодого, начинающего Олега Ефремова, молодого, но уже подбитого, Анатолия Эфроса, ну и ещё. Секретарь партийной организации Екатериничев (Вы могли его видеть в маленькой эпизодической роли в фильме «Белый Бим, черное ухо», где он играет живодера в собачьем шелтере, другими словами, самого себя) с гордостью рассказывал, как он не принял в театр никому тогда неизвестного бездарного актера Иннокентия Смоктуновского. Такой Герострaтов комплекс. Вот Вы не знаете, кто такой актер Екатериничев. А это между прочим секретарь партийной организации рязанского ТЮЗа, который не принял на работу бездарного актера Смоктуновского. Чем и славен.

То есть это был театр с богатыми каннибальскими традициями и опытом воспитательной работы. Недавно, ползая по интернету, я нашел статью тех времен. Кто ее написал — не знаю, но вот выдержка из неё:

> *«Через несколько лет в том же ТЮЗе со скандалом был снят «Конёк–Горбунок» московского* (ошибка, конечно — питерского, — *М.К.*) *режиссёра Марка Копелева. Местное управление культуры увидело в детском спектакле намёки на подавление Пражской весны, а в желании царя любыми средствами вернуть себе молодость и мужскую силу — аллюзию на преклонный возраст тогдашнего партийного лидера».*

Ничего подобного, конечно, в спектакле не было, но если кто-то в чем-то хочет узреть крамолу — он ее увидит. Так вот этими зоркими ребятами было написано письмо в институт и Министерство культуры с просьбой лишить меня диплома.

Но у советской власти при всей ее пакостности одно положительное качество все-таки было — протокол она старалась блюсти. Как молодой специалист я имел право на ошибку и по закону подлежал защите. А поскольку скандал был громкий — не каждый же день театры просят лишить выпускника диплома, из Министерства культуры была прислана серьезная комиссия, в которую наряду с другими критиками были включены и такие известные театроведы, как Ирина Сегеди и профессор Юрий Арсентьевич Дмитриев. Они посмотрели текущий репертуар:

горьковских «Врагов» в постановке Главного режиссера театра Бориса Наравцевича, спектакль другого очередного режиссера Наташи Огай по пьесе Геннадия Мамлина «Эй ты, здравствуй» и моего «Конька». После всего говна, которое вылилось на мою голову в предыдущие месяцы — статьи в местной и центральной прессе, художественные советы с привлечением городского партийного руководства, скандалы в труппе, предательства актеров (эти «инженеры человеческих душ» всегда знают, на какую сторону переметнуться в трудную минуту) — я ожидал суровой показательной порки.

Но всё случилось с точностью до наоборот. Комиссия умеренно похвалила спектакль Главного, лениво поругала «Эй ты, здравствуй» очередного режиссера, и при этом до небес вознесла моего «Конька-Горбунка». Это, дескать, и новое слово на сцене детского театра, и это свежо, и это замечательно и по форме, и по содержанию, а рогожные декорации –прекрасная находка, идея художественного образа спектакля, и прочее, прочее, прочее. Тут же, как по мановению волшебно палочки, пошли статьи в газетах: если раньше было «Из куля — в рогожу» или «Верните детям сказку!», то теперь это стало называться «Чудо в рогожке» и «Удивительный мир музыкальной сказки на сцене рязанского ТЮЗа». Из модерниста и формалиста я в одночасье превратился в смелого, талантливого экспериментатора и открывателя новых форм театрального языка.

В результате «смелый экспериментатор и открыватель новых форм» был вызван в Министерство культуры, где ему было сказано, что, «да, конечно же, Вы правы, все обвинения, предъявляемые вам руководством театра, надуманные, мы рязанских товарищей поправим, диплома вас, конечно, никто лишать не собирается, но — сами понимаете, мы же не можем из-за вас разгонять весь коллектив, да и захотите ли вы после всего, что произошло, работать в этом театре, а поэтому давайте мы вас перераспределим — вот вам на выбор два прекрасных уральских города — Бугульма и Бугуруслан... Не хотите? Тогда вот у нас есть ещё Березники... Ах, и это не хотите? Ну, тогда мы не знаем...» Я хотел было спросить, нет ли у них еще какого-нибудь города на букву «Б», но, как известно, мальчик я обучаемый и поэтому в бутылку лезть не стал, а просто попросил разрешения подумать. Родители мои к тому времени перебрались в Ленинград, и у меня была надежда, что я смогу зацепиться

где-нибудь в Питере. Недели три я пытался восстановить старые связи, но вдруг был вызван повесткой в Большой Дом. Времена были уже не столь кровожадные, поэтому после короткого не существенного допроса по поводу моего спектакля, мне открытым текстом было сказано, что «если я не хочу сесть по какой-нибудь антисоветской статье, они *«настоятельно советуют»* мне уматывать за Урал, сидеть там тихо и не высовываться, а в столицах появляться как можно реже».

Это, конечно, схематичное изложение, но в целом дает представление, как все происходило. А так как у меня в это время еще случился бурный роман с невесткой прокурора города Рязани, то я стал искать место, где мне дадут сразу квартиру и работу жене, вышеозначенной невестке прокурора, которая к тому времени ушла ко мне и заявила, что поедет за мной хоть на край света. Такая вот любовь. Прокурор обиделся за сына, повесткой вызвал меня в прокуратуру и тоже пообещал посадить. Но этот предлагал уголовную статью. Выбор был не богатый, и мне пришлось спешно исчезнуть из европейской части Советского Союза.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
30 июня 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Вот в этом весь Марк Копелев, как я его вижу: если ставить детский спектакль, так мюзикл с «неконтролируемым подтекстом», если соблазнять барышню — так невестку городского прокурора! Вам опасно давать в руки спички! Ну дальше, дальше! Из зала кричат: давай подробности!

Confession X

Все события, изложенные в предыдущем письме, происходили в районе октября-ноября, когда распределения молодых специалистов закончены, штаты театров укомплектованы, и податься мне было особенно некуда. Министерство культуры, чтобы избавиться от меня (зачем им этот скандальный тип, у которого один скандал в Свердловске, второй в Рязани, которого просят лишить диплома, о котором громадный фельетон во всесоюзном журнале «Театральная жизнь», а газеты пестрят заголовками «Верните детям сказку», «Из куля в рогожу» и т.п.),

предложило мне перейти в систему телевидения. То есть моим перераспределением (я же попадал под закон о молодых специалистах) уже должна была заниматься совсем другая контора — Всесоюзный Комитет по телевидению и радиовещанию. Телевизионных режиссеров в ту пору институты еще не делали, на режиссерских должностях, особенно в провинции, сидел бог знает кто — инженеры, филологи, экономисты, бывшие учителя и т.д и т.п. Поэтому выпускник одного из самых престижных театральных ВУЗов страны, даже с подмоченной репутацией и не титульной нацией, был товаром ценным. Мне сразу же предложили поехать главным режиссером в Омск. Предложение это давало весьма неплохое жалование, возможность немедленного получения квартиры и место музыкального редактора для будущей жены (у Ольги за плечами было музыкальное училище). Моё самомнение, как Вы уже поняли, в те годы превышало все допустимые пределы, и я, не понимающий ни бельмеса в том, что такое телевидение, дал предварительное согласие.

Но главный режиссер — это не хухры-мухры. Это уже номенклатура. Тут все по-взрослому. Тут надо согласовывать на всех уровнях. Для собеседования со мной из Омска была вызвана Председатель Омского комитета по телевидению и радиовещанию Бушкова Нина Георгиевна... Вот ведь свойство человеческой памяти! Много чего забылось, а имя этой никчемной чиновницы помню. Видимо потому, что она преподала мне очень важный урок.

Собеседование длилось долго. Она что-то юлила, крутила, задавала какие-то странные вопросы. Было видно, что я ей очень не нравлюсь. Уж слишком я не вписывался в ее представления о том, каким должен быть главный режиссер. И я ее понимаю! Молодой, беспартийный, в джинсах (нонсенс по тем временам), с бородой и волосами до плеч, и с каким-то подозрительным, ненадежным профилем. Профиль, видно, и сыграл решающую роль. Дело в том, что в анкете, которую меня попросили заполнить, в графе национальность я сдуру в первый и единственный раз в жизни написал — «русский». Почему я это сделал, я не мог объяснить ни тогда, ни сейчас. «Бес попутал» — говорят в таких случаях. Хотя теперь вспоминая и анализируя те или иные свои поступки понимаю, что объяснение, конечно, есть. И во Владивостоке, и в институте я особо с антисемитизмом не сталкивался. Были отдельные инциденты, отдельные инвективы в адрес

моей национальности, но и только. Так что свою «исключительность» я в то время в полной мере ещё не ощущал. Бедная Бушкова долго маялась, мялась, жалась и в конце концов открытым текстом спросила: «А кто у вас в семье еврей?» Можно было бы этого вопроса и не задавать — отчество «Исаакович» вроде бы говорит само за себя.

Мой ещё небольшой в те годы жизненный опыт уже научил меня, что вопрос этот занимает только две группы российского народонаселения — либо самих евреев, либо антисемитов. Всем остальным на это наплевать с высокой горки. Жизнь еще не обкатала меня как следует, поэтому я открытым текстом сказал:

— Знаете что, Нина Георгиевна, я передумал ехать в ваш славный город.

— Почему? — облегченно удивилась она.

— Потому что Вы мне не нравитесь.

От такой большевицкой прямоты она слегка ошалела.

— Но ведь и я Вам не очень нравлюсь, — продолжал я, — Вам, судя по Вашему вопросу, вообще не нравятся люди моей национальности. Так что давайте расстанемся, не поженившись.

Чиновница от Комитета по телевидению и радиовещанию, которая занималась моим распределением, долго потом допытывалась, что же такое между нами произошло. Видимо у Бушковой, пришедшей после беседы со мной в красных пятнах, хватило ума не передавать наш разговор. А для меня это был урок. Как поет Галич: «Вы не шейте, евреи, ливреи, не ходить вам в камергерах, евреи...» Больше никогда, ни в каких анкетах с национальностью я не играл.

Таким образом в 1971 году я оказался на телевидении в Чите. Там тоже обещали квартиру и работу Ольге. Но было одно преимущество — председателем комитета там был Маликов Борис Ефимович, поэтому вопрос национальности на повестке дня не стоял. Надо сказать, что в провинции мудрая политика партии по национальном вопросу вообще меньше ощущалась. Не то чтобы Борис Ефимович слишком уж покрывал «своих». Как раз наоборот — еврей, оказавшийся у власти, обычно всеми силами старается доказать свою «беспристрастность». Но он хотя бы был непредвзят в вопросах профессиональной пригодности..

Некоторое время ушло на постижение премудростей телевизионной режиссуры. Разница между режиссером театра и режиссером телевидения примерна такая же, как между инженером-

строителем и инженером-экономистом. Однако, как говорится, не биг дил (не бог весть что). Довольно быстро эту, практически новую для меня специальность, я освоил. Работал неплохо, начальство меня ценило и видимо прикрывало, ибо не сомневаюсь, что хвосты из Ленинграда и Рязани пришли и в Читу. Почти на семь лет гэбэшники оставили меня в покое. То есть, как потом выяснилось, сведения обо мне они собирали, но не трогали.

Ольге, которая свое обещание сдержала и таки рванула за мной на край света, предложили место музыкального редактора на радио, квартиру не сразу, но дали, жизнь потихоньку стала налаживаться. Работа была интересная. Работал я в литературно-драматической редакции, т.е. с идеологией связан не был, врать особенно не приходилось. Единственное, что удручало — это борьба амбиций даже в этой, забытой богом дыре. Постепенно я начал снимать кино. В Чите был большой кинокомплекс, единственный в стране, целиком работающий на 16-ти миллиметровой пленке. Сделал несколько неплохих документальных фильмов. Получил Премию Союза Журналистов, кажется в 73-м году. Понятно, что не за действительно хороший фильм, а за какое-то идеологически нужное говно.

Ольга забеременела. Вы, наверное, понимаете, что такое ожидание ребенка, когда вдруг ощущаешь, что ты — это не просто ты, что у тебя есть продолжение, и вот, вот оно шевелится, бьется в чреве женщины, которая спит рядом с тобой, и твое существование уже не так бессмысленно в этом экзистенциальном мире.

Родился ребенок. Мальчик. Сын. И через несколько дней умер. Что-то там не так произошло при родах. Я в это время был во Владивостоке, снимал какой-то фильм, не помню. Память услужливо отсекает неприятные воспоминания той поры. Мне о том, что произошло в Чите, не сообщали, опасаясь, что при моём характере я всё брошу к чертовой матери и вернусь домой. В результате я закончил съемки, купил огромное ведро белых хризантем (они всегда в это время продаются во Владивостоке), и пёр этот громадный букет через полстраны, чтобы поздравить жену. Думал, что на день рождения, оказалось, что на похороны... С тех пор я хризантемы ненавижу. Они в моем сознании прочно засели как могильные цветы.

После этого наша семейная жизнь покатилась под откос. Мы оба оказались не на высоте. Вместо того, чтобы поддержать друг

друга, каждый ушел в себя, пытаясь работой заглушить боль и пустоту. Я скакал из командировки в командировку, она тоже. У меня начались бабы, у неё любовники. Понятно, что ничего хорошего из этого получиться не могло. А тут еще проснулась гэбуха. Они всегда знают, когда человека надо брать тепленьким. Меня на глазах изумленных коллег увезли прямо с работы. Девять часов изнурительного допроса с какими-то глупыми, дебильными вопросами типа: «Как вы относитесь к Солженицыну?» (никак, читал только то, что было опубликовано в Советском Союзе, в «Новом мире»), «правда ли, что вы говорили, что у нас неправильная избирательная система, что выбирать приходится из одного?» (ну что вы, нам же предлагают не просто одного, а лучшего из лучших), «правда ли, что вы утверждали, что у нас в стране есть антисемитизм?» (а вы как считаете?), «не юродствуйте, вопросы здесь задаем мы...» Ну, и прочая лабудень.

Во всем этом бреде была какая-то странность. Чего-то они хотели, но не договаривали. И только уже отпуская и заставив подписать протокол ***«профилактируемого в антисоветской пропаганде»*** (оцените формулировку — ***«профилактируемого»),*** мне в спину, как бы между прочим, задали вопрос: «Как давно вы встречались с Литвиновым?»

Кто такой Павел Литвинов, Вам объяснять не надо. Свой срок, насколько мне известно (может я и ошибаюсь), он отбывал в каком-то лагере в Читинской области, в окрестностях поселка Усугли. Есть такое место в этом славном крае, где добываются уникальные флюориты. До того как туда пришел БАМ, добраться туда можно было только вертолетом или зимой через Могочу по зимнику. Но и там, как говорится, живут люди. Со своим бытом, со своим укладом. Работают на этой самой флюоритовой шахте. Пьют, любят, дерутся, растят детей. А вокруг непроходимая забайкальская тайга и лагеря, лагеря, лагеря. Я по случайности снимал фильм о людях этого поселка. Ни в какие зоны я, конечно, не попадал, да и кто бы меня туда пустил, но на мою еврейскую удачу, мой визит в этот поселок совпал с передачей по Голосу Америки о жизни Павла Литвинова в каком-то из лагерей в этом районе. *«Как же так,* — задались вопросом в КГБ, — *Литвинов сидит в месте куда, как поется в романтической песне, «только самолетом можно долететь», а сведения о его жизни в лагере, и притом достаточно подробные, известны подлым вражеским голосам? Откуда утечка?»*

Тут необходимо еще одно пояснение. Я уже рассказывал Вам о писателе Льве Копелеве и о наших дальних родственных связях. Во всяком случае, во время нашей единственной с ним встречи он говорил, что это именно так. Так вот оказывается (я тогда этого не знал) Павел Литвинов был женат на какой-то из дочерей Льва Копелева. *«Ага,* — решили мыслители из ГБ, — *вот оно! Раз Марк Копелев родственник Льва Копелева, значит он в родстве и с Литвиновым. Наверняка этот подозрительный сукин сын умудрился как-то связаться с родственничком».* Но ни доказать, ни сказать что-то внятное по этому поводу они не могли, потому и отпустили до лучших времен.

Но это КГБ отпустил. Как они, повторяя дешевые детективы, говорили — «пока». «Вы свободны, — и через паузу: — пока». А телевизионное начальство так испугал факт моего ареста (хотя формально это и арестом-то нельзя было назвать — ну, пригласили в ГБ для допроса), что меня тут же под каким-то надуманным предлогом уволили. А может, опять же органы подсуетились. Порекомендовали.

Брак наш с Ольгой к тому времени практически умер. Некоторое время я еще болтался в Чите, подрабатывая в самодеятельности, а потом в одночасье исчез, договорившись с Новосибирской студией кинохроники, что они меня возьмут. Там мне поначалу дали какую-то заказушку типа «Техника безопасности на буро-взрывных работах», делать которую было неинтересно, но она позволила мне два месяца отсидеться в прекрасных местах на Алтае и в Горной Шории, ибо снимать надо было там, на ныне печально известной шахте «Распадская». Худо-бедно я с этим справился, и фильм даже получил первую категорию, что для подобного рода фильмов редкость. После этого мне дали делать общеэкранный (по киношной терминологии) фильм.

Я снял фильм, отдал материал в проявку, и перед тем как приступить к монтажу, решил съездить в Читу, чтобы решить с Ольгой вопросы, связанные с разводом, забрать кое-какие свои вещи, архивы, наброски сценариев и т.д. Было это 30 декабря, в аккурат перед самым Новым Годом. Соответственно, в связи с моим приездом, собрались мои читинские друзья, чтобы встретить вместе новый 1977 год. 31 декабря у меня вдруг начала подниматься температура, и к моменту, когда надо было садиться за стол, дошла почти до 40. Друзья мои, ре-

бята лихие, все медики, дружно сказали — «Херня!», дали мне лошадиную дозу аспирина, велели запить водкой и садится за стол. Мы замечательно встретили Новый год, попили, попели, а в 3 часа ночи я отключился. Диагноз — двусторонняя острая пневмония. В Чите, в этом каторжном крае, и в нормальные-то дни скорой помощи не дождешься, а в новогоднюю ночь с её пьянками, драками и поножовщиной... Короче, когда под утро приехала бригада скорой, верхнее давление было 30, нижнее почти нулевое. Опять же, если бы не друзья медики, машины я бы не дождался. Меня спешно накачали кардиомином, на носилках увезли в Областную больницу и поместили в палату на сорок человек, по случаю первого января набитую блюющими, пердящими, матерящимися, порезанными, отравленными, поломанными, истекающими кровью, харкающими пролетариями, бандитами, хулиганами, солдатами и прочей, столь же интеллигентной публикой. Правда, я в своем предсмертном состоянии это не очень ощущал, и только думал, что откинуть кони в первый день нового года — не самый замечательный финал моей короткой и в общем-то бесполезной жизни. И до слез было горько, что умер практически не родившийся сын. А потом и эти мысли ушли, потому что я оказался на пороге того самого туннеля со светом в конце, который, как говорят, видят все собравшиеся на тот свет. Насчет всех не знаю, но я видел.

Однако, похоже, я что-то еще не закончил в этом мире, потому что дальше порога в эту райскую обитель меня не пустили. Не фиг делать, наверное, подумали. Погоди, парень. Доделай, что тебе на роду написано. Короче, очнулся я от того, что меня куда-то везут на каталке. Поскольку я в Чите был личностью довольно известной, в припадке гордыни и пагубного самомнения я было подумал, что они узнали меня и решили перевести в более комфортные условия. Действительно, привезли меня в отдельную палату, положили под капельницы и забегали, как вокруг родного. Потом выяснилось, обольщался я зря. Меня просто перевезли в палату для умирающих, дабы не смущать остальных. На медицинском языке это называется — «палата интенсивной терапии». Реанимации, одним словом. На мое счастье, палата эта, единственная в областной больнице, находилась в женском отделении, и сердобольные женщины стали туда заглядывать, чтобы посмотреть — кто там умирает такой молодой и красивый. Как сказал потом мой друг Марик Мондру-

сов, видимо это и решило исход дела: «Увидев баб, ты понял, что у тебя еще много дел на этой земле».

На этой оптимистической ноте на сегодня заканчиваю. Что-то письма мои с каждым разом становятся все длиннее и длиннее. Все-таки надо немного ужаться.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
1 июля 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марк, одна эта ваша история, если её развернуть — уже готовый роман, притом замечательный. В нём есть всё необходимое для «Войны и мира»: осязаемые, плотные обстоятельства места и времени, любовь, трагедия, обоюдное предательство, распад семьи, КГБ и лагерная тема, осуществление предсказания цыганки (я ведь права? Это ружьё в следующей главе выстрелит?), счастливый конец. Здесь заявка на крупную форму, и она вам по плечу! Ладно, если не роман «Война и мир», так хотя бы киносценарий!

Дальше, дальше!

Confession XI

В общем, откачали. Но 3-го января мне надо было начинать монтаж фильма, выходить на работу в Новосибирске, о чем, естественно, на тот момент и речи быть не могло. Через неделю, когда я смог позвонить на студию, мне сообщили, что я отстранен от работы, а фильм передали другому режиссеру. Это бывает достаточно редко. Я позвонил своим друзьям на студию, чтобы узнать, в чем дело, и мне под большим секретом сообщили, что пришла «телега» из КГБ, и что, когда я вернусь, то меня, скорей всего, под каким-нибудь предлогом уволят. На то, мол, есть указание Обкома партии (конечно, как всегда, негласное). Я не стал дожидаться и, пока лежал в больнице, позвонил на новосибирское телевидение моему приятелю — главному режиссеру, который меня давно звал к себе, и договорился, что выйду на работу сразу после больницы. Вернувшись в Новосибирск, я в один день уволился с киностудии, задерживать меня естественно не стали, и в тот же день вышел на работу на телевидение. Причем меня сразу взяли в штат. То есть отделы кадров не имели возможности и времени согласовать между собой дей-

ствия, и телефонное право не успело сработать. Думаю, начальнице отдела кадров Новосибирского комитета по телевидению и радиовещанию поставили большую чесночную клизму с битым стеклом за недосмотр, потому что она меня на дух не переносила все время, что я там работал.

Три месяца прошло, пока «хвост» дополз до телевидения. Но провинциальное телевидение работает намного более интенсивно, чем студия кинохроники. Если у режиссера кинохроники норма два-три фильма в год плюс пара киножурналов «Сибирь на экране», то на телевидении мы должны были выдавать по одной-две передачи в неделю. То есть за три месяца я напаял передач двадцать, причем две трети этого количества были отмечены на еженедельных летучках, как лучшие передачи недели, а три (за три месяца), как лучшие передачи месяца. Другими словами, за три месяца я со всей очевидностью доказал свою творческую состоятельность и полезность, и к тому времени, как пришла «телега», зацепить меня по профессиональной линии, как это обычно в таких случаях делается, возможности не было.

И тем не менее меня уволили. С замечательной формулировкой: «Уволить, как незаконно принятого». Не того, кто незаконно принял, а того, кого приняли. То есть прямо как сейчас в России: судят не того, кто сбил пешехода, а того, на кого наехали. Но тогда-то это еще не было нормой. Вот тут я понял: «Всё — приплыли!» Когда тебя увольняют с совершенно абсурдной мотивировкой, которая к тому же не прописана в КЗОТе, даже не заморачиваясь подбором более-менее правдоподобной статьи, значит уверены, что этого и не надо — проканает и так.

И тогда я совершил совершенно немыслимый по тем временам поступок — я подал, вернее, решил подать в суд на студию телевидения. Год на дворе был 77, самый расцвет брежневского правления и маячившего за кулисами идеолога этого бардака Суслова. «Бетонное десятилетие», по словам Аксенова. Поэтому, когда я пришел в прокуратуру, на меня отреагировали, как на не совсем здорового человека. Чиновница, которой я дал свое заявление, посмотрела на меня (только что пальцем у виска не покрутила) и с сочувствием сказала: «Ну Вы, молодой человек, хотя бы с адвокатом посоветуйтесь. У нас здесь сейчас дежурит симпатичная девочка из адвокатуры». Девочка оказалась действительно очень симпатичная и интеллигентная. Но

главное было не это. Главное, что фамилия у неё была Сарнова, и была она из семьи потомственных, не знаю даже до какого, еще дореволюционного колена, известных адвокатов Сарновых. Возможно, Вы встречали эту фамилию в литературе. Деда её в 37 году или даже еще раньше, где-то на заре советской власти, законопатили в Сибирь, и семья так и осела в Новониколаевске, сиречь в Новосибирске. Конечно, разгуляться честному адвокату в условиях советской власти было практически невозможно, но у девочки, по молодости лет и по воспитанию, бойцовский дух и традиции семьи сохранились. Увидев выписку из приказа с вышеупомянутой формулировкой, она сняла очки и произнесла замечательную фразу:

— Да что же это, еб твою мать, такое делается. Они у вас там что — совсем охуели?! Пойдём.

Она привела меня в кабинет помощника прокурора и шлепнула выписку на стол.

— Вот, посмотри! — сказала она. Тот меланхолично посмотрел и сказал:

— Пусть подает в суд. Скорее всего выиграет.

И тут она взвилась:

— Да ты что, блядь, не понимаешь?! Скорее всего!!! Да если эти суки такие формулировки придумывают, то скорее всего он как раз и не выиграет. Тебе позвонят и всё на этом кончится.

Девочка была умненькая и всё очень хорошо понимала.

— На, звони, — подтолкнула она телефон, — в порядке прокурорского надзора объясни незаконность их действий и потребуй его восстановления на работе, пока над тобой никто не висит. Прокурор ты, в конце концов, или хер моржовый?

Помощник прокурора был молодой симпатичный парень, и у них, видимо, ещё существовали какие-то свои личные отношения. Выглядеть сукой в ее глазах ему явно не хотелось. Он снял трубку, позвонил директору телевидения Глебу Никодимовичу Шляку и популярно растолковал, что если меня не восстановят, то я подам в суд и выиграю процесс, и меня все равно восстановят, но уже обяжут оплатить вынужденный прогул из кармана того, кто такие формулировки придумывает. Поскольку приказ был подписан как раз Шляком, то вывод напрашивался сам собой.

Не думаю, что тертый жук Глеб Никодимыч Шляк уж очень сильно испугался. Это был искушенный в аппаратных играх

чиновник. Он прекрасно понимал, что никакого процесса я не выиграю. Но увольнять меня он, по всей видимости, не хотел, я ему был нужен как хороший специалист. Однако и ослушаться приказа из обкома он не мог. Я даже подозреваю, что он специально придумал заведомо нелепую формулировку, в расчете именно на такой результат. Лучше показаться дураком, чем ослушником. Замечательный был психолог и интриган. Короче, не успел я доехать от прокуратуры до телевидения, как был восстановлен во всех правах.

Я почти уверен, что это была виртуозно, гроссмейстерски разыгранная Глебом Никодимычем интрига. Он выполнил приказ — уволил меня. Прокурор выполнил свой долг — восстановил попранную законность (ему-то никто не звонил). Глеб Никодимыч ничего не мог сделать: приказ прокуратуры надо исполнять. Всё! И волки сыты, и овцы целы.

Ну, предположим, волки были сыты не совсем. Но почти на десять лет меня оставили в покое. Видимо, поняли, что даже заяц, загнанный в угол, может начать кусаться. А скорей всего просто отложили до лучших времен и временно забыли. Какой-нибудь лейтенант или капитан, который вел мое дело, был уволен или наоборот — пошел на повышение и куда-нибудь переведен. У них там своя жизнь.

На этом я, пожалуй, на сегодня закончу. А то какая-то уж совсем безразмерная сага получается. Восемь страниц наваял за раз! Ну, ничего. Теперь Вы от меня долго ничего не дождетесь. Сегодня через четыре часа покидаю Флориду. 2-го лечу на географическую родину, стало быть, прилетаю 3-го в аккурат на Мананин день рождения. Там вечер, если буду способен, пью с друзьями, а 4-го улетаю в Таллинн, где встречаюсь с любимой женщиной. С супругой то есть. 12-го вместе с Людиком возвращаемся в Москву на юбилейные торжества, коих будет три. Одно для знаменитостей: приглашены практически все участники альбома и другой знаменитый люд, проживающий в столице. Потом концерт в «Гнезде глухаря» для поклонников и всех желающих. И 19-го на даче для своих. 23-го у нас билеты обратно. Так что писать будет некогда. Буду читать Ваши письма. А то Вы меня в последнее время не очень-то балуете.

Обнимаю.

P. S. Кстати Ваша оценка моих трудов праведных — ***«очень хорошо»,*** меня вполне устраивает. Во всяком случае я себя чувствую гораздо уютнее, чем после ***«замечательно» и «гениально».*** Скромен, блин! Или Вы не заметили?

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
7 июля 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марик, дорогой! Ладно за морем иль худо? Как здесь — и не спрашивайте! У вас там холодно и волны с перехлёстом. А у нас 38 по Цельсию в тени, нос невозможно высунуть, особенно мой, составляющий значительную часть телосложения. И Вы далеко. У меня без ваших писем синдром абстиненции и депрессия. Лечу её наукой, которую взялась опять двигать с какой-то нездоровой энергией. Но послезавтра — нет, слава Богу в среду — снимаемся с якоря в Калифорнию на это безумно странное мероприятие Лиммуд (Limmud). Чего только ваши не придумают! Главное, никак не возьму в толк, чего они от меня хотят и за что платят деньгами, кровом и харчами. Придётся разбираться на месте.

Марик, день икс — 15-го? Где будет большой Хурал? Какой зал вместит всех участников альбома и всех любящих Тима? Я умираю от зависти. Бросила бы к чёрту всё и прилетела… хотя бы в родное Гнездо. Вы уж мне наснимайте, пока трезвый, а можно и по пьяни.

Обнимаю вас! Летите, голуби, летите. Ваша Наташа.

Копелев — Рапопорт
7 июля 2014 г. Таллин

Здравствуйте Наташа. Как хорошо, что Вы прислали весточку. А то когда от Вас долго нет писем, я начинаю грешить на Ваше давление. И от этого беспокойно.

День икс не 15-го, а 14-го, в день рождения. Проходить это, как я понял, будет в каком-то зале на 100 человек, который раньше, по моим очень недостоверным сведениям, назывался «Беседка». Там есть зал и веранда. Вот туда и созывается весь бомонд. Пьяным, мадам, я не бываю, т.к. моя толерантность к спиртным напиткам общеизвестна. У меня есть очень ценное свойство: я точно знаю, когда в этом деле надо оста-

новиться. Это Вы меня с Кумом спутали. Так что, конечно, поснимаю. Но что получится — сказать не могу, потому что не знаю, какие там световые условия. Если что-то будет, безусловно пришлю.

Обнимаю. Всегда Ваш.

Я вдали от всех компьютеров, только при iPad'е. А он, сукин сын, как Вам известно, пишет, что хочет, и как хочет.

Я сейчас в Таллинне у друзей пью водку и пиво. Тем более, что мы попадаем на эстонский праздник пива. И тем более, что моя любимая супруга большая поклонница этого напитка. Да и что еще в Эстонии делать. Правда, мы попали и на Певческий праздник, который происходит в Эстонии раз в четыре года, и является одним из основных культурных событий. Мы были на Певческом поле. Это, конечно, впечатляет. Почти 50 тысяч народу, 6 с половиной тысяч в хорах, и какое-то удивительное национальное единение.

Я Вам писал, что прилетаю прямиком на Мананин день рождения. Вот мы и собрались. Было человек пять самых близких. Ну, поздравили Манечку. А потом я не выдержал и показал Тимуру альбом. Мне хотелось посмотреть, как он его будет разглядывать, а на юбилее, понятно, ему будет не до этого. Я не знаю, кто получил больше удовольствия — Тима, разглядывая альбом, или я, наблюдая за ним. Он чуть ли не плакал. Он, конечно уже знал, что такой альбом готовится, но он не представлял ни персоналий, ни количества знаменитостей, пожелавших его поздравить. Короче, это был и мой звездный час.

Позже я Вам все опишу. Всегда Ваш. МК

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
7 июля 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марик, Певческий праздник моего детства летом в Эстонии называется Ляулюпида, правда? Очень красивое слово и очень красивый певучий язык, как итальянский. Я ещё могу сосчитать по-эстонски до десяти. И вообще у меня есть, что написать об эстонском лете — каждый год в Пярну, до 13 лет. Я и собиралась написать о них вам, но жизнь, знаете ли, берёт своё, а мне оставляет только скупые ночные часы, я их ловлю для мышей.

Понравились ли Тимке мои вирши? У меня альбом в паре с вашей книгой лежит на самом почётном обеденном столе, и все приходящие гости (их летом легион, только вчера отправили семейку из пяти душ — мама, папа и три сына от семнадцати до восьми, на этот раз без двух собак) — гости сначала ахают, потом начинают листать-читать, а я тем временем у плиты и раковины. Вчерашние гости были из Сан Диего, дочка вайсберговского школьного друга, он был и наш друг по жизни, пока не скурвился в период перестроечного стяжательства. Был Секретарь Союза архитекторов. Но дети за отцов не в ответе. Они навезли калифорнийского вина, сами же его и выпили, потом исправно облевали нашу гостевую квартирку, каким-то непостижимым образом обе комнаты сразу. Так что вчерашний день ушёл на ликвидацию катастрофы. К вашему приезду выветрится.

Уезжаем послезавтра до 21-го. У нас ещё конь не валялся. Пойду валять коня.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
6 августа 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Цитата: «Здравствуйте Наташа. Как хорошо, что Вы прислали весточку. А то когда от Вас долго нет писем, я начинаю грешить на Ваше давление. И от этого беспокойно».

А мне на что прикажете грешить, когда от вас никаких вестей???

Копелев — Рапопорт
6 августа 2014 г. Englewood, NJ

Да, в общем, на то же самое.

Наташенька, дорогая, простите меня засранца. Я честно по приезде сразу сел писать Вам письмо, начало которого и прикладываю в свое оправдание.

Копелев — Рапопорт
28 июля 2014 г. Englewood, NJ

Здравствуйте Наташа! Ну вот я и вернулся в родные палестины и сейчас пребываю в тоске и меланхолии, как это все-

гда бывает после окончания долго ожидаемого праздника. Полгода я жил этим альбомом. Работа завершена и вручена адресату, все порадовались и восхитились — и… И что дальше? Надо заниматься рутинной домашней работой — дом разваливается, краны текут, сортиры забились, все заросло, заборы прогнили и порушились, с гаттерсов пооблетали защитные сетки, а осень с ее листопадом грядет, белки забрались в аттик, свили гнезда, и носятся там как сумасшедшие, спать на третьем этаже невозможно. Все мои красоты, которые я построил на бэк-ярде, развалил ураган «Сэнди», а разобрать завалы возможности не было по причине моего физического отсутствия. Так эти развалины и простояли почти год, а сейчас я хожу и ломаю голову, даже не над тем, как их восстановить, а как разобрать руины. Все это требует сил, которых уже нет, и денег, денег, денег. А их тоже нет, и неизвестно, когда хоть в каком-то количестве появятся, поскольку в «Метрополитен Опера», где трудится Людка, грядут какие-то реорганизации, и непонятно, вызовут ее на работу после отпуска или нет. Вчера у них было профсоюзное собрание, пошумели, покричали, собираются идти «на страйк». Но, по-моему, все это «халоймес», как выражаются на нашей исторической родине.

Ну, да ладно. Что это я гружу Вас своей депрессухой. У всех своего говна достаточно. Вас интересует не мое нытье, а как прошел юбилей, кто что подарил, какие слова при этом произносились.

На этом забуксовал, а потом слегка подзаболел. Точнее, заболел-то я еще в России, а здесь уже собираю ягодки. Видно, вредно мне посещать бывшую родину. Давление подлетело до 180, сахар под 400 единиц, зубы болят, вернулись проблемы с глазами, ну и прочие прелести. Вся организма пошла в разнос. Потому и не пишу. Подождите чуть-чуть, дайте прийти в себя. Расскажу и про юбилей, и выдам очередную порцию жизнеописания, если Вас это еще интересует.

Преданный Вам инвалид не ясно какой группы.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
7 августа 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Ну слава Б-гу! Он милостив, заткнёт краны и очистит сортиры. Вот только сахар под 400 меня крепко встревожил. Дав-

ление — оно ладно, есть всякие там Benicar и Clonidin, обойдётся с божьей помощью. А вот сахар… За этим надо следить неусыпно, и заборов упавших на горбе не таскать, пока всё не наладится. У меня вот Володька слетел с катушек совершенно — поднял телевизор старой формации, времён социалистического реализма, огромной толщины и неописуемой тяжести, и, конечно, вылетела его позвоночная грыжа, а от боли и возраста он стал забывать, где и с кем живёт и «какое, милые, у нас тысячелетье на дворе». Это очень страшно.

Вот такие дела у нас без вас. Очень соскучилась без ваших писем и, конечно, жду продолжения, когда таковое нацарапается.

Помнящая и любящая вас (хоть и засранец)

Наташа

Копелев — Рапопорт

7 августа 2014 г. Englewood, NJ

Ну, вот видите, Наташенька. Я же говорю — у каждого свой ***макес,*** и у каждого его предостаточно. Так что не будем об этом. Тем более, что Ваши надежды на Б-га абсолютно несостоятельны. Бог — он не водопроводчик, не сантехник, не столяр и не плотник, а также не эндокринолог, не геронтолог, не остеопат, не стоматолог, и упования на него не разберут мои завалы, не вправят грыжу Вашему мужу, не вырастят новые зубы, не сбросят нам всем хотя бы десяток лет с общего счета. А потому… А потому, как поется в новой песне Тимура, которую он сочинил к своему юбилею,— «*…а что осталось в той бутылке надо просто смаковать*». Хотя вкус этого «оставшегося» достаточно горек.

А теперь о юбилее и вообще о вояже. Прилетел я в Москву 3-го июля, в аккурат на Мананин день рождения. Встретил меня «Кум»-Мишка Плешков, и мы прямо с самолета поехали на дачу к Тимуру в Загорянку. Там выпили за здоровье Манечки, и я вручил альбом Тимуру, справедливо рассудив, что если вручить его в день юбилея, то он толком и не посмотрит, а значит, свою долю кайфа от того, как он его рассматривает, я не получу. А тут я хлебал полной ложкой, потому что Тимка чуть не плакал, разглядывая мое творение.

На следующий день я улетел в Таллинн, где меня ждала законная супруга. Не помню, говорил ли я Вам, что у нее свои

тараканы — медитации, духовные практики, чакры-фуякры и т.д. Короче — *«Ксендзы охмурили Козлевича»*. На этот раз эти условные ксендзы устраивали десятидневный семинар в горах Чехии. Вот она туда и рванула. Научилась ходить по горящим углям и по битому стеклу. Просто необходимые умения в наше тяжелое время. А также освоила молитвы, притягивающие деньги. Тоже полезно. Особенно для тех, кто устраивает эти семинары. Ну и для нас тоже. Посмотрим, поможет ли. А поскольку уж мы оказались в той стороне, в Европе то есть, решили перед юбилеем заехать в Эстонию, где Людка жила последние 15 лет до того, как осчастливила меня своим появлением, и где не была лет десять. В Таллинне у нее масса друзей, которые, собственно, уже стали и моими. Они прилетали несколько раз к нам в Америку. Восемь дней мы оттягивались в Эстонии. Гуляли, пили пиво, парились в саунах, Людка ходила по грибы. Она на этом деле слегка задвинута. Попали даже на пивной фестиваль, где подавали сотни сортов пива почти со всего света. Народу около ста тысяч. Все поддатые, и никаких эксцессов. Добрый российский народ уже наверное размахивал бы бейсбольными битами и убивал бы друг друга. Забавное наблюдение — в бейсбол в России никто не играет, но биты продаются во всех спортивных магазинах. И не только в спортивных. Для чего, интересно?

Также попали на певческий праздник, который проходит в Эстонии раз в четыре года. Я об этом Вам писал. Для Эстонии это действительно большое событие. Хоры съехались не только со всей Эстонии, но и из Дании, Швеции, Германии. Были даже хоры из Израиля. Почти двухчасовое шествие, когда хоры собираются на Певческое Поле. Каждый хор в костюмах своей деревни, места, острова. Зрелище яркое, праздничное. Сводный хор на сцене Певческого поля был почти 7 тысяч человек! Удивительная атмосфера единения и ощущения себя как нации. И при этом никакого особенного национализма я не почувствовал. Всё дружелюбно, ровно. Молодцы эстонцы.

Кстати о костюмах и о хоре из Израиля. Анекдот вспомнился. Дочка приходит из школы и говорит: «Папа, нам сказали прийти завтра в школу в национальных костюмах». Папа обращаясь к жене: «Сара! Ты слышишь? Эта дрянь просит к завтрашнему дню купить ей норковую шубу!»

12-го вместе с Людиком прилетели в Москву. Торжества, как и было обещано, проходили в три этапа. 14-го июля для знаменитостей, для, так сказать, *VIP-persons*. 17-го был концерт в «Гнезде глухаря» для поклонников и всех желающих. И 19-го на даче у Тимура сугубо для своих. Этих своих тоже набралось человек пятьдесят. Мы с Людкой, естественно, были на всех трех.

14-го были приглашены практически все участники альбома и другой известный люд, проживающий в столице. Были Макаревич, Игорь Иртеньев, его супруга Алла Боссарт, Витя Шендерович, писатель и правозащитник Алексей Симонов — сын Константина Симонова, Вадим Туманов (если помните, один из ближайших друзей Высоцкого), Нателла Болтянская, Валера Ширяев, ну и много всякого другого известного народа. Все очень тепло говорили о Тимке, читали посвящения, стихи, вручали всякие ценные подарки.

Лично я этот день помню смутно, потому как по традиции, появляясь в России, заболеваю. Температура была 38, и у меня перед глазами всё плавало, как в тумане. Видимо, российский климат нам, американцам, вреден. Что происходило на этом ВИП-сборище помню плохо, да и свалили мы с Людкой намно-

Демидов, Туманов, Копелев, Шаов. *14 июля*

го раньше, чем всё закончилось. На следующий день температура спала, но мне разнесло правую ногу так, что она стала в полтора раза толще левой и пошла какими-то красными пятнами. Юбиляр, как бывший врач, посмотрел и предположил рожистое воспаление. Несмотря на весьма хреновое самочувствие, мы с Людиком пошли 17-го в «Глухарь», где состоялся очень хороший юбилейный концерт. Тима и музыканты были в ударе, народ оттягивался по полной. Поскольку я выставил на продажу пару своих книг, то и мне досталась малая толика славы. Тима спел песню, посвященную мне, рассказал, какой у него офигительно замечательный друг, который написал офигительно замечательную книгу, в результате чего пол Нью-Йорка перестало с ним здороваться. После этого пипл кинулся ее покупать и просить у меня автографы. Вот что значит реклама.

Тимур спел на этом концерте две новые песни — «Юбилейную» и «Пора по бабам». Народ был в восторге, а поклонники записали их и выложили на сайте Shaov.net в закрытом отделе. Это у них такой уговор с Тимуром — не публиковать новые песни до выхода альбома. Только для своих. Даю Вам, как сугубо своей, ссылки — «Юбилейная»: https://yadi.sk/d/dNkFbcORWoVkG; «Пора по бабам»: https://yadi.sk/d/dlfg6KuKWonZn. Качество, конечно, хреновое, но понять кое-что можно. Вообще на основании того, что я услышал, вкупе с тем, что Тима мне прислал ранее (две песни, которые, кроме меня, по-моему, вообще никто не слышал), плюс одна новая песня «О зависти», которую он исполнил на ВИП-сборище, совершенно очевидно, что у Тимы наступил новый период творчества. Я бы обозначил его как «***Blue***» или «***Blue Mood***». Это уже далеко не тот Шаов, что был в первых альбомах. В них нет прежнего жеребячества, юношеской бравады, зато появилась какая-то горечь и надлом. Не удивительно, при нынешней российской действительности. Художник, как известно, зеркало эпохи. А Тима безусловно большой художник.

Ну, а 19-го мы уже продолжили в своей теплой компании. Тут особенно рассказывать нечего. Все свои, всё предсказуемо. Кум, как всегда, вошел в штопор, да он собственно из него и не выходил с 14-го числа. Поражаюсь, как можно так пить — одну за другой, как воду. При этом, когда он входит в запой, ночами не спит, колобродит, общается с друзьями по скайпу.

Сжигает себя человек. А ведь хороший, добрый, умный, хороший бизнесмен, хороший шахматист. Жалко.

Вот, собственно, и всё про юбилей. 21 июля Тимур с Маней и Розочкой отвалили отдыхать на Майорку. Я сходил с тимуровой подачи к его другу еще по институту на обследование для проверки вен на ногах на предмет тромбоза. Картина нарисовалась вполне радужная. Все вздохнули облегченно, из чего я сделал вывод, что они грешили именно на тромбоз. Мне вкатили в задницу какую-то дрянь, выписали рецепт на антибиотики, и велели убираться в свою Пиндосию. Да я уже и сам не мог дождаться встречи с милой американской родиной. Смех смехом, а за 23 года Америка, несмотря на почти полное отсутствие языка, стала гораздо ближе и понятней России.

На сегодня закончу. Всё-таки писать еще трудновато. Жизнеописание оставлю для следующего письма. Всегда Ваш.

P. S. Фотографии торжеств еще полностью не обработал, поэтому прикладываю только то, что сделал.

Это задник, который висел на площадке 14-го, а потом за столом на даче

14 июля 2007 года

Семь лет спустя. 19 июля 2014 года
Над теми, кто любят Тимура Шаова, время не властно!

Копелев — Рапопорт
13 августа 2014 г. Englewood, NJ

Здравствуйте, Наташа!

Ну вот я немного оклемался и нацарапал очередную порцию жизнеописания.

Confession XII

Итак, на чем же мы остановились? На том, что вопреки моему атеистическому скептицизму, предсказание цыганки напомнило о себе, и я таки чуть было не отбросил коньки. И как раз в предсказанном возрасте. Хрен его знает, что за мистика. От этих совпадений всякая чертовщина лезет в голову и поневоле начинаешь задумываться — а может, действительно существует нечто помимо нас.

Меня восстановили на работе и даже, я бы сказал, зауважали за проявленный характер. По крупному не задевали, работать не мешали. Во всяком случае не более, чем было положено в рамках существовавшей в ту пору обязательной цензуры министерства Правды. Начальство было мной довольно, гэбуха молчала, да и времена наступали достаточно вегетарианские. Работал я хорошо, не высовывался, аттестации проходил вполне благополучно и вскоре дорос до режиссера высшей категории. Где-то к году 82–83 я уже был старшим режиссером литературно-драматической редакции.

Жизнь была суматошная, насыщенная, порой бестолковая, и вообще какая-то клочковатая. Вероятно, это называется «богемный образ жизни». Калейдоскоп людей, блядей, событий. Я был молод, холост, достаточно ярок на тусклом провинциальном небосклоне, ни от кого не зависел, никому ничем не обязан. Передачи, телевизионные постановки, спектакли, свидания, мимолетные увлечения, серьезные влюбленности, скандалы с обманутыми мужьями, вплоть до мордобития. Морду, конечно, в основном чистили мне. Как будто это я виноват в том, что супруга решила наставить мужу рога. И всё это происходило на фоне полной бытовой неустроенности. Жил я в основном в гостиницах, иногда удавалось снять на какое-то время квартиру, откуда меня достаточно быстро при таком образе жизни выпирали. Иногда начальству, уставшему от моих

ночевок в редакции, удавалось пробить мне общежитие от какой-нибудь организации, поскольку своего общежития у телевидения не было. Получить квартиру, тем более одинокому мужчине, в те времена было практически невозможно. Ночевал зачастую, где ночь застанет, вещей не было, все свое, как говорится, носил с собой. Да и «своего-то» — одна зубная щетка да две рубашки.

Во всей этой кутерьме сошелся я с одной девушкой. В общем-то, так — одна из многих. Не лучше и не хуже прочих. Ну, может, внешне посимпатичнее. Был в ней какой-то шарм. Во всяком случае, мне тогда так казалось. Вероятно, это было бы ещё одним не очень существенным эпизодом моей беспутной жизни, но у этой девушки была пятилетняя дочка, которая привязалась ко мне и попросила разрешения называть меня папой. А это, согласитесь, очень меняет расклад, ибо, как сказал классик,— *«мы ответственны за тех, кого приручили»*. Да я и сам привязался к этой девчушке, папа которой жил где-то на соседней улице и ни разу не удосужился не то что конфетку принести, а просто повидать ребенка.

Короче, мы узаконили наши отношения с Лилей, хотя её родственники поначалу были против. Им почему-то не очень нравились мои паспортные данные. Старший брат вроде бы даже пытался побить её. Во всяком случае, однажды она прибежала вся в слезах с такой версией. Может, правда, может нет. Сейчас, оглядываясь назад, думаю, что врала. Но, если правда, то впоследствии они вполне смирились и даже возлюбили меня, а пятую графу стали воспринимать, как достоинство. Это бывает. Вообще надо сказать, что вспоминая этот мой брак, я ретроспективно обнаруживаю столько вранья, столько нестыковок, что поражаюсь — до какой степени я мог быть так слеп! И не дурак вроде... М-мда... Мне мои друзья, после того как мы с ней расстались, говорили: «Мы всегда недоумевали — что вас держит вместе?». И даже папа, мой патриархальный, архипорядочный папа, для которого семья было святое, потряс меня, вдруг сказав: «Ничего, другую найдешь!» Хотя до этого ни словом, ни полсловом не давал понять, что чем-то недоволен.

Начальство расщедрилось и помогло вновь образовавшейся ячейке социалистического общества купить четырехкомнатную кооперативную квартиру. Мы взяли к себе лилькину бабушку и стали «жить-поживать и добра наживать». Лильку, которая

до меня нигде практически не работала и занималась тем, что фарцевала на новосибирской барахолке да шила по мелочам на продажу, я, используя свои связи в театральном мире, устроил в ТЮЗ начальником пошивочного цеха. Лерка безоговорочно и навсегда признала меня папой, ну а я, я старался этому соответствовать — ходил на родительские собрания в школу, подсовывал нужные книжки, ставил нужные пластинки, водил в театр, в кино, в филармонию, объяснял что-почём в этой паскудной жизни, поддавал по заднице, когда она в период взросления приходила то поддатая, то пахнущая табаком... Короче воспитывал. И теперь уже можно сказать это с полным основанием, воспитал очень достойного хорошего человечка. В Америке она закончила вначале Hunter College, затем университет, получила степень Master degree. Сейчас работает менеджером в крупной американской компании в Нью-Йорке. В книге в главе «Крыша» есть её портрет. Это она там после окончания колледжа. У неё двое детей. Старшему Тёмке, которого она родила еще в России, сейчас уже 25, младшей Полине 13 лет. Вот Вам два внука. Точнее внук и внучка.

На работе дела шли своим чередом. Вроде как бы пора было и угомониться. Но... Но мне же всегда было тесно в рамках какого-то одного дела. Параллельно с работой на телевидении, я пописывал рецензии в журналы и газеты, подрабатывал в самодеятельности, по старой памяти режиссировал агитбригады, иногда, когда приглашали, ставил что-то в театрах. Однажды ко мне обратилась группа ребят с просьбой помочь им срежиссировать дискотечную программу. Дискотеки в славном отечестве тогда только начинались, что это такое было не очень понятно. То есть было ясно, что это танцевальные вечера, но хотелось же ещё и рассказать про музыку, поделиться эмоциями, показать какие-то слайды с портретами музыкантов, просто организовать какой-то зрительный ряд, чтобы это не превращалось в совсем уж бездумное дрыганье ногами. И вот тогда Новосибирский горком комсомола решил провести фестиваль дискотечных тематических программ. Это такая форма была, где диск-жокей рассказывает о какой-то музыкальной группе, показывает слайды, а также переводит тексты в меру своих способностей и знания языков. Так вот эти ребята попросили меня сделать такую программу. Кто-то им меня порекомендовал. Сам я в ту пору рок-музыкой интересовался постольку-по-

скольку, на общепотребительском уровне — Элвис, Род Стюарт, Пинк Флойд, Битлз, Роллинги, Кинкс и т.д. Но, согласитесь, что для профессионального режиссера, имеющего дело со словом, изображением и музыкой по роду своей профессии, сделать такую программу особого труда не составляет. Я сделал. И неожиданно увлекся сам. Мне стало интересно. На этих дискотеках я не только рассказывал о музыке, но и в форме популярного трёпа излагал мифологические сюжеты, показывал картины мастеров живописи, говорил о прочитанных книгах, о новых фильмах и т.д. и т.п. То есть мои дискотеки были своеобразными «лекциями по ликвидации эстетической безграмотности населения». Мы сделали еще несколько программ и последовательно заняли первые места вначале в Новосибирске, затем на Всероссийском конкурсе в Москве, а потом и на Всесоюзном. И когда в 80-м грянула Олимпиада, нас, как лучшую дискотеку (а скорее всего, если быть честным, как самую идеологически выдержанную — я-то телевидением учён), пригласили работать на Олимпиаде. Конечно, опять не обошлось без попыток вербануть, но уже как-то лениво, без энтузиазма. Видимо, кто-то в моей команде лучше подошел на эту роль.

Как известно, в кулуарах фестивалей всегда идет активная жизнь. Участники обмениваются информацией, музыкой, пластинками, записями. И вот тогда я впервые услышал музыку русских рок-групп. Помню, это были первые записи «Машины времени» и «Воскресенья». После заполонивших тогда все эфиры «Самоцветов», «Веселых ребят», «Песняров», «Сябров», «Цветов», Трошина и прочих Эдуардов Хилей с Мулерманами, меня совершенно потрясла эта музыка своей новизной и свежестью. Я стал искать информацию и записи других советских рок-групп. Кажется, Артемий Троицкий (сейчас это довольно известная в России медиаперсона, а тогда маргинальный, вечно пьяный персонаж из тусовки), дал мне наводки и контакты в знаменитом в ту пору ленинградском рок-клубе. Я прямо во время Олимпиады сгонял в Питер, познакомился с Гребенщиковым, Цоем, Майком Науменко и другими, получил записи «Аквариума», «Зоопарка», «Кино», «Телевизора», уфимской (тогда еще уфимской) группы «ДДТ» и т.д. Со всем этим багажом я вернулся в Новосибирск и стал крутить эту музыку на дискотеках, рассказывать о группах, всячески популяризируя русский рок. Каждый раз, когда появлялось что-то новое, а я очень внима-

тельно следил за этим, практически всегда впервые это звучало на наших дискотеках. Тому, конечно, способствовали и личные контакты с музыкантами. Юра Шевчук и Сашка Башлачов, приезжая в Новосибирск, даже останавливались у меня и давали «домашники» в моей квартире. Много лет спустя, это повторилось с Тимуром и Мариком Фрейдкиным. Видимо нюх на хорошую музыку у меня все-таки есть. Так что к тому времени, когда русский рок, как явление, уже утвердил себя в советском музыкальном пространстве, хоть и полуподпольно, я был довольно заметным знатоком этой музыки на новосибирском небосклоне. Меня стали приглашать читать лекции, приглашать в жюри.

В 1985 году к власти пришел Горбачев. Над страной, выражаясь высоким штилем, «задули ветры перемен». Дули они, правда, в основном по верхам, но движение воздуха потихоньку стало ощущаться и внизу. Дышать стало легче. И вот, на волне этих перемен, меня пригласили в Новосибирскую Консерваторию прочесть курс лекций по советской рок-музыке. Была у них там такая «лекторская группа», которая должна была нести музыкальные знания в массы. Поскольку жизнь менялась, они хотели быть готовы к вопросам, возникающим по рок-музыке. Я был практически единственным специалистом в Новосибирске по этой новой музыке. Первая лекция была как раз о «Машине времени». Но попутно, по ходу лекции, я знакомил и с другими советскими группами, пытался их как-то классифицировать, показывал их музыку. В частности, возник разговор о группе «ДК». Не знаю, помнит ли кто-нибудь сейчас эту группу. Это был такой «dirty rock» с вполне фекальной тематикой. То есть тексты звучали примерно так: *«...вот из по-по-попы выпала ка-ка-кашечка, а мне на-на-насрать — я все-равно тебя люблю, по-по-тому что твой папаша под-по-по-по-полковник КГБ...»*. Это не точный текст, а, так сказать, интерпретация их репертуара. В современной классификации этот стёб можно, наверное, отнести к панк-року. «Ленинград» или «Война» нынче выдают и похлеще («Выборы, выборы, кандидаты пидоры!»). Но тогда... Аудитория, которая присутствовала на лекции, а это были преподаватели консерватории, аспиранты и несколько человек студентов из лекторской группы — всего человек 20–25, была не готова к восприятию не то что этой откровенно эпатажной группы, для них и «Машина Времени» была невообразимой крамолой, хотя сегодня после того, как Макаревич и Гребенщиков получили ор-

дена «За заслуги перед Отечеством» из рук российского «национального лидера», в это трудно поверить.

И вот, в конце лекции, когда стали задавать вопросы и обсуждать услышанное, какая-то тетенька из преподавателей высказалась в том смысле, что все это тихий ужас, что слушать это невозможно, что всё это *антисоветчина (!)*, а группа «ДК» — это вообще что-то запредельное, (в чём, между прочим, я был с ней совершенно согласен).

— Неужели,— патетически воздевая руки вопрошала она,— Неужели вам это нравится?!

Я, сдуру решив, что нахожусь в интеллигентном обществе — консерватория как-никак, ответил нечто в том роде, что мол «нравится или не нравится» — это не критерий при обсуждении того или иного эстетического явления, и что на любой предмет и явление можно смотреть с разных точек зрения. А оценка вообще зависит от контекста, от времени, от отношения и от многих других факторов, и то, что сегодня кажется хорошим и вызывает всеобщий восторг, завтра может оказаться не очень.

Но тетеньке диалектика была чужда.

— Есть же вещи безусловные,— заявила она с благородным негодованием.

— Например?

— Например, фашизм!

Конечно, это была провокация. Но я повелся, как мальчик. Я почему-то решил, что с тетенькой можно разговаривать с позиций логики, и стал лепетать нечто вроде того, что фашизм — это безусловно плохо, но если целое государство, целый народ в течение длительного времени жили этой идеологией, значит на этот предмет могли существовать и другие точки зрения, и бла-бла-бла, и бла-бла-бла...

Из этого родилась история, что Копелев, как было после написано в газетах, во время лекций в консерватории проповедовал фашизм. И еще откуда-то сбоку неизвестно почему приплёлся пацифизм. Одновременно!!! И фашизм, и пацифизм! Это сейчас в России можно на каждом углу распевать куплеты: «...и евреи, и хачи — хорошо горят в печи...», а в те годы от подобных обвинений отмыться было довольно трудно, независимо от того, правда это или нет. Зав.кафедрой теории музыки Владимир Михайлович Калужский, который пригласил меня прочитать лекции, жидко обосрался и сдал меня со всеми потрохами.

Было сляпано письмо (*«я не слышал, но согласен», «я не читал, но искренне осуждаю»*) с сотней(!) подписей от *«возмущенных студентов, аспирантов и преподавателей консерватории»*. Мне потом рассказывали, как эти подписи собирали со студентов под угрозой исключения из консерватории. Письмо направили в обком партии, на телевидение и, конечно же, в КГБ. Гэ-Бэшники разбираться с этой историей по-видимому не стали. То ли было не до того, то ли просто лень. Времена, как я уже говорил, настали в общем-то не столь кровожадные — 85 год, прошел горбачевский апрельский пленум, у них там у самих был полный раздрай и неразбериха. Во всяком случае, как мне казалось, слишком явно они в это дело не лезли. Ошибался, конечно, как потом выяснилось. А телевизионное начальство, в лице достопочтенного Глеба Никодимыча Шляка, заявило, что «его не колышет, чем там этот сукин сын Копелев занимается в свободное от основной работы время, главное, что он работает хорошо».

И, может, дело как-то и спустилось бы на тормозах, но как раз незадолго до этого руководство Комитета по Телевидению и Радиовещанию, в лице председателя комитета товарища Звонкова, вознамерилось назначить меня главным режиссером Новосибирского телевидения, несмотря на не совсем титульную национальность и отсутствие партбилета в кармане («ветер перемен», как было сказано.) Мне-то, в общем, это было по фигу, я никогда в начальники особо не рвался. Похихикал про себя и подумал: «Ну, ну... Посмотрим, что у вас из этого получится.»

Но получилось совсем не смешно. На этом карьерном пути, сам того не желая, я перешел дорогу нескольким не очень чистоплотным персонажам, у которых партбилет был как раз на месте и с национальностью тоже всё было в порядке, в связи с чем они считали себя более достойными кандидатурами на этот пост. Вполне справедливо, между прочим, по моему мнению. То, что я был хорошим режиссером, еще не означает, что я был бы хорошим Главным. Главному надо иметь специфический набор качеств, и у меня нет уверенности, что я этими качествами обладаю. Так вот этим-то ребятам письмо пришлось как нельзя более кстати. Они выволокли этот пасквиль на свет божий и раздули целое политическое дело, закончившееся исключением меня из Союза Журналистов и, как следствие, увольнением с телевидения *«за идеологическую незрелость»* (оцените элегантность формулировки). Практически это означало «волчий билет». При

единственном кадровом регуляторе — «телефонном праве», ни в театр, ни на телевидение, ни даже в самодеятельность с такой статьей меня принять не могли. И не принимали. Там, где могло пригодиться моё скромное дарование, меня знали. Новосибирск хоть и большой город, но режиссеров в нем не много и они все на виду, и соответственно все заинтересованные лица были в курсе истории моего увольнения, так как скандал был громкий. Попытка моего приятеля, главного режиссера Областного театра драмы Изи Борисова дать мне постановку, чтобы хоть как-то меня поддержать, чуть не закончилась его увольнением. И я сам, чтобы не подставлять его, отказался от постановки. Мол, «извини, старик, не в том я сейчас состоянии. Спасибо, конечно, но не сейчас.» А в самодеятельности, когда я предъявлял трудовую книжку, где было написано «режиссер высшей категории», тут же хватались за телефонную трубку, чтобы выяснить, каким образом к ним залетела птица столь высокого полета — ясен пень, что-то тут не так! Ну и выясняли. И получали соответствующие рекомендации. Перестройка — Перестройкой, а инструкция — инструкцией. Повторилась история десятилетней давности. Правда, в отличие от той ситуации, ни бывшей свободы маневра, ни желания совершать эти самые маневры у меня уже ни сил, ни желания не было — семья, ребенок, квартира, да и возраст уже не столь мобильный, хоть с высоты сегодняшнего это кажется смешным — ну, что там такое 42 года. А тогда казалось, что жизнь кончена.

Однако, надо было как-то кормить семью, платить взносы за кооперативную квартиру и вообще продолжать жить, хотя, признаюсь честно, хотелось не очень.

Но, видимо, человек я не слишком склонный к суициду. Худо-бедно я как-то сумел переломить ситуацию. Большую роль в этом сыграла дочь Лерка. Ответственность перед ребенком, который считает тебя отцом не потому, что ты его родил, а потому, что ты заменил ему отца, все-таки накладывает даже более серьезные обязательства, чем если бы это был твой родной ребенок. Да и повела она себя в этой ситуации очень достойно. Когда в школе попытались устроить обсуждение (эти козлы и до школы добрались, чтобы проверить «так ли этот антисоветчик воспитывает ребенка, тем более не своего»), Лерка просто послала их на хер заявив: «Это мой папа, и я не собираюсь ни с кем обсуждать его действия. Ищите других Павликов Морозо-

вых!». Чем подтвердила безусловную неправильность своего воспитания.

Как было говорено ранее, Лилька умела неплохо шить, делала всякую модную одежку и продавала её на новосибирской барахолке. В дни жесточайшей депрессии, чтобы хоть чем-то занять себя, я стал помогать ей в её портновском промысле. Дело оказалось не бог весть какое сложное, руки у меня растут из правильного места, голова тоже работает неплохо, и вскоре я так поднаторел в этом деле, что совершенно спокойно стал обходиться без нее, поставив производство швейных изделий на поток. В течение недели, к воскресенью (день работы барахолки) я отшивал штук пять-десять женских модных платьев, которые в ту эпоху тотального дефицита со свистом уходили по 50–70 рублей. Учитывая, что средняя зарплата по стране была 120–150 рублей, зарабатывать я стал в пять-десять-двадцать раз больше, чем если бы я работал по своей «высшей» режиссерской категории с окладом аж 220 рублей в месяц. А тут получалось по 500–700 рублей в неделю. То есть я стал зарабатывать больше президента Академии наук СССР, чья зарплата, по официальным источникам, была 1200 рублей в месяц и считалась в те годы самой высокой в СССР. Такая вот экономика.

Надо сказать, что финансовая составляющая нашей жизни во многом определяет наше отношение к ней. И даже примиряет, в случае удачного поворота, с такими печальными событиями, как потеря любимой работы и невозможность работать по специальности. Кроме того выяснилось, что делание денег не менее увлекательное дело, чем занятия режиссурой, если даже не более. И весь свой нерастраченный творческий потенциал я направил в это русло. Ну, собственно, не на делание денег, как таковых, а на улучшение тех швейных изделий, которые реализовывались на барахолке. Я приобретал втридорога фирменную ткань, фирменные нитки, фирменную японскую фурнитуру, достал специальные швейные машины и т.д. и т.п. И вскоре эти мои изделия стали лучшими среди продукции подобного рода. Я, как шутили, стал «первым парнем» на новосибирской барахолке. Крупнейшей, между прочим, в Союзе после одесской.

Но так устроена российская жизнь, что лучшим в этой стране быть не рекомендуется. Как только высунешься — сразу подровняют. «Прокрустов комплекс» в крови русского человека. Я не говорю даже о том, что каждую барахолку меня забирали в мен-

товку и пытались пришить то спекуляцию, то мошенничество, то подделку фирменных знаков (то есть мои платья, куртки, штаны выглядели так, что ни у кого даже не возникало сомнений в том, что это фирменные изделия). С этими обвинениями я довольно быстро научился бороться. Я купил патент, придумал и зарегистрировал свои собственные фирменные знаки, и предпринял иные действия, предохраняющие от статей существовавшего тогда уголовного и административного законодательства. Но вот бороться с рэкетом оказалось не под силу. Однажды меня выловили крепкие ребята в спортивных штанах, отобрали весь товар и отпинали так, что я своим, сотрясенным в результате этой милой встречи мозгом мгновенно понял — пора сваливать, и чем скорее, тем лучше. Это был, как говорится, знак Судьбы. Теперь, по прошествии времени, могу сказать и им, и моим «друзьям» на телевидении, огромное спасибо за то, что вразумили.

Благодари своих врагов,
Что сделали тебя сильнее,
Что не жалели бранных слов,
За то, что били побольнее.
За то, что предали не раз,
Даря тебе бесценный опыт,
Что можешь распознать сейчас,
Что в жизни хорошо, что плохо.

Фильм «Портной», который сняли про меня в 89 году на Новосибирской студии документальных фильмов и о котором я пишу в своей книге, к тому времени уже вышел на экраны, был показан несколько раз по Центральному телевидению. На Первом Международном фестивале неигрового кино в Ленинграде он получил какие-то там призы, и был куплен несколькими странами. У меня на руках была копия фильма, рецензии, в том числе в таком уважаемом журнале, как «Искусство кино». Так что доказать в американском посольстве, что советские власти преследовали меня за мои взгляды, особого труда не составляло. Я получил статус политического беженца и 17 января 1991 года с Лилькой, дочерью Лерой и внуком Темой, которому к тому времени исполнился год и восемь месяцев, отбыл на новую, не сказать, что историческую, но явно более доброжелательную к человеку родину. Правда, родина, где я родился,

за те два года, которые предшествовали эмиграции, успела выпить столько крови, что мне даже не хочется их вспоминать, ибо там было всё — и вызовы в КГБ, санкционированные и несанкционированные обыски, и грабеж квартиры, причем менты пытались доказать, что это я сам себя обчистил, и задержания на улице с шмоном по карманам, и, что самое паскудное, преследования дочери в школе... В общем, известный и апробированный арсенал издыхающей Софьи Власьевны.

Не утомил ли я Вас, Наташенька? У меня-то это болит, а Вам возможно уже и в тягость. Поэтому на сегодня заканчиваю. Отдыхайте.

Как там у Вас со здоровьем? Что такое у Володи?

Обнимаю.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
14 августа 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марик, дорогой, жизнь такая, что я даже «нового Шаова» ещё не добралась послушать… Но вас только что прочитала взахлёб. Нет, не утомили. Огорчили, правда, ужасно, с этой «фашистской» историей — ну что всё-таки за дуралей (это синоним более подходящего к случаю термина, который не решаюсь произнести, ну да вы знаете): кого принялся просвещать и воспитывать на свою жопу, а с виду-то вполне адекватный… Но слава создателю, всё кончилось хорошо. Я-то ведь тоже, будь гебуха подоброе, тянула бы, может, сейчас нитки на фабрике-комбинате «Красная роза» — последнем по нисходящей прибежище, куда меня тоже не взяли после того, как выперли из Карповского института. Пишите дальше!!! Очень мне нравится ваша Лерка, может, как-нибудь залетит в Юту взглянуть на наши красоты?

Володька плох. Согнулся в три погибели, такая боль в позвоночнике. Так что я теперь и швец, и жнец, и в дуде игрец — магазины, готовка, по врачам и т.п., а я ж избалованная и с отвычки не быстрая –раньше всё это (кроме врачей) делал Володя. Я готовлю вкусно, как всякий химик, но это требует времени, а невкусно — не могу. А на шее при этом всё ещё висит научная статья, с которой мы начали друг друга истязать ещё до вашего отъезда. Там такие двойные интегралы, что я вовсе перестала спать, всё продолжаю их решать в уме в по-

стели. Чёрт его знает, зачем мне всё это нужно. Видно, тоже род психоза, но раз уж я заглянула внутрь мышки, мне не отвязаться — должна понять, с какой скоростью и куда она перепрявляет то дерьмо, которое я в неё вкалываю, и почему оно, блин, работает и лечит, хотя по тому, что я с этими интегралами насчитала, не должно бы.

Такие грустные вести с полей. Пишите, Марик! Понравился ли Тимке Шаовбриан или он не заметил?

Обнимаю, Ваша Н.

Копелев — Рапопорт
14 августа 2014 г. Englewood, NJ

Здравствуйте, Наташенька!

Да, Ваши «вести с полей Юты» действительно оставляют желать много лучшего. И непонятно, как и чем можно помочь. Разве что сочувствием да моими безразмерными письмами, которые хоть и отвлекают Вас от научной работы, от интегралов и хозяйственных забот, но по всей видимости являются для Вас некоторой отдушиной. Так же, как Ваши для меня. Жизнь наша в Америке, во всяком случае моя, устроена таким образом, что душевного общения как-то не получается. С американцами по причине отсутствия языка, да и менталитет разный. Про образовательный уровень не говорю — из всех американцев, с которыми я пытался общаться, только один знал, кто такой Томас Вулф, Уитмен и Теодор Драйзер, и двое, кто такой Скотт Фитцжеральд. А ведь это их классики. Кто такие Ануй, Сартр, Беккет или, скажем, Марциал или Катулл — спрашивать бесполезно. Я понимаю, что это не показатель, есть и начитанные американцы, но, во-первых, где их искать, а во-вторых, для них я неинтересный собеседник, ибо слушать моё невнятное английское мычание для них невероятно мучительно. Да и в своей-то языковой среде новые друзья приобретаются с трудом. Частично по этой же причине, частично из-за моей усилившейся к старости мизантропии и тяги к одиночеству. А старые друзья кто-где, и по уши погружены в свои собственные заботы, переписки с ними не получается, ещё и потому, что далеко не все умеют внятно излагать свои мысли на бумаге. Да и не склонен современный человек тратить свое время на эпистолы. Эпистолярный

жанр уходит, и вот уже какой-то молодой поэт грустно сокрушается: *«В старой песенке поется / После нас на этом свете / Пара факсов остается / И страничка в интернете…»*

А с Вами у нас все сложилось легко и непринужденно, как бы само собой. Видимо Вы правы, когда говорите про общую песочницу. А о болячках… Ну что об этом говорить. Тема в нашем возрасте, извините за непроизвольный каламбур, больная, и философии вокруг можно развести, как сказал бы Игорь Губерман, до хера и даже больше. Так что не будем сотрясать воздух бесполезными словами утешения. Эта жизнь так устроена, что каждый свою боль несет сам. «Жизнь на то нам и дана, чтоб терпеть её подлянки…» — пел Марик Фрейдкин. А кто может помочь? Ну, спросили, и что? Я, например, когда меня начинают спрашивать о самочувствии и сочувствовать по этому поводу, раздражаюсь ужасно. Но есть люди, которым это нужно. Моя сестрица, например. Вы с ней общались, когда приобретали какие-то билеты в Россию. У неё два года назад диагностировали рак. Рак груди. Можете себе представить, что мы тут пережили. Была операция, но что еще хуже — *ожидание операции,* была химиотерапия, была имплантация груди, короче, весь комплекс удовольствий, связанных с этой болезнью. В принципе, это здесь лечат, но рак есть рак. Сейчас всё вроде позади, но она по-моему до сих пор на меня дуется, что я редко спрашивал, как она себя чувствует. А что у неё-то спрашивать. Я у врачей спрашивал. Она и так неотступно во всем этом. Я же понимаю, как у человека в этом состоянии мозги крутятся. Её отвлекать надо было от всех этих мыслей, а не бесполезное сочувствие показывать. Но разве, извините, бабам что-нибудь объяснишь. Кстати Марик Фрейдкин, у которого был рак почки, при том, что одну ему уже оттяпали по этой же причине лет 13–15 назад — когда я ему звонил и говорил, что пусть он не воспринимает как равнодушие, что я не спрашиваю у него о его самочувствии, так как осведомлен об этом из других источников, сказал: «Знаешь, тезка. Ты даже не представляешь, как я благодарен тебе за это! Меня уже заебали этими вопросами!»

Так что, Наташенька, единственное, что могу сказать, вы уж, милые, как-то держитесь, старайтесь не болеть, живите и радуйтесь по мере возможностей. Живым, повторю расхожую банальность, из этой жизни все-равно не выбраться, так

что и унывать не стоит. В Риме есть солнечные часы. На них написано: *«Сейчас больше, чем ты думаешь».*

Остается только шутить.

Мне недавно прислали забавную мульку. Может Вы её и слышали, но повторю:

— Представьте себе, как прекрасна была бы жизнь, если бы протекала в обратном направлении. В самом начале жизни несколько хорошо одетых людей в черных костюмах вносят тебя в красивом ящике и ты сразу оказываешься на пиру, где все поднимают тосты в твою честь и рассказывают, какой ты замечательный человек, хороший друг, прекрасный семьянин. Ни одного плохого слова. Дальше живешь себе спокойно стариком в домике на берегу озера, качаешься в кресле, получаешь пенсию и молодеешь с каждым днем. Потом начинаешь работать. Поработав лет 40, познаешь прелести жизни, пьешь все больше алкоголя, все чаще ходишь на вечеринки, все чаще трахаешься. И потом поступаешь в институт. Ну, там ващще веселье. Бабы, пьянки, гулянки — кайф полный. Потом идешь в школу, тебе предъявляют все меньше требований, у тебя все больше времени на игры. Становишься все меньше и меньше, пока не попадаешь в… кхм, ну ясно куда, где плаваешь себе в тепле 9 месяцев, вслушиваясь в успокаивающий ритм бьющегося материнского сердца. Пока однажды — БАЦ!!! И твоя жизнь заканчивается оргазмом!»

На этой оптимистической ноте заканчиваю свое «утешительное» послание.

Ваш Марк

Копелев — Рапопорт
19 августа 2014 г. Englewood, NJ

Здравствуйте, Наташенька! Ну, как вы, что вы? Как дела у Володи? Как Ваше давление и подзабытые заботы по хозяйству? Как Ваша научная работа и мышки? Я уже нашкрябал очередную порцию мыльной оперы под названием «Моя жизнь в искусстве и около», но не посылаю, опасаясь отвлечь

Вас от работы на нужды давно уже не прогрессивного и совсем не благодарного человечества. Потому что, если уж Вы даже до песен Шаова еще не добрались, то дела, видно, совсем плохи.

Кстати о Шаове. У него тут намечаются гастроли на Дальний восток — Камчатка, Владивосток и т.д. Так вот я тут прикинул — почему бы мне не посетить родные Пенаты. Я-то просто размышлял вслух, а Людка вдруг ухватилась и стала меня уговаривать. Мол, «когда ты еще соберешься? А так съездишь, депрессуху свою развеешь…» Видимо, она что-то чует. Я подумал и решил: «А, где наша не пропадала. И заказал билет. Теперь сижу, как дурак с помытой шеей, и думаю: «А стоило ли?..»

Обнимаю. Всегда Ваш.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
19 августа 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Вау! Я б и сама полетела на Камчатку, перо в заднице, тем более в таком обществе!

Прицепляю фотографию моей лекции в Охе, на острове Сахалин, в конце 70-х. Комментарий моего приятеля: «Коня на скаку остановит, В горящую избу войдёт». Потрясающая была поездка. Когда-нибудь, Б-г даст, расскажу.

Мыльную оперу шлите немедленно! Как можно: написали и в ящик?! А девушка тут без вас слёзы лей?

Володе утром сделали анестезирующий укол эпиду́рал (в позвоночник). Посмотрим.

Обнимаю! Когда в путь?

Ваша.

Копелев — Рапопорт
19 августа 2014 г. Englewood, NJ

Так в чем дело, Наташа! Раз перо в заднице уже есть, расправляйте крылья — и в полет! Правда, я-то собираюсь не на Камчатку. Вылетаю 18 сентября, несколько дней в Москве, у меня там дела, 22 сентября прилетаю во Владивосток, 27-го сентября — морская прогулка с обзором новых мостов и пикник на лоне приморской природы, 28-го концерт, 29-го Тимур с ребятами отчаливает в Москву, а я до 2-го октября ностальгирую, посещаю места былых подвигов и пью водку со школьными друзьями (если они еще способны пить водку). Такой вот распорядок. Я, кстати, забыл сказать, что за мероприятие там будет. Это не обычный гастрольный концерт Тимы, а юбилей владивостокского филиала «Новой газеты», на который они пригласили Дмитрия Быкова и Тимура. Приедет также главный редактор «Новой» Дима Муратов. Поэтому всякие юбилейные мероприятия и концерт — одно отделение Быков, одно Шаов. Будет желание, присоединяйтесь. У друга, у которого я останавливаюсь, две свободные комнаты. С удовольствием примет и Вас.

Ваш я.

А песни-то послушали? Я все время забываю сказать, что Ваши вирши произвели вполне достойный эффект. Тимур, если быть честным, сильно не вглядывался, потому что слеза застилала взор — все эмоции были в основном по поводу альбома в целом, но на моем, Вашем, Иртеньевском, Губермановском свой взор зафиксировал, а про Вас удивился и сказал: «О, Наташа! Как ты ее нашел?». И прочитал от и до. Кстати, Галина Хомчик, увидев Вашу фотографию в альбоме, тоже сказала: «О, Наташка!» Я очень удивился. Я не думал, что у Вас столь близкие отношения.

А это запись юбилея. Посмотрите на досуге.

https://drive.google.com/file/d/0B_HgmyJSvtv6dTVQa3hMSXEwSzg/edit?usp=sharing

https://drive.google.com/file/d/0B_HgmyJSvtv6T0lTai13eEk0RDQ/edit?usp=sharing

https://drive.google.com/file/d/0B_HgmyJSvtv6Mk1SUmxHNDUzWVk/edit?usp=sharing

https://drive.google.com/file/d/0B_HgmyJSvtv6Q3BrRkZzYTdkNHM/edit?usp=sharing

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
20 августа 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марик, спасибо большое! Смотрели с Володей до глубокой ночи (в его понимании), то есть до полвторого, и он не ушёл. Правда, после укола спал днём четыре часа, так что с ног не падал. Для меня — как глоток воздуха! К сожалению, многое было невнятно, и шум неистовый во второй части, как будто снимали на корабле в бурю. И многих слов с первого раза было не разобрать. Вас я опознала мгновенно, а вашу Люду так и не вычислила, хотя очень старалась. СОС, помогите! И кто этот «золотовед» (?) грузинской масти, совсем пьяный в четвёртой части? Из его выступления я не поняла ни слова… Отвыкла, видимо, от языка, и это очень грустно. Алка с Иртеньевым и Вишневский были замечательные, а у Нателлы я мало что поняла. Очень понравился мне Мирзаян и, конечно, Макаревич. Брат Тимки очень славный. Конечно, созвездие было неслабое. Львович мог бы быть и получше — я его знаю и видела в такой ипостаси много раз. Когда-то на юбилее Розовского он был совершенно блистательный. Постарел, наверное.

Будет время, посмотрю кусочками ещё раз, может, пойму больше. Приятно, что кроме членов Думы, почти со всеми я лично знакома, а то и дружна (с Иртеньевыми, к примеру, или с отсутствующим Городницким), так что вроде как жизнь не совсем уж пролетела мимо, даже эти 24 года в мормонии…

Володька вроде ничего. Так когда вы в свободный полёт?

А продолжение вашей оперы ещё не открыла.

Копелев — Рапопорт
26 августа 2014 г. Englewood, NJ

Наташа! Все ли у Вас в порядке? Надеюсь, Ваше молчание вызвано неподдельной любовью к науке, а не состоянием здоровья.

Копелев — Рапопорт
26 августа 2014 г. Englewood, NJ

Наташа! Это просто свинство!!! Почему о Вашем дне рождения я должен узнавать из посторонних источников? Обидели

Вы меня, мадам, обидели. И тем не менее, несмотря на Ваше безнравственное поведение, поздравляю Вас. Желаю здоровья Вам и Вашему мужу, а так же оставаться такой же заводной и молодой. Как поется в песенке: «Старость меня дома не застанет…»

Любящий Вас я. (Не Вася, а Вас Я)

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
26 августа 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Виноват — исправлюсь! Впрочем, относительно безнравственного поведения не обещаю. Ну, до какой-то степени. Нежно и нравственно любящая вас я.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
26 августа 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марик, я уже часа три пишу вам ответ на предыдущее письмо, потому что задумала отправить вам клипы песенок, что привезли и спели мне мои друзья. Вот копия того неотправленного письма.

Кстати: комментарий заглянувшего мне через плечо Вайсберга: «Свинство — *не знать* о моём дне рождения!»

У меня уже третий день народ в дому, полным-полна коробочка — из Айдахо, из Калифорнии — и не просыхает. Вот некоторые посвящённые событию шедевры. Ностальгический сплин — от Блюма.

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ СПЛИН

…Ностальгией сплин лечить.
И. Губерман

Былого нельзя воротить, так оно может к лучшему.
Ведь дважды вступить в одну воду конечно нельзя.
А всё-таки жаль, нам уж не закатиться по случаю
С бутылкой в кармане к старинным московским друзьям.

В друзьях мы ценили достоинство, доблесть и мужество,
Сердца согревала наивная наша мечта…
А всё-таки жаль, что теперь оглянувшись, мы с ужасом
Вдруг видим — «не тот этот город и полночь не та»!

Нас жизнь раскидала на тысячи вёрст так безжалостно.
Мы всё обрели, и жильё, и работу, и скарб.
А всё-таки жаль, что единственной нашей реальностью
Стал мир виртуальный — e-mail, Facebook или Skype.

Но всё же не так безотрадна судьба и безрадостна,
Пускай, хоть раз в год, мы кайфуем за этим столом.
Наталья сидит, улыбается мило и благостно,
И Вайсберг под боком мечтает, видать, о былом.

Былого нельзя воротить и печалиться не о чем,
Мы славно пожили, не зная судьбы наперёд.
А всё-таки жаль, всё досталось бандитам и неучам,
И завтра навряд ли чего-нибудь произойдёт…

26 августа 2014 г.

Копелев — Рапопорт
27 августа 2014 г. Englewood, NJ

Наташенька! Drop-box открыл, песню послушал, «Ностальгический сплин» прочитал. Все хорошо и здорово. Но где так давно ожидаемое Письмо? Где ответ на мои безразмерные эпистолы? Видать я все-таки притомил Вас моими confessions?

Жалею, что не знал раньше, когда у Вас день рождения. А то бы спроворил подарок какой, а то бы и приехал. Ну, да ладно, подарок за мной.

Всегда Ваш.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
27 августа 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Что вы, Марик! Какое там притомил! Я вашими эпистолами наслаждаюсь и жду: одна из немногих ещё сохранившихся

радостей жизни. Вы уж поподробнее, чтобы растянуть! Чтобы не кончалось!

Идея жизни в обратном направлении очень хороша. Часов, что идут в обратную сторону, у нас две пары в разных комнатах, и я освоила угадывать по ним реальное время, но в остальном они что-то себя не оправдывают. Может, оттого, что сделаны в Китае?

У меня, как вы заметили по клипам, был полный дом гостей, и вы среди них были бы естественны, как рыба в воде. Вам было бы легко и приятно. И интересно. Наш с вами народ. Так что запишите в свой календарь на грядущие годы: 26-е августа. И, извините за банальность, ваш приезд и был бы подарком, причём не из худших! Впрочем, я ни от каких не отказываюсь. Вы мне, кстати, уже много чего надарили. Например, подарили Фрейдкина (я имею в виду самого Фрейдкина, а не только его диски-книжки); очень хорошая проза, я читаю квантами.

Кстати, последний развёрнутый эпистол, что я от вас получила, датирован был 13-м августа, и я вас в ответ слегка облаяла за наивность и беззубость (это о вашей дискуссии с бабой-партайгеноссе о фашизме). А больше ничего не приходило. Может, вы забыли прицепить? Проверьте! Может, к неотправленному письму от 14-го августа был прицеплен неотправленный файл? Жду!

Ваша Н.

Копелев — Рапопорт
27 августа 2014 г. Englewood, NJ

Дорогая Наташа! Одно из двух — либо Вам надо принимать таблетки от Альцхаймера, либо Вы, как все женщины, жестоко обманываете доверчивого юношу, когда говорите, что не можете жить без его писем. Выбирайте, коварная, что Вам нравится больше. К письму, где были файлы юбилея, была пристегнута очередная глава моего печального жизнеописания, из двух частей. И Вы даже написали мне, что, мол, юбилей посмотрели, а вот очередной акт «мыльной оперы» еще нет. Так что это не я не прицепил эпистолу к письму от 14 августа, а вы не прочитали крик измученной души, прицепленный к письму от 19-го. И не стыдно? Я сижу, как дурак, жду ответа, а Вы развлекаетесь с мышами, щелкаете интегралы, пьёте водку

с друзьями, и совершенно не берете в голову, что где-то ждут ответа, как соловей лета. Стыдно, девушка! ***«Зачем вы обижаете меня?»***

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
28 августа 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марик, что до Альцхаймера — оно, конечно, есть маленько, но если вопрос стоит так, как вы его поставили, то мне больше нравится жестоко обманывать доверчивого юношу, чем болеть Альцхаймером, тем более, что юноша сам предложил выбирать. Дело в том, что 19-го августа в вашем письме сверкали таким ярко синим (боюсь теперь слова «голубой») ссылки на юбилей Тимура, что я обманулась, увлеклась, взгляд вверх не перевела, и очередные главы «мыльной оперы» чуть не ушли в небытие. Теперь нашла их и уже не оторвалась. Отвечу по пунктам.

Копелев — Рапопорт
Пропущенное письмо от 19 августа 2014 г. Часть первая
Englewood, NJ

Confession XIII

В предыдущем действии я написал: *«...родина выпила столько крови...», «...советская власть преследовала...»*

А когда перечитал, вдруг задумался.

КТО это? ЧТО это? **КТО** это — «***Советская Власть***»? **КТО** эта — «***Родина***».

Мы произносим эти слова, даже не задумываясь, ***что*** за ними стоит. Или КТО.

Если тебя преследуют, пьют кровь, портят жизнь — за этим же всегда стоит ***КТО-ТО***, какой-то конкретный человек. Враг. Твой личный враг.

Вот власть. Это что? Это Брежнев? Суслов? Путин? Ну, может, для Ходорковского, это действительно лично Путин. Судьи, тюремщики, даже злосчастный Кучма, который пытался пырнуть Ходорковского заточкой — это исполнители злой воли мелкого мстительного серого человечка с оловянными глазами.

А в моем-то случае кто? Брежнев что ли? Где он и где я? Да и вообще, те, кто его знал, говорят, что в быту вполне нормальный мужик был. Не сволочь. Насколько в этом гадюшнике вообще можно быть не сволочью. Кстати, видели ли Вы 4-х серийный фильм «Брежнев», где его совершенно гениально играет Шакуров? Найдите, посмотрите обязательно. Отличный фильм.

Так вот Брежнев. Ясно же, что ко мне он никакого отношения лично не имел. То есть, если бы ему принесли приказ, что какого-то там Копелева надо закатать годика на три в лагеря, он бы подписал не дрогнувшей рукой. Даже не прочитав. Вот именно что, не прочитав.

Но ведь опять же — ***кто-то*** этот приказ физически написал. И ***кто-то*** дал представление, что вот этого гаврика, который слишком много разговаривает, надо засадить года на 3–4. Или выслать за Урал, чтобы не умничал и не путался тут под ногами. И высылают, и сажают.

Так **КТО** же все-таки эта «Родина»? **КТО** эта блядская «Советская власть»? **КТО** этот коллективный «КГБ»? Чита — город маленький, и вполне возможно, что с каким-нибудь капитаном из Конторы Глубокого Бурения мы пили водку и рассказывали друг другу политические анекдоты. В его ***свободное от работы*** время. И вовсе не обязательно, что он заходил потом в кабинет напротив и сливал информацию. У них, насколько мне известно, свои корпоративные правила, они в дела друг друга без приказа не лезут. А вот эти все лейтенанты, капитаны, майоры, которые меня допрашивали, которые вели мои дела, они что — лично имели что-то против меня? Да нет. Приказ выполняли. Опять же — ***ЧЕЙ***? Безличность зла? Виноваты все и никто? Довлатов написал: *«Мы без конца проклинаем товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И все же я хочу спросить — **кто написал четыре миллиона доносов**?»* Эта его фраза широко известна, последнее время стала очень модной в либеральных кругах, и в разных вариациях гуляет по интернету, причем количество доносов варьируется от 4-х до сорока миллионов. Из этой фразы со всей очевидностью следует, что вот, мол, народ такой. Народ действительно говнецо, но у Довлатова есть окончание этой сентенции, про которое редко кто вспоминает, а то и просто не знает: *«...Дзержинский? Ежов? Абакумов с Ягодой? Ничего подобного. Их написали **простые советские** люди* (ну, то есть народ все-таки говно, это он признает). Но дальше:

«Означает ли это, что русские — нация доносчиков и стукачей? ***Ни в коем случае. Просто сказались тенденции исторического момента...»***

Вот тут с Довлатовым можно и поспорить. Во-первых, не херкивать на особенности «исторического момента». Этот «момент» у России на протяжении всей ее мутной истории. Во-вторых, вопрос: *«Означает ли это, что русские — нация доносчиков и стукачей?»* — чисто риторический. Лукавит классик. В пребольшом количестве есть и те и другие. И желающих сделать пакость ближнему ***НИ ПОЧЕМУ*** предостаточно. Хотя, справедливости ради должен заметить, что американцы в гораздо большей степени нация доносчиков и стукачей. Так, как стучат в Америке, не стучат нигде. Но громадная разница в целях и мотивации. Американец ***в основном*** стучит из-за законопослушания, и из-за стремления к справедливости. Действительно, почему сосед по парте должен иметь такую же отметку, как я, хотя он пользовался шпаргалкой, подглядывал в учебник, а я сидел ночами, и получил отметку ниже? Справедливо ли это? Ведь в конечном итоге все баллы суммируются, оседают в компьютерах, и он оказывается более конкурентно-способным при поступлении в Университет или устройстве на работу. Да и вообще, врать нехорошо. В Америке, как известно, многое могут простить, но не враньё. Клинтона ведь дрючили не за то, что он обрызгал синее платьице Моники, а за то, что лгал под присягой. Или, скажем, кто-то выкинет на хайвее в окно машины пакет с мусором. Непременно позвонят куда надо и сообщат номер. А правильно — нехера общественное место засирать.

То есть, говоря проще, американец стучит против ***ЧЕГО-ТО*** и во имя ***ЧЕГО-ТО***. Хотя, конечно, тоже не абсолютно — бывает и по-другому. Россиянин же пишет донос из корысти, зависти, жадности. То есть всегда против ***КОГО-ТО***. Для того, чтобы продвинуться по карьерной лестнице, занять более выгодное место соседа, въехать в его квартиру, а иногда просто из пакости — чего этот гад живет лучше, чем я? *«У них вон денег куры не клюют, а нам на водку не хватает»*. Общественная польза россиянина, пишущего донос, не интересует. В детстве я часто слышал, как на лестничной площадке одна стервозная соседка, ссорившаяся со всеми подряд, кричала вторым аргументом: «Я тя посажу, суку!». И писала на всех подряд доносы. И кто она, казалось бы, была сама? Просто народ. Тот самый **растленный,**

развращенный и одурманенный всякой пустотой российский народ.

Ну ладно, это, как говорится, *a propos*.

Всегда ваш.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
28 августа 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Марик, есть у меня к вашей мыльной опере несколько комментариев. Вопросом, что такое Советская власть и КТО есть эта власть я, по понятным причинам, задавалась и сама. Была когда-то такая байка: зачем мужик женится? Ответ: Чтобы его неудачи имели лицо. Я по молодости лет выделила для себя не слишком большую свору зловонных лиц, лично для меня олицетворявших советскую власть, и люто их ненавидела. То есть персонифицировала советскую власть и ненавидела её в их лице. Позже, в более зрелом возрасте, я стала ненавидеть и задыхаться во всей СИСТЕМЕ: ненавидела просто ВСЁ вокруг себя, кроме своего крохотного оазиса, своей экологической ниши. Ненависть — она страшное, разрушающее человека явление природы. Я, к ужасу родителей, готова была прыгать грудью на амбразуру, и, конечно, пропала бы, если б не Даниэли. Помните, у Бабеля: «Убей его иронией: убивает только смешное». Юлик Даниэль, прошедший через ад, советскую власть «убивал иронией», и я вместе с Даниэлями тоже ежедневно убивала её этим изысканным способом, спасая себя.

Теперь о русском народе. Как-то из уст Булата Шалвовича я услышала замечательную байку. Вы, конечно, её знаете, но я так люблю её и те уста, из которых её услышала, что, уж не обессудьте, расскажу так, как услышала от Булата.

Восемнадцатый год. Старая барыня открывает окно и спрашивает слугу:

— Степан, почему стреляют?

— Так что, ваша светлость, Революция.

— Степан, а чего они хотят?

— Так что, Ваша светлость, они хотят, чтобы не было богатых.

— Как странно, Стёпа. Когда мой дед выходил на Сенатскую площадь, *они* хотели, чтобы не было бедных!

Вот и вся история о русском народе.

Киплинг тоже, между прочим, своим народом не очень гордился:

Оловянных солдатиков строем
По шеренге равняемся мы.
Чуть из ряда выходят умы,
Смерть безумцам! — мы яростно воем.
Поднимаем отчаянный рев,
Мы преследуем их, убиваем,
А потом мавзолей воздвигаем,
Человечества славу прозрев.

Так эти-то хоть карали ближних за ум, а не за лишнюю копейку в кармане у соседа.

Про доносы «у них и у нас» я с вами согласна. И, хотя и претит до сих пор, но готова согласится с нашим американским деканом, который вправлял мне мозги относительно моего любимчика-студента, настучавшего мне на своих однокашников, которые на контрольной списывали. Мне стало очень противно, и я его прогнала. Тогда он настучал уже на меня декану. Декан объяснил мне в самой категорической форме, что студент был прав, а я нет. Готова сейчас согласиться, что оба были правы, и декан, и студент, а я со своим совковым менталитетом должна была либо перестроиться, как мне декан настоятельно советовал, либо идти в жопу. Ну, я и перестроилась. Но тем не менее настучать на непрерывно лающую и воющую соседскую суку мне даже в голову не пришло, а вот другие соседи, американцы, настучали. Куда дели бедную псину, не знаю, но лаять и выть она перестала.

Копелев — Рапопорт
Пропущенное письмо от 19 августа 2014 г. Часть вторая.
Englewood, NJ

Confession XIV

Ну, а теперь следующий акт этой мыльной оперы.

В прошлом письме я Вам рассказал, как и за что меня вышибли с работы, и вообще лишили профессии, в которой, поверьте, я не был худшим. Ну да, да — мудак, это Вы верно ска-

зали, конечно мудак. Сам нарвался, повёлся на провокацию, сам, как опять же Вы верно заметили, нашел приключение на свою задницу. Нехера было философию разводить там, где не нужно. Но!.. Не спешите осуждать и упрекать в неадекватности. Как раз наоборот — поступки данного персонажа были абсолютно адекватны его характеру. «Посеешь характер — пожнешь судьбу» — не мной сказано. Так что боюсь всё, что со мной происходило в тот период, было предопределено. Слишком многих я раздражал. А в параллельной действительности происходили события, которые неотвратимо надвигались на меня, как тяжелый чугунный маятник в финале феллиниевской «Репетиция оркестра». В том, что свершается какое-то событие или катаклизм, всегда есть причина, и есть повод. Повод, он всегда на поверхности. Он виден. Бросили камень на снежный склон и произошел сход лавины. На самом деле причина-то не в камне, хотя, конечно, и в нем. Просто количество снега на данном склоне превысило допустимые пределы. Лекция, прочитанная в консерватории — это не причина. Это повод. Не было бы её — нашелся (при моем-то живом характере) какой-то другой, не менее абсурдный.

Всё, что я рассказал — это только видимая, так сказать, надводная часть айсберга. То, что виделось мне с моего берега. А существовала, как оказалось, еще и невидимая, подводная часть, о которой я не знал, и о которой мне стало известно много-много лет спустя, когда я, благодаря вышеописанным событиям, благоденствовал в Америке, и даже уже закончил трудовую деятельность в Метрополитен Опере, куда попал опять-таки благодаря этим роковым событиям. Я кайфовал в своей солнечной Флориде, сидя в качалке на берегу озера, когда Прошлое, выражаясь высоким штилем, напомнило о себе..

В одном из моих ранних писем я упомянул мою коллегу по Новосибирской студии телевидения Наталью П. Была она по должности «ассистент-режиссера» с окладом 90 рублей, и считалась моей ассистенткой. Так значилось в штатном расписании. На самом деле она работала вполне самостоятельно. Звезд с неба, как мне кажется, особо не хватала, но работала вполне прилично. Жизнь на телевидении такова, что вникать в работу друг друга особо некогда. Иногда, когда я видел её передачи, я, как старший режиссер, делал замечания, наталкиваясь, как правило, на молчаливое или не очень молчаливое сопротивление. Так что

вскоре я понял: бессмысленно. Ну и ладно — не хочешь учиться, твое дело.

Когда со мной происходила вся свистопляска, описанная выше, она держалась в сторонке. Меня благополучно выперли из Союза Журналистов, турнули с работы, старшего редактора литдрамы Галину Абрамовну Поневежскую выдавили на пенсию, редакцию практически разогнали. Я после этого еще пять-шесть лет болтался по Новосибирску, осваивая так пригодившуюся мне впоследствии профессию портного, тряс самопальными портками на барахолке, часто встречая бывших коллег по бывшей телевизионной профессии. В том числе и Наталью. Мы кивали друг другу и расходились — общих тем для разговора особо не было, да и вообще — они все сторонились меня, как прокаженного. Доходили до меня слухи, что её тарифицировали на режиссера 3-й категории, поскольку в связи с моим увольнением освободилась режиссерское место. Ну, тарифицировали, и хорошо. Меня это уже не волновало. А потом в 1991 году я и вовсе покинул эту замечательную страну.

И вот год назад я получаю от нее несколько писем, в которых она художественно рассказывает, как ее в ту пору таскали в КГБ по поводу меня, и слезно просит меня простить ее за то, что она мне тогда об этом не сказала.

И тут для меня открылись просто дивные подробности. Вот ведь как интересно — сидит Берлиоз на скамейке на Патриарших прудах, болтает с каким-то подозрительным иностранцем, который объясняет, что «кирпич просто так никому и никогда на голову не падает», а в это время с Ермолаевского на Бронную заворачивает трамвай, Аннушка-Чума в керосиновой лавке покупает масло, и в какой-то момент эти события соединяются в одно, чтобы на булыжный откос Патриаршей аллеи выкатилась отрезанная голова. Я беспечно веселился на дискотеках, просвещал неблагодарное население, читая лекции по рок-музыке, клепал передачи, а в это время в доме на бульваре *«отражалось закатное солнце, черные птицы чертили вечернее небо»*, и какие-то дяди в сумрачных кабинетах прокладывали мне путь в Америку, думая, что они меня закапывают.

Письма ее безразмерные, еще длиннее, чем мои. Я опускаю бóльшую часть, где она исповедуется в своей любви к одному очень известному актеру (имени его я не называю), и рассказывает, какую роль это сыграло в её жизни. И, соответственно,

в моей. Повествует о своих мужчинах и о переживаниях в связи с ними, признается в том, что в режиссуру пришла именно для того, чтобы попасть в литдраму, и когда-нибудь встретиться с этим действительно замечательным актером, и что именно для этого она 15 лет сидела на ассистентской ставке, смирив свои амбиции. А амбиций, как неожиданно выяснилось из этих писем, там было выше крыши. Всё это достаточно интересные, но не имеющие никакого отношения к нашему повествованию истории. Нам будет интересна та часть, где она рассказывает о «параллельной действительности», то есть как изрядно дребезжащий трамвай под названьем «КГБ» шел по соседней улице, чтобы в нужный момент вывернуть и наехать на беспечно щебетавшего меня. Собственно, всё остальное в её письмах — это, так сказать, гарнир к основной части, где она оправдывается, почему молчала, почему не предупредила, что сделал бы любой порядочный человек, почему поступала так, а не иначе. Оправдать её, по её разумению, должна была великая любовь к этому актеру. Эту часть нашей с Вами переписки я назову — «А между тем...»

Итак:

«А между тем...»
Покаянное письмо Натальи П.
Часть первая.

> ...таскали меня в КГБ по поводу тебя три раза. Причем, первые два раза «удостаивали чести» привозить на машине (от подъезда дома до подъезда гебухи). Третий вызов был по телефону (телефонограммой, как было сказано).
>
> Два первых допроса проводил один и тот же человек, потом другой, но оба представлялись, называя только имя отчество. Одеты были в штатское, звание свое и фамилию не называли. До этого у меня был нулевой опыт общения с гебешниками, поэтому первый допрос был самым стрессовым для меня. Допрашивающий был примерно лет сорока (во всяком случае, не старый). И я до сих пор почти дословно помню его вопросы. Первым был вопрос:

— Наталья Григорьевна, вы присутствовали на известном вам выступлении Марка Копелева в консерватории?

— Нет, не присутствовала.

— Наталья Григорьевна, вы ассистент Марка Копелева? (тебя он называл по имени и фамилии, а меня называл по имени отчеству, что было для меня в то время непривычно).

Ответила, что я не ассистент Марка Копелева, чем привела допрашивающего в раздражение:

— Не надо начинать беседу со лжи — нам известно, что вы ассистент Копелева».

Так я сразу была поставлена в ситуацию, когда приходилось оправдываться и доказывать, что я не лгу, а говорю правду. Пришлось объяснять, что, хотя по должности я «ассистент режиссера», но изначально — ни на Орской, ни на Оренбургской студии телевидения никогда ничьим ассистентом не была, а работала самостоятельно, как режиссер...

— Потому что у вас были близкие отношения с директором телецентра? — перебил меня гебешник, который, как я поняла, готовился к допросу и собирал досье на меня (или оно имелось в КГБ), потому что последовали вопросы о возрасте моего супруга и о том, когда мы узаконили наши отношения. Тон, которым задавались вопросы, и их подтекст были саркастически гаденькими. Это сейчас никого не колышет и не шокирует двадцатилетняя разница в возрасте супругов, и то, что они несколько лет жили в гражданском браке, а в то время это было пятном на репутации и свидетельствовало о безнравственности и моральной неустойчивости. Особенно если это касалось женщины.

Когда эта тема была отработана, он начал раскручивать тему о том, почему и как происходил мой переход из общественно-политического вещания в художественное? Ну, не могла же я рассказать ему правду о том, что сначала бросила медицину ради сугубо романтической цели (любовь к упоминавшемуся выше актеру — ***М.К.***), а потом ради этой же цели добивалась перевода в лит-

драму. Сказала, что руководство сочло нужным перевести в литдраму, а я не возражала, потому что творчески эта работа более интересна. Он зацепился за это слово «интересно»:

— Ну, понятно, общение с артистами, писателями, художниками — это интереснее, чем общение с политиками и производственниками, которых вы называете «говорящими головами». А как вы думаете, вашим бывшим коллегам — Кормакову и Галкиной, может, тоже хотелось интересной работы в литдраме, а пригласили вас? Как вы думаете, почему?

Ответила, что понятия не имею. Не поверил, стал ухмыляться:

— Но наверняка руководство согласовывало вашу кандидатуру с Копелевым и Поневежской (Галина Абрамовна Поневежская — старший редактор литдрамы — ***М.К.***), ***и, если бы они не захотели, то вас бы не перевели в литдраму, но они хотели именно вас видеть в редакции, как единомышленника. Вы ведь дружно живете или у вас в редакции бывают принципиальные разногласия, споры, ругань?***

Я ответила, что действительно живем достаточно дружно, и ни ругани, ни драк не бывает, как и непримиримых разногласий…

— Значит, я прав, предполагая, что они нашли в вашем лице единомышленницу, разделяющую их взгляды и мировоззрение? — Мне была расставлена ловушка, и я в нее попала:

– Наверное, — согласилась я.

— Следовательно, вы, разделяете взгляды Копелева, и так же, как и он, являетесь пацифисткой?

— Ну, ни фашисткой же? — удачно, как мне казалось, парировала я.

— А вы считаете, что пацифизм это однозначно позитивное течение и идейно правильное мировоззрение?

Я опешила, потому что именно так и считала, никогда не вдаваясь в изучение этого течения, о чем и сказала гебешнику. Но он не принял мои оправдания, а сказал:

— Работая в идеологической организации, нужно ориентироваться в элементарных вопросах. И, как минимум, понимать то, о чем говорите! Вы что-нибудь знаете, например, о позиции Ромена Роллана на этот счет?

— Я ответила, что не знаю.

— Это вас никоим образом не оправдывает!», — заявил он, и стал просвещать меня, говоря о том, что Роллан в своей статье «Пацифизм и революция» подвергал резкой критике пацифистское движение, потому что, становясь пацифистом, человек унижается до капитуляции перед злом.

— А вы с Копелевым, работая в идеологической организации, имеете убеждения, которые, мягко говоря, не могут соответствовать мировоззрению людей, достойных работать в такой идеологической организации, как телевидение, где ведется идеологическая борьба со злом...

Я стала что-то мямлить о том, что сейчас другие времена и, что у литдрамы несколько иные задачи, нежели находиться на передовой идеологической борьбы с мировым злом... Гебешник прервал меня вопросом*:*

— Это ваша личная позиция или это программа редакционного бездействия, выработанная совместно с Копелевым?

Я еще больше растерялась и стала оправдываться тем, что никаких совместных программ мы не вырабатывали. Просто на студии говорят, что Марк в консерватории что-то не то сказал про пацифизм. Вот я и сделала вывод о том, что Марк просто что-то ляпнул, не подумав...

— Это у вас называется ляпнуть? Что-либо ляпнуть, не подумав, можно у себя на кухне, а не на сцене! Так что не надо Копелева оправдывать! А нужно хорошо подумать, вспомнить всё, что он говорил в редакции, и честно об этом рассказать! А пока вы можете быть свободны! Идите и хорошенько подумайте!

Я было открыла рот, начав говорить о том, что мне особо не о чем вспоминать, поскольку... Но он не дал мне договорить*:*

— Я вам уже сказал — идите и хорошо подумайте! А сейчас подпишите протокол, указав, что с ваших слов записано верно, и что вы предупреждены и подписываетесь в неразглашении. Прошу это уразуметь и понять это буквально — никому, в том числе и мужу, вы не должны рассказывать о нашей с вами беседе. Это вам понятно?

Пришлось ответить, что понятно, и молча удалиться. Ушла я оттуда на ватных ногах, и с чувством, что делаю что-то не так, а посоветоваться мне не с кем — нужно молчать!

Вы наверное чувствуете, Наташа, что во всем этом рассказе есть доля лукавства и какая-то фальшь. Я не говорю о довольно складном стиле изложения, отнесем это на счет литературной необходимости. Но последний пассаж: «*...а посоветоваться мне было не с кем — нужно молчать!*», — вполне характеризует персональные качества рассказчика. Почему ***«нужно молчать?»*** Только потому, что какая-то гэбешная сука попросила об этом? На дворе не 37-й год, в это время уже не сажали, и принадлежала она не к тому пуганому поколению, которому есть, что помнить... Ну, ладно, отнесем это на счет неопытности, и вполне понятного, в данных обстоятельствах, испуга. Я тоже едва не обкакался, когда меня вызвали в ГБ в первый раз. Но тогда и время было пожестче. Тогда сажали. Я постарался встретиться или обзвонить тех, о ком меня спрашивали. По моему разумению, промолчать в данной ситуации было бы подлостью. Кстати, ведь не одну ее таскали в связи со мной. В редакции помимо нее было еще два помощника режиссера. Я знал, что их тоже вызывали. Одна сразу после допроса приехала ко мне домой. Наталья же предпочла промолчать. И мне почему-то кажется не только потому, что испугалась...

Я не осуждаю. Как поет наш друг Сергей Никитин — «Каждый выбирает по себе...». Она и так себя наказала. 30 лет таскала в себе этот груз. Если, конечно, таскала...

На этом я, пожалуй, прерву своё (и Натальино) повествование. Что-то уж слишком нудно получается. Пощажу Вас, Ваших мышек и бедного Вайсберга.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
28 августа 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик, пара слов про вашу Наташу П., которой, бедной, посоветоваться было не с кем. Может, помните эпизод с Алёной Закс из моего рассказа о Даниэлях (см. «То ли быль, то ли небыль»)? Когда Юлика арестовали и никто ещё ничего не понимал, его близкую приятельницу Алёну вызвали куда надо и без большого успеха допрашивали. Потом попросили подписать бумагу о неразглашении. Это, заметьте себе, 1965 год. Алёнка им: «Как же я могу подписать такую бумагу, когда через полчаса пол Москвы будет знать о нашем разговоре?!» Полковник (или лейтенант) опешил: «От кого будет знать?!». Алёна: «Так от меня же!». Приказа её арестовать в руках у этого хрена не было, и он её отпустил! У Алёны это был тоже, между прочим, первый визит в эту организацию. В общем, сука эта ваша Наташа П.

Марик, жду продолжения! Пожалуйста, не крутите динамо доверчивой девушке, что читала-писáла вам до двух часов ночи. Надеюсь и Жду!!!

Копелев — Рапопорт
28 августа 2014 г. Englewood, NJ

Наташа! Совесть у Вас есть? Как показывает компьютер, предыдущее письмо Вы прислали 15 часов назад. Я, между прочим, ждал 9 дней, пока Вы удосужились открыть файл. И Вы же обвиняете меня в том, что я кручу динамо. О, женщины, вам имя — вероломство! Ну ладно, ловите следующую порцию.

Confession XV

Вы заставили меня вспомнить моих жен. Опыт моих многочисленных браков показывает обманчивость чеканной формулировки «Муж и жена — одна сатана». Я-то ведь, как Вам хорошо известно, умный, хороший и благородный, а вот жены, за исключением последней, какие-то... Смех смехом, но взаимосвязь отношений и взглядов индивидуумов в семейной паре гораздо сложнее и данной поговоркой, конечно, не исчерпывается. Я, например, многого не знал о деяниях своей супруги во втором браке, хоть состояли мы в нем 18 лет с небольшим перерывом.

Друзья-то видели, но молчали и, в общем-то, правильно делали. Я бы наверное все-равно не поверил «гнусному навету». Хочешь потерять друга — скажи ему правду о его жене. А Лилька, пока я и мои друзья были рядом, тоже старалась придерживаться тех стандартов, которые были приняты в среде приличных людей.

Помните, я как-то сказал Вам, что «муж и жена линяют друг на друга». А это не совсем то же, что «одна сатана». Меня, правда, всегда настораживал круг ее парфюмерно-парикмахерских знакомств, как теперь бы сказали, «гламурная тусовка». Пару раз я сходил на их хеппенинги, чуть не умер там от скуки, и подумал: да, хер с ней, нравится — пусть себе ходит. У каждого человека свой мир — почему она должна читать Маркеса, если ей нравится листать модные журналы. Это я так думал. Я, кстати, тоже с удовольствием разглядывал журналы, следил, хоть и скептически, за веяниями моды. Сейчас понимаю, что дело не в Маркесе. То есть и в Маркесе тоже. Дело в том, что Маркеса надо ЧИТАТЬ, а модные журналы РАЗГЛЯДЫВАТЬ. Чтение этого условного Маркеса предполагает желание разобраться в Человеке и в насущных вопросах бытия, а разглядывание модных журналов — желание *построить свою жизнь по этому гламурному образцу*. А эта разница диктует и характер взаимоотношений в семье. До поры до времени эта разница особого значения не имела. Я тоже в те времена был несколько иной. Была постель, было воспитание дочери. Правда, усилия по воспитанию прилагались в основном мужской частью нашей семьи. Лиля особого участия в этом процессе не принимала. За все время она, по-моему, ни разу и в школе-то не была. Но есть предметы, которые девочке может преподать только мама.

Со временем разница интересов дала о себе знать. А когда со мной произошли описанные в предыдущих письмах события, всё вообще пошло в разнос. Потому что, как оказалось, одно дело быть женой довольно известного в Новосибирске режиссера, приходить в театр, получать лучшие места, и совсем другое — быть женой «почти врага народа». Как теперь принято говорить в этой блядской стране, «национал-предателя». Я говорил Вам, что говна на меня тогда вылили примерно столько же, сколько сегодня льют на Макаревича. Вот ведь как рифмуется — меня тогда гнобили за лекцию о «Машине времени» и обвиняли почти в том же, в чем сегодня обвиняют Макара. Я был практически выкинут из жизни, а он купался в славе и извест-

ности, и рассказывал на телевидении, как правильно готовить «седло барашка». В результате я теперь спокойно живу в Штатах, а он с опозданием в тридцать лет после всех награждений попал под тот же советский каток. Чудны дела твои, Господи.

Как бы там ни было, через полгода после того, как меня отовсюду выперли, мы с Лилькой расстались. Материальное положение в результате моей портновской деятельности позволяло купить однокомнатную квартиру, и я отъехал. Здесь и наступил упоминавшийся выше «некоторый перерыв» в восемнадцатилетнем браке. Обратно мы сошлись, когда я засобирался в эмиграцию. Причиной тому была не вновь вспыхнувшая любовь, а желание вывезти дочь и появившегося к тому времени внука в те места, «где ЛЮДИ живут».

Вот, ведь, блин! Начинаешь об одном, а вытаскивает на другое. Вы, как порядочный человек, всё о своих друзьях, а я опять о себе любимом. Вы меня извините, Наташа. Я не знаю, как другие управляются с этой туманной материей — воспоминаниями, но у меня с этим явная напряжёнка. Видать, еще живут во мне застарелые обиды. Мелочный я человек. А может так устроена человеческая память, что счастливые минуты, как правило, проходят без следа, а горькие оставляют рубцы и шрамы. И шрамы эти болят и периодически напоминают о себе. А когда начинаешь вспоминать свою жизнь, вспоминаешь, при каких обстоятельствах ты их получил, то волей-неволей начинаешь опять копаться в себе, опять проигрывать эти старые ситуации, думать, так ли ты поступил, а может надо было как-то по-другому, тогда бы — вот сейчас бы — было бы — вот так... И бу-бу-бу, и бу-бу-бу... Фантомные боли. Ноги или руки уже нет, а болит.

Однако — ближе к Вашему письму. О Наталье П. А что собственно о ней говорить? Может сука, может нет. Просто слабый человек, каких много. Если, конечно, то, что она рассказывает, правда. Слабость зачастую оборачивается подлостью. Я ведь привожу ее письма не только для того, чтобы моя история выглядела более выпукло. То, что она рассказывает, интересно и само по себе, поскольку весьма точно описывает методы и стиль работы наших славных Органов *Времён Заканчивающегося Социализма*, когда зубы уже не выбивали (хотя, как известно, и это бывало), под ребра не пинали (хотя и такое случалось), кости не ломали, предпочитая более тонкие методы воздействия. Однако мне почему-то кажется, что в следующей

ниже второй части её писем больше литературного вымысла, чем реально происходивших событий и диалогов.

Итак, еще одна порция мыльной оперы под названием «А между тем...»

А между тем...
(часть вторая)

На втором допросе в КГБ, который проходил через 5 дней после первого, допрашивающий сказал:

— У вас было достаточно времени, чтобы подумать, вспомнить, о чем вы разговаривали с Копелевым в редакции, осмыслить это с позиции сегодняшних событий, и честно обо всем рассказать. Я вас внимательно слушаю!

— А мне и сказать Вам нечего. Еще в прошлый раз я пыталась сказать Вам, что мне нечего вспоминать, потому что никаких разговоров мы не вели.

— Вот уж никогда не поверю, чтобы люди столько лет проработали вместе и ни о чем не разговаривали. Так не бывает.

— Бывает! Вы ведь имеете ввиду не бытовые и производственные разговоры наши, а разговоры на политические темы, а мы на эти темы никогда не разговаривали.

— Не обязательно политические. Разговоры могли быть на творческие или философские темы, но в них все равно, так или иначе, просматриваются и политические, и патриотические позиции человека. Творческие люди, как правило, любят поговорить, пофилософствовать. Вот и расскажите, Наталья Григорьевна, о ваших «творческих и философских разговорах в редакции».

— У нас в редакции всего два режиссера, и у каждого большая загруженность, потому что мы обязаны выдавать в эфир определенное количество часов вещания. А вы говорите о редакции, как о завалинке, где можно посиделки устраивать, и от нечего делать на разные темы болтать, лузгая семечки!

— Не нужно хамить и строить из себя делопутов, которым и поговорить некогда! Можно подумать,

что вы, как шахтеры в забое, с утра до ночи высококачественную руду выдаете на гора, а не передачи сомнительного качества в эфир! И при этом делаете вид, что так плотно загружены работой, что и поболтать некогда.

— Представьте себе, некогда! Мы и в редакции пребываем недолго. Приходим, чтобы обсудить сценарий с редактором, взять и заполнить бланки заявок на передачу, на съемки. А потом разбегаемся по своим делам. Кто на запись передачи, кто на съемки или на монтаж. И наше общение с Копелевым чаще всего ограничивается словами: «Привет-привет! Пока-пока!»

— Но вы же сами сказали, что обсуждаете сценарии, а в обсуждении парой слов не обойдешься. Вот и расскажите, в чем заключается обсуждение сценариев, или будете продолжать увиливать, скрывать и покрывать? Но учтите, что если человек выкручивается и что-то упорно скрывает, то, значит, есть что скрывать — так что не выкручивайтесь!

— А я и не выкручиваюсь, и скрывать мне нечего. Я просто не понимаю, обсуждение какого сценария и с кем Вас интересует?

— Да хотя бы расскажите про обсуждение с Копелевым парочки последних сценариев.

— С Копелевым мы никогда не обсуждали сценарии. Я сказала, что мы приходим в редакцию, чтобы обсудить сценарии с редактором, а у нас с Копелевым разные редакторы и разные сценарии, и мы не лезем друг другу ни в душу, ни в работу. Я уже говорила, что нам некогда этим заниматься — на работу мы приходим работать, а не болтать по душам.

— Ну, предположим, что на работе вы заняты исключительно работой, и вам, бедным, даже поговорить некогда, но вы ведь встречаетесь и вне работы. Вы живете рядом со студией и, наверняка, Копелев, как и другие коллеги, бывают у вас дома, а вы у него.

— Это не так. Копелев никогда не был у меня в доме, а я была у него один раз — вместе со всеми, кто был приглашен.

— Ну, и какое впечатление у вас сложилось от посещения?

— Нормальное.

— Что значит нормальное? Кто был приглашен? О чем говорили?

— Приглашены были все, кто работает в художественном вещании. Никого посторонних не было, и ни о чем, что могло быть интересно для вас, мы не говорили.

— А на каком основании вы берете на себя полномочия определять, что представляет для нас интерес, а что нет?

— Насколько я понимаю, вы представляете Комитет государственной безопасности, а никаких разговоров, представляющих опасность для государства, в доме Копелева не велось. Просто посидели за столом, выпили, закусили, послушали музыку, потанцевали, и разошлись по домам. Вы зря столько времени тратите на меня, потому что рассказывать мне вам абсолютно не о чем, и я вообще не понимаю, чего вы от меня хотите?

— Искренности, принципиальной гражданской позиции и адекватной оценки разлагающей деятельности, которую ведет Марк Копелев.

— Вы можете считать меня неискренней и неадекватной, но ничего разлагающего в действиях Копелева я не видела и не слышала.

— И музыку в его доме не слышали? Или предусмотрительно уши заткнули?

— Уши я не затыкала, и музыку слушала, но ничего предосудительного я не услышала. Даже песен Высоцкого.

— И танцевали вы, конечно, под классическую музыку? А пили лимонад, закусывали конфетами, и ушли засветло? И ничего вас не поразило, ничего не покоробило, и ничего не запомнилось?

— Если запомнилось и поразило, то совсем не то, что может вас заинтересовать.

— Об этом позвольте мне судить, а ваше дело ответить на вопрос, что вас поразило?

— Ну, если хотите, то поразил дизайн кабинета Марка. Очень мужской и очень оригинальный. Я, напри-

мер, даже представить себе не могла, что шторы на окне могут быть разного цвета и фактуры, но это было очень стильно и гармонично. И ковер с огромным ворсом, и музыкальная техника, и то, как все было расположено. Мне даже захотелось выяснить, кто — Марк или его жена — этот талантливый дизайнер, но на вечеринке как-то не представился случай, а потом забыла.

— Как выясняется, не забыли — память у вас превосходная! Все вы прекрасно помните — до мельчайших деталей. Но память ваша подозрительно избирательна. Главного и существенного вы не помните, но помните малозначимые мелочи. Или вы это запомнили, потому что вам такой ковер и такая техника даже и не снилась?

— Действительно, не снилось! Но зависти, на которую Вы намекаете, у меня нет, хотя и ковра тоже нет. У меня есть собака — пекинеска, которая страшно лезет, и я так замучилась чистить от её шерсти ковры, что все их свернула и убрала. А колонки музыкального центра у Марка такой мощности, что у меня даже диафрагма реагировала на музыку, и голова разболелась, поэтому я ушла с первой же группой гостей. Так что, ничего существенного я не могу вам сообщить, хотя и танцевали мы не под классическую музыку, и пили не только лимонад, но ничего меня не покоробило и не поразило — на столе ни осетров, ни икры не было. Никто не напился, не скандалил и не дрался, и разошлись, если не засветло, но и не за полночь, и никаких крамольных разговоров не вели.

— И группу ДК не слушали? И даже не знаете, как расшифровывается аббревиатура «ДК»?

— Я родилась и 20 лет прожила в Орске. И каждый завод строил свои огромные дворцы с колоннами. И на фронтоне этих дворцов была лепнина огромными буквами: ДК Нефтяник, ДК Металлург, ДК Никель, ДК Машиностроитель — сплошь заводы и Дома культуры с аббревиатурой **«ДК»!**

— Вы тут дурочку из себя не стройте! ДК — это Дом культуры, по вашему! Как будто не знаете, что название этой группы «Детский кал»! — завизжал он.

— Какой еще кал? — искренне удивилась я.

— Детский!

— Ничего не понимаю! И первый раз слышу о существовании группы с таким диким названием...

— Всё! Хватит врать! — разозлился он — Пусть с вами поговорят другие и в другом месте! А мне надоело часами выслушивать ваше вранье!

— А что, у вас еще хуже есть место? Может, пыточная у вас в подвале имеется? Самое место выбивать архи важнейшие показания о детском кале, ставшим, как оказывается, проблемой государственной важности и безопасности!

— Ну, вот вы и перестали наивно глазками хлопать, а показали, наконец, свое истинное лицо! Главное — начать, а там легче дело пойдет! Но это уже не со мной! Вот подпишите протокол и еще расписку о невыезде!

— Не буду я ничего подписывать, потому что не понимаю, в чем я обвиняюсь или подозреваюсь. Сначала объясните! В том числе и то, как совместить неразглашение с невыездом, если, к примеру, меня отправят в командировку?

— Опять мне лапшу на уши вешаете? Вы в последний раз в командировку ездили, когда в сельхоз редакции работали. Ни в какую командировку вас не пошлют — мы об этом позаботимся.

— Если позаботитесь, то тем более, зачем стращать меня подпиской о невыезде? А что касается работы в сельхоз редакции, то я там никогда не работала — это вы меня с кем-то путаете!

— Ничего, ничего! Со временем все распутаем, во всем разберемся, и все расставим на свои места! За нас не волнуйтесь!

Мне хотелось ответить: «А вы за нас не волнуйтесь!» Я действительно как-то успокоилась и перестала волноваться. А когда гебешник не стал настаивать на подписании расписки о невыезде, то я окончательно уверовала в то, что ничего у них на тебя нет. А просто пытаются ухватиться за любую мелочь, даже за такую, как фекальная расшифровка названия группы «ДК», на которою, как на крамолу, напирал гебешник...

Комментировать эту часть ее писем, эту внезапно возникшую смелость, я пока не буду. Самое важное, объясняющее многие последующие события, грядет в третьей части ее исповеди. Может, прочитав эту третью часть, Вы перестанете винить меня в глупости и неадекватности.

В прошлом письме я вспоминал фильм Феллини «Репетиция оркестра». Эпизод, когда вдруг рушатся стены, и на всю эту в целом суетную общность, которая музицирует, дает интервью, красиво рассуждает о музыке, ссорится, бунтует, трахается под роялем, и не обращает внимания на периодически сотрясающиеся стены, надвигается огромная чугунная баба — шар для сноса зданий. И вот сейчас, перечитав предыдущее письмо, я вдруг вспомнил еще один эпизод.

Произошел он примерно за год-два до описываемых событий. В Новосибирске у меня был приятель, очень хороший художник Саша Шуриц. Много раз он предлагал написать наш семейный портрет. Наконец мы согласились. Позировали не много, он только сделал наброски наших портретов, а всю композицию заканчивал у себя в мастерской. Когда портрет был готов, я очень удивился трактовке. На фоне какого-то почти лунного пейзажа стояли три человека: Лера, Лиля и я. На заднем плане ещё маячила наша собака пуделиха Пеппи. Лера и Лиля в средневековых платьях, причем Леркино платье разваливалось на куски, парящие в воздухе, а Лилькино ниспадало раскошными тяжелыми складками. Я же, наоборот, был в своей обычной джинсовой рубашке, перепоясанный завязанным на поясе свитером. Я действительно любил так ходить. Все трое смотрели в разные стороны и, казалось, ничем не связаны. Причем я задумчивым взором смотрел в какую-то неведомую дальнюю даль... Но не это главное. Из параллельного пространства на эту группу накатывался огромный **СЕРЫЙ ШАР**. То, что он из другого пространства, как-то сразу понималось по тому, как он отбрасывал тень на основное полотно картины. Когда я спросил Сашу, что означает этот шар, он пожал плечами и сказал: «Не знаю».

Сейчас мне кажется, что Саша чутьем талантливого художника предугадал грядущие события. Полотно было огромное, метра два на полтора, и написано на оргалите. Когда я собрался в эмиграцию, вывезти его не было никакой возможности. Правда, мой друг Гена Седов, замечательный фотограф, сделал свою

интерпретацию, сняв нас на фоне этого портрета с появившимся к этому времени Тёмкой. Эту фотографию я и прикладываю к письму.

Обнимаю Вас. До следующего письма.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
29 августа 2014 г. Salt Lake City, UT 84112

Сначала о вашем Веласкесе. Да, классная картина. Классная! Настоящий художник, Марик, видит вперёд (не смотрит, а именно видит). Так Роберт Фальк в 1956 году угадал моего папу 1990 года, хотя в 56-м году на папином портрете его работы был больше сам Фальк, чем мой папа. А к девяностому году это стал замечательный папин портрет, художественный и эмоциональный эпицентр нашего дома.

Так что серый шар из параллельной вселенной ваш художник угадал каким-то своим внутренним чутьём. Назовите так свою будущую книгу: ***«Серый шар»***. И картину на обложку.

Кстати юноша, что стоит перед картиной, мне очень понравился. Мой тип. Хорошо, что мы не были знакомы сорок лет назад — я бы в вас влюбилась и вы наверняка сломали бы мне жизнь.

Теперь о вашей подруге Наталье П. Она написала неплохое литературное произведение (часть вторая), образное, с выдумкой. Молодец девушка. Честно говоря, когда меня повязали в трамвае с Солженицынским «Кругом первым» и повели «куда надо», ноги у меня были ватные и круглые пятаки горели на лице и по всему телу. Я была так напугана, что всё, что там происходило, осталось в памяти только в самых общих чертах (не сегодняшней памяти — это было бы не удивительно, а тогдашней, ближней памяти). Я была как в густом тумане. Ни заданных мне конкретных вопросов, ни формулировок своих ответов рассказать не могу, да и по свежим следам не смогла бы. Я эту кровавую историю описала в своём «Личном деле», но если вы забыли, напомню.

«В круге первом» прислал мне из Горького на прочтение мой друг Беня Тавгер, теоретический физик, профессор Горьковского университета.

О Бене хочу сказать вам несколько слов. Познакомилась я с ним при весьма нетривиальных обстоятельствах. В начале шестидесятых я обычно летом в отпуске путешествовала с друзьями по Восточному Крыму. В тот день я почему-то шла одна через Карадаг в Новый Свет. Пытаясь срезать дорогу, сошла с нахоженной тропы и вскоре зависла над обрывом. Знаете, как это бывает: человека вдруг охватывает паника. Я стояла на уступчике скалы перед небольшой расщелиной, мне нужно было сделать один шаг вперёд и вверх. Но вот этого шага я сделать не могла. А пути назад не было: уступчик был крохотный, развернуться невозможно. Далеко внизу торчали, как пики, острые камни. Я стояла, прижавшись к скале, вцепившись мёртвой хваткой в какую-то неровность, и боялась шелохнуться. Ситуация с каждой секундой становилась всё более катастрофической: руки немели, колени начинали дрожать. Вдруг я услышала вдалеке — видимо, на тропе — мужские голоса и что есть силы позвала на помощь. На мой крик примчались двое. Один из них наклонился и крепко ухватил меня за запястья. Этого оказалось достаточно: страх мгновенно испарился, я без всякого труда преодолела расщелину и оказалась на твёрдой земле. Может ли быть лучший повод для знакомства? Моего спасителя звали Бенцион Тавгер. У нас завязалась дружба, он бывал у нас в Москве, в промежутках мы переписывались.

Ландау говорил: «теоретическая физика — не профессия, а национальность». Вокруг Бени сплотилась группа еврейских студентов, они печатали самиздат и изучали иврит. Самиздат они искусно маскировали под диссертации и издевательски писали на обложках какой-нибудь вздор вроде «Марксизм-ленинизм о международном рабочем движении». Его студенты постоянно курсировали между Москвой и Горьким или ехали через Москву домой на побывку. Они привозили мне самиздат, а на обратном пути забирали.

Солженицынский «Круг» был в двух «томах». Первый том был быстро прочитан и благополучно вернулся в Горький, а второй слишком медленно читала моя мама. Беня прислал мне строгое письмо: «Где от «пи» до двух «пи?» (если вы забыли, от пи до двух пи — вторая половина круга). Письмо пришло открытое, измятое и изодранное, но меня это почему-то не насторожило. Позже выяснилось, что Беню на тот момент уже арестовали, но ни я, ни позвонивший мне с Курского вокзала студент, возвращавшийся в Горький из Львова, этого не знали, хотя об этом кричали разные «Голоса». Был шестьдесят девятый год, после процесса Даниэля и Синявского в стране во всю кагэбэшную мощь шла охота за диссидентами и самиздатом. Студент спросил, не хочу ли я что-то передать его профессору. Я сказала, что хочу, и мы договорились встретиться на Курском вокзале. Мою переписку перлюстрировали и телефонные разговоры прослушивали, так что звонок студента не прошёл незамеченным. Меня взяли с поличным в трамвае по дороге на свидание, а ожидавшего меня студента, тоже с поличным — самиздатом, возвращавшимся в Горький из Львова — взяли на Курском вокзале.

В те годы в уголовной статье о самиздате была графа за распространение, но не было графы за печатание. Потом они, конечно, это исправили. Но тогда, чтобы осудить Беню по статье о самиздате, КГБ надо было иметь доказательства, что он не только печатал, но и распространял, и в этом смысле я была для них находкой.

Чудес находчивости или героизма я на допросе не проявила, но когда поняла, что они хотят показаний на Беню, не нашла ничего лучшего, как подло свалить книгу Солженицына на мою бедную маму — дескать, ей кто-то дал почитать, а кто — не знаю, и упёрлась на этой всем очевидной лжи. Как

говорится, ушла в глухую несознанку. Мама вышла на пенсию за несколько месяцев до этого, и, наверное, у меня было где-то в подкорке, что её уже не уволят, а поскольку ей под семьдесят — и не посадят (хотя когда кого это останавливало!). Кроме того, всем очевидно, что я нагло вру. Они долго со мной мучались, им был нужен Беня. Но я Беню не сдала, и студент, который безуспешно ждал меня на Курском вокзале, пока и его там тоже не взяли, Беню не сдал. Беня просидел несколько месяцев без предъявления обвинения, потом его перевели в психушку (это была обычная практика), продержали там ещё несколько месяцев и выпустили. Он уехал из Горького к вам в Новосибирск, и оттуда, очень быстро, в Израиль. Стал героем Израиля в войне Судного дня (1973), но вскоре умер, совсем молодым, от инфаркта. В Израиле есть площадь Бенциона Тавгера.

Это я вам о Бене. Но я-то, Марик, я-то хороша! Раз уж поймали с поличным, надо было упереться и молчать. А я, от неожиданности и неопытности, вместо этого несла какую-то чудовищную ахинею, дескать, книгу дали моей маме на очень короткое время, и я ехала с ней на работу, потому что её надо было прочитать до вечера. Верите ли, ехала на работу Солженицына читать. Прямо на работе. И упёрлась на этой очевидной идиотской лжи. Но какая подлость была валить на маму! Стараюсь об этом не вспоминать.

Так что, Марик, ваша Наталья П., конечно, сука, но не мне её судить. Так-то.

Копелев — Рапопорт
30 августа 2014 г. Englewood, NJ

Знаете Наташа, это какая-то странная постановка вопроса — она, конечно, сука, но и я не лучше… У каждого в шкафах своих скелетов предостаточно. Не на облаке живем. Один высоконравственный дядечка две тысячи лет назад сказал: «Кто без греха, пусть первый бросит камень». У каждого свой «опыт подлости». Только одни понимают, что сотворили, грызут себя за это и стараются не повторять, другие, сделав, даже испытывают кайф, третьи просто не понимают, что сделали подлость. «Совесть — сказал Ежи Лец,— она, как хомяк,— либо спит, либо грызет». Взять, к примеру, ту же Наталью П. Ведь при

всех ее завитушках, что-то же её заставило взяться за перо. А ведь 30 лет таскала в себе этот груз. И даже, если она искренна не до конца, бог с ней — это дело её и её совести. Пусть разбираются между собой. Но зато какую дивную картину параллельного мира мы получили.

Перед тем, как как на сцену явится третий акт этой драмы, плавно перетекающий в историческую повесть о нравах того времени, я хочу сказать несколько слов. Эта часть писем Натальи состоит как бы из двух частей. В первой она пытается доказать, что ее нечеловеческий талант был недооценен окружающими (в основном мной и Галиной Абрамовной), и как подлый гебешник пытался на этом сыграть, а она мужественно сопротивлялась. Здесь она очень сильно проговаривается. Это то, что её мучило все эти годы и, похоже, ради этого она и взялась за перо. А вторая часть этого третьего акта, которую я озаглавил «Серый шар», собственно, и есть главное в этом письме для нас. И Вам станет ясно, что мудак-то я мудак, но все было предрешено. Шар уже катился.

А между тем...
(часть третья)

> ...на третью «беседу» я шла даже с некоторым любопытством. Мне казалось, что практически все темы исчерпаны, и «беседовать» уже в общем-то и не о чем, а потому не имеет значения, кто проведет эту «беседу». Предыдущий «собеседник» пригрозил, что со мной будут говорить в другом месте, но место осталось тем же, правда кабинет и «собеседник» были другие. И если первый позволял себе орать на меня, то второй был, как отец родной — приветлив, внимателен и сдержан... Он не стал заводить речь ни о музыкальных группах, ни о твоем финансовом состоянии, ни о фашизме, не о пацифизме. Я мысленно и психологически готовилась именно к продолжению разговора на эти темы, и пришла с домашними заготовками, но придуманные мною доводы не пригодились, потому что «собеседник» не касался прежних тем, а повел речь совершенно о другом. Он сказал, что внимательно прочитал протоколы, и у него есть ко мне несколько вопросов:

— Вы говорили о том, что начинали работать на Орской студии телевидения ассистентом режиссера вместе с Дмитрием Кормаковым и Лилией Галкиной, которые, как я понимаю, и сейчас являются не только вашими земляками и коллегами, теперь уже по работе на Новосибирской студии телевидения, но и остаются вашими друзьями. Вот и расскажите для начала, по возможности подробнее, как и когда началась ваша дружба, и как давно Вы вместе с ними работаете на телевидении?

— О том, с какого года мы вместе работаем — это легко можно узнать и в отделе кадров: с января 1968 года. Познакомились мы летом 1967 года, во время проведения конкурса по набору штата вновь открывающейся Орской студии телевидения. А потом, начав работать, мы не только крепко сдружились, но жили, можно сказать, как духовно близкие люди, совместно переживая и радости и тяготы становления в новой профессии.

— И вы со своими друзьями Галкиной и Кормаковым работали, как режиссеры, еще не имея тарификационной ассистентской ставки, и потом в одно время были тарифицированы и получали одинаковую ассистентскую зарплату?

— Да, получали 60 рублей по ставке третьей ассистентской категории, а потом Оренбургским комитетом по телевидению и радиовещанию нам была присвоена вторая категория ассистентов режиссера, и мы стали получать 70 рублей. Потом нас с мужем перевели на работу в Оренбургский комитет, а Кормаков, Галкина и Алиференко через год устроились на работу в Новосибирский комитет, и меня звали к себе. В октябре 1971 года приехали я и Полякова, т.е. уже были приняты пять ассистентов режиссера, и Новосибирскую студию иногда в шутку называли Новосиби***орской*** студией телевидения.

— И все пятеро работали режиссерами, находясь на ассистентской ставке?

— Да. И не только мы, но и другие тоже, например...

— Давайте сначала с вами разберемся. Я правильно понимаю, что вы работаете режиссером 17 лет,

продолжая находиться на ставке ассистента режиссера, как и ваши друзья Кормаков и Галкина?

— Нет, они давно уже имеют режиссерские категории. Первым был тарифицирован Кормаков, и сейчас у него первая режиссерская категория, а Галкиной присвоена третья режиссерская категория.

— Вы считаете это справедливым?

— По отношению к Кормакову — да, потому что он работает более интересно и профессионально. Галкина, как режиссер, слабее Кормакова.

— А вы, значит, слабее Галкиной и работаете менее профессионально, чем она?

— Об этом не мне судить.

— Поставлю вопрос иначе: тарификационная комиссия и руководство студии телевидения считает, что Вы работаете менее профессионально, чем Галкина?

— Вряд ли.

— Тогда как вы объясняете тот факт, что Галкиной присвоена режиссерская категория, а вам нет? В чем причина?

— В разных обстоятельствах. В том числе и в количестве режиссерских ставок, и других обстоятельствах, не имеющих прямого отношения к творчеству, а имеющих, например, отношение к полу, партийной принадлежности и даже социальной защищенности и личным отношениям.

— Поясните.

— Ну, во-первых, режиссура считается, да, пожалуй, и является, скорее, мужской профессией, нежели женской. А, во-вторых, а может и во-первых, имеет значение партийность, а Кормаков и на Орскую студию пришел, уже будучи членом партии. Имеет значение и то, в какой редакции работаешь, и как к тебе относится руководство редакции, которое представляет творческую карточку своего работника на тарификационную комиссию.

— И тарификационная комиссия Галкину тарифицировала, а вас — нет?

— Дело обстояло иначе. Когда были поданы творческие карточки, то меня вызвал к себе директор студии

и сказал, что имеется одна режиссерская ставка, и тарифицировать могут либо меня, либо Галкину. И Глеб Никодимович не стал скрывать, что старший режиссер вещания Боброва просила за Галкину. Вот Шляк и решил поговорить со мной. И он спросил меня, как я буду себя чувствовать, если тарифицируют меня, а не мою подругу, которая на Новосибирской студии работает, хоть и не намного, но всё же дольше меня? Я напомнила, что мне на два года раньше, чем Галкиной, была присвоена первая категория ассистента режиссера. А Шляк напомнил, что Галкина, в отличие от меня, не имеет ни мужа, ни квартиры, и вынуждена жить на скромную ассистентскую зарплату, да еще и снимать комнату. И она в большей степени нуждается и в деньгах, и в жилье. И пообещал, что я обязательно буду тарифицирована в следующий раз. Это значило, что нужно было ждать еще года два-три, но ради дружбы и благополучия подруги можно было и подождать пару лет. Так я и застряла в ассистентах, а Галкина уже имеет вторую режиссерскую категорию и квартиру. Так что у нее все складывается хорошо.

— Как я понимаю, представление на тарификационную комиссию зависит от того, как к работнику относится руководство редакции. Следовательно, к вам плохо относятся в редакции, недовольны вашей работой?

— Если были бы недовольны моей работой, то давно бы заменили меня кем-нибудь другим. А то, как они ко мне относятся, то я бы не сказала, что плохо относятся, но и хорошими отношения назвать нельзя. Правильнее было бы сказать, что они равнодушно относятся: работает, ну, и пусть работает.

— И Копелев не ходил к Шляку хлопотать за вас, как Боброва ходила хлопотать за Галкину?

— Нет, не ходил, и, думаю, не пойдет.

— А вы просили его похлопотать за вас? Галкина, наверное, просила об этом Боброву.

— Не знаю, просила ли Галкина кого-либо хлопотать за неё, а я никого не просила. Но я выписала все свои передачи, которые были сделаны мною в редакции лит-

драмы. Сделала пометки, сколько из них были признаны лучшими передачами недели, и просила Копелева и Поневежскую подать мою творческую карточку на тарификационную комиссию, но они этого не сделали, а просто отмахнулись от меня, ничего не объясняя.

— А вам это не показалось обидным и оскорбительным? Не попытались уйти в другую редакцию или поговорить с ними по душам?

— Чтобы говорить по душам, для этого нужно, что бы сложились душевные отношения, а у меня такие отношения в литдраме не сложились. Но у меня никогда даже мысли не возникало уйти из редакции, потому что мне эта работа интересна. Поэтому, несмотря на свои обиды, я продолжала работать в литдраме на ассистентской ставке.

— Вы не отрицаете, что обижены. И при этом говорите, что вас интересует человеческая психология больше, чем информация, но почему же вы происходящее с вами подаете в информационном ключе? Просто констатируете, что не сложились человеческие, душевные отношения в литдраме, но не пытаетесь разобраться в психологическом аспекте происходящего. Почему за Галкину, например, хлопочут, а от вас отмахиваются? Это не снижает ваш уровень самооценки? Что вы об этом думаете, и говорили ли вы об этом с вашими друзьями Галкиной и Кормаковым, или ваши отношения изменились по сравнению с тем, какими они было в Орске?

— Безусловно, изменилась. В Орске я и моя квартира были центром общения, и они зависели от меня, хотя в должностном плане мы были равны, но они, если можно так сказать, были на вторых ролях. А в Новосибирске все поменялось, я постепенно стала себя чувствовать человеком второсортным, что в той или иной степени стало проявляться и в отношении ко мне Кормакова, да и Галкиной тоже. Они успешно поднимаются по служебной лестнице, а я десятилетие — ни с места! Естественно, что моя самооценка с каждым годом всё больше понижается, а их самооценка поднимается. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. И отноше-

ние окружающих к ним и ко мне со временем становится иным. С людьми успешными охотно дружат. А кроме успешности и удачливости имеют значение и личностные качества и умения. Лиля Галкина, например, всегда умела пристроиться и сдружиться с нужными людьми, быстро становиться своей в доску, и ей охотно помогают, а я лишена этого умения, поэтому можно винить окружающих или себя.

— Вы, как я понял, склонны винить себя, не задумываясь о том, почему в Орске Вы таким умением обладали, а в Новосибирске, и особенно, когда оказались в литдраме, утратили его, и не смогли стать в редакции своей. А этот феномен легко объясним. И если бы Вы дали себе труд задуматься, то поняли бы, что Вы, в отличие от Галкиной, никогда не сможете стать своей, если не изменится состав редакции.

— Не понимаю, что Вы имеете ввиду?

— Я имею ввиду очевидные и простые вещи. Вы не сможете стать своей, потому что Вы чуждый элемент в редакции: и по мировоззренческой и по национальной принадлежности. Вашей подруге комфортно в этой среде, как рыбе в воде. А у Вас менталитет другой, нежели у Галкиной, которая понимает, как и к кому подплыть, и всегда пристроится к своему косяку. Она найдет общий язык с нужными и своими по духу людьми, потому что у них общие национальные корни. Евреи умеют поддерживают своих. В этом плане им нужно отдать должное. Поэтому Галкина здесь оказалась своя среди своих, а Вас евреи поддерживать не будут. И Вы напрасно из ложного чувства дружбы поступились своим карьерным ростом ради подружки-еврейки. У Вас, как мне кажется, имеется явное, но бесперспективное и нездоровое тяготение и покровительство евреям.

— Вы хотите сказать, что Галкина еврейка? — удивилась я.

— А Вы полагаете, что Лилия Иосифовна русская?

Я опешила, потому что никогда не думала на тему, какой национальности Галкина. И вообще национальная принадлежность никогда не имела для меня никакого

значения, но по тону, каким гебешник говорил о ее национальности, я осознала, что быть еврейкой — это полный караул, и Галкину нужно защищать:

— Я знакома с её мамой — Марией Степановной. В девичестве Заикиной, а отца Лиля не знала, потому что он умер за несколько месяцев до её рождения, и от него у Лили остался только золотой крестик, с которым она никогда не расстается. В память об отце. Она считает, что он православный русский человек, и в паспорте у Лили написано, что она русская.

— А может вы знаете, где и как умер отец Галкиной? И думаете, что при необходимости бить будут по паспорту, а не по еврейской морде? — задал мне саркастически-риторический вопрос «добрый» психолог. ***— Проклятущее хитрое семя! Раньше становились выкрестами, а сейчас живут одной стаей эти ряженые волки в овечьей шкуре. А Вы умиляетесь, верите, попадаете под влияние, защищаете, опекаете и принимаете подружку за бедную невинную овечку.***

С едва сдерживаемым раздражением гебешник в духе комедии «Ширли-Мырли» стал втолковывать мне, что эти проклятые евреи, возомнившие себя богоизбранным народом, этакими сверхлюдьми — самыми умными и хваткими, захватили все газеты и телевизоры и пытаются влиять на гоев. Гебешник в своем негодовании (уж не знаю, истинном или притворном) дошел до того, что открытым текстом сказал, что старая жидовка Поневежская потворствует своему соплеменнику. А Копелев вместо того, чтобы быть благодарным за предоставленную честь работать на телевидении, занимается фарцовкой на базаре, а в редакции и в филармонии позволяет себе вести антисоветские разговоры, которые все с удовольствием слушают, раскрыв рты.

— Я не обвиняю вас, а сочувствую, и даже готов поверить, что при вас Копелев не вел прямых антисоветских разговоров. Вы чужой человек редакции, которой руководят евреи, поэтому Копелев вообще не хотел вести с вами никаких разговоров. Не достойны! Ваше дело было работать. И при этом

помалкивать, сидеть на ставке ассистента и ничего не требовать, — посочувствовал мне «добрый» гебешник. — *Вас он не держит за человека, достойного беседы с ним. Другое дело — Поневежская, Гранат, Долгин, которых он считает способными не только воспринимать его умные и глубокие мысли, но и разделять их, а вы не из их числа. Но вы не могли не слышать обрывки разговоров, которые прекращались при вашем появлении, и не могли не чувствовать атмосферу антисоветчины, вызревающей в редакции.*

— Ничего похожего я не могла чувствовать, или слышать, потому что ничего подобного в редакции не было.

— Ваше заявление воспринимается, мягко говоря, странно! Вы годами работали с Копелевым и Поневежской. Работали не только в одном здании, а в одной комнате — в одной редакции, но ничего не видели, ничего не слышали, и ничего не чувствовали. А Ваши коллеги по общественно-политическому вещанию, не только не работающие рядом с ними, а находящиеся в другом здании, многое слышат, понимают, чувствуют, и видят по передачам Копелевой и Поневежской, что именно они пытаются пропагандировать. И разговорами своими и передачами. А Поневежская вместо того, чтобы следить за дисциплиной, повышать уровень идейной направленности передач, требовать добросовестной работы от подчиненных на студии, потворствует фарцовке Копелева на базаре, а когда он изредка появляется в редакции, то ведет антисоветские разговоры и делает передачи, которые попахивают завуалированной антисоветчиной.

— Об этом к нам регулярно поступают сигналы из общественно-политического вещания, — и добавил, что в органах давно назревало недовольство редакционным руководством Поневежской, и настало время применять соответствующие меры.

— Не знаю, какие меры к ним собираются предпринимать, и какие сигналы поступают из общественно-политического вещания, но догадываюсь, кто сигналит. Я не собиралась говорить о бдительных сигнальщи-

ках из общественно-политического вещания, но именно они большие любители потрепаться на скользкие, в том числе и антисоветские темы. А что касается руководства нашей редакций, то я уже говорила, что мне довелось поработать во многих редакциях общественно-политического вещания, и повидать разных руководителей (в том числе и пьяниц, которые порой лыка не вяжут, не говоря уж о руководстве редакцией), поэтому имею возможность сравнивать и делать выводы о том, что руководство Поневежской значительно лучше и вполне удовлетворительное.

— По сравнению с алкоголиками и пьяницами? Слабая защита! И что это вас так тянет защищать и покрывать этих евреев, которые ведут себя по отношению к вам пренебрежительно и унизительно. Они вгоняют вас в комплекс неполноценности и, как я вижу, развили у вас не только заниженную самооценку, но и комплекс жертвы. Такое встречается, когда жертвы оправдывают тех, кто издевается и унижает их. Так что напрасно вы их покрываете и оправдываете. Взгляните объективно на этих евреев. Ну, что особенного они из себя представляют? Жиды — они и есть жиды! Жадные до денег, умеющие спекулировать, умеющие заставить других работать на себя, и чувствовать себя хозяевами жизни. Они не пропадут! Это еврейское кубло чувствует себя хозяевами, распоряжаются судьбами и руководят русскими людьми, не учитывая, на какой земле они живут, а если им наша земля и наши порядки и законы не нравиться, то пусть уезжают в землю обетованную. К своим родственникам — хоть в Америку, хоть к черту на кулички. Они нигде не пропадут, поэтому не стоит их защищать. Лучше о себе подумайте, а ваш Марк нигде не пропадет. Если останется в Союзе, то будет подпольно фарцевать и грести на барахолке деньги лопатой. А если избавит от своего присутствия и уедет, то у него за кордоном имеется богатый родственник — влиятельный и модный писатель Лев Копелев. Пусть отправляется к нему. Те, у кого интуиция получше, уже уехали или собирают-

ся это сделать. Они почувствовали, что на студии назревает чистка. Еврейская интуиция их не обманула — без чистки не обойтись, а начать ее придется с литдрамы...

Я не исключала, что он блефует и просто берет на понт, но у меня все внутри похолодело — похоже, пахло погромом на современный совковый манер. Но в любые времена погром и чистка — это ужасно! Но гебешник говорил, что это необходимая мера, и давно следовало сделать это. Гебешник продолжал обрабатывать меня, внушая, что если бы редакцией руководил русский, патриотически настроенный человек, то Копелев не пушил бы хвост, и вначале думал бы, прежде чем открывать свой рот, и вести антисоветские речи. Для гебешника был доказанным факт того, что Поневежская покрывает Копелева, и для гебешника это было делом понятным и логичным, но почему этим занимаюсь я — это непонятно, не логично и не умно. «*В моем-то положении,* когда следовало бы учесть, что я полтора десятка лет работаю режиссером, а сижу на ассистентской ставке». И однозначно сказал, что если буду продолжать покрывать еврейское кубло, то до пенсии буду получать свои ассистентские 90 рублей, а потом нищенскую пенсию. *«Если вообще мне дадут доработать на студии до пенсии (оцени накат!)»*. А Поневежская пусть скажет спасибо, что ей дали доработать до пенсии, и что пенсия у нее будет очень даже приличная, но продолжать дальше работать на студии она не будет. Это решено. Тем более что она, в отличие от Копелева, вообще никакого профессионального интереса для студии не представляет. Бездарная и ленивая старая еврейка с непомерно завышенной, как и у всех евреев, самооценкой, которую они повышают за счет унижения русских людей *(все тот же припев, что «евреи захватили все телевизоры и влияют на гоев»)*. И, если русские будут потворствовать этому, находиться под их влиянием и покрывать их, то придется освобождаться от тех, кто инфантилен и не может освободиться от еврейского влияния, осознав свою принадлежность к великому русскому народу...

Все это перемежалось прозрачными намеками на моё увольнение и давлением на мой русский патриотизм, а я, окончательно обалдев от этого напора, не нашла ничего лучшего, как сказать, что отец у меня, вообще-то, украинец.

Гебешник продолжал мою обработку, призывал к сотрудничеству и противостоянию «еврейскому кублу», разлагающе влияющему на русский народ. И что я, если считаю себя истинно русским человеком, должна помогать органам разоблачать евреев, а не вставать на их защиту. Намекал, что не обязательно подробно излагать доказательства, а достаточно правильно сформулировать доводы о том, что Копелев вел в редакции разговоры, которые разлагали, порочили... (далее пошли подсказки типичных формулировок, мало отличающихся от формулировок 37 года).

А потом стал обещать мне златые горы и всестороннюю помощь (понятное дело — в ответ на мою!), и сказал, что в моих интересах, чтобы Копелева как можно быстрее уволили со студии. Тогда освободится режиссерская ставка, и мне, наконец, будет присвоена режиссерская категория.

Призывал меня подумать о своей дальнейшей судьбе. А я — без его увещеваний как раз и думала о своей судьбе, но не только о том, что будет дальше, но и о том, что было. Я думала о том, случайно или не случайно, все мои мужчины, и тот, которого люблю, и те, которыми когда-либо была увлечена — все были евреями...

Дальше следуют рассказы о ее мужчинах, о любви к упоминавшемуся выше известному актеру, и что её первого мужчину, по странному стечению обстоятельств, звали так же, как и меня, Марк Исаакович, и что она всегда вздрагивала, когда меня называли по имени-отчеству. Но это уже другая история.

Вот такое письмо. Комментировать не буду. Вы девочка умная, сами вполне способны разобраться. Хотя нет. В одном комментарии я себе отказать не могу. *Монологи гэбешника в этой части так ярко, с таким смаком и, я бы даже сказал, удовольствием выписаны, что закрадывается подозрение, а не внутренний ли это голос самого автора письма.*

В связи с этим одна цитата:

«Невозможно солгать в письме. Можно притвориться при личном общении — обняв, спрятав лицо, чуть изменив голос. Но как скрыть правду в строчках? В письме полностью обнажается человеческая душа».

— Елена Толстая «Адмиралъ»

Так что, Наташа, «Серый шар» уже катился в параллельном пространстве, подминая под себя не только меня и нашу литературно-драматическую редакцию, но и всё художественное вещание. Я был только поводом (правда, очень удобным), чтобы разогнать эту обнаглевшую жидовню, окопавшуюся на новосибирском телевидении. Саша Шуриц чутьём талантливого художника просто предугадал развязку.

За сим, дорогая Натали, позвольте попрощаться. А Вы говорите — «сам нарвался…»

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
31 августа 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик, нет сомнения, что «серый шар уже катился в параллельном пространстве», а трамвай с мерзким скрежетом сворачивал на вашу улицу. Это конечно так, а всё-таки подсолнечное масло купила не чума-Наталья П.: его купили вы сами, и не только купили, но и разлили в беседе с упомянутой «партайгеноссе». И преподнесли им свою голову на золотом блюде. Они, поди, и не ожидали такого подарка! Им даже мозгами ворочать не пришлось, чтобы найти подходящий повод выпереть вас с телевидения, вот что обидно! И повод-то какой дурацкий… лучше бы уж призвали народ к вооружённому восстанию на Сенатской площади. Всё равно вылетели с телевидения пинком под зад.

Марик, письма Натальи П.—потрясающий документ эпохи! Я с вами согласна: похоже, многое в них надиктовал её внутренний голос, но в сущности — какая разница, кто из них, гэбэшник или сама Наталья П., эти слова произносил. Они в эти годы витали в воздухе. Кстати, если не ошибаюсь, общество «Память», с усердием направлявшее свои усилия на «окончательное решение еврейского вопроса», родилось как раз в Сибири, да и не в Новосибирске ли?

Память Натальи П. поражает. Я, попавшись в гэбэшные сети, ни одного конкретного вопроса гэбэшников воспроизвести тогда не могла и сейчас не могу: было только общее понимание того, что им от меня нужно и чего я не должна им дать. Но в сумме у меня был настоящий шок и замутнённое сознание. Конечно, ко второму и третьему разу ваша Наталья П. уже привыкла к ситуации и даже к ней готовилась, но всё-таки помнит она всё на диво чётко, как будто записывала на диктофон: вопрос-ответ, вопрос-ответ. Этакое интервью ГэБэ с Натальей П. ГэБэ: «Дорогая Наталья П., наш читатель интересуется, нравится ли вам ваша работа и ваш начальник». НП.: «Да, дорогие читатели, работа мне нравится, и хотелось бы реализовать мой высокий потенциал для дальнейшего творческого роста, чему мешает мой начальник Копелев со своим еврейским кублом…»

Марик, какой это был год? Мой разговор с замдиректора Химфизики Юрием Ивановичем Фёдоровым, о котором я пишу в своём «Личном деле», был в конце семидесятых. Юрий Иванович мне с полной доброжелательностью объяснил, что перевести меня в старшие научные сотрудники никак нельзя, пока не помрёт кто-нибудь из евреев нашего отдела, потому что наш босс академик Эмануэль развёл в нашем отделе синагогу и райком им недоволен. Но ни одного дурного слова о евреях при этом сказано не было. Райком недоволен — и всё. Мог ли быть откровенно черносотенный словесный понос у «интеллигентного» гэбэшника Натальи П. — не знаю, но что-то меня там царапает, как перебор. «***Проклятущее хитрое семя! Раньше становились выкрестами, а сейчас живут одной стаей эти ряженые волки в овечьей шкуре»***. В слоге Наталье П. не откажешь — крепкий слог, яркий, профессиональный. Хороший слог.

Ну, и последний вопрос: какого лешего вы фарцевали на барахолке, ещё работая старшим режиссёром в литдраме?

Копелев — Рапопорт
31 августа 2014 г. Englewood, NJ

Как всегда, с конца. Лекцию я прочитал в мае 1985 года. Вышибли меня, кажется, в сентябре или октябре. Точно не по-

мню. Стало быть, и вызовы Натальи П. происходили где-то между маем и сентябрём. Но копать-то они стали явно раньше. Доносы из общественно-политического вещания поступали в КГБ и до лекции. Побудительные мотивы я Вам уже излагал — предложение руководства о главном режиссёрстве и махровый антисемитизм. Хотя какие побудительные мотивы нужны подонку для доноса? Вы же понимаете — я со своими лекциями и дискотеками, «ленивая жидовка» Поневежская, главный режиссёр студии Гранат, старший режиссёр музыкальной редакции Ким Долгин и др. — это отдельно, а недовольство всем еврейским кублом, занявшим, несмотря на полную бездарность, все командные высоты на телевидении, в искусстве и науке — это отдельно. Подставьте вместо фамилии Копелев фамилию Рапопорт, Вовси, Лифшиц или Мейерхольд — изменился бы результат? Конечно, я со своим, мягко говоря, живым характером был очень удобной мишенью. Ну, так это всегда и везде. Вспомните своего отца. Совершенно не важно, что он думал, и кем он был. Достаточно было, что он Рапопорт и что он яркая личность. Так что не надо… Вольно Вам сейчас рассуждать. Сам себя преподнёс… Конечно сам. Но такой уж уродился, жить шёпотом не умел. А потому иначе и быть не могло.

На барахолке я никогда не фарцевал. Если иметь в виду изначальный смысл этого слова. Я иногда помогал Лильке продавать наши изделия. То есть продукцию, произведённую своими руками. И до увольнения это бывало достаточно редко. Мне было как-то… Ну, ближе всего слово «стыдно». Хотя умом я понимал, что стыдиться тут нечего. Я ведь не ворованное, не перекупленное, а сделанное собственными руками продаю. И всё равно. Этот интеллигентский комплекс, что быть торгашом позорно. В фильме «Портной» Лилька говорит что-то типа: «*… он (то есть я) помогал мне шить, а торговать… ну, как же, он же режиссёр, он не может… А сейчас сам стоит, торгует, и ничего*».

Так что все разговоры гэбэшника о моей фарцовке, *с таким сладострастием* пересказанные Натальей П. — это всё херня, миф. Который, кстати, еще долго гулял по Новосибирску даже после моего отъезда. В 2005 году мои друзья переслали мне вырезку из газеты с симптоматичным названием «Честное слово».

Газета «Честное слово»:
Ведущий рубрики «Другие праздники» Павел Голубев.
2004 год.

«Новосибирские кооператоры, как и кооператоры всей страны, делали мебель, торговали, шили джинсы, а потом их «варили» в самом буквальном смысле слова, придавая джинсам совершенно западный вид. Один такой «джинсоваритель» из Новосибирска М. Копелев чуть позже очень ловко сыграл на таком изготовлении штанов. Поскольку до этого он был изгнан с места работы в одном из институтов за какие-то антисоветские высказывания, то сумел доказать… в США (!), что является жертвой политических репрессий. Дескать, вот до чего его довели в СССР! И сумел получить в Америке статус «политического изгнанника», который обеспечивает пожизненные весьма серьёзные выплаты».

С логикой у г-на Голубева всё в порядке. Он почему-то не считает увольнение за антисоветские высказывания политическими репрессиями.

Как видите, в Новосибирске я наследил довольно серьёзно. Вышибли меня в 1985, эмигрировал я в январе 1991 года, а они аж в 2004-м (в 2004-м, Карл! 13 лет спустя) никак ещё успокоиться не могли.

По поводу пьесы, написанной Натальей П., я уже говорил. Эти ровные диалоги, эта, так удивившая Вас, память, и приписываемые гэбэшнику черносотенные высказывания, наводят на мысль, что это внутренний голос самого автора. *«Трудно сказать, что именно подвело Ивана Николаевича — изобразительная ли сила его таланта или полное незнакомство с вопросом, по которому он собирался писать, но Иисус у него получился, как живой, хотя и не очень привлекательный персонаж».* Вот и у Натальи П. кагэбэшник получился, как живой. Но «изобразительная сила таланта» — подвела. Безусловно, она ничего не выдумала — все это было, но отредактировала она это с большим смаком и, повторю это слово, ибо оно очень точное, *со «сладострастием».* Это как в том старинном английском анекдоте:

— Господин спикер палаты лордов. Могу ли я назвать сэра Честертона грязной вонючей свиньёй?

— Нет. Вы не можете назвать сэра Честертона грязной вонючей свиньёй.

— Хорошо. Я не буду называть сэра Честертона грязной вонючей свиньей.

А вообще-то, пошла она в жопу. Что мы тут рассуждаем о ней. Я ведь ее письма привёл не для того, чтобы обсуждать красоты ее слога.

А насчёт прекрасного юноши на картине и на фотографии, из вашего прошлого письма… Любовь, Наташенька, как, впрочем, и все другое, к сожалению, сослагательного наклонения не имеет. Так что нам действительно повезло, что мы не встретились и я, роковой красавец, не сломал Вам жизнь. Правда, посмотрев на меня сейчас, Вы бы особенно не сожалели. Но один вопрос меня все-таки тревожит. Вы говорите «лет сорок назад». Если я умею считать, Вы уже были в это время замужем. Неужели Вам это не помешало бы, коварная?

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
1 сентября 2014 г. Salt Lake City, UT

…Чёрт, мне всегда лень заковычивать, и это опасно, вот и «фарцевание на барахолке», вложенное драматургом Натальей П. в уста плохого дяди, я в письме к вам не заковычила, надеясь, что вы их мысленно проставите сами… Это место её пьесы резануло мне глаз, потому что по моим представлениям «фарцевать на барахолке» вы начали после того, как вас с треском выперли с телевидения, радиовещания и вообще из жизни, а по пьесе получалось — ещё *до* этих именин сердца автора. Ну, теперь-то я поняла: *«ДО»* вы «фарцевали», как любитель, а *«ПОСЛЕ»* — как профессионал.

С другой стороны, цитирую: *«я со своими лекциями и дискотеками, «ленивая жидовка» Поневежская, главный режиссёр студии Гранат, старший режиссёр музыкально редакции Ким Долгин»*… Марик, дорогой, да кто ж такое выдержит?! Прямо Голливуд какой-то! Мыслимо ли?! Невозможно не пролить слезу над ранней урной несчастного таланта, которому вы и вся ваша кудлатая жидовня так жестоко подреза́ла крылья.

Да, относительно внутреннего голоса и сладострастия вы очень верно почувствовали.

Гаденькая, однако, газетёнка выходит в центре Сибирской науки! Кстати, золотой дождь из рога изобилия дяди Сэма на вас продолжает сыпаться? Вы от меня что-то скрываете?! Или может мой муж прячет от меня немалые левые доходы? У него ведь тоже был «*статус политического изгнанника, который обеспечивает пожизненные весьма серьёзные выплаты*». Что ж это я, дура, гнула спину двадцать пять лет, пахая (или паша? — словом, вставьте деепричастие от слова «пахать») на ниве, на которой, оказывается, сорняками колосятся зелёные?!

Огорчило меня, очень огорчило «честное слово» Павла Голубева. Кому он его даёт? Новосибирским Платонам и быстрым разумом Невтонам?

Теперь относительно сослагательного наклонения и сорока лет. Вы заставили меня задуматься. Ответа не знаю.

Марик! Завтра мы с Вайсбергом улетаем в Хорватию до 19-го сентября.

Копелев — Рапопорт
3 сентября 2014 г. Englewood, NJ

Вот видите, Наташечка, как аккуратно надо обращаться с русским языком. Всего две маленькие вертикальные чёрточки перед словом и после, а смысл меняется. Да что там кавычки! Ударение в слове поменяешь — и вот вместо благородного интеллектуального слова «писáть», выскакивает физиологическое «пи́сать».

К слову. Я когда бываю в России, да и здесь зачастую, общаясь соплеменниками, поражаюсь состоянию языка. Сформулировать самую простенькую незатейливую мысль без «ну, это самое…», «бля», «как бы…», «ну, как сказать…» — не могут. Да и самих-то мыслей не густо. А «интеллектуалы от интернета» заебали своими «хоцца», «нравицца», «медвед-превед» и прочей херней, которая идёт от безграмотности, а выдаётся за этакий иронический стиль общения. «Олбанский язык», мать их так! Извините за столь страстный спич. Накипело!

О чём это Вы, Наташа?! То, что эти бездарные жиды заняли все командные высоты, что они пьют кровь христианских

младенцев — это же ясно как день. Это же все знают. И в том, что все деньги мира у них, никто не сомневается. Так что Вы пошерстите как следует по загашникам вашего Вайсберга. Наверняка что-то заныкал от щедрот дяди Сэма.

А чего это вас в Хорватию понесло? По работе или просто отдохнуть? Или, боясь не выдержать долгой разлуки, поскольку в нашей переписке грядёт достаточно длинный перерыв в связи с моим вояжем на Дальний Восток, Вы решили утопиться в Адриатическом море? Не надо Наташенька, не надо. Умоляю Вас, не надо. Мне без Вас плохо будет. Потерпите чуть-чуть. Нашкрябаю я Вам продолжение. Хотя, честно говоря, мне уже самому слегка поднадоела эта мыльная опера. Утомительное, оказывается, дело — собой заниматься.

Обнимаю. Всегда Ваш.

Фолдер второй

Письмо требует времени и обдумывания, и помимо того, что оно вечно, оно еще и личностно, его можно много раз перечитывать и сохранять. Письмо не пишется мгновенно, оно требует много времени, порой нескольких дней. А это значит, что человек думает о тебе, ему не жалко своего эмоционального напряжения. Каждое письмо по сути является произведением, созданным для одного человека. Неслучайно публикуют письма знаменитых людей…

А. Тосс.
«Фантазии женщины средних лет»

Писание писем — единственный способ сочетать уединение с хорошей компанией.

Джордж Гордон Байрон

Копелев — Рапопорт
9 сентября 2014 г. Englewood, NJ

Здравствуйте, Наташа! Перечитал наши последние письма, и помимо громадного количества орфографических, синтаксических и пунктуационных ошибок, глаз зацепился за название лекарства, которое вкололи Володе в позвоночник — «*эпидурал*». Сразу вспомнился замечательный пассаж Марика Фрейдкина из «Больничных арабесок двадцать лет спустя»:

«…Кстати о названиях лекарств. Меня всегда чрезвычайно интересовало, кто и руководствуясь какими резонами придумывает их, а также наличествуют ли среди этих резонов соображения запоминаемости и эвфонии… Но ещё загадочней то, почему среди этих названий настолько часто встречаются такие неприятные (хотя, конечно, во многом это дело вкуса) русскому уху звукосочетания, как, к примеру, ***имудон, пердолан, пердипин, ибупрофен, имудекс, урососан*** *и многие другие. Надо ли удивляться, что по словам одного моего приятеля — страшного, между нами говоря, хулигана и матерщинника, — он с детства воспринимал всякие нецензурные выражения вроде, я дико извиняюсь, «****проебал****» или «****пропиздон****» исключительно как название лекарственных препаратов…»*

Сдаётся мне, что «**эпидурал**» из того же достойного ряда. Но это так, между прочим.

Что-то Вы, Наташечка, совсем перестали меня баловать письмами. Понимаю, что Вы сейчас не у компьютера, что написать что-то внятное на телефоне трудно, но всё-таки. Без Ваших писем мои длинные эпистолы рискуют превратиться в один долгий, нудный монолог о себе любимом, а это уже будет и мне неинтересно, и Вам. Я конечно кое-что понаписал, но отправлять пока не буду. Иначе получается сплошное неприличие.

Всегда Ваш.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
9 сентября 2014 г. Хорватия

Марик, дорогой, меня тут добило сочетание несочетаемых проблем — Володя с его флейтой-позвоночником/мой води-

тельский и инженерный кретинизм/отсутствие интернета. Каждой в отдельности было бы достаточно для панической атаки (о ней позже), а в совокупности даже такой кремень, как я, рассыпался чуть не в прах. Теперь одну проблему удалось решить, появился интернет (!!!) и вот «я к вам пишу, чего же боле…» Сейчас пойду заряжу компьютер и продолжу на нем, а то чего доброго переплюну вас по количеству означенных вами ошибок: телефон, как известно, живёт своей жизнью и что-то правит и пишет за меня, не всегда удачно.

Пока обнимаю, пошла бороться с компом.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
9 сентября 2014 г. Хорватия

Кажется, победила этого зверя (компьютер, а не Вайсберга).

Марик, Новиград, куда нас занесло — симпатичная хорватская (бывшая итальянская) деревенька с напряжённым движением, сдобренным итальянским темпераментом, по европейским круговым перекрёсткам вместо светофоров (нэнавижу!!!). Медицина полностью отсутствует, если не считать аптеки и госпиталя за 30 км в другом государстве (Словения). Мне она понадобилась сразу же, прямо в ночь приезда. Я взяла напрокат машину Фиат (чуть не написала «Жигули») в аэропорту Венеции, куда мы прилетели, чтобы двигать дальше в Хорватию. Из аэропорта я сразу же попала на итальянский хайвей и… не смогла сняться с первой скорости. И вернуться не могла — как вы догадываетесь, там одностороннее движение. С жутким рёвом и таким же сердцебиением неслась в правом ряду на первой скорости среди темпераментных итальянских Феррар и Поршей, пока окончательно не встала. Подъехал какой-то сердобольный, объяснил, что это машина с двойной коробкой — автоматической и с передачами, и переключение с одной на другую очень хитрое, не какая-нибудь там одна кнопка. Я, оказывается, была зажата автоматом на первой передаче. Добродетель что-то там подёргал и переключил меня на автомат. Я вздохнула полной грудью и понеслась вровень с аборигенами… ровно до первой tall-station — станции, где надо было кидать монетки, потому что хайвей оказался платным. Я была к этому не готова, остановилась в узком пространстве между будками,

на которых висят сетки для приёма монет, начала искать нужные монетки, коих у меня не оказалось, а тем временем за мной мгновенно выстроилась очередь длиной с километр из неудачников, вставших в мой ряд. В отчаянии я бросила в сет-

ку целое евро, собралась ехать и… машина заглохла. Темпераментные итальянцы материли меня на все лады, вытолкали машину из ловушки и приставили к «обочине» платёжной станции. И понеслись мимо, не оборачиваясь, только колёса сверкали. Я с трудом нашла, где у меня включается аварийный сигнал, включила его и, рискуя быть сбитой, встала с поднятой рукой на дороге. Один благодетель всё-таки остановился, завёл мне машину и включил нужную коробку передач. Я понеслась… до следующей tall-station. Как только я сильно снижала скорость или останавливалась, машина переключалась на что-то, с чего я не могла тронуться, а в ответ на мои безнадёжные попытки её оживить — глохла. Научить меня, как включать правильную передачу, итальянцы не могли: нажимали около руля на что-то, чего я не видела у них под руками, и при этом трещали на своей итальянской мове. А платёжные станции сменяли одна другую, по моему, через каждые двести метров…Не знаю, как я доехала до нашей деревни. Описывать, в каком состоянии был Володя, не буду. Я вам не Чехов, не Гоголь и совсем не Лев Толстой. Правду сказать, когда пересекла границу с Хорватией, стало легче, там хайвей бесплатный, исчезли эти жуткие tall-stations, и можно было ехать без остановок. Зато в городке оказалось три улицы с одинаковым названием, и лишь одна из них —

нужная мне. И опять машина дважды заглохла. В общем, к вечеру, когда добрались до дому, я готова была отвязывать коньки, и к ночи отвязала их по полной программе. Со мной никогда такого не было. Трясло, как в малярийной лихорадке, зуб на зуб не попадал, я не могла произнести ни слова — только клацали зубы, рискуя откусить мне язык. И в такт зубам выскакивало из грудной клетки сердце.

В коротких перерывах я не без усилий (по-английски мало кто понимает) выяснила телефон Скорой Помощи. Они неплохо говорили по-английски, но никакого желания иметь со мной дело не выразили: предложили вызвать такси и поехать за 30 км от Новиграда, но не в Словению, где есть госпиталь, а в противоположном направлении, где госпиталя как такого нет, но есть пункт Скорой Помощи в самой Хорватии. Ещё посоветовали выпить валерьянки. Так что пришлось мне справляться с собой своими внутренними ресурсами, что в конце концов, не без труда, удалось.

Так начался наш «отдых» в Хорватии. Но была здесь и одна мимолётная радость — познакомились с чудесными ребятами, друзьями хозяев нашей квартиры, они жили в квартире под нами. К сожалению, в воскресенье улетели. Ваши, между прочим, земляки — Нью-Йоркцы. Искандер Еникеев — крупный нью-йоркский психиатр. Мы с Вайсбергом предоставили ему ценный материал, чтобы не терял квалификации и на отдыхе не расслаблялся. Он дал мне какие-то таблетки от панических атак, думаю — плацебо. Но помогло, больше не повторялось. Жена Искандера Ира — непрактикующий художник, а их дочь Саша Паперно — московская художница, процветающая. Их трёхлетний внук Петя — совершенно невероятный парень. Пронзил моё сердце, страдающее от комплекса неполнобабушкиности.

Теперь об эпидурале. Марик, это не лекарство, это процедура — укол в позвоночник. Там есть ткань, которая почему-то называется дура (DURA), и укол делают в неё или около неё, поэтому и называется эпидурал. А пассаж Марика Фрейдкина чудесный, я и сама об этом думала, и язык часто сам собой соскальзывает с медицинского названия ибупрофена на созвучное.

Море здесь чудесное — одно слово, Адриатика. Пока тёплое. Я сегодня плавала целый час к чёрту на рога, уплыла бы

и дальше, но Вайсберг на берегу метался, как раненый зверь, пришлось вернуться.

Теперь пришлёте мне, что нацарапали? По-моему, я заслужила. Обнимаю. Ваша Н.

Копелев — Рапопорт
9 сентября 2014 г. Englewood, NJ

Может и заслужили, но не ответили на главный вопрос — какого черта вас занесло в Хорватию. Что вы там потеряли? Зачем ехать в ХЕР, я извиняюсь за выражение, ВАТИЮ, когда во Флориде есть двухэтажный дом, бассейн, океан и прочие прелести, а рядом замечательный госпиталь на всякий случай. Не понимаю!

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
10 сентября 2014 г. Хорватия

Так кто ж звал?!

Копелев — Рапопорт
10 сентября 2014 г. Englewood, NJ

Нет, Наташа!!! Вам точно нужны таблетки. Посмотрите письмо от 30 мая. Да и смотреть не надо! Не я ли вас завлекал дивными пейзажами, пальмами, гладью канала за окном, журавлями и нечеловеческой красоты интерьерами? И Вы теперь мне говорите: «**Так кто ж звал (!?)».**

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
10 сентября 2014 г. Хорватия

Сэр! Кто ж теперь откажется от приглашения, высказанного в такой элегантной форме! Дураков нет!

Копелев — Рапопорт
10 сентября 2014 г. Englewood, NJ

Когда? Я возвращаюсь из Владивостока 2-го октября, и числа 20–22-го собираюсь во Флориду, где собираюсь быть до весны. Жду в любое время.

Ну а теперь, очередная порция жизнеописания. Заслужили — получайте. Сомневаюсь, правда, что эта страница моей биографии вас порадует.

Confession XVI

«Провинциальный анекдот»

Я уже отмечал удивительное свойство памяти выхватывать из стремнины жизненного потока не самые важные события, а какие-то завихрения, вокруг которых много пены и куча всяческих завитушек. Полагаю, что это свойство не только моей памяти. Вы, вон, тоже рассказали в книжке про спуск с горы, закончившийся браком. Поскольку жизнь моя в силу беспокойного характера была, как я уже отмечал, весьма кучерявая, то этими завитушками обрастало достаточно много событий. Там, где у нормального человека случается влюблённость или, скажем, развод — у меня это непременно превращалось черти во что со всякими бантиками, цветами и прочими кружевами.

История, которую я хочу рассказать Вам теперь, весьма нетривиальная, хотя на мой нынешний взгляд, глуповатая и достаточно пошлая. Возможно, разумнее было бы промолчать, чтобы не компрометировать себя в Ваших глазах, но раз уж мы начали перетряхивать шкафы и являть на свет божий не самые аппетитные подробности нашей жизни, то чего уж там... Оправдывает меня только то, что всё это дело далёкого прошлого, и я предстаю во всем этом таким, каким БЫЛ ТОГДА. Нельзя же, в самом деле, сравнивая своё отражение в зеркале с фотографией тридцати- или пятидесятилетней давности, сказать, что это один и тот же человек. Просто индивид, о котором идёт рассказ, по какому-то странному стечению обстоятельств носил то же имя и фамилию, что и я.

Вначале несколько общих рассуждений. Некоторые события не могут произойти в отдельной благоустроенной квартире, а случаются только на коммунальной кухне. К примеру, для того, чтобы напи́сать в суп соседу, буде такое желание при определённых обстоятельствах возникнет, надо, как минимум, этого соседа иметь. Провинциальный город и есть такая большая коммунальная кухня, где всё друг про друга знают, где все друг друга знают, где каждый может заглянуть в кастрюлю соседа, где тонкие стены, хорошая слышимость и много, много,

много замочных скважин. И СКУКА. Ох, уж эта тяжелая провинциальная скука! Сколько про неё написано. Каких только невероятных историй она не являет на свет. У Гойи есть офорт, который называется — «Сон разума рождает чудовищ». Провинция и есть то самое чудище — «обло, огромно, стозевно», которое погружает разум в сон, и из этого сна, из этой тягостной провинциальной летаргии, вдруг неожиданно выпархивают какие-то странные, причудливые сюжеты.

Я уже писал Вам, что после смерти сына наша жизнь с Ольгой пошла вразнос. Я скакал из командировки в командировку, из экспедиции в экспедицию, снимая никому не нужные документальные фильмы, пытаясь работой заглушить боль и заполнить пустоту. Ну, а в командировках, тем более киношных, как Вы понимаете, бывает всякое. Кино же снимать приехали!!! — оживление среди коренного населения. У них своя скука. А тут съёмки! Это очень сильно возбуждает аборигенов и, особенно, аборигенш. Все местные провинциальные звезды и звёздочки женского пола, как бабочки, слетались к киношной свечке. Только успевай подбирать.

Но мы, мужики, в целом так устроены, что маленькое приключение на стороне за измену не считаем. Какая к черту измена! Не в 19-м веке живём. Да и ещё неизвестно, как это у них там, в девятнадцатом-то веке, всё происходило. Ну, пишут, бросился кто-то там под поезд или с обрыва в Волгу... Так это у писателей. А нынче другие нравы на дворе. Переспал и переспал. Она в своей Тмутаракани, может, всю жизнь потом будет вспоминать об этом приключении, как о самом ярком событии своей жизни. Среди моих знакомых встречались вполне приличные женщины, которые с плохо скрываемой гордостью намекали — одна, как переспала с Лановым, другая — с Юрским, третья — с Михалковым, четвертая — со Стриженовым. Может, ничего и не было, может они это просто нафантазировали, намечтали, а если и было, то эти «кумиры миллионов» уже давным-давно забыли, что такие девушки вообще существуют на белом свете. А девушки помнят. И на их лицах появляется мечтательная загадочная улыбка при упоминании, скажем, Ланового или Михалкова-Стриженова. Женщина, наверное, может простить, что ты ее оставил после случайной связи. На то она и случайная. Оба получили, чего хотели, и разошлись. Но то, что ты ею пренебрёг... О нет! Эта рана болит долго. Так что, какая там Волга.

Наверное, и у Ольги была какая-то своя жизнь. Но я об этом как-то не думал. Точнее, не давал себе труда задумываться. С какого-то момента жизнь супруги начинает восприниматься, как приложение к твоей собственной. И предположить, что ОНА в отношениях с противоположенным полом может поступать так же, как ты, в голову не приходит. Да и вообще, поди разбери, что у баб в голове крутится. О чем она думает, ложась в койку с тобой. Или не с тобой. Ведь вроде всё у вас с ней в порядке, всё хорошо и в быту, и в постели. И интересно вам вдвоём, и поговорить есть о чём... Кажется — что ей еще нужно, что искать на стороне? Ну, с нами-то, козлами всё понятно — инстинкт охотника. Биологическое предназначение оплодотворить как можно больше самок для сохранения вида. А вот что, почему и как это происходит у них? Австрийский философ Отто Вейнингер в своей книге «Пол и характер» делил женщин на матерей и проституток. Думаю, он ошибался. Не делятся женщины по этому признаку. Просто в любой из них *одновременно* существует и то, и другое, как водка и сок в коктейле «Кровавая Мэри». И в зависимости от обстоятельств и пропорций, сильнее проявляется либо это, либо то. Анекдот про якобы французских женщин — есть ли среди них непродажные — *«конечно же есть, месье, но только стоят они очень дорого»,* — родился не на пустом месте, и относится не только к пресловутым француженкам. И не только к женщинам. Некоторые мужские особи ничуть не лучше. Похоже, в этом деле, всё зависит от количества нулей. На эту тему есть еще один анекдот, который Вы, вероятно, знаете:

Английская королева призвала к себе известного дамского угодника лорда Честера.

— Сэр, — сказала она, — до меня дошли слухи, что вы утверждаете, будто все женщины продажны?

— Да, Ваше Величество, — поклонился лорд Честер.

— И я тоже?

— Да, Ваше Величество.

— Интересно. И сколько же я, по вашему, стою?

— Фунтов десять, Ваше Величество.

— Как! Я, королева Англии, по вашему, стою всего десять фунтов?!

— Вот видите, Ваше Величество, — сказал лорд Честер, — Вы уже торгуетесь!..

Скотт Фитцджеральд писал, что *«самые доступные женщины — те, что недавно родили. Они ведь не для мужа стараются, а для широкой общественности; тело изменилось — надо по реакциям отследить, насколько»*. А если это еще усугублено родами неудачными...

В общем, в один далеко не прекрасный день я узнаю, что Ольга мне изменяет. Коллизия банальная, обсосанная в бесчисленном количестве анекдотов. Ну, сами знаете: «приходит муж домой, а там...» или «возвращается муж из командировки, пожар, а голос из шкафа кричит: «Выносите мебель...» Ну, и так далее. И все мы с удовольствием рассказываем эти байки и смеёмся, не задумываясь, что однажды такое может случиться и с тобой. А оно случается. И, как показывает жизнь, случается довольно часто. Просто муж узнает об этих делах последним. Если вообще узнает. Но находится, как правило, какая-то близкая приятельница жены, конфидентка, «наперсница сердечных тайн», так сказать, которая бескорыстно расскажет тебе всё как на духу.

Но я-то узнал об этом не от подруг, а вполне романным, знакомым нам по классической литературе образом — из письма. Точнее из писем. Мы оба люди пишущие (она, как я уже говорил, работала музыкальным редактором на радио), и у нас у каждого был свой архив. По большой коробке, куда мы складывали свои писания — черновики, сценарии, наброски, письма. У неё своя коробка, у меня своя. Должен сказать, что я стараюсь чужих писем не читать. Не потому, что я такой уж безукоризненно честный и порядочный. Просто так приучили меня родители — был эпизод в моей биографии, когда мама доходчиво объяснила мне, почему делать этого не следует. До сих пор стыдно. Да и самому, честно говоря, западло стоять раком перед замочной скважиной. Смешно и унизительно. Поэтому я никогда в её коробку не совался. Не моё, и всё.

Но так случилось, что мы поменяли квартиру. У нас была однокомнатная около телевидения, я прикупил еще одну однокомнатку, и мы обменяли эти две однокомнатные квартиры на трёхкомнатную почти в центре. Напомню, что дело происходило в Чите, главным предметом извращённой гордости которой является то, что она была местом ссылки декабристов. Центром города, ну или почти центром, была церковь, где в своё время декабристы общались с богом, и во дворе которой похоронен Николенька Волконский. Наш новый дом (улица Декабристов,

дом № 2а) находился в аккурат напротив этой церкви, где «покоем расположился» музей быта декабристов (улица Декабристов, дом № 1), и чуть-чуть наискосок от дома Трубецкого (кажется дом № 5), где обосновалась комендатура Забайкальского Военного Округа. Привожу эти вроде не обязательные подробности, потому что они имеют значение в дальнейшем повествовании.

Оформив все документы, связанные с обменом, я укатил в очередную киноэкспедицию.

Вернувшись недели через три, я застал жену всю разбитую, расцарапанную, перебинтованную:

— Что случилось?

— Мы тут отмечали день рождения Васьки, напились, а потом поехали кататься на мотоцикле и разгрохались.

— Кто мы?

— Ну я, Вовка, Васька, Славка. И еще люди были...

Вовка Кордава, мой приятель, инструктор по какой-то там работе в горкоме комсомола, очень русифицированный грузин, точнее, судя по фамилии, абхазец, бабник и плут. Он умел из любого события устроить праздник, в результате чего заурядная пьянка превращалась в ДЕЙСТВО, а приглашённые девушки чувствовали себя не дамами лёгкого поведения, каковыми по сути дела являлись, а королевами. Редкое и очень дефицитное умение, которое помогло ему сделать карьеру по комсомольской линии, а в дальнейшем и по партийной. Васька и Славка — два друга, Ольгины приятели, с которыми она недавно познакомилась через того же Кордаву. Ваську я видел мельком всего пару раз, Славку не видел вообще никогда, знал только, что он мастер спорта по шахматам и аспирант Медицинского института на кафедре нашего общего с Ольгой приятеля Паши Абрамовича, тоже, между прочим, отменного бабника, беспрестанно имеющего проблемы по этой части из-за регулярно случающихся романов со студентками.

— Так что же, вы все вместе взгромоздились на один мотоцикл?

— Да нет, только мы со Славкой. Он получил сотрясение мозга, переломал ноги и два ребра, разбил морду, лежит дома в гипсе. Говорят, минимум полгода. Я еще хорошо отделалась.

Что скажешь? Идиоты. Но не устраивать же сцены по поводу пьянки без меня. Тем более сцены ревности. Сборища в нашем доме — что со мной, что без меня, не были редкостью. Ну,

собрались, ну, выпили, ну, сдуру, по пьяни разгрохались. Слава богу, живы остались. Тем не менее, внутри что-то щёлкнуло. Я знал, чем могут заканчиваться гулянки с Кордавой.

Я перевёз на новую квартиру мебель и недели две-три занимался тем, что прибивал полки, строил стеллажи, расставлял всё по своим местам. И вот однажды, сунувшись в свой архивный ящик, я обнаружил связку каких-то писем. Штук семь-восемь. Решив, что это мои, а я просто забыл от кого, я стал их перечитывать и довольно быстро понял, что это Ольгина любовная переписка. Она во время переезда по ошибке сунула свои письма в мой ящик. От одного, первого же обращения: «Сладкая моя девочка...» — мое хорошее воспитание вмиг облетело, как яблоневый цвет под порывом весеннего ветра, и я взялся за письма всерьез. И обнаружил ряд просто дивных подробностей, от которых меня кидало то в жар, то в холод. Не стоит читать чужие письма, не стоит. Есть вещи, которые спокойней не знать. Сейчас, за давностью лет, я уже многого не помню, раны затянулись, но некоторых пассажей забыть не могу, в силу их невыносимой стилистической пошлости. Типа «... милая деточка, жду не дождусь, когда ты раздвинешь ножки, и твои розовые губки примут моего мальчика, который так соскучился по твоей киске...» Ну, и какая-то подобная пошлятина. Даже не по сути, а именно по стилистике, для меня это было, как железом по стеклу. А уж про суть я молчу — что может чувствовать муж, когда читает подобные перлы, обращённые к его жене... Все письма были без подписи. Только на одном было: «Твой С.»

Ну, а теперь скажите, что должен делать муж, получив такие неопровержимые свидетельства супружеской верности? Трудно представить? Вот то-то!.. Дыхание остановилось, сердце сжалось так, что превратилось в ледяной комок. Казалось, что земля разверзлась под ногами, что мир вокруг тебя обрушился... Да оно так и было — мир рухнул, разделился на ДО этих проклятых писем и ПОСЛЕ. И с этим ПОСЛЕ надо было что-то делать.

Первый порыв был, конечно, потрясая письмами, закатить суке скандал... Набить морду... Крушить мебель... Бить посуду... Выгнать на хер из дому... Выяснить у неё, кто этот пресловутый С. и ринуться выяснять отношения... Развестись, и немедленно...

Следующий был уже более осмысленный. А может, просто промолчать? Сделать вид, что нет никаких писем, что ничего не

знаешь... Если разобраться, сам-то тоже не без греха. Тихо переложить письма в ее коробку и забыть... А что? Самый безобидный вариант, между прочим... Жил же спокойно, ничего не зная про эти письма. Некоторые мужики, попадавшие в подобную переделку, именно таким образом и поступали. Хотя, как они с этим живут — не представляю. Нет, не для меня был этот удобный вариант, не для меня. Как, впрочем, и все остальные варианты с битьём морд, с закатыванием скандалов, с выяснениями отношений... По одной, но очень немаловажной причине: я не рабочий Машзавода и не бухгалтер ЖЭКа, а режиссёр телевидения. Персона, как говорится, публичная. Чита город маленький, а я слишком заметный в этом городе человек. И чем громче будет скандал, тем сладострастней будет он обмусоливаться на всех перекрёстках, во всех редакциях и гримёрках, и даже в упомянутых ЖЭКах и подсобках Машзавода. Со всеми пикантными подробностями. И выглядеть во всём этом дерьме я буду жалким, смешным обманутым мужем, которому неизвестный мне С. наставил рога. А я, Наташа, как ни странно, по выражению одного писателя, «самолюбив и горд, как блоха». И допустить, чтобы за моей спиной хихикали и смаковали подробности, не могу. Непереносимая мысль.

Нет, эти варианты отпадали. Но и сделать вид, что ничего не происходит, было невозможно по той же самой причине — в провинциальном городе всё очень быстро становится явным. И ты опять-таки выглядишь смешным, ничего не подозревающим рогоносцем, что ещё смешнее. Нет, и этот капитулянтский вариант был не для меня. Я думаю, что к тому моменту пол-Читы и так уже знало о похождениях моей супружницы. Она-то тоже персона публичная. И тоже весьма заметная личность на тусклом провинциальном небосклоне. А после того, как попала в аварию, пересуды наверняка уже поползли по городу...

В общем, как ни поступай — полная жопа. В любом случае ты будешь смешон, в любом случае выглядишь глупо. Ты в говне, а этот неизвестный мне С. в белом фраке... Ну, как же! Из-за него этот, ну, как его, режиссёр телевидения, Копелев, с женой развёлся! Молодец, чувак!

Мысль о подлом неизвестном С. заставила меня слегка очухаться от этой плюхи, встряхнуться и взглянуть на ситуацию под другим углом. Ведь чем-то же он действительно отличается, если его предпочли удивительному мне. Может, он умнее, ин-

теллектуально привлекательнее меня?.. Тогда и пылить, и колбаситься нечего. Утрись и кочумай в тряпочку, рога полируй. Но нет — по письмам вроде не похоже. Интеллект весьма умеренный. Чего стоит хотя бы приведённый выше пассаж... Умный человек такого не напишет. Может он, гад, просто красивше?.. Ну, это, конечно, возможно. Я никогда не был слишком высокого мнения о своей внешности. Но ведь и не урод же, в конце концов. И вообще, я как-то всегда считал, что ум для мужика важнее смазливой хари... А может, у него просто член длиннее?.. Говорят, для баб это важно. Но и на меня девушки до сих пор вроде не жаловались...

Если бы это случилось сегодня, я бы процитировал Тиму Шаова: *«Любят женщины ум и культуру,/ а так же песни под белый рояль, / но фактура, важнее фактура, / чтоб здоровый и крепкий, как сталь...»* Но Тиме об ту пору было еще пять лет, он под стол пешком ходил. Так что просветить меня на сей счёт было некому, и я искренне заблуждался, считая ум главным достоинством мужчины.

Жизнь моя сделала очередной кульбит. Надо было решать, как жить дальше. Найти достойный выход из заведомо проигрышной ситуации. А для этого, прежде всего, было необходимо собрать больше информации об этом ненавистном С. А там, как говорится, будем посмотреть.

Я заныкал письма подальше и взялся за дело. Ольге не сказал ничего. Хотя не трудно догадаться, каких усилий, с моим-то характером, это мне стоило.

Долго искать не пришлось. Ненавистным-неизвестным С. оказался, как и следовало ожидать, тот самый Славка, с которым Ольга в моё отсутствие каталась на мотоцикле. Необходимо было понять, чем же он, сука, лучше замечательного меня, и, исходя из набора имеющихся данных, продумать план жестокого отмщения. Какого? Пока я этого не знал. Но «огонь в груди и жажда мести» полыхали в душе вонючими бензиновыми языками.

Поскольку общих знакомых вокруг него оказалось предостаточно, составить психологический портрет соперника оказалось делом не сложным. Полученные сведения подтвердили самые худшие мои опасения. Он оказался из породы козлов, которым важно не столько трахнуть бабу, не столько доставить удовольствие ей (что, по моему разумению, составляет основу

секса), сколько наставить рога ее мужу. Есть такая разновидность мужиков, которые превратили это в своеобразный вид спорта. Они таким образом самоутверждаются в жизни. Другими словами, ему было важно не то, что он трахает Ольгу, а то, что он спит с женой известного в Чите режиссёра. Это, видимо, как-то повышало его самооценку. Попутно выяснилось, что он готовится защищать диссертацию на кафедре у Паши Абрамовича, что у него двое детей, и что у него красавица жена, которую, как рассказывали, он очень долго добивался. Но поскольку она его пылкие чувства столь же долго и презрительно отвергала, то он брал ее измором, и даже пытался покончить с собой. Но так, в пол-ноги, не забыв оставить пару таблеток в кухонной раковине, чтобы были понятны его намерения, и коробку с названием препарата, чтобы было понятно, от чего спасать. Медики же. Да и доза, я думаю, была далека от смертельной. Короче, он её дожал. Женщинам льстит, когда из-за них травятся. Хотя вслух они говорят другое. Ну, и вообще выяснилось, что данный персонаж весьма склонен к показухе и театральным, мелодраматическим эффектам.

Это становилось уже интересным, потому что здесь начиналась игра на моем поле. Он-то любитель из самодеятельности, а меня учили выстраивать интригу в одном из лучших театральных ВУЗов страны, на примере лучших пьес мирового репертуара. Плюс школа театральных интриг Сан Саныча Музиля. Таки пригодилась! Тут возникало какое-то пространство для осуществления мстительных замыслов.

Но особенно меня заинтересовала его жена. Во-первых, просто потому, что она его жена. Штрих к портрету, так сказать. А во-вторых, потому, что, как все вокруг утверждали, очень красивая баба. Лично я ни его, ни её никогда не видел. Пикантность ситуации состояла в том, что всё вышеизложенное пока происходило вне визуальных контактов. С моей стороны во всяком случае. У меня уже было достаточно информации об этом пижоне и показушнике, но в глаза я даже издалека его не видел. Но он то, безусловно, был обо мне наслышан. Любовники о мужьях всегда знают больше, чем мужья о любовниках.

В моей голове созрел, как тогда показалось, элегантный план. Я понял, что никогда не полезу выяснять отношения: муж, выясняющий отношения с любовником жены, заведомо выглядит полным мудаком. Да и что, собственно, выяснять? С Оль-

гой тоже говорить было не о чем — всё и так ясно, а поскольку ситуация, хочешь — не хочешь, требовала разрешения, то надо было хотя бы сделать так, чтобы не я к ним пришёл разбираться, а они ко мне. Игра на своём поле — уже преимущество. Вопрос был в том, как это устроить. Тоже в принципе не бином Ньютона. Для этого надо было познакомиться с его женой, охмурить, переспать с ней, и сделать так, чтобы этот конь в пальто об этом узнал. А дальше посмотреть, как он с его самомнением и страстью к мелодраматическим эффектам себя поведет. Можно было предположить, что он, в отличие от меня, сразу ринется выяснять отношения. Во всяком случае, собранная информация давала основания так думать. Дело было за малым: познакомиться с его женой, понравиться и затащить в постель. Задача, как Вы понимаете, не из простых, учитывая то, что я о ней к тому моменту знал.

Должен признаться Вам, Наташа, я всегда побаивался красивых женщин, а к бабам так называемой «модельной внешности» вообще испытываю самую настоящую антипатию. Они, как правило, глупы, избалованы мужским вниманием, мужики в их присутствии дуреют, становятся в результате полными идиотами, а эти пираньи очень ловко этим пользуются. Единственный известный мне способ достичь благосклонности красивой женщины — всё делать, как опять же говорил Сан Саныч Музиль, с «холодным носом». Чтобы она чувствовала, что ты, в общем-то, заинтересован ею, но не очень. Без фанатизма, так сказать. Тогда инстинкт собственницы заставляет ее быть в тонусе, чтобы удержать поклонника, даже если он ей и не очень нужен. Но перед этим надо было провести артподготовку. То есть возбудить любопытство. Чтобы она захотела со мной познакомится. Женское любопытство — первая ступенька к измене. Я был уверен, что так или иначе она обо мне слыхала. Я действительно был личностью в Чите достаточно известной. Да и круги были общие. Просто пути наши не пересекались. Чтобы достичь цели, надо было как-то ее активизировать. Чтобы возник интерес. Эту задачу я попытался решить, озадачив нескольких друзей и подруг, чтобы они чаще говорили обо мне в ее присутствии. Причём не обязательно только хорошо. Гадости тоже можно. Противоречивость суждений подстёгивает интерес.

Короче, расставив сети, я опять укатил на съёмки. Славка с разбитой мордой и в гипсе лежал дома; Ольга, вся ободранная

и поцарапанная, к употреблению была не пригодна; мои друзья создавали туман вокруг Славкиной жены — можно было временно расслабится и со спокойной душой отдаться творчеству.

На этом я, пожалуй, на сегодня прервусь, чтобы не утомлять вас пикантными подробностями этой пошловатой истории.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
11 сентября 2014 г. Хорватия

Марик, ничего себе скелеты вы вытащили из своего шкафа! Некоторые, извините, пованивают. От лексики вашего Славика меня чуть не стошнило. Надеюсь, в следующем письме вам удастся переспать с его красавицей-женой, хотя вообще-то не могу обещать, что приду от этого в восторг. Как видите, меня раздирают противоречивые чувства. Но логика событий, как ни грустно, подсказывает, что иначе нельзя: если бы вы с ней не переспали, то вряд ли бы взялись за это перо. Я права?

Тут к месту сказать, что эту печальную повесть я читаю двумя разными глазами: один читает, *ЧТО* написано, а другой — *КАК*. И могу сказать, что ваше предисловие о провинциальной скуке написано на уровне лучших образцов классической прозы.

«Некоторые события не могут произойти в отдельной благоустроенной квартире, а случаются только на коммунальной кухне. К примеру, для того, чтобы напи́сать в суп соседу, буде такое желание при определённых обстоятельствах возникнет, надо, как минимум, этого соседа иметь. Провинциальный город и есть такая большая коммунальная кухня, где все друг друга знают, где всё друг про друга знают, где каждый может заглянуть в кастрюлю соседа, где тонкие стены, хорошая слышимость и много, много, много замочных скважин. И СКУКА. Ох, уж эта тяжёлая, провинциальная скука! Сколько про неё написано. Каких только невероятных историй она не являет на свет. У Гойи есть офорт, который называется — «сон разума, рождает чудовищ». Провинция и есть то самое чудище — «обло, огромно, стозевно», которое погружает разум в сон, и из этого сна, из этой тягостной провинциальной летаргии, вдруг неожиданно выпархивают какие-то странные, причудливые сюжеты».

Этот кусок — класс! Браво!

Теперь по существу тезиса Отто Вейнингера о том, что в любой женщине живёт одновременно и мать, и проститутка, и все различия только в пропорциях. Вы этот тезис, по всему, разделяете, и даже находите фольклорные подтверждения. Конечно, после того, как вы меня словили на вероятности, будучи уже замужней дамой, сорок лет назад в вас влюбиться (вероятности условной, высказанной в сослагательном наклонении) — после этого спорить с упомянутым тезисом мне вроде неловко. Но! Марик! Во-первых, сорок лет назад — это не дата, а литературный образ. Просто если бы я, скажем, написала «пятьдесят пять лет назад», вы бы стали в уме умножать/делить/складывать/вычитать/возводить в ненужную степень в попытке заглянуть в мой паспорт. Может, даже обзавелись бы логарифмической линейкой, а это лишний расход и умственное напряжение. Я написала сорок, чтобы облегчить вам жизнь. А если серьёзно, то у меня есть свой тезис: есть огромная разница — да просто нет ничего общего между любовью и блядством. Любовь всё оправдывает. Если бы ваша Ольга влюбилась в Славика, я бы — уж извините — оправдала её измену. Но она же не дура, ваша бывшая жена — с дурой вы бы так долго не прожили. А не дура в такого Славика влюбиться не может. Значит, в данной ситуации мой ей приговор — да, блядство. Но, Марик, не надо забывать, что она потеряла ребёнка, и материнство (см. тезис Отто Вейнингера) не сбылось. Всё могло бы быть иначе…

Без обычного нетерпения жду продолжения.

Копелев — Рапопорт
13 сентября 2014 г. Englewood, NJ

Confession XVI

«Провинциальный анекдот» (продолжение)

Три недели я болтался в экспедиции, снимая кино, вынашивая планы страшной мести и размышляя, каким образом мне лучше осуществить казавшийся таким хорошим план. Как выйти на НЕЁ? Как познакомиться? Как заинтересовать? Познакомиться с женщиной — это не такая простая задача, как может показать-

ся на первый взгляд. Во всяком случае, для меня. Я никогда не относил себя к этаким покорителям дамских сердец, от одного вида которых женщины теряют сознание. Чтобы завоевать женщину, мне приходилось трудиться. А для этого — что? Правильно! Петь песни и, по рецептуре мудрого Михал Михалыча Жванецкого, *«говорить и говорить, говорить и говорить, говорить и говорить...»*. Но чтобы начать говорить или петь, надо же еще сделать так, чтобы ОНА захотела слушать. А красивые женщины, как правило, слишком озабочены собой. Так что, чем больше я думал, чем глубже вникал в обстоятельства, тем больше казалось, что ничего мне, пожалуй, не светит. Если она действительно такая красивая девка, как про нее говорят, то цену себе она знает, и этот фрукт мне просто не по зубам.

Однако, анализируя ситуацию, обдумывая ее со всех сторон, разворачивая то так, то этак, выстраивая, так сказать, стратегию наступления, я, как мне казалось, нащупал пару слабых мест в обороне противника, которые делали задачу не вполне безнадёжной. Во-первых, характер действующих персонажей. Он экстраверт, показушник, чрезвычайно озабоченный своим имиджем, с весьма завышенной самооценкой. А человек с завышенной самооценкой, к тому же озабоченный вопросом, как он выглядит в глазах других, уже априори уязвим. Слишком много мозолей, на которые при желании можно наступить. Во-вторых, Людмила (*«ах, я забыл ей имя дать...»*) была, как говорили, не только красива, но и умна. Наличие этих двух взаимоисключающих свойств в женщине уже само по себе взрывоопасно, а в противопоставлении к вышеуказанным свойствам супруга делает ее тоже достаточно уязвимой мишенью. Ум супруги и самонадеянность мужа прорастают рогами. О чем свидетельствовал и мой скорбный случай. Мне казалось, что она не очень-то его и любит. Почему? Хрен его знает. Не зная ни его, ни ее, не представляя даже, как они выглядят, на каком-то подсознательном уровне, назовем это интуицией, я ощущал, что пылкой любви там нет. Об этом свидетельствовали и длина срока, в течение которого он ее обкладывал, и стаж супружеской жизни (лет семь, кажется — вполне достаточно, чтобы надоесть), и его, якобы, попытка суицида. Женщинам, как уже было сказано, льстит, что из-за них травятся, но уважения это не прибавляет. А мой личный опыт подсказывает, что большой любви без уважения не бывает. Мужик всё-таки должен быть мужиком,

а не истеричной курсисткой. Да и вообще, в супружеских отношениях уважение гораздо важнее любви. Потому что любовь со временем проходит, или, скажем так, ослабевает, а уважение — это та константа, на которой держится брак.

Говорят, что «интуиция — есть искусство чтения пустых страниц». На самом деле это не совсем так. В основе мужской интуиции (не будем её путать с женской) всегда лежит некая информация. То есть «страницы» не такие уж и пустые. Водяными знаками на них много чего написано. А у меня было уже достаточно информации, чтобы это эфемерное шестое чувство стало нашёптывать более-менее осмысленные решения.

Здесь я опять, пожалуй, прервусь, чтобы не утомлять вас длинной эпистолой и нудными рассуждениями о природе женской неверности. И без меня достаточно понаписано.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
14 сентября 2014 г. Хорватия

Марик! Выделила для себя две цитаты. Напишу их светящимися флуоресцентными буквами и повешу на стенку.

1. Ум супруги и самонадеянность мужа прорастают рогами.
2. В супружеских отношениях уважение гораздо важнее любви. Потому что любовь со временем проходит, или, скажем так, ослабевает, а уважение — это та константа, на которой держится брак.

Подпись (разборчиво, синими чернилами) Наташа Рапопорт

Копелев — Рапопорт
15 сентября 2014 г. Englewood, NJ

Confession XVII

«Провинциальный анекдот» (продолжение)

Вернувшись из командировки, я застал пустую квартиру. Ольги не было. И, судя по запущенному квартирному пейзажу и пустому холодильнику, не появлялась она уже дня три-четыре. А между тем, она знала, что я вот-вот должен вернуться. То ли

вообще ушла, то ли уехала в командировку, то ли произошла еще какая-то хрень. Телефона у нас не было, сотовых тогда еще и в помине не существовало, телефон-автомат около комендатуры, единственный на всю округу, зиял выбитыми стёклами и оборванной трубкой. Пришлось ехать на радио, в музыкальную редакцию, где работала Ольга. Там мне сказали, что она в больнице. Что-то стряслось у неё по женской части, и её спешно госпитализировали. Сейчас, задним умом, я подозреваю, что у неё был просто неудачный аборт и, скорее всего, не от меня. Во всяком случае, объяснения, что с ней такое, были весьма невнятными. Но, опять же, что происходит с их жёнами, мужья узнают в последнюю очередь. Хрен его знает, что за процессы проистекают в организме этих инопланетных созданий.

Посетив супругу в больнице, я пошёл болтаться по городу. Зашёл в горком к Вовке Кордаве, чтобы узнать, в каких кондициях пребывает объект атаки. Перед командировкой ему было дано задание как можно чаще говорить обо мне в присутствии Людмилы. Вовка, весёлый комсомольский интриган, воспринял задание с большим энтузиазмом, и я не сомневаюсь, что справился блестяще. Он это умел. Посетил я стоматологическую поликлинику, где работала моя хорошая подруга Женька Терц, которая училась в своё время в одной группе с Людмилой, дружила с ней, и главным хобби которой было сводить своих сексуально неудовлетворённых подруг со своими сексуально озабоченными друзьями. Такой классический вариант еврейской сводни. Сама она при этом была злокачественно верна своему мужу, которого вроде и не очень-то любила. Но почему бы не порадовать и не порадоваться за друзей? Заглянул я также в Медицинский институт на кафедру Паши Абрамовича, чтобы ненавязчивыми вопросами, исподволь узнать о здоровье его аспиранта. Информация меня обнадёжила — аспирант по-прежнему валялся дома в гипсе. Правда, начал уже передвигаться на костылях. Паша поинтересовался, как здоровье Ольги. При этом глаза у него блестели подозрительным блудливым блеском.

На следующий день, в субботу я решил поработать дома над сценарием, привести в порядок материалы командировки, ну и просто отдохнуть.

По правилам классического детектива, в середине повествования должно случиться знаменитое — «И ВДРУГ...». А поскольку

ку по жанру то, что я излагаю, вполне тянет на детектив, то это «ВДРУГ» и случилось.

...Вдруг в дверь позвонили. Я пошёл открывать. На пороге стояли две симпатичные дамы. Одна попроще, а другая... другая просто грузинская княжна.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Могли бы мы поговорить с Ольгой?

— Нет, к сожалению. Она в больнице.

Девушки переглянулись и слегка замялись.

— А когда выйдет?

— Не знаю. Пока неизвестно.

Опять пауза и переглядывание.

— А Вы Марк?

— Да.

— Мы хотели бы с Вами поговорить.

— Пожалуйста... А с кем имею честь?..

— Меня звать Катя, а это Люда...

— ???

— Я жена Васи, друга Вашей Ольги,— видя мое недоумение, сказала та, что попроще,— а это жена Славы.

Оп-п-паньки! Приехали! Похоже, покуда я строил коварные планы, жены решили сами разрулить ситуацию. Причём, первоначально, не со мной, а с Ольгой. Я, так сказать, под руку подвернулся. Оч-ч-чень интересно!

— Проходите, садитесь.

Мы прошли в гостиную, расселись. Девушки опять помялись, попереглядывались, и вдруг Катя решительно бухнула:

— А Вы знаете, что Ваша Ольга спит с моим мужем!?

Вот те, здрасьте! Оказывается, Ольга спит не со Славкой, а с Васькой. Охереть можно. Я тут строю планы жестокой мести, собираю информацию, а Славка, как выясняется, вовсе ни при чем... Чист, как слеза Девы Марии... А как же подпись: «Твой С.» Нет, что-то тут не так.

— С чего Вы взяли?

— Я месяца два назад стирала его джинсы и нашла в кармане вот эту записку,— она протянула мне клочок бумажки, на котором Ольгиной рукой было написано: «Марк уехал. Квартира свободна. Приходи вечером. О.»

— А почему Вы решили, что это именно Ольга? Почему не Оксана, не Олена... Да мало ли О. на белом свете.

— Мы собрали информацию. Все совпадает. Вы Марк, жена Ваша Ольга, Вы в это время уехали в командировку, они в те дни все время тусовались у вас, а потом Ольга со Славкой разбились на мотоцикле. Они давно хороводятся. А чем вся эта шобла тут занималась, вся Чита знает. Вы один ничего не знаете!!!

— Ну, ладно. Предположим. И чего же вы хотите?

— Как это чего мы хотим? Надо же что-то делать! Это у вас детей нет. А у меня их двое. И я не могу позволить, чтобы мой муж шлялся по блядям. А то, что Ваша Ольга блядь, знает весь город.

Круто завернула. Прямая девушка. Простая, как три рубля.

— Знаете, милая Катя. Во-первых, я бы советовал Вам все-таки выбирать выражения. А во-вторых, для чего Вы мне это говорите? Вы что хотите от меня? Чтобы я закатил ей скандал, побил морду, развёлся, выгнал из дому... Что?

— Ну, я не знаю... Но надо же что-то делать.

Я сидел и мучительно размышлял, стоит показывать девушкам письма или нет. Что-то во всей этой истории не стыковалось. Васька совершенно не тот персонаж, который мог бы понравиться Ольге. Слишком прост для неё. Хотя... хрен их, этих баб, разберёт.

И я решил все-таки показать. Похоже, другого способа разобраться в этом дерьме не было.

— Подождите немного.

Я пошёл в кабинет и достал конверт с письмами.

— Вы говорите, что я ничего не знаю. Вот, не угодно ли взглянуть.

Девушки погрузились в изучение писем. Минут пятнадцать царило напряжённое молчание. Я наблюдал за ними. По мере прочтения, я видел, как меняются роли. Как отпускает у Кати, и как Людмила проходит все те стадии, через которые проходил я, читая этот дивный образец эпистолярного искусства. За все время чтения не было сказано ни слова. Только один раз Людмила сквозь зубы пробормотала: «Ну, сука!..»

Помолчали. И тут Людмила впервые открыла рот.

— Это почерк Славки.

Посмотрела на Катю, усмехнулась:

— Я же говорила тебе, что Васька здесь ни при чём. Эта записка для Славки.

Она медленно сложила письма, аккуратно выровняла стопку, вложила обратно в конверт, протянула мне.

— Что будем делать? — она посмотрела мне прямо в глаза. Некоторое время мы молча глядели друг на друга.

— Да, — сказал я.

— Что ты делаешь завтра в три часа?

— Не знаю... Тебя жду.

— Тогда до завтра...

Конечно, диалоги здесь не совсем точны, слегка приукрашены, но уверяю Вас, Наташенька, что они очень близки, а в большей своей части абсолютно совпадают с теми, что происходили на самом деле. Они врезались в память, потому что ситуация, прямо скажем, не ординарная, и потому, что Людка была, пожалуй, одной из самых красивых женщин, которые когда-либо у меня были. А хороша она была необычайно. Этакая Элизабет Тейлор в свои лучшие молодые годы времён «Камо грядеши» и «Рапсодии». Брюнетка с зелёными глазами, с матовой, будто светящейся, кожей. Только в сравнении со слегка вульгарной, на мой вкус, голливудской дивой, в Людке было то, что называется «породой». Какая-то удивительная, притягивающая внутренняя утончённость. Видимо, сказывалась примесь грузинской крови. Я стал понимать, почему Славка пытался отравиться. Хоть и понарошку. Удивительным было другое — ПОЧЕМУ ЭТО ЧУДО ЗА НИМ ЗАМУЖЕМ?

Что произошло на следующий день, я думаю, рассказывать незачем. С трёх часов, начав раздеваться еще с порога, мы не вылезали из койки до одиннадцати часов вечера. Связь с красивой женщиной прекрасна сама по себе, а в нашем случае всё было усугублено невообразимой сладостью мести. Не помню кто, кажется Оскар Уайльд, написал: «Женщина получает больше удовольствие от измены, чем мужчина: для него это не бог весть какое событие, для неё же измена всегда означает или месть, или страсть, или грех». В данном случае эти три обстоятельства совпали для обоих. Плюс, каждому из нас хотелось доказать, что мы лучше пренебрёгших нами супругов, поэтому вывалили друг на друга весь свой сексуальный опыт.

В постельном противостоянии «муж — любовник», последний всегда находится в заведомо более выигрышной пози-

ции. Здесь и любопытство, и свежесть восприятия, и новизна ощущений, и радость узнавания... И вообще, в краткосрочной перспективе, в соревновании спринтера и стайера шансов на победу больше у спринтера. Так что я выглядел молодцом. Людка тоже оказалась чрезвычайно одаренной в этом отношении женщиной. Отдавалась она вся без остатка, теряя сознание после кульминации. Короче, часов в двенадцать ночи мы расползлись едва живые, договорившись встретиться на следующий день.

Ну и началось. Народная молва не лгала — она была не только поразительно красива, но и весьма неглупа. Странно, как это в условиях узкого провинциального мирка я до сих пор ее не встречал. С ней можно было разговаривать и о литературе, и о живописи, и о кино, да и вообще оказалось, что у нас масса тем для общения помимо секса и обсуждения того, какие наши супруги козлы и суки. Впрочем, на эту тему мы разговаривали меньше всего. Меня это новое чувство захватило полностью, притупив воспоминания о нанесённой обиде. Её, по-моему, тоже. Так что мой такой красивый, элегантный план страшного отмщения за поруганную супружескую честь дал глубокую трещину. То есть, первые пункты этого замечательного плана — *познакомиться, охмурить и переспать* были выполнены с лихвой, хоть и без особых усилий с моей стороны, а вот последний — *сделать всё достоянием гласности* — оказался неосуществим. Я уже не мог себе позволить, чтобы ее имя трепалось на всех читинских углах. Я и раньше-то всегда избегал разговоров о своих связях, и очень не люблю, когда в моем присутствии мужики перетирают свои любовные похождения и смакуют постельные подробности. Не по-мужски это. Да и вранье чаще всего. Ну, а в данном случае доводить это моё приключение до сведения широкой уездной общественности было просто западло. Я действительно очень серьёзно ею увлёкся.

Но, как давно замечено, женские мозги устроены несколько иначе, чем мужские. После двух недель почти ежедневных встреч, она, приподнявшись на локте, вдруг спросила:

— Слушай. А тебя никак не задевает, что на всех перекрёстках болтают, что наши супруги наставляют нам рога?

— Нет, — сказал я. — Раньше задевало, а теперь нет.

— А меня задевает. Я чувствую себя абсолютной дурой.

— Ну, и что ты предлагаешь? — спросил я, уже предчувствуя поворот темы.

— Я не понимаю, почему мы прячемся, скрываемся. Они причинили нам боль, а мы что? Должны щадить их нежные чувства?

Всё-таки оскорблённые женщины — существа очень и очень опасные. Это тысячи раз отмечено в классической литературе и, тем не менее, каждый раз удивляешься, сталкиваясь с этим проявлением женской натуры.

— Ну, и что ты предлагаешь? — повторил я.

— Надо, чтобы они узнали об этом.

— И как ты собираешься это сделать? Твой валяется дома в гипсе, моя лежит в больнице. Оба в заточении, так сказать. Контактов с внешним миром минимум.

— Ничего! Донесут! Нам надо просто выйти из подполья.

Ну что ж. Надо так надо. Раз она сама так хочет, раз меня не сдерживают старомодные этические представления о необходимости блюсти женскую честь — вперед! Хотя, честно говоря, я был рад такому развороту событий. Конечно же, я ей соврал. Рана не то чтобы болела, но зудила. Больное мужское самолюбие тоже, знаете ли, не кот начхал.

И понеслось. Мы облазили все мало-мальски приличные читинские рестораны, всячески демонстрируя наши нежные чувства, мы посетили театр, сидя в первых рядах, влюблённо держась за руки, зашли за кулисы — стопроцентная гарантия, что завтра весь город будет знать об этом визите. За вечер мы собирали ключи от квартир минимум у трёх друзей, хотя, как вы понимаете, нужды в этом никакой не было — моя квартира была свободна. Город, выражаясь заезженным литературным штампом, загудел, как встревоженный улей. Мы все — и я, и Славка, и Ольга, и Людмила, были достаточно заметными персонажами в этом провинциальном болоте. Чита затаила дыхание в сладостном предчувствии скандала.

И скандал, как и следовало ожидать, грянул.

Здесь, чтобы оттянуть интригу, я прерву повествование, чтобы Вы, Наташа, с большим нетерпением ожидали следующего письма. Хотя, думаю, всё, что произошло дальше, особого восторга у вас не вызовет.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
16 сентября 2014 г. Хорватия

«Хотя, думаю, всё, что произошло дальше, особого восторга у вас не вызовет». Марик! Да и то, что уже произошло, хотя и было вполне предсказуемо, особого восторга у меня не вызвало… А вот написано всё очень лихо! Глаз, читающий не ЧТО написано, а КАК — получил большое удовольствие. Живо! Сочно! Ярко!

Копелев — Рапопорт
17 сентября 2014 г. Englewood, NJ

Confession XVII

«Провинциальный анекдот»
(окончание)

Итак, скандал, как и следовало ожидать, грянул. Причём случился он в два этапа, следующих друг за другом на протяжении буквально полусуток.

Здесь требуются некоторые отвлечения от главной сюжетной линии, потому что живём-то мы не на острове, и помимо любви и бегания, так сказать, голышом под пальмами, существует еще работа и реальная жизнь. А в этой реальной жизни меня вышибли с телевидения (впрочем, это, кажется, произошло раньше, еще до описываемых событий), и я пробавлялся постановками в самодеятельности, попытками найти хоть какую-то работу по специальности, а также писанием песенок к спектаклю Читинского драматического театра.

И вот после очередного свидания с шампанским при свечах, с песнями под гитару, и со всем прочим, мы договорились, что она придёт завтра часа в три «для продолжения банкета». Я рухнул в постель и отключился до утра.

На следующий день в 10 часов у меня была запись фонограммы в театре. Тянулось это долго, что-то там не ладилось, пришлось делать много дублей, и поэтому домой к трём я едва-едва успел. Открыв ключом дверь, я застал картинку маслом — в гостиной сидели Ольга и Людка, и, видимо в преддверии выяснения отношений, собирались силами. Над всем этим пока еще мирным пейзажем парило густое молчание.

А случилось вот что. Ольгу неожиданно выписали из больницы. Она пришла домой и обнаружила мизансцену, которая не оставляла никаких сомнений в том, что здесь происходило накануне. Я утром проспал, едва успел на запись, и последствия вчерашней романтической встречи ликвидировать не успел. Ольга ходила по квартире, обнаруживая признаки несомненного присутствия другой женщины, нюхала подушки (ах, как Людка пахла!), копила говно и готовилась устроить мне грандиозный скандал.

В три часа в дверь позвонили. Ольга пошла открывать. На пороге стояла Людмила. Немая сцена! «Ревизор». Николай Васильевич Гоголь нервно курит в сторонке. Людка, с томлением в груди, полная сладостных ожиданий на встречу с любовником, остолбенела, потому что совсем не ожидала увидеть его супругу, а Ольга застыла, потому что решила, что Людка пришла выяснять отношения по поводу Славки. Пауза, как мне потом рассказывала Людмила, была очень и очень драматическая. Девушки смотрели друг на друга, пытаясь, видимо, понять, кто первый вцепится в волосы. Людка говорила, что в тот момент она совершенно забыла, что Ольга имеет какое-то отношение к Славке, и думала, что сейчас начнётся разборка по поводу меня. Наконец, Людка сказала:

— Простите... А Марик дома?

Ольга была, конечно, еще та блядёшка, но дурой она не была. Она мгновенно всё поняла — и свечи, и остатки шампанского на столе, и раздрызганную постель. Да и обоняние у баб лучше, чем у нас. Не сомневаюсь, что она тут же связала Людкины духи и запахи от подушки.

Но, как говорится, «знает кошка, чьё мясо съела». Поэтому никаких агрессивных акций со стороны Ольги не последовало. Да и люди-то мы интеллигентные.

— Проходите, подождите. Он, вероятно, скоро будет.

Вот эту-то мирную картину я и застал, нарисовавшись буквально через пять минут. То есть до мордобития дело дойти не успело.

Появление на сцене нового персонажа в виде меня внесло в этот замечательный пейзаж новые краски. Ольга, при взгляде на меня, тут же поняла еще одну вещь — ***я знаю про её отношения со Славкой.*** И я понял, что она это поняла.

— Оля, — сказал я, — надеюсь, ничего объяснять не надо?

Она покачала головой.

— Я ухожу, приду поздно. Завтра мы выясним все отношения и решим, как нам жить дальше.

Мы зашли с Людкой в горком к Кордаве, взяли у него ключи от квартиры, благо его жена с детьми куда-то уехала, и наслаждались наполовину свершённой местью часов до двенадцати ночи. То есть Людка-то наверняка, а у меня в груди шевелилось какое-то гаденькое, постыдное чувство.

Дальше моё повествование приобретает некоторую двусмысленность, потому что я вынужден излагать события, непосредственным участником которых я не был, и пересказываю их со слов Людмилы. Плюс, я вынужден буду делать объясняющие географические отступления, без которых некоторые вещи, события, перемещения и мотивация поступков действующих лиц могут быть непонятны. Диалоги, как вы понимаете, тоже весьма условны и являются, так сказать, реконструкцией людкиных рассказов.

В полпервого ночи утомлённая любовью Людка доползла до дому и застала в дверях своей квартиры, которая, к слову, была записана на неё, стоящего в дверях грозного мужа. Глаза его излучали благородное негодование, а поза свидетельствовала о том, что он свою распутную жену в дом пускать не собирается. Ну, сами посудите, кому понравится, что супруга последние три-четыре недели чуть ли не каждый вечер является домой после одиннадцати, валится в постель, и с отвращением отвергает сексуальные домогательства законного мужа, который хоть и на костылях, но что-то там такое пытается предпринимать. А в ответ получает отлуп и трёхэтажную конструкцию.

— Шлюхам не место в этом доме, — заявил он, стоя в дверном проёме, в позе распятого Христа. — Ступай откуда пришла! (Слово *«ступай»* документальное, я специально у Людки уточнил).

Я полагаю, что Людка, после всего произошедшего в этот вечер, была абсолютно не в том состоянии, чтобы выяснять отношения не только с этим мудаком, но и вообще с кем-либо. Поэтому она ответила просто и внятно:

— Пошёл на хер! Квартира моя, когда хочу, тогда и прихожу, — и поднырнула под руку распятого в дверях инвалида. Инвалид, поняв, что его драматическая поза никого не убедила, пропрыгал за ней на кухню.

— Я знаю, — с надрывом сказал он, — у тебя есть любовник!

— Есть, — сказала Людка, намазывая на хлеб печёночный паштет. — Ну, и что дальше?

Этого инвалид не ожидал. То есть он чувствовал, что что-то не так, но достоверной информации у него не было, и к такому ответу он готов не был. Несколько минут он молчал, приходя в себя после этого нокдауна. Узнать, что у супруги есть любовник, тем более вот так не двусмысленно прямо из её уст...

— Ну, и кто же он? — спросил он дрожащим (так Людка сказала) голосом.

— Марик, — ответила Людка, продолжая готовить бутерброд.

— Какой Марик? — спросил он, ещё не отдавая себе отчёта в услышанном.

— А такой Марик. Марик Копелев.

Это был еще один нокдаун. Так сказать, хук справа с разворота.

— Н-н-не может быть...

— Ну, почему же? — сказала Людка, надкусывая бутерброд, — Очень даже может. Ты же с Ольгой спал. Почему же я не могу переспать с Марком?

Упоминание имени Ольги слегка умерило накал его благородного негодования. Он понял, что попал, но еще не понимал, в какой мере.

— С чего это ты взяла? — сказал он не совсем уверенным (комментарий Людки) голосом. — Не спал я ни с какой Ольгой.

— Ну, конечно, не спал! «Милая деточка, жду не дождусь, когда же ты раздвинешь ножки и твои розовые губки примут моего мальчика, который так соскучился по твоей киске...» Оторвать бы тебе «твоего мальчика».

Это был мощный апперкот. Он клацнул зубами и заткнулся, переваривая информацию. Людка молча жевала, разглядывая его. Как она мне потом сказала: «Я никогда не была от него в восторге, а тут он у меня вызывал просто чувство омерзения...»

— Ты что, действительно с ним спала?

— Да, я действительно с ним спала. А что тут такого невероятного? Чем он хуже тебя?

Скажите, Наташа, какой самый идиотский вопрос может задать мужик, нет, даже не обманутый муж, попавшийся к тому же на измене жене, а просто мужик, который узнал, что его женщи-

на спит с другим? По-моему, такой вопрос только один. И этот мудак его задал:

— НУ, И КАК ТЕБЕ С НИМ БЫЛО?

Нарвался, что называется.

— Славочка,— сказала Людка нежно.— Мне с ним было так хорошо, как с тобой никогда не было и никогда не будет.

Это был не просто мощный удар под дых, это был нокаут. Он взвыл, и кинулся бить ей морду. Но человек с двумя переломанными ногами, ограниченный в передвижениях, никогда ничего не сможет сделать здоровой женщине, даже истощённой любовными утехами. Людка схватила бутерброд и размазала его по ненавистной харе. Затем убежала в спальню и заперлась там. Дети, к счастью, в этот вечер были на даче с ее родителями. Он сначала пытался выломать дверь, и орал, что он сейчас её, суку, убьёт нахуй. Ничего у него ни с дверью, ни с сукой не вышло. Тогда он схватил топор, дверь рубить все-таки поостерегся (своё всё же, знаете ли, ремонтировать придётся), и заорал, что он сейчас кончит эту падлу Копелева, встал на костыли и ринулся на улицу. Тут Людка испугалась по-настоящему. «Он, конечно, мудак и тряпка,— говорила она мне потом,— но в состоянии аффекта мог натворить черти что».

Вот здесь начинаются обещанные географические подробности.

Они жили в Чите в районе Машзавода. Это достаточно далеко от центра. Днём там ходят и автобусы, и троллейбусы, и такси иногда встречаются. Но дело, если вы помните, происходило глубокой ночью. А поймать ночью в Чите тачку довольно проблематично. Короче, когда Людка выскочила за ним, он договаривался с каким-то частником и уже садился в машину. Людка попыталась сесть с ним, но он её вытолкнул из машины и уехал. Минут двадцать — двадцать пять она металась по дороге, наконец, выловила такси и ринулась вслед за ним. Когда она добралась до моего дома, Славка только-только подъехал и с матами шарашился по дворам, пытаясь отыскать в темноте нужный адрес.

Может возникнуть вопрос — почему они добрались одновременно, хотя он уехал почти на полчаса раньше? А вот почему. Выше я писал, что мы поменяли квартиру. Но Славка-то этого не знал. Он в это время лежал дома в гипсе. Поэтому, схватив машину, он поехал убивать меня туда, где они развлекались с Ольгой, то есть на старую квартиру, и стал в неё ломиться. Перепу-

ганный насмерть дедок, с которым я обменялся, вначале долго не открывал. Потом стал орать и звать на помощь. Ну, сами посудите — в два часа ночи к тебе ломятся с топором. Выскочили соседи, стали разбираться, что происходит. Не знаю, что он там им врал, но дедок в результате дал ему мой новый адрес. Некоторое время он еще ловил машину. К тому моменту было уже пол третьего ночи. А Людка, поймав машину, поехала туда, где встречались мы. То есть на новую квартиру. И в три часа ночи они встретились в темных дворах около моего нового дома. Славка скакал на костылях, матерился, махал топором, кричал, что сейчас он этому хуесосу (то есть мне) проломит голову, что он эту блядь (меня) отпидарасит, и вообще, убьёт нахуй. То есть налицо были все признаки неадекватного поведения. Тогда Людка приняла очень правильное и разумное решение. В первой части письма я обратил ваше внимание, что мой новый дом был напротив Церкви Декабристов и наискосок от Дома Трубецкого, где располагалась комендатура ЗабВО. И там, на бывшей конюшне, где либералы-декабристы пороли слуг, была гауптвахта Забайкальского Военного Округа, около которой круглосуточно несли нелёгкую вахту два автоматчика, сменяясь каждые час-два. Людка подошла к часовым и сказала:

— Ребята! Там мой муж с топором, грозится убить моего любовника. Помогите отобрать топор. А то он может натворить глупостей.

Отказать красивой женщине наши бравые вооружённые силы, конечно, не могли. Тем более в такой интимной просьбе, как защитить любовника. Они подошли к матерящемуся и размахивающему топором инвалиду, взяли его в кольцо, наставили автоматы и сказали:

— Слышь, парень, твоя жена просит, чтобы ты отдал топор. Пока она ментов не вызвала.

— Да она сука, она блядь, она шлюха, она... — и трам-тарарам, и трам-тара-рам...

— Ну, шлюха, ну, блядь... Сами разбирайтесь. А топор-то отдай.

Они забрали у него топор и на прощанье спросили у Людки:

— Слышь, дамочка. А может его засунуть в карцер, чтобы охолонул?

А теперь давайте вернёмся к тому моменту этого трагического вечера, когда мы, *«упившись друг другом»*, как сказал бы

замечательный французский писатель аббат Прево, расстались с Людкой. Я тоже где-то к часу добрался домой, и, не выясняя никаких отношений с Ольгой, завалился спать. В три часа ночи в дверь требовательно позвонили. После первого акта драмы, то есть дневного Людкиного звонка в ту же дверь, прошло ровно двенадцать часов. Кровать у нас была широкая, я спал у стенки, Ольга с краю, поэтому, что-то ворча, она пошла открывать. Через пять секунд она с выпученными глазами влетела в спальню:

— Ну вот, доигрались, — драматическим шёпотом запричитала она, — там Славка пришёл.

В дверь продолжали настойчиво звонить и, даже, стучать ногами.

— Пойди, открой, — сказал я, — Он весь дом переполошит.

Я надел халат и вышел в коридор. В дверях квартиры проистекала какая-то возня. Я даже не сразу понял, что там происходит. Включив свет, который забыла впопыхах включить Ольга, я обнаружил, что какой-то неизвестный мне тип на костылях пытается вытолкать из квартиры Людку. Собственно, догадаться, кто это такой, было не трудно.

Так я в первый раз увидел Людкиного мужа и Ольгиного любовника. Должен сказать, что оба приятного впечатления на меня не произвели. Но это, как сказал бы Марик Фрейдкин — «во многом дело вкуса».

— В чем дело, молодой человек, — обратился я к нему. — Эта женщина пришла не к Вам, а ко мне. А Вас я не знаю, и я Вас не приглашал. Так что ведите себя прилично. Людочка, проходи, дорогая.

— Ты, козел, — заорал он, — что ты выебываешься... Он меня не знает!.. Сейчас, блядь, узнаешь...

Не могу сказать, что я такой уж смелый человек и что получаю большое удовольствие, когда мне бьют морду. Но в данном случае я не очень испугался. Во-первых, он был на костылях, так что никакого ощутимого физического вреда принести не мог. Инвалид убогий. Я бы с ним справился, в случае чего. Во-вторых, действо происходило на моей территории, а это всегда придаёт уверенности. И в-третьих, меня охватила такая сильная холодная ярость, что будь он даже не на костылях, я начистил бы ему его хамскую, поганую харю, дойди дело до драки.

— А-а-а... — сказал я, — начинаю догадываться. Вы, судя по манерам, тот самый Слава, с изысканным слогом которого я имел

удовольствие ознакомиться в письмах к моей жене (ну не мог же я отказать себе в удовольствии пнуть его).— Ну, проходите, коли пришли.

Вся шобла — Ольга, Людка и Славка — ввалились в гостиную.

— Присаживайтесь, Слава, чувствуйте себя как дома...

Он, было, открыл рот, хотел выпустить очередную матерную тираду, но я его перебил:

— Хотя нет, извините. Как дома, Вы себя чувствовали на той квартире. Здесь это не получится. И вы, девушки, садитесь. Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались. Сядем рядком, поговорим ладком... Кофе никто не хочет? Жаль. Ну, да ладно. Не до пустяков. Садитесь, садитесь. В ногах правды нет, но нет её и выше.

Я видел, что он кипит, и юродствовал, сознательно нагнетая обстановку. Людка потом говорила, что она даже испугалась. «Я тебя таким еще не знала. Ты был холоден, спокоен, но от тебя исходила такая мощная волна, что казалось, сейчас начнут сыпаться искры. Я тебя даже захотела».

Да, интересно крутятся мозги у женщин.

Он, видимо, эту волну тоже почувствовал, потому что сбавил тон. Ему было непонятно, как со мной разговаривать. А я, подчёркнуто светским тоном, продолжал:

— Так что Вы, Слава, хотели мне сказать? Какая нужда Вас сюда привела?

— Ты, сука, что?— попытался он опять наехать на меня, но уже не так уверенно,— Не понимаешь, что ты разрушаешь семью. У нас двое детей.

Вспомнил, что называется! Тоже мне, хранитель семейных ценностей, блин.

— Да-да-да-да-да,— поцокал я языком,— Наверное, я был не прав. Не надо было мне спать с Вашей женой. Но поймите, Слава, я не мог себе отказать: она такая красивая женщина. ДА, И КТО ПЕРВЫЙ НАЧАЛ? — я резко повысил голос,— Это ведь Вы первым влезли в мою семью.

— Да какая, блядь, у тебя семья,— опять взвился он,— она у тебя шлюха, ее весь город ебёт!

Вы знаете, Наташа, я, конечно, понимаю — состояние аффекта и всё такое — но высказываться так о женщине, с которой ты спишь, к которой вроде испытываешь нежные чувства («Милая

моя, девочка», «Жду — не дождусь...», «Люблю»...), да еще в её присутствии... Нет, это выше моего разумения!

Я посмотрел на Ольгу. Она вся пошла красными пятнами. Несмотря на пошлость ситуации, у меня в душе шевельнулась жалость. Да и Людка сидела, как обосранная. Чувствовалось, что ей стыдно за этого мудака.

— Как же это так, молодой человек, у Вас получается? Жена у Вас — шлюха, любовница — блядь, с которой спит весь город... Что же это Вам так не везёт, Слава? Может, в консерватории надо что-то подправить? Вот у меня, например, всё в порядке. Жена, конечно, не эталон добродетели, ну да я и сам не образец супружеской верности. А с любовницей мне вообще необычайно повезло. Замечательная женщина! — я нежно, ну очень нежно (чему-то же меня учили в театральном институте) посмотрел на Людку и мечтательно закатил глаза.

Тут его прорвало. Я его таки достал. Он орал, что все бабы бляди (в чём, между прочим, я был с ним, на тот момент, согласен), что я, блядь, покойник, что мне, блядь, не жить, что я здесь варяг, а он, блядь, местный, что завтра он, блядь, договорится, блядь, со своими корешами и они меня, блядь, замочат в подворотне; что он сам, блядь, лично, блядь, вот этими руками, блядь, оторвёт мне яйца... Короче, растопыривал пальцы по полной. Наши любовницы и жены пытались его урезонить, он их материл, они — тоже рты пораскрывали. Возник какой-то базар. Из него вылезло столько говна, что я даже удивился — как этот человек умудрился закончить медицинский институт, может учиться в аспирантуре, готовится защищать диссертацию. Всё-таки образование предполагает некоторую степень интеллигентности. Я смотрел на него и даже получал некоторое эстетическое удовольствие от клинической чистоты стиля.

Наконец, мне это надоело, и я с напором, так, что, по-моему, действительно искры полетели, сказал:

— Ну, всё, хватит!

Они мигом заткнулись.

— А теперь, мудило штампованное, слушай сюда. Значит, вот что будет. Завтра я пойду в милицию и оставлю заявление, что ты хотел меня убить. Это подтвердят свидетели. Вот перед тобой две женщины, которых ты оскорбил, обосрал с головы до ног. Не думаю, что они тебя простят. Девочки, надеюсь, вы подтвердите?

— Да, — дружно кивнули головой девочки. А Людка добавила:

— Там еще двое солдат, которые у него топор отбирали. Они тоже подтвердят.

Все-таки оскорблённые женщины — страшные существа.

— Тем более, — сказал я. — Так что советую тебе купить ещё один топор и ходить охранять меня. И корешам своим скажи, чтобы держались подальше. Потому что если, не дай бог, со мной что-то случится, ты, сука мелкотравчатая, пойдёшь на зону срок мотать. Первый, кого загребут, будешь ты. На тебя навесят всё, что было и чего не было, и разбираться не будут. Ты наше самое справедливое в мире правосудие знаешь. Дальше. Завтра же я пойду на кафедру к Паше Абрамовичу и расскажу ему всю эту историю. Так что с диссертацией ты можешь распрощаться. Никакой защиты у тебя не будет. Человеку, ведущему такой развратный образ жизни, никак нельзя доверить воспитание молодого поколения советских врачей. И не думай, что Паша за тебя заступится. Ему скандалы на кафедре не нужны. Дай бог ему разобраться со своими бабами. Так что из института ты вылетишь, как пробка из бутылки. Паша вышибет тебя с опережением еще до того, как твои похождения выплывут на свет божий. В-третьих. Я сейчас скажу Людмиле, она завтра же заберёт детей и уйдёт от тебя. Люда, уйдёшь?

— Нет, — сказала Людка.

Я напрягся и развернулся к ней. Раздавленный Славка с тусклой надеждой посмотрел на неё. Ольга удивлённо подняла брови. После того, что было сказано, это звучало странно...

— Нет, — повторила Людка. — Я его выгоню, к ебене фене, — с оттяжкой сказала она (мат в устах красивой женщины и звучит красиво). Пусть катится к чертям собачим. Квартира — моя!

— Ну, вот. Слышал? У тебя уже и квартиры нет. Поздравляю! Сколько ты сказал у тебя **БЫЛО** детей? Двое. Так вот, из своей, уже не существующей, зарплаты вычти тридцать три процента.

— Почему тридцать три, — тупо спросил он.

Все-таки удивительный дебил. Умеет задавать вопросы.

— Потому что такие алименты тебе придётся платить за двоих детей, — доброжелательно пояснил я.

— А теперь бери жопу в горсть, сопли в рот, и дуй отсюда скачками. В следующий раз, когда надумаешь кому-нибудь рога наставлять, подумай мудило, как следует. Завтра над тобой будет потешаться вся Чита. Пшёл отсюда.

Больше разговаривать было не о чем. Я поднялся и пошёл в спальню. Пусть теперь сами, блин, разбираются, без меня.

— Люда, пойдём — сказал он.

— Люда, останься,— сказал я. Людка, собравшаяся было идти, села.

— Прощайте, прощайте, мой юный друг. Долгие проводы — лишние слезы. Не говорю до свиданья, потому что надеюсь никогда больше не свидеться.

* * *

Вот такая история. Смешной и грустный провинциальный анекдот. С одной стороны Бальзак, с другой Аверченко. Надеюсь, Вы понимаете, что диалоги здесь слегка причёсаны, есть некоторые выдуманные красивости, типа последней фразы, которых на самом деле не было, точнее, были, но звучали чуть-чуть иначе, но в целом я ничего не придумал — всё так и было, и слова произносились почти те же. Может, не так гладко, как написано.

Вас, конечно, интересует, чем же всё это закончилось.

А ничем.

Через неделю, еще пару раз встретившись с Людкой, но уже как-то без особого удовольствия, я бросил в сумку пару джинсов, несколько рубашек и исчез из Читы. Вот и всё!

Рапопорт — Копелеву
18 сентября 2014 г. Хорватия

Марик! Вы обещали мне награду за хорошее поведение. Ничего себе награда! Тот ещё подарочек! Начала читать в полночь, кончила, к великой ярости Вайсберга, в 2 часа ночи, потом — не поверите — всю ночь видела вас во сне — сегодняшнего, узнанного мной на диске Тимуровского юбилея — и во сне отчаянно ругалась с вами на литературной почве. Вы оказались жутким упрямцем. С моей точки зрения, надо бы сократить употребление великого и могучего в очень уж полном объёме — оставить ровно столько, сколько требуется для характеристики образа героя (как нас учили в 8-м классе, «образ Ленского в романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»). За мной, как вы заметили, тоже не протечёт украсить и ароматизировать речь каплей родного языка, но, как любит поучать Губерман, «Жопа

не менее красивое слово, чем генерал: всё зависит от употребления». Употребление — вот в чём ключ. Ваши девушки — все три — прямо харкают матерщиной, как извозчики на Привозе в Одессе, и не понятно, как такой тонкий интеллектуал, как вы, мог в это вляпаться и в этом купаться. Мне хочется вместе с вами любить вашу Людку, она красивая и умная, с ней можно поговорить об искусстве, так пусть хоть она не матерится как блядь с трёх вокзалов, а исключительно в меру и по делу. А? Зато очень хороша прямая речь Славика.

Должна ещё добавить, что ваш взгляд на баб (тогдашний. Он и сейчас не изменился?) говорит о том, что вам уж очень с ними не везло в молодости. Я имею в виду не отсутствие, кого бы потрахать — этого-то у вас было в полном достатке, а отсутствие стоящего и настоящего, на кого не жалко тратить сперму.

А, в общем, Марик, здорово написано, читается на одном дыхании, и при желании вы могли бы сделать из этой оригинальной (четырёхугольник вместо треугольника), но бессмертной истории сценарий.

А что было дальше с героями этой печальной истории? Вы знаете?

Обнимаю вас с некоторой опаской. Ваша Наташа.

Копелев — Рапопорт
19 сентября 2014 г. Englewood, NJ

Наташа, чувствую, что своим «Провинциальным анекдотом» я Вас слегка озадачил. Похоже, Вы меня представляли как-то по-другому. Наверное, это случается, когда люди знакомятся по переписке. Есть такой американский писатель Чарльз Буковски, гопник и алкоголик, который весьма точно подметил: *«Обычно люди намного лучше в письмах, чем в реальности. В этом смысле они очень похожи на поэтов»*. Наташенька! Я не поэт. Я только похож на него. Я Вас честно предупреждал, что и в моих шкафах полно всякого неаппетитного барахла.

Вы спрашиваете, знаю ли я, что было дальше с героями этой печальной истории? Нет, Наташа, не знаю. Практически не знаю ничего. О том, что там было дальше, мне почти ничего не известно. Никто не знал, куда я уехал, связи я ни

с кем не поддерживал, поэтому и до меня сведения доходили весьма отрывочные. С Ольгой больше не общался, с Людкой тоже. Что-то сломалось внутри. Да и что я ей, с её двумя детьми, мог предложить? Над Славкой почти в открытую смеялась вся Чита. Подробности этой «весёлой» истории с удовольствием обсасывал весь город. Она надувалась, обрастала нюансами, каждый добавлял что-то от себя, и постепенно изменилась до почти полной неузнаваемости. История, как это часто бывает, отделилась от действующих лиц и превратилась в миф. А миф, он ведь сильней реальности. Во всяком случае, когда она доползла до Новосибирска, куда я уехал, мне ее взахлёб рассказывали уже с другими именами, с другими деталями. Количество солдат, например, выросло до взвода, сосед дедка, милиционер, выскочил в семейных трусах в горошек, в валенках и с пистолетом, мои соседи по новой квартире утверждали, что ко мне ночью приезжали из КГБ, взломали дверь и забрали меня… И только потому, что мне было известно, о чем и о ком идёт речь, я эту историю узнал. Но благоразумно помалкивал, естественно. Чем тут гордиться?

Много-много лет спустя, когда я уже жил в Америке, мой друг Марик Мондрусов, блуждая по просторам интернета, наткнулся на рассказ писателя Виктора Левашова «Развод по-красноярски», где вышеизложенная история, дополненная авторским вымыслом и общими рассуждениями, приобрела законченную литературную форму. Где и в каком виде Левашов её услышал — не знаю. Может быть, что-то ему рассказал и я сам — мы с ним действительно как-то вскоре после этих событий пересекались в командировке на БАМе, всю ночь пили в гостинице водку, закусывая байкальским омулем, и я, сильно надравшись, плёл ему какие-то истории. А поскольку тогда это сильно болело, то вполне вероятно, рассказал и об этом. Возможности проверить не было, поскольку, когда я протрезвел, его уже не было. От того, что происходило в реальности, в этом рассказе остались только сюжет, интрига, мое имя и профессия.

Паша Абрамович, поржав, постарался, как я и предвидел, по-тихому от Славки избавиться. Правда, я ему ничего не говорил. История сама доползла до него. А Паша был умный — сам сделал нужные выводы. Людка осталась со Славкой. С двумя детьми особенно не разбежишься. Да и жалостливо женское сердце. Правда, мне сказали, что она настояла, чтобы уехать.

Я упоминал где-то в начале, что он был мастером спорта по шахматам. Получив тренерское предложение по этой линии, они спешно, месяца через три-четыре после меня, из Читы свалили. Эту партию он проиграл с разгромным счётом. Впрочем, если посмотреть на эту историю «с холодным вниманием», и моя «победа» выглядит весьма сомнительно. Разве что уязвлённое самолюбие потешил. Ну, а Людка… А что Людка? В конце концов — это её выбор.

Ольга, как мне рассказывали, уже через пару месяцев имела нового любовника, потом еще одного, потом ещё несколько… Весёлая девушка. А может, она таким образом заполняла образовавшуюся после смерти ребёнка пустоту. Ну и, возможно, после меня… Во всяком случае, когда через год я появился в Чите, чтобы свернуть все дела и оформить развод (помните, я писал, как попал в больницу и чуть не умер от пневмонии), её подруга, которой Ольга в то время сдавала мой бывший кабинет, доверительно поведала мне, что у Ольги с любовниками полный порядок: меняет, как перчатки. А еще через годдва она вышла замуж за великого русского поэта из группы писателей-заединщиков Распутина и Белова, ответственного секретаря Московского Союза писателей — Славу З. и перебралась в Москву. Видимо, имя Слава ей почему-то особенно нравилось.

Ну, а я… Я, спрятавшись на пару месяцев в Горной Шории на Алтае, где снимал какую-то заказную дрянь для Западно-Сибирской студии кинохроники (куда, собственно, меня и пригласили на работу), осел почти на восемнадцать лет в Новосибирске, где были свои истории, где я женился второй раз, где приобрёл замечательную дочку, где в очередной раз развёлся и опять сошёлся, и откуда эмигрировал в Благословенные Штаты Америки.

Но это уже совсем другая жизнь, и совсем иные истории.

…Относительно лексики я с Вами согласен, там надо поработать. Точнее, *надо было бы*, если *бы* это *было бы* предназначено для публикации. Сдаётся мне, что Вы чересчур серьёзно относитесь к моим писаниям. Я, конечно, бывает, кричу себе «ай, да Пушкин, ай да, сукин сын!», но в целом… Кстати, о речевой характеристике. Возможно, там и есть некоторый перебор с обсценной лексикой, особенно в случае с Людмилой. Но

вот что интересно: Вас никак не смутила «прямая речь» Славика, а вот «прямая речь» Людмилы показалась противоестественной. Хочу повторно призвать Вас подумать над вопросом, который я задал в одном из предыдущих писем, где мы говорили о друзьях и жёнах друзей. Что держит людей вместе? Как они линяют друг на друга? И подумать, почему Людмила осталась с ним? Дети? Ну, наверное, и дети. Но, похоже, там было гораздо больше внутреннего родства, чем это казалось мне, увлечённому красивой женщиной. Я, кстати, там, описывая Людмилу, задаюсь этим вопросом: *«Я стал понимать, почему Славка пытался отравиться. Хоть и понарошку. Удивительным было другое — почему она за ним замужем»*. Ну, и потом, решающим аргументом в нашем споре на эту тему является то, что я могу сказать: «Это же было. Я ничего не выдумал. Это было именно так. И сказано было именно так, и именно этими словами». И это правда. А то, что Вам «хочется любить мою Людку»… Ну, что ж тут поделаешь. Видать, и меня при описании Людмилы подвела «изобразительная сила моего таланта». Хотя вовсе не подвела. Перечитайте внимательно и поймёте, что некоторый пост-скепсис по отношению к ней у меня присутствует.

И с чего Вы решили, что я такой уж «*тонкий интеллектуал*»? Не заблуждайтесь, Наташенька! Я как раз матерщинник, охальник и, как ни прискорбно в этом признаваться, изрядный циник. Десяток прочитанных лет тридцать назад книжек ещё никак не дают права именовать себя «интеллектуалом».

Но в целом, готов с Вами согласиться: написалось лихо.

Всегда Ваш.

P.S. И все-таки, вы мне не ответили — что Вас понесло в Хорватию?

Обнимаю.

Рапопорт — Копелеву
18 сентября 2014 г. Хорватия

Про «тонкого интеллектуала» — эээ, не хитрите, вы сами знаете, что это так, а у меня на этот аромат нюх, как у дрессированной свиньи на трюфеля, меня не обманешь. И обсценная лексика, на которую я и сама неплохой мастер, здесь вовсе не при чём: матерщинник, охальник и циник — это всё очень

симпатично, когда употребляется как элемент образа и речи, а не для площадной ругани. Я ***это*** имела в виду, когда писала, что всё зависит от употребления. Вы мне как раз таким охальником и циником жутко нравитесь, и ничего я не заблуждалась на ваш счёт, просто огорчилась, что и вам выпало место у помойного ведра на коммунальной кухне.

К тому, что вы, Марик, пишете, я и правда отношусь серьёзно. Там много интересного, прекрасно рассказанного, достойного, и будет очень жалко (хотя и лестно), если я окажусь *в узком кругу* допущенных к телу, а не первой читательницей широко известного литературного произведения, романа века. Пилите Шура, пилите!

Кстати, о Гойе. Это не один офорт, это серия офортов.

Относительно Люды я, пожалуй, с вами соглашусь, тем более, что *это было,* и это убийственный аргумент. От лексики Славика, адресованной Ольге, как я вам уже писала, меня чуть не вырвало. А то, что Людмила с ним осталась — что ж, почтим её память вставанием. Дети, конечно, серьёзный фактор, но жить с таким слизняком… Кстати, он должен был вам *накостылять,* не зря ж он покалечился, я всё ждала, что *накостыляет*, а он — за топор.

Марик, предупреждаю: я в жизни лучше, чем в письмах.

Что занесло нас в Хорватию? Наши знакомые купили здесь квартиру на море и пригласили нас пожить в ней в сентябре, потому что стоит пустая. На халяву (если не считать перелёта через океан, рента машины на две с половиной недели с европейским навигатором — вот это таки влетело в ту ещё копеечку!!!), но дело не в этом. Здесь действительно тихо, чистейший, ароматный воздух — я давно таким не дышала, чистое и довольно тёплое море, свежие вкусные продукты — всё, как было обещано нашими приятелями. Но Володя непрерывно ворчит, всем недоволен — он терпеть не может Европу, считает дни и часы до возвращения в вожделенную Америку, где он готов лететь хоть куда, хоть в Калифорнию, хоть на Гавайи, хоть (хотя но он об этом ещё не знает) — во Флориду!

Кстати, когда вы улетаете? Когда перестать ждать писем? Помните, у Володина: «Правительство, скажи понятно, когда туда, когда обратно, чтоб не торчать у лавки зря».

Пока ещё ваша Наташа.

Копелев — Рапопорт
19 сентября 2014 г. Englewood, NJ

Вот только не надо угрожать! Что значит: «Пока еще ваша»? В том, что Вы в жизни лучше, у меня нет никаких сомнений. Да Вы и в письмах ничего себе. Только вот какая-то очень уж кровожадная. Всё-то Вам хочется, чтобы мне или «накостыляли», или «морду начистили». А в связи с Вашей печалью по поводу Людмилы и желания «любить ее», мне вспомнилось место из повести Вересаева «Пушкин в жизни». Одна знакомая Александра Сергеевича упрекала его:

— Зачем вы убили Ленского? Вот моя сестра Варя вчера весь день плакала.

— А вы как бы кончили дуэль? — спросил Пушкин.

— Я бы ранила Онегина. Татьяна бы дежурила у его постели, и он оценил бы её и полюбил.

— Ну, нет, — сказал Пушкин, — *он Татьяны не стоил*.

К чему это я? Да так, это Вам повод для размышления. Кто в этой истории прав, кто виноват, и кто кого стоит. Да тут даже и разбираться нет смысла. «Обе вы хороши!» — сказала Маргарита, повернула краны на обоих примусах и потушила их. *Обе ссорящиеся замерли с грязными ложками в руках…»*

О Гойе. Да нет, Наташенька. Офорт с таким названием у Гойи один. Просто это часть серии, которая называется «Капричос». Там больше полусотни работ, то ли семьдесят, то ли восемьдесят, сейчас не помню, и «Сон разума…» только одна из них.

Всегда Ваш.

Копелев — Рапопорт
20 сентября 2014 г. Englewood, NJ

Наташечка! Ау… Вы живы? А если живы, то где? Как Володя? Я на низком старте. Послезавтра отчаливаю на бывшую родину.

Рапопорт — Копелеву
21 сентября 2014 г. Венеция

Марик, дорогой, пока живы, но без надёжной связи. Сегодня перебралась из Хорватии в Венецию через Триест. Я от

бесконечного драйвинга совсем охренела, очень устала. Отсюда улетаем не на бывшую, а на теперешнюю нашу экономическую родину, то есть в Мормонию.

Вы там, на бывшей-то, поосторожнее, не джигитствуйте, очень прошу. Тимуру посоветуйте включить Солт Лэйк в маршрут будущих гастролей — вот бы вместе и прилетели! Дом большой, а сердце еще больше. Любви хватит на всех, включая моего любимого Мишку Маховича. Словом, счастливого пути. Буду считать дни до 2-го октября. При случае свистните!

Копелев — Рапопорт
21 сентября 2014 г. Englewood, NJ

Наташенька! Какая уже, на фиг, джигитовка! Долететь бы, да живым бы выбраться. Я же говорю — у Вас неправильное впечатление обо мне сложилось. Подводит, подводит меня «изобразительная сила таланта». Вы бы лучше сами были поаккуратнее. Какого черта вас носит по Европам.

Писать Вы можете и до 2-го октября. Я при планшете. И по возможности буду отвечать.

Рапопорт — Копелеву
23 сентября 2014 г. Солт Лэйк Сити

Марик, вот и кончились «Венецианские каникулы», и после 18-часового перелёта мы, наконец, опять дома. Провели два дня в Венеции, и, несмотря на Вайсберговский тотальный негативизм, я всё-таки ухитрилась глотнуть радости из этого источника, а уж сколько наснимала и навспоминала…

В Венеции был когда-то международный конгресс патологов, год я не помню, но можно восстановить — это был год Большого Наводнения. Папу мировая ассоциация патологов выбрала председателем этого конгресса, и мы уже знали, в какой гостинице он будет жить и какой там номер телефона, но… советская власть «не успела оформить ему паспорт». У неё, у бляди, были другие срочные дела. Так что председательствовал на конгрессе другой человек, но в середине стола президиума стояло пустое кресло с папиным именем и с красным флажком перед ним. Один итал-

янский коллега привёз потом папе фотографию, она есть где-то у нас в архиве.

И вот в 1989 году я оказалась в Венеции. Итальянский издатель Лука Джантили издал небольшую книжку: там под одной обложкой моя повесть из «Юности» и журнальный вариант папиной книги из «Дружбы народов» (то же самое сделали тогда же французы). Лука пригласил меня на book signing trip по городам Италии. Он вообще организовал всё с большой помпой: предисловие к книге написала Рита Мольтанчини, единственная на ту пору женщина — Нобелевский лауреат, биолог. Денег скупой Лука мне не отвалил ни копейки, но возможность поездить с ним по Италии была дороже всяких денег. А потом в виде гонорара он организовал мне поездку на два дня в Венецию, где у его приятеля была квартира в самом сердце средневекового венецианского муравейника, на улице, где, протянув из окна руку, можно было бы пожать руку, протянутую из окна дома напротив. Никогда не догадаетесь, чью руку я могла бы пожать, родись я на несколько веков раньше. На доме напротив висела табличка «Здесь жил Казанова»!!! Ума не приложу и совершенно не помню, как я в полной темноте нашла нужный мне дом в венецианском лабиринте. Я приехала в Венецию на поезде поздно вечером. Вышла из здания вокзала и оказалась на берегу Большого Канала с освещёнными дворцами. Невероятная красота ударила по неподготовленному глазу. Я остолбенела, потом заревела оттого, что мои родители этого в своей жизни не увидели. Отревевшись, отправилась искать дом напротив Казановы.

Я потом была в Венеции ещё несколько раз, с Володей и с Викой, но чудо первой встречи не повторилось. Но и не ушло — так и осталось со мной, не в памяти, а где-то в другой, вполне эфемерной точке. Я даже заподозрила, что у меня есть душа.

А что у вас?

Рапопорт — Копелеву
25 сентября 2014 г. Солт Лэйк Сити

Марик!!! Умоляю, три слова: долетел, всё ОК.

Копелев — Рапопорт
25 сентября 2014 г. Владивосток

Наташенька! Долетел, всё ОК, и даже уже выпил водки с друзьями. Но уровень компьютеризации здесь таков, что ни подключиться к WiFi, ни написать что-то толком не могу. Компьютер старый, кодировки иные. Так что письма отложим до возвращения в БША.

Сегодня прилетает Тимур с командой.

Копелев — Рапопорт
8 октября 2014 г. Englewood, NJ.

Здравствуйте, Наташечка. Хотел написать Вам небольшой компактный отчет о путешествии в город детства, но получилось, как всегда. Вирус графоманства во мне неистребим. Одно цепляется за другое, и вдруг из замышляемого короткого рассказа вырастает целая сага. Ну уж, потерпите, пожалуйста. Сдаётся мне, что получается занимательно.

Посылаю Вам первую часть.

Confession XVIII

«Вновь я посетил тот уголок земли…»

«Я вернулся в мой город, знакомый до слёз,
До прожилок, до детских припухших желёз…»

Эти две строчки плавали в памяти на протяжении всего нудного, потного, почти двадцатичасового перелёта из Нью-Йорка через Москву во Владивосток, куда я возвращался после пятидесятилетней разлуки. Только в них, только в этих двух строчках у Мандельштама плещется грустноватое чувство, называемое ностальгией. Дальше в стих Великого Осипа я старался не заглядывать, памятуя о трагическом предощущении *«вырванных с мясом звонков», «кандалов дверных цепочек», и «адресов, по которым найду мертвецов голоса…»*.

И до того, как я вылетел из Нью-Йорка, и много раньше, каждый раз вспоминая об этом городе на берегу Тихого океана, я думал, что, мол, неплохо было бы, перед тем как я уйду из этого мира, съездить туда. Пройтись по знакомым улицам, зайти

во двор дома, где прожил двадцать лет, заглянуть в школу, посетить места, где происходило моё *l'education sentimentale*...

Владимир Иванович Даль в своём «Словаре живого великорусского языка» называл «ностальгию» болезнью. Я копался в себе, пытаясь отыскать симптомы этого недуга... и не находил. Тоски по местам, где прошли детские и юношеские годы, не было. Не было сейчас, не бывало и прежде... Иногда, вдруг, случайно, в снах, выплывали картинки то двора, то лестницы в школе, по перилам которой было так здорово скатиться на заднице, то металлического забора, по которому было тоже здорово проехаться палкой и послушать мелодию, возникавшую при этом. Но даже светлой грусти, с которой мы обычно вспоминаем детские годы, не было. Не было и все тут. Поэтому желание посетить город *«знакомый до слез»* всегда существовало где-то на периферии сознания. Да и то в форме сослагательного наклонения.

И, тем не менее, я лечу. Зачем, почему? Для чего это мне понадобилось? Непонятно... Ну, Родина, родина... Конечно, родина. И что? У меня никогда не было пиетета перед этим высокопарным словом. Кто может мне объяснить, что это такое? Только не надо втирать, что это — «то берёзка, то рябина, то куст ракиты над рекой», что это «хорошие и верные товарищи, живущие в соседнем дворе...» Я помню этих «хороших товарищей» из соседнего двора и как они набрасывались на меня всей кодлой. Еще бы — это считалось у них так круто, набить морду «очкастому еврейчику». Не забыл я и одноклассника Вадьку Лавриновича, который выкрикнул в лицо, как плюнул: «Жидовская морда». Помню, как кинулся рвать обидчика, как молчал потом на педсовете, когда там пытались выяснить, из-за чего возникла драка... И Вадька молчал. Понимал, сукин сын, что пакость сделал... Интересно, что с ним сейчас... Да нет, пожалуй, и не интересно. Что он такое — этот Вадька? Так — зарубка на дереве памяти. Просто повторил то, что слышал дома.

Так что оставим в стороне разные романтические красивости и высокопарные рассуждения о родине. Строго говоря, Родина — это просто место, где ты появился на свет. Мог появиться в любом другом, но по воле случая это произошло именно здесь. И убей меня бог, чтобы я понимал, почему это слово пишется с большой буквы, и что мы подразумеваем, произнося это слово. Страну? Двор? Город? Район?.. И почему считается, что я должен любить этот самый город, эту самую страну и произно-

сить слово «Родина» с почтительным придыханием? Почему не любить это место считается большим грехом? Если ты родился в грязном, вонючем бараке, должен ли ты этот барак любить?

И вот звонок Тимура по скайпу:

— Маркуша! Ты не мог бы послать несколько моих фотографий Андрею Островскому во Владивосток.

Я насторожился. Во-первых, Владивосток, во-вторых, знакомая фамилия Островский. В те далекие годы, когда я учился в школе и, в силу нечеловеческого таланта, был приглашён в передачу «Пионерская зорька», где звонким голосом выкрикивал всякие идиотские речёвки, и потом, когда играл в Студенческом театре миниатюр, и нас активно приглашали на телевидение, я знавал очень крепкого редактора литдрамы Владивостокского телевидения Галину Островскую. Мы даже были дружны, несмотря на то, что она была лет на 7–8 старше меня, а в те поры казалось, что это очень много. Подумалось, что этот Андрей, возможно, имеет какое-то отношение к Гале.

— А зачем ему?

— Понимаешь, они отмечают пятилетний юбилей Владивостокского отделения «Новой газеты» и приглашают выступить меня и Диму Быкова. Платить они конечно не могут, сам понимаешь — «Новая Газета», но лично я согласился выступить для них и бесплатно. Ребят надо поддержать.

— А кто такой этот Андрей?

— Главный редактор Владивостокской «Новой». Слушай! — вдруг вспомнил Тимур, — Ты же ведь из Владивостока! Поехали вместе. Посетишь родные пенаты.

Звучало довольно соблазнительно, но как всегда в таких случаях, всплывали всякие привходящие обстоятельства, какие-то дела, какие-то планы, какие-то соображения типа, мол, силы уже не те — почти двадцать часов в воздухе, спать в самолёте я не умею, давление скачет, в сортир приходится бегать каждые пятнадцать минут, сахар высокий, и бла-бла-бла-бла-бла-бла... Ну и, конечно, финансовая составляющая — всё-таки перелёт Нью-Йорк — Владивосток — удовольствие не из дешёвых.

И вдруг любимая жена Люда, присутствовавшая при этом разговоре, стала меня уговаривать:

— Да, лети, лети. Когда ты еще соберёшься? Ты же понимаешь, дальше будет еще труднее. Ты должен туда поехать. Это твоё детство! Хоть свою депрессуху развеешь. Ты же хочешь.

— С чего это ты решила?

— Знаю!

Ну, да, конечно! Если жена говорит «знаю» — значит, так оно и есть. Сразу вспомнился анекдот: «Продам 120 томов Британской Энциклопедии, поскольку я женился, и у меня теперь есть жена, которая знает всё».

— А гаттерсы?

— Плюнь! После сделаешь.

— А деньги?

— Найдутся! Как приходят — так и уходят.

И вот я лечу, и в перерывах между аэрофлотовской курицей и стояниями в очереди в туалет пытаюсь разобраться — зачем я туда вообще поперся, чего хочу, на что надеюсь, но не нахожу ответа, и Мандельштамовскими строчками пытаюсь разбудить положенное в подобной ситуации ностальгическое чувство.

Встречал меня друг детства Витя Эйделькинд. Собственно, раньше мы особо близкими друзьями не были: слишком разные у нас были интересы. Он занимался настольным теннисом, достиг на этом поприще высоких результатов, был чемпионом Приморского края и даже, кажется, Сибири и Дальнего востока. Я же всегда тяготел к искусству. Но наши родители были очень близкими друзьями. Их дружба еще из Ленинграда. Отец Витьки, дядя Лева, учился в одном классе с папиной младшей сестрой тётей Лизой. Все праздники — новые года, седьмые ноября, восьмые марта и дни рождения они отмечали вместе. А стало быть, и мы с Витькой при сём присутствовали. Потом я уехал из Владивостока, поступил в Ленинградский театральный институт и наши контакты прервались почти на полвека. Правда, когда работал в Чите, я однажды прилетал во Владивосток на неделю для съёмки эпизода какого-то фильма, мы встречались, но контакты эти были мимолётны и невнятны. Год назад он нашёл меня через интернет, завязалась переписка, и неожиданно выяснилось, что у нас масса точек соприкосновения, что мы читали одни и те же книги, одинаково смотрим на события, происходящие в России и в мире, и вообще у нас много общих интересов. И когда я решил посетить родные палестины, он, конечно, предложил остановиться у него.

Из аэропорта нас вёз какой-то Витькин приятель Толя, человек лет ста пятидесяти, со зрением, кажется, минус восемь, во всяком случае, так мне показалось, когда я смотрел на его очки.

За недолгую дорогу от аэропорта до дома мы раза три чуть не вляпались в зад впереди идущих транспортных средств, плюс к нам в бок чуть не въехал какой-то звероподобный джип, увешанный невероятным количеством фар, прожекторов и разнообразных автомобильных прибамбасов. Возможно, полуслепой Толя ни в чем не виноват — просто движение в городе сумасшедшее, и почти все автомобили с правосторонним рулём. До меня сразу с гордостью донесли информацию, что по количеству машин город Владивосток занимает то ли второе, то ли третье место в России. Я бы на их месте сильно гордиться этим не стал: в городе, расположенном на сопках, с узкими улицами, с домами, прилепленными к подпорным стенам — это просто безумие.

По прибытии на место, я опять чуть не угодил под машину. Поскольку руль автомобиля справа, то выходить с пассажирского места приходится на проезжую часть, по которой, нарушая все мыслимые правила и скоростные ограничения, с рёвом несутся японские монстры, управляемые лихими водителями. Японская автомобильная технологическая мощь, помноженная на Российское разухабистое водительское распиздяйство, создаёт гремучую смесь, готовую взорваться дорожным катаклизмом. Аборигены это хорошо понимают и переходят улицу только на перекрёстках и только на зелёный свет. Каждый светофор снабжён пикающим таймером, отсчитывающим секунды, чтобы успеть выпрыгнуть из под колёс рванувшего с перекрёстка автомобиля. Нам, американцам, привыкшим к приоритету пешехода, это уже кажется странным.

Когда мы зашли в знакомый с детства подъезд, меня ждал неприятный сюрприз — квартира была на последнем пятом этаже (а я это уже забыл). Лифт за пятьдесят лет так и не построили, и я поднимался по лестнице, зависая и отдыхая на каждом лестничном марше (дом старый, пролёты высокие). Я смотрел на немытые пятьдесят лет окна, на *«вырванные с мясом звонки»,* на взломанные почтовые ящики, на металлические консервные банки, доверху набитые вонючими окурками (дома, видать, курить не разрешают, выгоняют на лестницу, вследствие чего в подъезде висит густой запах прогорклого застарелого табачного пепла и кошачьей мочи), на распотрошённые электрические щиты, из которых щупальцами спрутов вылезали переплетения проводов, и говорил себе: *«Ну вот — это твоя родина, сынок. А ты что хотел увидеть?»*

Витька живёт один. Жена лет пятнадцать-двадцать назад умерла от инфаркта, не смогла адаптироваться к изменениям, навалившимся после Перестройки, старший сын перебрался в Питер, откуда периодически звонит — клянчит у папы деньги, младшая дочь живёт отдельно с бой-френдом совсем недалеко, две небольших автобусных остановки, но посещает отца, видимо, не часто. Я ее видел за десять дней всего один раз. И то пришла она, как мне кажется, только для того, чтобы познакомиться со мной — папа попросил. Единственный близкий человек — кот Семён.

Мы с Витькой (тоже мне «Витька» — 69 лет мальчику) уговорили бутылку водки, поели супу, специально приготовленному им к моему приезду, повспоминали прошлое, и я отправился отсыпаться после многочасовых перелётов.

На следующий день Витя, не привыкший к таким возлияниям, едва встал и отправился на работу, а я решил погулять, посетить места «былых сражений». День выдался солнечный, тёплый, безветренный. Сентябрь в Приморье вообще один из лучших месяцев. Воздух напоен влагой, запахом соли и водорослей. Я шёл по центральной улице, которая в моё время называлась Ленинская, а ныне носит название Светланская. История сделала круг — до того, как она стала Ленинской, она тоже была Светланской и существовала под этим именем со времён образования Владивостока. Но на некоторых домах наряду с новым-старым названием висят намертво впаянные таблички с именем картавого мерзавца. Видимо, отодрать их не было никакой возможности, большевики думали, что они пришли к власти навсегда, и это проклятое имя проступает сквозь попытки избавиться от прошлого.

А вот и мой дом. Ленинская 85. Ну же, сердце, сожмись, забейся чаще, откликнись на встречу после полувековой разлуки!.. Не сжимается, не бьётся, не откликается. То ли всё врут про ностальгию, то ли я такой чёрствый и циничный.

Захожу во двор. Здесь мы играли в лапту. И хотя игра эта существовала задолго до открытия Америки (упоминания о лапте, как утверждает Википедия, встречаются аж в новгородских рукописях XIV века), сегодня она видится именно, как пародия на американский бейсбол. Нынешнее поколение в лапту уже не играет, но бейсбольные биты продаются в каждом спортив-

ном магазине и пользуются неослабевающим спросом — большинство водителей возят их в машинах, и отнюдь не в качестве спортивного инвентаря. На сегодняшний день бейсбольная бита в драках российских водителей, случающихся с удручающей частотой, заменила традиционную российскую монтировку. Драки, так сказать, цивилизовались. Но это к слову.

«Когда деревья были большими», казалось, что и двор огромный. Требовалось время, чтобы пробежать из конца в конец от линии удара-«пригорода» до конечной «станции». Впрочем, она тоже тогда «станцией» не называлась. Называлась просто «задняя линия» или «кон». Сегодня по этому двору без угрозы сломать ноги не побегаешь — асфальт выщерблен, как после бомбёжки, а сам двор забит продукцией японского автомобилестроения.

Наш дом стоял буквой «П», прилепившись флангами к склону сопки, которую мы называли «горкой». На горку вела широкая, метров десять в ширину, лестница. Зачем нужно было создавать такое грандиозное сооружение, я сказать затрудняюсь. Добро бы там наверху было какое-то полезное сооружение или она соединяла бы улицы, проходившие еще выше. Но нет. Наверху, на «горке», было пустое пространство шириной во весь двор, на котором вначале, когда мне было лет 5–7, сушили бе-

лье, а потом, когда я уже был постарше, застроили сараями, в которых хранился уголь, картошка, всякая ненужная рухлядь, и где назначались свидания младших и средних школьников, живущих в нашем дворе.

Мда... Назначались свидания... Что-то похожее на грустную улыбку шевельнулось внутри. Вдруг всплыло воспоминание... Пожалуй, что и ностальгическое...

Я вспомнил одну из своих первых школьных влюблённостей. Было это в классе третьем-четвёртом. В нашем доме, в пятом угловом подъезде жила беленькая девочка Алла, с которой мы учились в одном классе. Алла Журавкова. Вот к ней я и проникся нежными чувствами. Что делать с этими чувствами я, признаться, не знал, но понимал, что делать что-то надо. А еще в нашем дворе в третьем подъезде жила вертлявая чёрненькая девочка, подруга Алки Галка Алтунина. Вот с ней я и решил посоветоваться, что же делать дальше с моей любовью.

— Как что! — сказала Галка. — Ты должен назначить ей свидание.

— А как? — спросил я.

— Как, как. Скажи, где ты хочешь с ней встретиться. Я передам.

— А что с ней встречаться, — сказал я. — Я её и так каждый день вижу в школе. Она впереди меня сидит.

— Дурак ты, Марик, — сказала Галка. — В школе ты её видишь просто так. А надо встретиться на свидании. Это совсем другое.

В чем разница, я как-то не уразумел, но Галка говорила таким авторитетным тоном, что я решил послушаться.

— Ну, ладно... А где?

— Где, где. Там, где все назначают.

— А где все назначают?

Галка посмотрела на меня, как на дебила.

— Ты что, правда не знаешь?

— Нет.

— Да, — сказала Галка, — тяжёлый случай! На горке все назначают, на горке.

Для меня, честно говоря, это было открытием. Мало того, что ВСЕ назначают, а я-то считал, что моё чувство исключительное, индивидуальное и неповторимое, так еще, оказывается, у этих ВСЕХ для этого есть специальное место.

— Ну, ладно, — сказал я, — пусть будет на горке.

— Когда? — требовательно спросила Галка.

— Ну, не знаю... Может завтра. Часов в семь. Вечера конечно.

— Да уж понятно, что не утра.

— Ты только это... — промямлил я, — ты тоже будь.

— Да, уж, конечно, — фыркнула Галка.

На следующий день в школе вся учёба пошла псу под хвост. Я смотрел на Алкину спину, на ее беленькие две косички с бантиками, и пытался представить, как я ей откроюсь в своём трепетном чувстве. И что-то ничего путного мне как-то не представлялось.

— Копелев, ау... — сказала учительница. — Ты о чем думаешь? Марш к доске.

Я пошёл к доске, получил свою законную двойку и вернулся на место. Алка и Галка при этом многозначительно переглядывались и хихикали.

С трудом я дождался вечера. Маме про двойку ничего не сказал: она бы меня просто не выпустила на улицу. Первое в жизни свидание оказалось бы под угрозой. И хотя в детстве я никогда не врал (это пришло несколько позже), я решил про двойку ничего пока не говорить. Благо никто меня и не спросил. В полседьмого я уже торчал на горке, на крыше сарая. Появилась Галка.

— Алла сейчас придёт, — торжественно объявила она.

— Галка, — спросил я. — А я что должен делать?

Галка завела глаза, покачала головой, вот, мол, дебил, и сказала:

– Она сейчас придёт, ты возьмёшь ее за руку и скажешь: «Алла! Я тебя люблю». Понятно?

— Понятно... — неуверенно сказал я.

Появилась Алка. Мы стояли и смотрели друг на друга.

— Ну! — требовательно сказала Галка.

Я взял Алку за руку. Сердце моё бешено стучало и, казалось, сейчас выскочит из груди.

— Ну... — повторила Галка.

— Алла, — сказал я. — Я... это... Я тебя — нужное слово никак не выскакивало. — Я это...ну... Я тебя люблю.

Галка облегчённо вздохнула.

— А теперь ты, — обратилась она к Алке.

— Я тебя тоже люблю, Марик, — сказала Алка и потупилась.

— А теперь вы должны поцеловаться, — сказала Галка.

Честно признаюсь, что никогда до этого женщин я не целовал. В четыре года я, правда, поцеловал ручку девочке Раечке, но это был мимолётный эпизод на моем тернистом сексуальном пути, и особенно серьёзного опыта обращения с женщинами он мне не принёс.

— А как? — спросил я.

— Как, как, — сказала Галка. — А вот так!

И она поцеловала меня в щеку. Это было приятно.

— Понятно, — сказал я и поцеловал Алку в ухо. Алка вздрогнула и подняла на меня сияющие глаза.

— Теперь ты, — потребовала Галка у Алки.

Алка как-то так, по-хозяйски, сгребла меня в охапку и тоже поцеловала где-то между губой и щекой. Это было еще приятнее.

— Ну вот, — удовлетворённо сказала Галка. — Теперь вы любовники...

Что происходило после этого, как-то не вспоминается. Да оно и не важно — что там могло происходить между девяти-десятилетними «любовниками». Мы, кажется, даже и не поцеловались больше ни разу...

Это воспоминание нахлынуло на меня тёплой волной, когда я смотрел на полуразрушенную лестницу. Ступеньки выщербились, заросли травой. Я поднялся по ней на горку. Сараев, на которых я объяснялся в любви Алке и где получил свой первый поцелуй, уже не было. На их месте разместилась детская площадка. Тоже, впрочем, уже полуразрушенная. Не исключаю, что новые поколения юных жильцов этого дома назначают теперь свидания на этой площадке и получают там свои первые робкие поцелуи. Какая, в конце концов, разница, где их получать — на детской площадке или на крыше сарая. Главное, чтобы были...

Я спустился по лестнице во двор. Раньше по обеим сторонам этой лестницы тоже стояли сараюшки, в том числе и наша. Стояли они и сейчас, но были развалены и порушены. На том месте, где была наша, зияло пустое место, заваленное прогнившими досками. Опять наплыло воспоминание, связанное с этими сараями. Даже два.

Первое:

Мне пять-шесть лет, я стою на крыше этого сарая и к вящему восторгу всего двора писаю вниз на голову Сашке Беккеру. По-

чему, отчего мне пришла в голову такая замечательная идея — не знаю, не помню. Но помню очень хорошо, что Сашка со своим старшим братом (они, кажется, были погодками), тут же изловили меня и стали колотить. Я побежал было жаловаться маме, но мама, наблюдавшая всю эту картину маслом из окна, уже выбежала на улицу, отобрала меня у кровожадных братьев Беккеров, и на глазах всего двора всыпала мне по заднице так, что я, наверное, предпочёл бы все-таки остаться в жестоких лапах братьев. Там хоть можно было защищаться...

И воспоминание второе:

Мне лет семь-восемь. Суббота. Сентябрь. Мы купили новый холодильник. Холодильники тогда поставлялись не в картонных упаковках, как сейчас, а в добротных, сколоченных из досок ящиках, обитых поверху металлической лентой. Ленту с трудом отдирали плоскогубцами, и ящик открывался четырьмя лепестками, где, как Дюймовочка в цветке, сиял новый «ЗИЛ». «Дюймовочку» со всей осторожностью водворили на кухню, упаковка была снесена в сарай, где сбоку был отгорожен угол для картошки, а по центру была насыпана большая куча угля. Газовых плит тогда не было, и готовка происходила на печках. Поэтому у всех хранились запасы угля. Я помог папе стащить эти деревянные «лепестки» в сарай.

— Сложи их вон там, — сказал папа, — а я пока пойду разберусь с холодильником.

Я стал складывать щиты в угол сарая, и тут меня посетила прекрасная мысль, что хорошо бы из этих щитов сделать что-то полезное. Сказано — сделано. Дистанция между замыслом и воплощением у меня всегда была невелика. Я нашёл здесь же в сарае бельевую верёвку, прикрепил ее к потолку, а в образовавшиеся петли засунул одну из стенок ящика. Получились чудесные подвесные полати, плавно покачивающиеся над угольной кучей. Я лежал на них и смотрел на тонкие лучики, пробивавшиеся сквозь дырки в крыше. В лучиках весело плясали угольные пылинки, и казалось, можно вечно лежать вот так, наблюдая этот причудливый танец. «А хорошо бы здесь заночевать?..» — подумал я. Поразмыслив, я пришёл к выводу, что, да — это было бы просто здорово. Правда, мешали два обстоятельства. Во-первых, родители вряд ли разрешили бы мне остаться здесь на ночь. Во-вторых, спать на голых досках было жёстко и неудобно. Со вторым ещё можно было бы как-то спра-

виться, взяв из дома подстилку и одеяло, но первое казалось неодолимым.

Тем не менее, попробовать стоило. За ужином я как бы между прочим изложил эту идею родителям.

— Еще чего! — сказал папа. — Только этого не хватало.

— Ну, пап... — начал канючить я.

— Нет, — твёрдо сказал отец.

— Ну, пап...

— А что? — вдруг сказала мама. — Пусть. Пусть попробует.

— Ты соображаешь, что говоришь? — напустился на маму папа. — Ночью один в сарае...

— Ничего, ничего, — сказала мама. — Он уже взрослый. Пусть попробует.

Папа пожал плечами.

Такая лёгкая победа меня слегка озадачила и заставила задуматься, а так ли уж сильно мне хочется осуществлять свой романтический план. Но отступать было поздно. Мама собрала подушку, одеяло, увязала все это в узелок.

— Фонарик возьми, — сказал папа, чему-то улыбаясь.

Мама протянула мне узелок:

— Иди, сынок, — сказала она. — Иди.

И я пошёл. Вышел, так сказать, в ночь. Постелил одеяло на доски, под голову засунул подушку. Мягче от этого, прямо скажем, не стало. Кроме того, надо же было и чем-то укрываться. Днём то было хорошо — сентябрь в Приморье месяц довольно тёплый, но к вечеру всегда начинает холодать, и иногда довольно сильно. Батарейка в фонарике быстро села, и стало совсем темно. Я лежал, мёрз, и прислушивался к звукам ночи. Такой привычный, знакомый до мелочей двор вдруг сделался чужим и враждебным. Что-то где-то шелестело, что-то поскрипывало, что-то скреблось. Мне вдруг вспомнились рассказы ребят про огромных крыс, которые якобы водились в подвалах под нашим домом, про бандитов, которые ходили ночью по дворам, сшибали замки и грабили сараи. Я вспомнил Жорку Проскурина из углового подъезда, который жил под Алкой Журавковой на третьем этаже в 34-й квартире. Он, как говорила мама, связался с ворами, и они его вроде бы убили за то, что он «ссучился». Что означает слово «ссучился» я тогда не знал, но то, что его убили, вполне могло быть правдой. Я сам однажды видел, как здоровые страшные парни, матерясь, гнались за ним по двору

с ножами. Жорка заскочил в свой угловой подъезд, и один из этих парней метнул ему вслед финку, которая со звоном воткнулась в дверь и закачалась... Эта финка и раньше являлась мне в сновидениях, а теперь представилась во всех подробностях так ясно, что я чуть не закричал. Я уже было собрался бежать домой, но представил насмешливые лица мамы и папы... Нет! Это было бы невыносимо. Возвращаться было нельзя. Лучше было умереть. Я лежал на этих проклятых полатях и дрожал от холода и страха.

Потихоньку я стал задрёмывать, но тут верёвка в изголовье вдруг лопнула, я скатился по доскам, порвал штаны, зацепившись за остаток металлической ленты, и со всего маха проехал мордой по угольной куче. Было больно, обидно, и я заплакал, размазывая слезы и угольную грязь по щекам. Ремонтировать ночью в темноте мою лежанку было невозможно, и я поперся домой.

Можно себе представить, сколько веселья доставил я моим родителям, которые, конечно же, не спали в ожидании моего предсказуемого возвращения, когда я предстал перед ними синий, дрожащий от холода, весь в соплях, с чёрной от угля рожей и в драных штанах.

Да, мудра была моя мама, мудра. Я навсегда излечился от этой дурацкой туристской романтики... Всё это я вспомнил, глядя на пустое место, называвшееся когда-то «сараем», теперь заваленное полусгнившими досками. Понятно, что в голову лезли всякие философские мысли типа, что «все проходит», и «всё суета сует».

Я посмотрел на наши окна, выходящие во двор. Они были открыты. За новыми стеклопакетами под лёгким сентябрьским ветерком колыхались тюлевые занавески. Там шла какая-то своя неведомая чужая жизнь. «Сколько же жильцов сменилось за этими окнами за 50 лет», — мелькнула мысль. Я хотел было подняться в свою квартиру на третьем этаже, но вход в подъезд перекрывала мощная металлическая дверь с кодовым цифровым замком и с домофоном. Примета нового времени. Звонить в квартиру я не стал — слишком трудно было бы объяснить хрипящему домофону, чего ты хочешь. Да и поймут ли. Тяжёлые двери теперь не только на подъездах.

Обуреваемый этими невесёлыми мыслями, я вернулся на Светланскую и прошёл вдоль дома, чтобы взглянуть на наши окна, выходящие на другую сторону. В годы моего детства они

смотрели на «уголяху». Что такое «уголяха»? Ну да, да, конечно, термин этот требует разъяснения. «Уголяхой» называлась большая площадка под нашими окнами, размером метров тридцать на пятьдесят, на которой летом можно было играть в футбол, а с октября на неё начинали завозить самосвалами уголь. Отопление было водяное, и чтобы зимой протопить такой большой дом, требовалось огромное количество угля. Котельная была под нашим крылом, а в аккурат под окном моей комнаты был бункер, к которому с этой самой «уголяхи» вёл большой, обитый листовым железом, жёлоб. По этому жёлобу уголь подавался в подвал в котельную. Можно представить, сколько надо было привезти угля, чтобы создать запас на всю зиму. Слой порой достигал двух-трёх метров по всей площади этого футбольного поля, и несчастные истопники в течении всей зимы ломами скалывали пласты угля, наваливали его в тачки и возили к нашему окну, чтобы с грохотом и матюгами ссыпать в бункер. На наших подоконниках, несмотря на все усилия мамы, всегда лежал толстый слой угольной пыли, а по ночам мы с сестрицей просыпались от дикого грохота и скрежета угля по железу. Потом к дому подвели теплоцентраль, котельную закрыли, она превратилась в бомжатник, а на «уголяхе» начали строить очень современный по тем временам магазин «Океан». Железо, бетон, стекло. Я этот архитектурный шедевр не застал, потому как к этому времени уже выпорхнул из родного гнезда в большой мир.

Прошло почти пол века. Сейчас этот «Океан» зияет выбитыми стёклами, сколотым бетоном и ржавыми панелями. На месте проклятого бункера расположился вход в фото-багетную мастерскую, а над ним на первом этаже в комнате, где мы жили до того, как переехали на третий этаж, пробита дверь, и за ней уютно расположился районный крючкотвор-нотариус. А «уголяха»... «Уголяха» существует только в моей памяти.

На этом первую часть саги под условным названием: «Вновь я посетил тот уголок земли...», заканчиваю. Что-то я опять широко размахнулся. А ведь еще и «жизнеописание-то» не закончено. Впрочем, можно считать, что эти мои путевые заметки есть часть эпического полотна «Жизнь Марка Копелева». Кому только кроме Вас и меня это полотно интересно... Хотя уже немало.

Обнимаю. Всегда Ваш.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
9 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик, дорогой, всё открыла, всем насладилась и даже, не побоюсь этого слова, упилась. Отдельное спасибо, что не угодили под японский автомобиль с правым рулём и не полезли по старой памяти на сарай за какой-нибудь нимфеткой.

Марик, очень, очень, очень хорошо написано! Это ведь тоже органичная часть «Жития», и места ей специального искать не надо — она в любом месте к месту.

Как алаверды, расскажу вам два эпизода, один из собственной биографии, другой из Викиной. Впервые в жизни я поцеловалась лет в двадцать (!) со своим будущим бывшим мужем. Дело было на Ленинских (теперь опять Воробьёвых) горах, рядом с Университетом, была жара — наверное конец мая или начало июня. Коля Молодцов был чародей химической лаборатории, он помог мне с каким-то жутким органическим синтезом, потом мы катались на лодке по Москве-реке, потом целовались. Он, между прочим, тоже впервые. Целовались мы вполне невинно, но страстно. Потом отправились по домам. Я ехала в метро, и на меня как-то странно смотрели люди. Я думала — у меня на лице написано, что я впервые в жизни целовалась. Оказалось, написано было не на лице. Я вошла в квартиру, мама вышла ко мне и ужаснулась: «Ой! Что это

с тобой?!». На мамин возглас вышел папа и мгновенно вник в ситуацию: «Посмотри-ка в зеркало!». Зеркало у нас висело в коридоре над столом. Я взглянула, поняла, на что с таким интересом смотрели люди в метро, и ляпнула первое, что пришло в голову: «Я упала на сучок!». Папа ответил: «Вижу. Как зовут твоего сучка?»

Второй эпизод тоже связан с папой. Может, я его даже где-то описывала, потому что очень его люблю, тогда пардон. Вике тогда было годика два с половиной. Но сначала немного предыстории. В том же роддоме, где рожала я, через три дня после Вики родился мальчик Толик. Он жил в нашем доме и даже в нашем подъезде — это зимой, а летом — на даче, наискосок от нашей. Они с Викой копались в одной песочнице и корешились, хоть она и была на три дня старше. Летом Толик приходил к нам каждый день, они то играли, то дрались. Однажды, когда Вика была у Толика, её чуть не до смерти искусала соседская собака — московская сторожевая, огромного размера шизофреничка. Перепрыгнула через Толиков забор и набросилась на Вику. Чудом не перекусила ей сонную артерию. Я была в это время на работе, мама моя с Викой на руках бежала к электричке, отвезла её в ближайший госпиталь, там ввели противостолбнячную сыворотку, и она чуть не умерла от анафилактического шока. Та ещё была история. Вика потом долго болела и лежала в саду на раскладушке. Пришёл Толик её навестить, торжественный, с цветами (!). Сказал какую-то заготовленную его мамой прочувственную речь. Я хотела его чем-то угостить, но он отказался, потому что у него было «плохое настроение желудка». Я не сразу врубилась, что это расстройство. К делу это не относится, просто «плохое настроение желудка» вошло в наши анналы.

Толик присел к Вике на раскладушку, они начали во что-то играть и моментально поссорилась. Этот джентльмен, который только что торжественно преподносил цветы и желал скорейшего выздоровления, вскочил и заорал: «Ну и болей себе на здоровье! Может, умрёшь!» — и бегом покинул раненного товарища на поле боя. Но это было позже, может, через год или два после эпизода, до которого я никак не доберусь.

Вот он. Вике годика два с половиной. Она гуляет с няней, каждый вечер они встречают меня у платформы. Я, как всегда, спрашиваю, как прошёл день. Вика сообщает, что день

прошёл плодотворно, играла с Толиком, показывали друг другу попки.

Я: «Что?! Что показывали?!»

Вика: «Попки».

Я: «Зачем?!»

Вика: «Толик попросил».

Я помчалась к папе: «Пап, Вика играла с Толиком, они показывали друг другу попки! Ты что, не видел?!». Папа отнёсся к ситуации со всей серьёзностью. Позвал Вику и минут пятнадцать читал ей лекцию о девичьей гордости. Вика внимательно слушала. Папа спросил: «Ты поняла?». Вика сказала: «Поняла». И ушла одна, задумчивая, гулять среди клубники. Гуляла минут пятнадцать, потом вернулась к деду: «Дедушка! А если он меня опять попросит?». Папа всплеснул руками: «Девочке ещё нет трёх лет, а она уже не может сказать нет!».

С тех пор прошло несколько десятилетий. Вика научилась говорить «НЕТ» и употребляет это слово слишком твёрдо и решительно, никого не впуская в свою жизнь. Нас с Вайсбергом это, конечно, огорчает. Жизнь Толика, к несчастью, оборвалась трагически: он попал в автомобильную катастрофу.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
9 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик. Очень мне нравится ваша мама. Я что-то не помню, чтобы вы писали о ваших встречах с родителями после пубертации. Где они жили, как реагировали на ваши эскапады, когда и как ушли.

Продолжение Владивостока? Я девушка нервная, но терпеливо жду, заметьте себе, даже не матерюсь! Обнимаю!

Копелев — Рапопорт
9 октября 2014 г. Englewood, NJ.

Наташа! Вы слишком хорошо обо мне думаете. Последнее письмо, как показывает компьютер, было 16 часов назад. Я же все-таки не машина по выпеканию шедевров. Будет, будет продолжение Владивостока. Но ведь его еще надо написать. А пишется не всегда. Я вообще пишу долго и трудно. А тут еще дела по дому какие-то навалились. Я и так с этим Владиво-

стокским отчётом все забросил. Удивляюсь терпению Людки. И торчу-то я в Инглвуде, вместо того, чтобы наслаждаться одиночеством во Флориде, только потому, что гаттерсы надо чистить, белок из аттика изгонять, на бэк-ярде последствия урагана Сэнди ликвидировать — уже два года все завалено, того и гляди на голову внукам рухнет, машину в день отлёта во Владивосток я разгрохал — надо чинить, по врачам ходить надо, ибо во Флориде я этого делать практически не могу из-за отсутствия русскоязычных докторов, и т.д, и т.п.

Так что, девушка, не нервничайте, а ждите терпеливо, когда муза осенит меня своим крылом. Как нам объяснял Георгий Александрович Товстоногов, говоря о воплощении художественного замысла: «Не надо тянуть растение из земли — оно должно само вырасти».

А насчёт мамы и вообще родителей — это хорошая мысль. Надо будет написать. О папе я достаточно подробно рассказал в предыдущих письмах, а вот о маме надо поподробнее. Напишу.

Всегда Ваш.

Копелев — Рапопорт
9 октября 2014 г. Englewood, NJ.

Вот сглазил! Сказал про терпение Людки и тут же получил пропиздон — то не сделано, сё не сделано, тут разваливается, там течет, тут, ей кажется, колесо спустило, там что-то стучит, пищит, кашляет, свистит… Да, надо быть осторожнее в похвалах жене.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
9 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

Во избежание будущих эксцессов, все похвальные слова в адрес Люды возвращаю вам назад неиспользованными, like new.

По врачам — это обязательно. Кстати, что такое гаттерсы — забыла спросить в прошлом письме. Вы тоже слишком хорошо обо мне думаете.

Копелев — Рапопорт
9 октября 2014 г. Englewood, NJ.

Гаттерсы (gutters), мать их в тридевятое колено — это водостоки, которые имеют обыкновение засоряться листьями, особенно осенью, и вода хлещет не через трубы, а через верх водосточных желобов. Чтобы этого не было, надо их перед осенью прочистить и закрыть специальными защитными сетками.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
9 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик. Исключительно, чтобы вам было легче жить. Вайсберг сегодня с утра пораньше решил починить слегка заедавший замочек балконной сетки. Но вместо замочка сетки случайно вынул и разобрал на части замок основной балконной двери. Зачем он это сделал, объяснить не может. Сейчас по горному времени 8:20 пи эм. Замок он ещё не собрал, хотя просидел часов 12 перед дверью, в жару и на солнцепёке, не поднимаясь даже пописать, не говоря об обеде или ужине. В балконной двери зияет дыра от бывшего там когда-то молодого и здорового замка, удалённого по ошибке без какой-либо видимой причины. Я говорю Вайсбергу: «Хорошо, что ты не зубной врач». И, заметьте себе, не ругаю. Люблю и такого. Я очень добрая.

Копелев — Рапопорт
9 октября 2014 г. Englewood, NJ.

Ну, ещё бы! Конечно, добрая. «Хорошо, что ты не зубной врач»,— это, естественно, из разряда похвалы.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
9 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

Отправила вам наши красоты. Чтобы сбить спесь.

Копелев — Рапопорт
9 октября 2014 г. Englewood, NJ.

Не понял. Причём здесь спесь? «Шо имеется в виду?»

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
10 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

Здесь аллюзия на губермановскую байку про подаренный ему моржовый хер, который он хотел повесить над кроватью, а Тата воспротивилась: сказала, что у него может развиться комплекс неполноценности. Растение на слайде (не знаю ему имени) показалось мне очень гордым и способным вызвать симметричный эффект.

Копелев — Рапопорт
9 октября 2014 г. Englewood, NJ.

Наташенька! Ну, и ассоциации у Вас! Фрейд отдыхает. Или наоборот — Фрейд в действии. Напоминает известный анекдот — «О чем вы думаете, глядя на кирпичи?»

А я ко всем делам еще и заболел. Какой-то мерзкий грипп тут гуляет. Лежу весь в соплях с температурой.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
10 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

О, чёрт! А я как раз собиралась спросить, удалось ли вам сыграть ноктюрн на гаттерсах…

А у нас есть предмет для радости и гордости: Вайсберг, наконец, исхитрился собрать обратно и вернуть в родное гнездо замок (!!!), а я — обрезать, подкормить и прополоть розы (!). Поскольку я делала это впервые в жизни, эксперимент считаю успешным, только разогнуться не могу…

Марик, поразившую вас дрянь я называю «Дельтовский вирус». Я почти всегда заболеваю через несколько дней после длительного полёта. Известно, что по кондиционерной сети самолётов в любое время года гуляют вирусы, от которых невозможно избавиться. Меня научили перед полётом и во время полёта схавать несколько таблеток «AirBorn» или что-то в этом духе (я потом посмотрю, осталась ли у меня баночка с названием, но её знают в любом Walgreen'e), там смесь, поддерживающая иммунную систему, и правда — я уже два раза вернулась из Москвы без гриппа. Вам сейчас надо аскорбинку по грамму утром и вечером, и смотрите, чтобы вас не загребли, как разносчика Эболы… В этой стране мало кто знает, что Владивосток не в Западной Африке, да и «что за страна» Западная Африка тоже мало кто знает, включая бывшую претендентку на американский вице-престол.

Я вас обнимаю через марлевую маску. Выздоравливайте нам с Людой на радость! Вы показали ей фотографии моих индейских цацек? Что она сказала (неформальную лексику можете не опускать, мы слава Б-гу не в России).

Ваша как всегда и даже ещё сильней, Наташа.

Копелев — Рапопорт
10 октября 2014 г. Englewood, NJ.

Нет, Наташенька, это не «дельтовский вирус». Это родной, местный. Я, когда вернулся, вся семья, кроме Люды, уже переболела, а потом и Людка слегла. Неделю не ходила на работу, чего почти никогда не бывает. Герой капиталистического труда, блин. Ну, вот теперь и я…

Поздравляю Вайсберга с завершением замковых работ (замко́вых, а не за́мковых), а Вас с приобретённым опытом по обрезанию. Видимо, Вы подошли к этому делу со всей ответственностью, раз разогнуться не можете.

Люде украшения очень понравились. Она искренне восхитилась, а потом со вздохом сказала: «Жаль, что я украшения

не ношу». Что чистая правда — не носит. Такой бриллиант украшать не надо. Достаточно такой оправы, как ейный муж.

Ваш вдрызг больной дружок.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
12 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

Ау! Как там сопли? И кстати, из кого состоит семья в Инглвуде? Я что-то запуталась в вашем генеалогическом древе…

Кстати, о генеалогическом древе. Я когда-то очень радовалась своей доброй шутке про одну противную тётку, внешне похожую на Анну Ахматову: я сказала, что она выглядит так, словно упала с очень высокого генеалогического дерева. Ей донесли, тётка обиделась, и я имела много неприятностей, потому что тётка обладала реальной властью.

Так я про сопли. Уходят?

Копелев — Рапопорт
12 октября 2014 г. Englewood, NJ.

Думать надо, что говорите!

О соплях. Нет, к сожалению, не уходят. Только хуже. Голова болит, ломает и вообще как в анекдоте. Приходит бабка к врачу. Тот спрашивает:

— Что у вас болит?

— Ой, милок, — жалуется бабка, — вот здеся болит, вот здеся, вот здеся и вот здеся — всё болит…

— Так и запишем, — говорит доктор. «Ушиб всей бабки».

Вот у меня ушиб всей бабки. Или дедки, что вернее. А моё «гинекологическое древо», кустящееся в Инглвуде, состоит из любимой жены Люды, её старшей дочери Оксаны, и двух внуков, Лизы и Геры. Плюс отросток на соседней улице, проживающий отдельно: младшая дочь Люды Ольга с мужем Ильей и дочкой Верочкой 13-ти лет отроду.

Копелев — Рапопорт
15 октября 2014 г. Englewood, NJ.

Наташенька. Продолжаю писать опус под названием «Вновь я посетил…» Что-то туго идёт. Хочу попросить у Вас разреше-

ния использовать часть своих воспоминаний из нашей ранешней переписки. А именно историю с цветами. Уж больно она сюда подходит.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
15 октября 2014 г. Salt Lake City, UT
Разрешаю.
Н.

Копелев — Рапопорт
15 октября 2014 г. Englewood, NJ.
А чё так лапидарно?
М.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
15 октября 2014 г. Salt Lake City, UT
Марик, дорогой, *are you kidding when asking me for permission to change or repeat something in YOUR memoirs?!* (для языковых инвалидов перевожу: Вы что, смеётесь — спрашивать *у меня* разрешения что-то изменять или повторять *в ваших* мемуарах?!). Я с удовольствием читаю и перечитываю ваши писания, и готова лечь костьми и вставить недостающие знаки препинания и исправить опечатки, коих великое множество. Только свистните!

Вот только окончу две научных статьи и поставлю точку на этом деле. Одну — самую трудную, над которой работала месяца три или четыре без сна и отдыха измученной душе, уже отправила соавтору, который делал эксперимент. Он онемел от впечатлений и написал мне после недели молчания, что просит разрешения понеметь ещё недели две, пока он разберётся в моей математике и образе мыслей. Ошибки никакой он пока не нашёл. Ещё бы. Я работала 20 лет в лучшем в мире институте по химической кинетике, с Нобелевским лауреатом во главе, а этот американский выкормыш ищет у меня ошибку! Словом, я сбросила, наконец, с плеч этот груз, под которым гробилась всё это время, свела все концы с концами, так что остальные статьи, предстоящие для написания — просто се-

мечки по сравнению с этой. По окончании чего я вся ваша, со всеми причитающимися запятыми. Своё у меня почему-то не пишется. Наверное, сломалась на математической обработке мышиных видеоклипов. Может, ещё оклемаюсь.

Как сопли?

Обнимаю!

Копелев — Рапопорт
15 октября 2014 г. Englewood, NJ.

Поздравляю. Пусть знают наших!

Соплей нет, всё почти в порядке. Пациент скорее жив, чем мёртв.

Со стыдом и покаянием жду корректуру. Сам знаю, что безграмотный. Но Вы не торопитесь. Этот мой вагон пока что двигается с трудом. 25-го перебираюсь во Флориду. Надеюсь, там дело пойдёт лучше.

Обнимаю.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
18 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик, дорогой! Я знаю, что вы завтра летите в своё вожделенное одиночество. Но когда прилетите, пожалуйста, проголосуйте за Туровского на вот этом сайте (если у вас нет дико уважительной причины голосовать за Комара или Меламеда).

О Туровском есть в моей первой книжке, в разделе «Мир — лишь луч от лика друга», с фотографиями.

Вот вэбсайт для голосования: **http://personoftheyear.us/vote/**

Ниже моё письмо нескольким друзьям:

Дорогие! Американские русскоговорящие евреи, оказывается, выбирают человека года по шести или восьми номинациям. «Интересное начинание, между прочим». Очень прошу, в номинации АРТИСТ проголосуйте за гениального художника Туровского, одного из немногих в мире — их по пальцам пересчитать — тех, кто в эпоху,

когда Мадонну пишут говном, пишет кистью и отстаивает настоящее искусство. Это совершенно замечательный художник и замечательный, светлый человек. Вот вэбсайт, зайдите, наберите в окошке свои email адреса, наверху нажмите на кнопку VOTE и в номинации «ART» или «Visual ART» — не помню — проголосуйте за Туровского! Его цикл, посвящённый Холокосту, стоил ему, совсем ещё тогда молодому, тяжёлого инфаркта.

http://personoftheyear.us/vote/

Спасибо за поддержку Туровского.

Наташа.

Копелев — Рапопорт
18 октября 2014 г. Englewood, NJ

Здравствуйте, Наташа! Я бы и без Вашей просьбы проголосовал за Мишу. А причин голосовать за Комара или Меламеда у меня не просто нет, а скажу больше — и быть не может. Я соцарт вообще не держу за искусство. Они, может быть, и неплохие живописцы, но художники, на мой взгляд, никакие. Мне очень не нравится, когда стёб выдают за откровение. И вообще, я не люблю, когда в искусстве присутствует «указательный палец» и видны идеологические нитки. А соцарт на этом построен.

С чего Вы решили, что я улетаю завтра? «Вожделенное одиночество» наступит после 25, и то ненадолго. В середине ноября прилетит на две недели любимая супруга, 19 ноября любимая сестра, 21-го из Детройта старый, еще по студенческим годам, друг с женой. Я у них был свидетелем на свадьбе. А потом, после того, как все уедут, ожидаются друзья из Юты. Они, правда, сроки пока не сообщили, но желание посетить меня выразили. Жду!

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
18 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик, я никаких дат не помню. Впрочем, я их никогда не помнила. Почему-то перенесла ваш полёт на неделю назад. Может, это опять Фрейд играет — где-то из мозжечка: останется в одиночестве, начнёт опять писать мне большие письма…

Про то, что вы проголосуете за Мишу, я и не сомневалась. Просто преподнесла информацию об этом интересном начинании. Русскоязычный американец года. Надо же!

Приглашение принято! Даты уточним. Вот ужо. Где-то в 2015-м.

Привет разветвлённому семейству! Ваша Н.

Копелев — Рапопорт
18 октября 2014 г. Englewood, NJ

А на Новый год приехать слабо? И Людик обещает приехать, и тепло опять же. А длинные письма я пишу, пишу. Но длинные письма и пишутся долго.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
20 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

Прилететь к вам на Новый год?! Я просто онемела от вашего предложения и такой перспективы. ХОЧУ!!! И даже Вайсберг согласился. Но есть некоторые обстоятельства. Мы традиционно улетали на Новый Год в Москву, штат Айдахо, к Блюмам. Я, кажется, посылала вам Блюмовский перевод «Вашего благородия, госпожи удачи» — это был один из его двух день-рожденных подарков мне в этом году. Когда читаешь его глазами, кажется, что Сашка не выдерживает размер, а когда они с Юркой его спели — оказалось, что всё ложится на музыку, как надо. А к моему прошлому дню рождения Сашка написал совершенно замечательную «шестую песню Клима Коломийцева». А я, негодяйка, в ответ чуть не прозевала его день рождения (у нас в тот вечер была какая-то местная сходка). В перерыве сходки, осознав её дату и похолодев от ужаса, я минут за пять набросала Сашке поздравление, по памяти беспардонно воруя из его «шестой песни Клима Коломийцева» целыми строфами. Этот шедевр тоже прилагаю. Вообще у нас давняя и длинная переписка в таком жанре.

Так вот. На мой день рождения Блюмы традиционно приезжают к нам собирать грибы, а на Новый Год — мы к ним. Я сочиняю шарады, и мы их разыгрываем и играем во всякие другие интеллектуальные забавы — Сашка на это большой мастер, хватает на пару-тройку вечеров-ночей. Но сложились такие об-

стоятельства, что в этом году мы к Блюмам на Новый Год не поедем. И по этому поводу нашими местными Ютскими друзьями было высказано большое одобрение. Нас ведь в Юте очень мало, своих, каждый на строгом учёте… Теперь, чтобы никого не огорчить и не обидеть, мне надо как-то аккуратно объяснить, что мы всё-таки улетим. Потому что одно дело — бросать своих ради Блюмов, с которыми за плечами Москва и много, много, много совместных лет, и с которыми все знакомы, и совсем другое — лететь к откуда-то свалившемуся НЕИЗВЕСТНОМУ. Но если ваше приглашение остаётся в силе, я начну потихоньку готовиться. А до какого аэропорта надо лететь?

Обнимаю! Ваша Н.

Вот вам «шестая песня Клима Коломийцева. Автор — Александр Львович Блюменфельд.

История шестая, о том, как Клим Петрович Коломийцев, бывший кавалер многих орденов, бывший депутат горсовета, бывший мастер цеха, но по-прежнему знатный человек ездил в гости в Солт-Лейк-Сити собирать белые грибы.

Грибочек пальцем выловил,
Завёл туманно взгляд,
Сжевал грибок и вымолвил:
«Нет, не люблю маслят!»

А. А. Галич

У жене моей спросите, у Даши,
У сестре её, у Клавки спросите:
Ну ни капельки я не был поддавши,
Когда чёрт меня занёс в Солт-Лейк-Сити!

Было так: сижу, гляжу в телевизор,
Там Никитин что-то лепит невнятно.
И поёт он, ну почти что, как Визбор,
Но о чём поёт — не очень понятно.

Он споёт, потом чего-то расскажет,
Я вполуха — завсегда ж всё и то же.
Вдруг гляжу, он вынул фотку и кажет,
И меня тут, как кувалдой по роже!
А на фотке он там с бабой лохматой,
И грибов вокруг — греби хоть лопатой!

Говорит, что был в гостях в Солт-Лейк-Сити
И гулял он там по разным каньонам,
И что баба та — «культуры носитель»,
И несёт культуру всяким мормонам.

И грибов там этих белых до чёрта,
И местов грибных там множество разных,
И что бабу ту зовут Рапопорта,
А мужик еёйный, кажется, Вайсберг.

Знамо дело, место это секретно,
Но пробраться туда хочется очень.
Я маслята ненавижу конкретно,
А до белых — я так очень охочий!

Мыслю, надо собираться скорее,
Ненадолго, раз — туда и обратно.
Это даже ничего, что евреи –
Я к евреям завсегда толерантный!

Ну, отбил я Рапопорте емелю,
Так и так, мол, по грибы мне к вам надо.
Отвечает: «Приезжайте немедля,
Клим Петрович, дорогой, будем рады!»

Ну, билеты (первый класс!), визы-шмизы,
Это нынче для меня не задача.
Я ж не хрен с горы, я — Клим Коломийцев,
Постарался дорогой Сан Аркадич!

Выхожу я, значит, с их еропорта,
И толкаюсь среди публики разной.

Вижу, вдруг, стоит сама Рапопорта,
С ней мужик какой-то, видимо Вайсберг.

Рапопорта аж бегом мне навстречу,
«Клим Петрович, дорогой, что за счастье
Видеть вас у нас!..» Я ей не перечу,
И в ответ со всей культурностью: «Здрасьте!»

Охи-ахи тут пошли, тити-мити,
Будто первый секретарь я обкома.
А как кончился торжественный митинг,
Сели в тачку и поехали к дому.

Дом — богатый, весь в картинах и цацках.
Рапопорта молвит: «Милости просим!»
Я гляжу на стол — накрыто по-царски,
И бутылок разных штук этак восемь.

Только я ей так серьёзно и строго
Говорю, что, мол, забудьте про пьянку.
Нам же завтра за грибами, в дорогу,
И вставать нам, говорю, спозаранку!
Спозаранку, говорю, спозаранку,
А она в ответ кивает, засранка!

Ну, извёлся я, поспал — часик, может.
Вылез в кухню, полчаса до рассвета.
Приготовил я корзинку и ножик,
И сижу и жду. А этих всё нету.

И не знаю, мне кричать иль молиться,
Голова трещит от мыслей бессвязных.
Может, думаю, к ним в спальню вломиться?
Где-то в восемь появляется Вайсберг.

Я к нему: «Давай, скорей! Где подруга?
Я с пяти сижу тут, ждать вас устал я!»
Он в ответ мне, почему то с испугом:
«Надо ждать, пока проснётся Наталья!»

Ё моё! Потом на завтрак, на сборы
Три часа ушло. Поверьте мне братцы,—
В полчетвёртого мы въехали в горы,
И давай туда-сюда там кататься!

Мы то вверх, то вниз, со счёта уж сбились,
Я где север — юг, давно перепутал.
Наконец мы где-то остановились,
Рапопорта говорит: «Вроде, тута…»

Я корзинку хвать, в другой руке ножик –
Где грибы? Куда идти, вбок иль прямо?
Вайсберг корчит непонятную рожу,
Рапопорта говорит: «Вроде, тама…»

Как дурак, я из последних силёнок
Прочесал весь этот склон аж три раза,
И попался мне один лишь маслёнок –
Я, конечно, затоптал его сразу!

Я ж не мальчик, наконец, я ж не шибздик!
Где грибы, кричу, кончай эту пытку!
Вайсберг — мне: «Видать каньоном ошиблись,
Завтра сделаем вторую попытку».

Как доехали до дому — не помню.
Как в бреду кричу: «Давай сюда водки!»
Наливаю я стакан себе полный,
Двести грамм стакан — хоть тут без наёбки!

Я стакан махнул, причмокнул губами,
Вайсберг банку мне суёт, чуть не в морду:
«Закусите, Клим Петрович, грибами!»
Я и цапнул гриб, а чё? Я ж не гордый.

И сижу я, рот раскрыв, очумелый,
И гляжу на этих гадов проклятых.
Оказались в этой банке не белые —
Оказались в этой банке маслята!

Нет уж, братцы, надо ездить поближе,
Не на край раз-перемать его света.
Мы ж их гадов отпустили и мы же
Пропадаем, как клопы, через это!

Я то думал, как-никак заграница,
Думал Дашке с Клавкой будут гостинцы,
Думал на зиму я сделать запасы,
Но, как фраер, пролетел мимо кассы.

А грибы теперь всегда собираю
Я в Барвихе. Там, в лесочке, по краю.

А вот мой ответ, объяснение в любви ворованными рифмами: Блюму от Натальи, 6-го ноября 2013 года

История о том, как Александр Львович Блюм, будущий кавалер многих орденов, мастер многих цехов и знатный человек, никогда не бывший депутатом горсовета, ездил в гости в Солт-Лейк-Сити.

У жене моей спросите, у Нины,
У сынка мово, у Лёвки, спросите:
Целый день хожу я пьяный в дымину,
Если чёрт меня занёс в Солт-Лейк-Сити!

Я ж не первый раз в гостях в Солт-Лейк-Сити
Я гулял там по различным каньонам,
С рыжей бабой, что культуры носитель,
И несёт культуру разным мормонам.

И грибов там этих белых до чёрта,
И местов грибных там множество разных,
Ну а бабу ту зовут Рапопорта,
И мужик у ей, по имени Вайсберг.

Эта баба меня любит секретно,
И прибиться ко мне просится очень.
Я шатенок уважаю конкретно,

Но до рыжих я не очень охочий!

Больно, кажут, горячи, больно клейки,
К ней слетаю я туда и обратно.
Эти бабы, особливо еврейки –
Мне не то чтобы милы, но занятны!

Охи-ахи от неё, этой рыжей,
Вижу, надо мне скорее спасаться.
Наживёшь с ней диабету и грыжу
И похуже вдруг чего, может статься.

У меня ж в Москве жена, вы поймите,
Варит борщ мне и котлеты с грибами,
А с Рапопорты той — одни фити-мити,
Ну, короче, понимаете сами.

Я ж не мальчик, наконец, я ж не шибздик!
Отойди, кричу, кончай эту пытку!
А она мне: «Вы в подходе ошиблись,
Разрешаю вам вторую попытку».

Так что вновь лечу я с их еропорта
Полон мыслей и тревожных и разных,
Что любовь той рыжей — звать Рапопорта,
Вряд ли спустит мне мужик её, Вайсберг.

Копелев — Рапопорт
20 октября 2014 г. Englewood, NJ

«Нас ведь в Юте очень мало, своих, каждый на строгом учёте…» Своих, Наташечка, везде мало. К тому ж бывает и так, что иногда «свои» вдруг становятся «не своими». Не чужими, нет, а просто «не своими». *Закон нелинейного развития личностей во временном континууме.* Общаешься по инерции, и чувствуешь, что кроме прошлого уже ничего не связывает. Галич писал: *«Уходят, уходят, уходят друзья,/ Каюк одному, а другому — стезя…»* А я бы еще добавил — просто уходят. Вроде здесь, сидят, разговаривают, рюмки поднимают, а их нет. А может быть, это уходим мы…

Ну, ладно, давайте, решайте свои этические проблемы. Тем более, еще ведь неизвестно, свой ли этот «откуда-то свалившейся НЕИЗВЕСТНЫЙ». Письма — это одно, а личное общение — совсем другое. Разочароваться не боитесь?

Лететь надо до West Palm Beach. По штатовским аэропортовским кодам PBI. Людка тоже обрадовалась, что вы прилетите, тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не сглазить (не то что обрадовалась, а что прилетите.) Возможно, прилетит еще одна наша подруга Люся Успенская. Я, кажется, Вам писал о ней. Замечательный художник, квилтистка. Пожалуй, что одна из лучших в мире. Во всяком случае, когда в музее Модерн Арт была выставка «30 лучших мировых квилтов», на обложке каталога была именно ее работа. Её работы висят в музеях и в частных коллекциях и в Лондоне, и в Японии, и даже во флоридском доме Марка Копелева. Впрочем, в инглвудском тоже. Вчера мы отмечали у нас дома ее день рождения. Людка приготовила ей в подарок селёдку под шубой, а внук Гера испёк праздничный яблочный пирог. А что приготовить вам к приезду? Репертуар у меня, честно говоря, не шибко богатый. Я специалист по первым блюдам. Могу приготовить щи или грибной суп на выбор. Но зато и то, и другое я готовлю очень вкусно. Так утверждают все потребляющие. Тимка вообще говорит, что основным побудительным мотивом для гастролей по США являются мои щи. Он прав, как всегда: под водочку — волшебно. Но поскольку, как утверждают Клим Петрович Коломийцев и Александр Львович Блюм, вы из грибных краёв, то могу приготовить и грибной суп. Мишка Махович очень любит.

Людка, а возможно и Люся, прилетают 30 декабря около 12 часов ночи. Если бы вы с Володей тоже прибыли где-то в это же время, было бы просто замечательно. Не пришлось бы лишний раз мотаться в аэропорт. Но это не принципиально. Встречу в любое время. Жду.

Ваш, «откуда-то свалившийся, НЕИЗВЕСТНЫЙ».

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
20 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик, этот «откуда-то свалившийся НЕИЗВЕСТНЫЙ» — своее своих, так что разочарования не боюсь. А вы не опасаетесь?

Володька обожает супы. Любые. Для него суп — главное блюдо дня. Он особый специалист по харчо и рыбной солянке, так что вы вполне комплементарны в американском смысле слова. Для глухих к языку поясняю: дополняете друг друга.

А сколько дней вы готовы нас терпеть?

Копелев — Рапопорт
20 октября 2014 г. Englewood, NJ

Сколько хотите. Хоть до второго пришествия. Людка собирается быть неделю с 30-го по 6-е, Люся — пока вообще неизвестно, приедет ли. Так что сроки ограничены только вашим желанием. Если захотите покататься по Флориде, берите мою машину и катайтесь. А может, и я присоединюсь.

Копелев — Рапопорт
21 октября 2014 г. Englewood, NJ

Вот получил известие, что Люся уже тоже взяла билет на 30-е. Прилетает вместе с Людкой. Улетают порознь — Люда 6-го ранним утром, Люся 10-го января в 12 часов дня.

По Вашему обычаю вопрошаю: **Ну?**

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
22 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

УРА! Приступаю к поиску билетов.

Той порой два дня ушло у нас на покупку новой машины для Вики. Её старая имеет 23 года от роду и не сказать, что в расцвете молодости. Ездить на ней стало опасно, а вкладывать капитал в ремонт — глупо. Кроме того, ей нужна машина, в которую бы входили её непотребного размера гравюры, от пола до потолка. У неё гигантомания, некоторые гравюры по размеру больше крупных картин маслом… Как это хрупкое создание ворочает медные доски такого размера, ума не приложу. Купили Тойоту Сайон, вполне уродливый ящик, ей понравится. Белая лебедь с оторванным хвостом.

Буду стараться и держать вас в курсе. Ваша Н.

Копелев — Рапопорт
22 октября 2014 г. Englewood, NJ

Рад, что у вас всё утряслось. Жду. Так что же всё-таки готовить — грибной суп или щи?

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
26 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик, у меня опять давление 180/100. За один день исхитрились потерять две пары ключей: от новой Викиной машины и от Володькиной старой. После нескольких часов напряжённейших и безнадёжных поисков по всем возможным и невозможным точкам, излазив на пузе, с участием продавцов и менеджера, все асфальты, полы и мусорные ящики в диллерстве, я в конце концов случайно увидела, как на поясе у Вайсберга мелькнуло какое-то металлическое кольцо (карманы-то его были многократно обшарены). Потянула — ключи висели на кольце. Как и когда он до них добрался, как туда повесил — не помнит… Так что, слава Создателю, нашли ключи от новой машины и немедленно потеряли ключи от старой — той, на которой приехали в диллерство. К ним, по счастью, был дубликат. Сегодня, спустя два дня, нашлись и эти ключи на въезде перед гаражом. Поверьте, и не такое нежное существо, как я, даст сосудистую свечку… Дело не в ключах — в конце концов, ещё 269 долларов и сделают к новой машине дубликат ключей с чипсами; дело в ситуации, при которой они пропадают.

Теперь объясняю, почему мы купили машину в Солт Лэйке, а не в Кёрни, Небраска, где Виктория пашет в университете на факультете искусств. В Кёрни 28,000 жителей. Глухая деревня. Три автомобильных диллерства, где продают за бешеные деньги подержанные грузовики. Это всё. А машина с раком на крыше ей не годится, потому что Вика возит, в основном, на почту или на выставки в местный музей свои произведения искусства, и ей дождь-снег-торнадо-харрикейн, на которые так щедра Небраска, в лом. Ей нужен закрытый багажник определённого размера (минимум 42 дюйма).

Но в таком виде, как сейчас, я, конечно, ехать в Небраску не могу. Надо подождать, пока давление устаканится.

Вчера в нашей консерватории был концерт Игната Солженицына. 8-я симфония Прокофьева — это было классно! Концерт Моцарта он одновременно и дирижировал и играл на фортепьяно. Я такие фокусы уважаю не слишком, но играет он хорошо, по-российски.

Пока, Марик, пойду преклоню башку на подушку. А вы сегодня летели в родное гнездо, так что отзовитесь и успокойте старушку, что у вас всё о'кеу.

Обнимаю! Н.

Копелев — Рапопорт
26 октября 2014 г. Englewood, NJ

Да, Наташечка, конечно все о'кеу. Что в наших БША может быть не о'кеу? Только президент социалист. Вылетели во-время, прилетели на 45 минут раньше. Правда, мне досталось место в самом последнем ряду, которое не откидывается, так что комфорта было маловато. И вообще сервис был не на высоте. Странно — каламбур получился. Извините, ей богу не хотел. Но мне перед самым отъездом попала в руки книжка Рубиной «Белая голубка Кордовы». И я в самолёте читал ее с большим увлечением, перечитывая некоторые куски по нескольку раз. Дело в том, что я уже давно пишу повесть — не повесть, рассказ — не рассказ, в общем, как всегда, непонятно что. Захотите — могу показать куски. Хотя незаконченную работу показывать как-то не того. Рубинский герой и моя героиня занимаются одним и тем же делом — гонят «фальшаки». Конечно наши произведения абсолютно разные и по жанру, и по способу изложения, да и вообще история с фальшаками у меня лишь эпизод, но мне было чрезвычайно интересно, потому что Рубина со свойственной ей дотошностью и тщательностью рассказывает о технологиях создания фальшивых произведений искусства. Так что я даже не заметил, как долетел. А вы читали эту повесть?

Вы что, собрались сами машину перегонять? Одна? Путь-то не близкий. Вы свои силы не переоцениваете? Хватит кондрашка прямо за рулем — «и привет кого люблю.» Сколько от вас до Невады пилякать-то?

Всегда Ваш.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
27 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

«Голубку» читала, а то как же. Я у Дины всё читаю. Главный герой, такой обаятельный, списан с Саши Окуня, ближайшего друга их с Губерманом. Замечательный, классный художник, «фальшаков» не производит. Он, как мне известно, в восторг от этого сходства не пришёл. А в новом романе — Канарейке — она так же подробно пишет о музыке, разбирая её по клавишам, тональностям, мажорам и минорам, так что я исходила отчаянием. Дина ведь талантливый музыкант с консерваторским образованием. А на мне в этом отношении природа хорошо отдохнула. Папу моего экзаменовал и принял в Питерскую консерваторию сам Глазунов, у сестры моей абсолютный слух, а меня медведь просто растоптал в районе уха. Поэтому если в живописи я ещё что-то соображаю глазами, то в музыке — только чистыми эмоциями, и все эти Динины «лакримозы» вызывали у меня острый комплекс неполноценности. Пишет Дина — это ДА! Я, бывает, перечитываю какие-то её строчки по нескольку раз, пытаясь понять, как она это делает, и восклицая «Ай да Дина, ай да сукин сын!» Я было принялась писать ей о том, как она меня опустила с этим своим музыковедением в Канарейке. Потом я ещё немного подумала и о своих мытарствах с Лакримозами писать не стала. У нас вообще-то была большая и замечательная переписка, я её как-то собрала, послала Дине и попросила разрешения кое-что вставить в книжку, но она написала, что каждое её слово принадлежит ЭКСМО и закуплено Литературным музеем. И вообще в переписке надо ждать, пока хотя бы один из собеседников отдаст концы. Учитывая разницу в возрасте, я подозреваю, кто это будет. Жаль, не увижу нашу переписку в печати. А вам привезу почитать — по-моему, вам будет интересно.

Марик, меня тут друзья вразумили, что пахать 1180 миль мне не обязательно, а надо вызвать специальных перевозчиков, которые перевезут Вике машину — есть, оказывается, такие компании. Местная интеллектуальная элита подняла такие вопли по поводу моей предстоящей поездки на машине в Небраску, что я сдалась. Сегодня связалась с парочкой таких, просят 550 долларов. Доступно. Долларов на двести дороже, чем нестись самой, с учётом бензина, двух ночёвок и потенциального штрафа за превышение скорости. Завтра займусь

этим всерьёз. Но лететь к Вике всё равно придётся — переоформлять машину на Викино имя, да и не видели мы её год. Вот будет смешно, если самолёт разобьётся, а на машине бы я благополучно доехала! Сервис в самолёте был не на высоте — очень хороший каламбур, поздравляю!

Марик, я сгораю от любопытства. Пришлите кусочек вашей «повести — не повести, рассказа — не рассказа, в общем, как всегда, непонятно чего».

Жду! Ваша Н.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
31 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

Ау! Я вас чем-то сильно напугала? Вы меня разлюбили? Я бы не удивилась, чего меня любить-то. Все обычно любят Вайсберга, но вы его не знаете.

Я тут всё-таки на всякий случай (если вдруг не разлюбили) каждый день шустрила за билетами и, наконец, сегодня ночью нашла приемлемый вариант. Подтвердите ради Бога, что всё ещё хотите нас видеть — или наоборот. Но срочно.

Машина сегодня уехала к Вике без меня на платформе за 425 баксов. Завтра должна быть на месте. Виктория наготове. Кстати, это Небраска, а не Невада. Вы смотрели когда-нибудь «двое на качелях» — шёл такой спектакль в «Современнике» — там героиня тоже всё время Небраску с Невадой путала. Кстати, я вам когда-нибудь посылала ссылки на Викины работы? Вот например http://www.juxtapoz.com/current/drawings-by-victoria-goro-rapoport

Там в основном рисунки, а офортов мало и далеко не лучшие, они их откуда-то надыбали, для неё была полная неожиданность.. Если отсюда не откроется, скопируйте в адрес. Очень советую.

Жду ответа. Н.

Копелев — Рапопорт
31 октября 2014 г. Port St. Lucie

Наташечка! За что же мне Вас не любить? Вы же все время утверждаете, что Вы белая и пушистая. А кто же не любит белых и пушистых? Нет, нет, нет! Просто все как всегда.

Приехал во Флориду, а здесь сдох компьютер. Ну, то есть совсем — намертво. Пока я с моим языком нашёл, куда его пристроить для ремонта, пока ремонтировали, то да се… Это не значит, что я был совсем без связи. Есть планшет. Но Вы же знаете, как писать на этих мобильных устройствах. Как можно иметь дело с устройством, которое по своей воле вместо слова жопа пишет «жуча» или «жовиль» или еще черт знает что. Но вчера, наконец, сделали, сегодня все скоммутирую и смогу писать.

Более подробное письмо — после того как настрою компьютер.

Всегда Ваш.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
31 октября 2014 г. Salt Lake City, UT

Дельта — жулики, пробу ставить негде. Промахнулась опять. Дни с 26 декабря по 2-е января — «блэкаут», что в переводе на русский, который вы понимаете лучше, чем заграничный, означает «хрен вам».

Обнимаю! Н.

P.S. Я не белая и пушистая, я рыжая и ободранная.

Копелев — Рапопорт
1 ноября 2014 г. Port St. Lucie

Что-то вас Рапопортов не понять. То вы белая и пушистая, то рыжая и ободранная… Вы уж определитесь.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
1 ноября 2014 г. Salt Lake City, UT

Смотрю с надеждой: океан, белый песок, пеликаны и Марик Копелев. А вы пока посмотрите вот здесь:

http://hifructose.com/2014/05/16/victoria-goro-rapoports-moody-dramatic-etchings-and-engravings/

Копелев — Рапопорт
4 ноября 2014 г. Port St. Lucie

Здравствуйте, Наташечка! Что-то за техническими деталями вашего прилёта в славный город Port St. Lucie, наша ПЕРЕПИСКА слегка подзаглохла. Во всяком случае, присланную ссылку на работы Вики, я воспринимаю как намёк, что пора продолжать. О работах Вики я Вам уже писал — она безумно талантливый человек с каким-то очень сильным внутренним надломом. В чем там дело, я сказать не могу, но какой-то демон её терзает. Говорят, что опытные медвежатники спиливают подушечки пальцев до самых нервных окончаний, чтобы любой щелчок взламываемого сейфа отзывался болью. Вот у Вики такая истончённая душа. По ее работам видно, что жить ей не просто.

Остановились мы на «Белой голубке Кордовы». Вы меня не совсем поняли. Я перечитывал по нескольку раз рубинские куски не потому, что так уж восторгался написанным, хотя Дина безусловно сильный писатель. Для меня были интересны куски, где она со свойственной ей тщательностью раскрывает технологию изготовления фальшивых произведений искусства. Мне это было интересно, потому что год назад я начал писать рассказ (сейчас он разросся и превращается, как всегда у меня, во что-то неопределённое по жанру — вроде и не рассказ уже, и повесть — не повесть). Героиня — «тётя Фира» — художница из Гомеля, эмигрировавшая в Америку. И свой трудовой путь в стране она начинает именно с «фальшаков». Я, конечно, столь въедливо, как Рубина, этим вопросом не занимался, и мне было интересно, не сильно ли я напортачил в деталях. С удовлетворением обнаружил — нет, не сильно. Хотя после того, как закончу (если закончу), мнение специалистов хотелось бы узнать. Что касается самого рубинского романа, и вообще ее стиля, то хочу заметить, что такая ее дотошность зачастую повествованию вредит. Она увязает в деталях, ее захлёстывает знание предмета, и это своё знание она слегка демонстративно вываливает на страницы. Во всем этом массиве теряется суть. Что касается сюжетной линии и логики развития характера, то мне показался не совсем логичным конец. Не мог такой человек как Кордовин подставить себя, как баран на убой. Да и вообще, искусствовед с пистолетом за пазухой,

как-то не того. То есть засунуть его туда он конечно может, а вот пульнуть… Не знаю, не знаю. Но это, как теперь принято говорить, ИМХО.

Порадовать Вас очередным шедевром на сей раз не могу. Вопреки ожиданиям, переезд во Флориду толчка к творчеству не подарил. «Вновь я посетил…» пока повисло. Написалось, правда, немного «Тети Фиры», но тоже не густо. Ничего, сейчас пойду, проголосую, съезжу в магазин и сяду работать.

А пока ловите кусочек «Тёти Фиры» за хорошее поведение. Согласно фабуле, я познакомился с ней в «Приёмном покое» аэропорта Кэннеди в январе 1991 года. «Приемный покой» в JFK — это такой нынешний Эллис Айленд, где сейчас музей эмиграции, а *«остров надежды и слез»* переместился в аэропорт имени Джона Фитцджеральда Кеннеди — JFK. Новые поколения эмигрантов называют его *«приёмный покой»* и ждут теперь там, прежде чем вожделенная Америка распахнет двери в предполагаемый Рай.

Ну, знакомьтесь с моей тётей Фирой.

Обнимаю.

Тётя Фира
Фрагмент

…Процесс оформления документов долгий, нудный, все устали после двенадцатичасового перелета, не говоря уже про отходняк от прощания с милой родиной, которая сделала всё, чтобы сделать это расставание незабываемым. Все нервничают, то там, то тут вспыхивают локальные свары. Какой-то хрен с горы, видать бывший начальник, начинает возмущаться и качать права, мол, «сколько можно ждать…», «это что же с нами, как со скотом…», ну и тому подобное. В нем неожиданно проснулось доселе неизвестное советскому человеку чувство гордости. Отчего бы и нет, если тебе за это ничего не будет. Поди, не Эллис Айленд, где тебе заглядывали в зубы, как коню на ярмарке, и рисовали кресты мелом прямо на одежде, обозначая степень твоих умственных способностей: крест — слабоумие, крест в кружке — идиотизм. Впрочем, в данном случае всё было ясно и без креста в кружке. Сидящая рядом со мной женщина вдруг обращается к нему с такой речью:

— Ну, шо вы скёте ногами, как балерина Большого театра на сцене Дворца съездов? Вы шо, спешите скорее, чем все?! Подождите, еще нахлебаетесь. Или у вас есть деньги, чтобы так себя вести? Нет!.. Ну так уже сидите и не спрашивайте свои вопросы.

Этот очаровательный спич пленил меня узнаваемой сочностью.

— Вы из Одессы? — спросил я.

— Почему вы так себе думаете? — покосилась на меня женщина.

— Язык, — ответил я — замечательный одесский язык.

Женщина улыбнулась, поманила меня пальцем и сказала на ухо без всякого акцента:

— А вы что, не видите, что с этим поцем только так и можно разговаривать? Он думает себе, что ЗДЕСЬ он ТАМ. А на самом деле, он был говном ТАМ, и таким же говном останется ЗДЕСЬ. Из Гомеля я. А вы?

— Я из Ленинграда.

— Я почему-то так и подумала. Меня зовут Фира. Эсфирь Марковна Розенпоц. — она усмехнулась. — Замечательная фамилия, не правда ли?

Я пожал плечами.

— Фамилия, как фамилия. Еще и не такое бывает. Вон Дина Рубина уверяет, что нет на свете такого слова, которое не могло бы стать еврейской фамилией. Эммануил Сергеевич Жоппа гораздо хуже. А я знавал и такого.

— Приятно иметь дело с интеллигентным человеком, — сказала она, и было непонятно, что имеется в виду, то ли, что я спокойно отреагировал на ее не совсем обычную фамилию, то ли, что я читал Рубину или знал человека по фамилии Жоппа.

Впоследствии мы несколько раз встречались, и наше знакомство даже переросло в некое подобие дружбы. Есть такие отношения, которые формулируются фразой — «не друзья, но дружны». Она рассказывала мне о детстве, об учебе, о славном городе Гомеле, о друзьях, об учителях…

…Почему люди эмигрируют? Странный вопрос. С легкой руки высоколобых интеллектуалов и прессы разных оттенков появилось определение — «колбасная эмиграция». В этом термине прослеживаются осуждающие коннотации. Ну, как же —

родину на колбасу променяли. Предатели! А почему, собственно, предатели? Почему человек не имеет права жить там, где он хочет? Как хочет? Общаться с кем хочет? Любить кого хочет? Почему человек не может свободно купить эту самую колбасу. Такую, какую хочет. В любой момент. Без унизительного стояния в очередях и заискивания перед краснорылой личностью, которая почему-то называет себя продавцом. Продавец — это человек, который продать хочет, а у этой один разговор — «не нравится, ну и вали отсюда». Вот и отваливают… Подальше от этих петровых, ивановых, сидоровых, соскучившихся по усатому негодяю, тоскующих по безнаказанной возможности стереть в лагерную пыль любого, кто думает не так, как они. А еще лучше к стенке поставить. Они почему-то считают, что стрелять будут только они.

На самом деле, уезжают потому, что жить уже не могут в том дерьме, в котором прожили большую часть своей сознательной жизни. И как только приоткрылась щелочка, капельками ртути раскатились в разные стороны, в разные страны, в Америку, в Израиль, в Германию, в Австралию, в Новую Зеландию, к черту в турки, лишь бы подальше от этого счастья. Всё бросив, уезжают с криком: «Достало!» А если спросить: «Что ищешь ты в краю далеком?» — пожалуй, и не ответят… Или скажут: «Свободы». Только каждый при этом будет иметь в виду совершенно разное. Один хочет молиться на своем языке, другой свободно заниматься творчеством, третий, без очередей, без блата покупать колбасу, просто растить детей, смотреть кино, пить пиво, ходить на футбол, слушать Пугачеву и Киркорова или симфонические концерты… Жить!

Сложней всего, конечно, приходится второй категории граждан. Во-первых, амбиции повыше. А во-вторых, свободно заниматься творчеством ты конечно можешь. Но кому это твое творчество нужно здесь в Америке, где тебя никто не знает, да и знать особенно не желает. Тут своих, достаточно. Но, предположим, ты создашь что-то эдакое, от чего у всех дух захватит. Но, попробуй, продай. А ведь надо же чем-то платить за квартиру, что-то есть, на что-то покупать кисти, краски, холсты… Обратная сторона свободы.

Джонни — русский художник, с которым Фира познакомилась у Центрального парка, где она пыталась продавать свои работы, сказал:

— А ты что хочешь от этих факинг гэллери. Они без рекомендаций никогда ничего не возьмут. Вот твои картины. Думаешь, они не понимают, что это хорошие работы? Понимают, и еще как! Там ведь профессионалы работают. А не возьмут. Травки хочешь?

— Нет, спасибо,— поблагодарила тетя Фира.

— Как хочешь,— сказал Джонни, закручивая косяк.

— Ну, почему? Ты же сам сказал, что работы хорошие.

— Почему, почему… По кочану! Потому что им не искусство нужно. Им продать надо. Чуешь разницу?

— Ну, так, если работа хорошая, её и продать можно.

— Нельзя.

— Почему?

— Потому,— сказал Джонни затягиваясь.— Потому что в искусстве никто ни хера понимает. Те, у кого есть деньги, покупают работы или уже известных художников, или тех, вокруг которых шум, скандал. Пена, одним словом. Ну, не может же нормальный человек, у которого есть хоть что-то в его факинг котелке, всерьез считать, что работы Уорхолла или Лихтенштейна — это произведение искусства. Да я таких «мерлин монро» или «Мао» под копирку могу за день сотню нахерачить. Что, кстати, эти ребята и делали.

— Вообще-то, у нас в Гомеле это, честно говоря, и даром никто бы не взял,— сказала тетя Фира.— Но ведь покупают. И за сумасшедшие бабки. Может в этом что-то есть.

Джонни посмотрел на неё и усмехнулся.

— Ну, ну… «Всё-таки в дерьме что-то есть. Не может же миллион мух так ошибаться!»

— Ой, вэй! — восхитилась тетя Фира и с уважением посмотрела на Джонни,— Здорово сказано! Сам придумал?

— Нет, конечно. Ежи Лец сказал.

Тетя Фира не знала, кто такой этот самый Е. Жилец, а спрашивать постеснялась. Вообще-то в школе она училась в одном классе с козлом по фамилии Жилец, и его даже звали Фимка, Ефим значит. Но такие мудрые мысли тому Е. Жильцу в голову прийти, конечно, не могли, потому что он был хулиган, второгодник и полный дебил. «Наверное, это какой-то другой Жилец — подумала она.— Мало ли на свете Жильцов».

— Но ведь как-то этот самый Уорхол пробился,— сказала тетя Фира.

— Жопу подставил, вот и пробился, — сказал Джонни и с наслаждением выпустил облако дыма. В воздухе густо запахло марихуаной.

— То есть? — не поняла целомудренная тетя Фира.

— Вот тебе и «то есть». Пидор гнойный этот твой Уорхол, — зло сказал Джонни и сплюнул.

— А, вот ты о чем, — поняла, наконец, тетя Фира. Нет, она, конечно, знала, что на свете существуют гомосексуалисты, и что в искусстве их уже больше, чем нормальных людей, но у них в Гомеле этот вопрос не был слишком актуальным.

— Они, эти пидоры, всюду, — продолжал Джонни, — Не плодятся, но размножаются. Один пидор банку супа «Кэмпбелл» нарисовал, или там, ту же «Мерлин», другой пидор из «Нью-Йорк Таймс» написал, что это гениально, еще куча пидоров подхватила, они же друг за дружку держатся — и пошло-поехало. «Гений! Новое направление в искусстве! Поп-арт! Поп-арт!..» Жоп-арт!!! А куча дебилов всю эту хуйню повторяют. А другая куча дебилов, у которых денег, как у дурака махорки, эту факинг хуйню скупает. И вешает в своих домах. А картина в раме, да на стене богатого дома или в вестибюле банка, уже вроде и ценность представляет. «Не будет же Рокфеллер всякое дерьмо покупать…» — думает какой-нибудь дебил, придя в банк и посмотрев на стену.

Джонни опять затянулся.

— Но ведь купил же этот самый Рокфеллер… Значит, понравилось… — робко сказала Фира.

— Да ни хера твой Рокфеллер не покупал. Рокфеллер делом занят, бабки куёт. У него в штате какой-то там хмырь искусствовед-дизайнер за это отвечает. Такой же пидор, как этот Энди Уорхол. И вот этот пидор-дизайнер, посмотрел на этого пидора Эндичку и обкончался. Купил и повесил в вестибюле Чейз Манхеттен Банка. Рокфеллер, поди, посмотрел и спрашивает: «Что это за факинг хуйню ты тут мне повесил, Билл?». А тот с умным видом отвечает: «А это новое направление в искусстве сэр. Поп-арт называется.» Рокфеллер репу почесал и спрашивает: «А с чего это ты взял, Билли, что это вообще искусство?» «А вот, — говорит этот пидор-дизайнер, — вот статья в Нью-Йорк Таймс. Как раз про эту банку с супом и пишут. Я ее вам на аукционе всего за двести тысяч купил». Рокфеллер берет газету, а там: «Гений! Неподражаемо! Teriffic! Unbelievable!

Новое направление в искусстве! Поп-арт!..» «Ну,— думает Рокфеллер — может, я действительно чего-то не понимаю. Отстал за делами… А, в общем-то, насрать! Двести тысяч не такие уж большие деньги. Не говорить же, что это говно — эти писаки-пидоры вой поднимут, что я ретроград, что я ничего в искусстве не понимаю. Еще и акции «Стэндарт Ойл» обвалят. Хер с ней с этой «Банкой супа», пусть висит. Надо будет акций «Кэмпбелл» прикупить. Возможно, они после этой картинки и подскочат». А Рокфеллер потому и Рокфеллер, что на много ходов вперед умеет считать. Акции «Кэмпбелл» действительно подскочили, после того как картина в Чейз Манхеттене была вывешена.

Джонни сделал глубокую затяжку, и глаза его затуманились.

— *«Я за искусство, которое смешано с повседневной чепухой и все же поднимается наверх!»* — процитировал он.— Это Рой Лихтенштейн сказал, их идеолог, тоже пидор, естественно. Конечно, «поднимается наверх». Говно оно всегда всплывает.

— Ну, что-то ты уж слишком сурово — поежилась тетя Фира.

— Нет,— Джонни затоптал окурок.— На самом деле еще хуже. Да ты скоро сама все поймешь…

Джонни оказался прав. Тетя Фира прошла этот путь в полной мере. Поначалу она тоже пыталась предлагать свои работы. Что-то у нее даже покупали, она ведь действительно была очень хорошим, самобытным художником. Но этого «что-то» на прожитье явно не хватало. Она пыталась пристроить свои работы в какие-то галереи. Там вежливо кивали, хвалили, говорили: «да, да, мы подумаем…» Этим дело, как правило, и заканчивалось. И тетя Фира через какое-то время поняла, что прокормиться продажей своих работ неизвестному художнику в Америке, как, впрочем, и в любой другой стране мира, невозможно. И если ты хочешь заниматься живописью, то надо найти какую-то работу, приносящую хотя бы минимальный доход.

И тетя Фира занялась весьма своеобразным и довольно прибыльным бизнесом. Она стала «гнать фальшаки». Что? Вам неизвестно, что такое «фальшак»? Ну да, да, конечно, вы же, наверное, далеки от всего этого. «Фальшак» — это, когда делается копия с полотна какого-то известного художника или пишется картина в манере известного мастера, а продается, как оригинал. Довольно распространенный и прибыльный бизнес в сфере искусства. Рынок картин перенасыщен всякого рода подделками и спрос на эту продукцию не иссякает. Вне-

запно разбогатевшие люди (опустим каким способом), чтобы легализовать свое богатство, начинают «вкладываться» в искусство. Согласитесь, есть что-то порочное в термине «вкладываться в искусство». А поскольку ни вкуса, ни знаний, как правило, нет, то впарить такому нуворишу какую-то подделку особого труда не составляет. Ибо покупает он-оно не понравившуюся картину, а имя. «Вкладывается».

Вы можете возразить: а как же эксперты? Какой идиот выложит бабки, не убедившись, что это действительно Пикассо, Матисс, Жорж Брак или, скажем, Джакометти? Так вот, тетя Фира писала эти фальшаки так, что ни у одного эксперта не возникало и тени сомнений в подлинности. Там, правда, есть много своих тонкостей, таких как мазок, состав красок, а в первую очередь, возраст и структура холста. Но тетя Фира решала эту проблему просто. Она ходила по помойкам, по блошиным рынкам, по гараж-сейлам и покупала по доллару — по два старые, не представляющие никакой ценности, картины, очищала холсты от старой краски и писала на них свои шедевры. Затем с помощью соответствующих техник старила картины, делала кракелюр — возрастные трещинки в слое краски, обрабатывала подрамники, чтобы они тоже выглядели старыми и т.д., и т.п. В этом деле много всяких премудростей, известных только специалистам. Эксперты, захлебываясь от восторга, утверждали, что это неизвестные произведения великого Модельяни или, скажем, основоположника футуризма Маринетти. Несколько таких работ даже ушли с аукционов Сотсбис, Кристи, Друо, и других менее известных.

Естественно, она не сама продавала эти работы, а сдавала посредникам, которые, собственно, и подвигли тетю Фиру на этот преступный бизнес. Они, эти ребята, которые заказывали Матиссов, Паблов Пикассов, Бенов Николсонов и прочих Габриэлей Россетти, тоже не были лохами. Они подтасовывали провенанс, нанимали экспертов и доказывали, что это настоящие утраченные оригиналы известных мастеров.

Вы спрашиваете, что означает такое красивое слово — «провенанс»? Я сам первый раз услышал его от тети Фиры. Провенанс! От этого слова веет запахом лавандовых полей Прованса, и перед мысленным взором возникают виноградники Буш-дю-Рон и Воклюз, вспыхивает свет, завораживающая игра красок и теней картин Гогена, Ван Гога, Сезанна тревожит

душу, а в ушах звучит язвительный смех Тартарена из Тараскона… На самом деле, провенанс — это, грубо говоря, «биография» картины. Он включает историю создания, историю владения и т.д. и т.п. Хороший, прозрачный провенанс поднимает стоимость картины чуть ли не вдвое-втрое, а зачастую без него работу и покупать-то никто не будет. Так вот эти ребята собирали информацию, внедрялись в окружение родственников, наследников, подкладывали поддельные письма художника, где описывался замысел картины, которую писала в настоящий момент тетя Фира. В общем, работали вдумчиво, грамотно и с фантазией. Это продолжалось довольно долго, но однажды в дверь тети Фиры постучались люди в серых костюмах.

Кто такие люди в серых костюмах? Ой, вэй, сказала бы тетя Фира. Серые костюмы выдают всем работникам, так называемых спецслужб. И в Америке, и в России, и в Аргентине с Венесуэлой. Почему спецслужбы предпочитают серый цвет, я могу только догадываться. Впрочем, не так важно, какого цвета костюмы у этих ребят. Они и без костюмов, как правило, достаточно серые.

— Good afternoon, madam, — сказали люди в сером, — Мы из FBI.

— Откуда, откуда, — спросила тетя Фира.

— Из FBI. По-русску это ФБР. Федеральный Бюро Расследовать, — пояснили серые ребята и показали свои жетоны.

— Ой, ну, так бы сразу и говорили — сказала тетя Фира.

— Do you speak English? — поинтересовался Главный Серый. — Говорить ли Вы по-английски?

— Только со словарем. С людьми пока стесняюсь.

Люди в сером раскрыли большой планшет, в котором было несколько картин.

— Это ваш работ? — спросил один из них.

Тетя Фира была женщина умная, тертая, и поэтому ничего скрывать не стала.

— Мой. А где вы их взяли?

— Это мы хотим спрашивать — где вы их взял.

— Сама написал, — честно ответила тетя Фира.

— O'key. — сказал Главный Серый. — В таком случае, before you answer, before Вы начать отвечать следующие вопрос, я должен читать Вам правило Миранды. Do you know what is this? Знаете ли Вы, что это такое?

— Да уж как-нибудь. Не первый день в Америке.

— O'key, — сказал серый и пробубнил: *«Вы имеете право хранить молчание. Всё, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде. Ваш адвокат может присутствовать при допросе. Если вы не можете оплатить услуги адвоката, он будет предоставлен вам государством»,* — всю эту ахинею он произнес, естественно, по-английски.

— Вы понимайт свои права?

— Или, — сказала тетя Фира.

— Вы признал, что подделывал шедевры — обрадовались ребята в серых костюмах.

— Когда?

— Только что.

— Ничего подобного — сказала тетя Фира, — Я только сказала, что написала эти картины. Не знаю, где вы их взяли. Я их выставила за дверь, они мне были не нужны. Для меня это были не более чем учебные упражнения. Так сказать, разработка руки, совершенствование личной техники, уроки мастерства. Разве эти картины подписаны великими именами, перед которыми я склоняю голову? Разве я выдаю их за работы великих мастеров?

— Нет… — почесали затылки серые костюмы.

— В таком случае, идите на хуй. — вежливо сказала тетя Фира…

То есть она сказала, конечно, по-другому, потому что в английском языке нет столь емкого выражения. Их банальное «fuck off» не передает всего эмоционального богатства нашего родного «иди ты на…» Но, как говорится, «за неимением гербовой — пишем на простой». Пришлось использовать то, что у русского человека всегда под рукой. Для ребят в сером хватило и этого.

В результате с этим доходным промыслом тете Фире пришлось завязать. Посредников, которые скупали и продавали, посадили кого на три, кого на пять лет. Я думаю, что судья, когда выносил им такие мягкие приговоры, рассуждал примерно так: «Чай не сирот эти проходимцы обворовывали. А если какие-то богатенькие буратины хотят и дальше выдавать у себя дома подделки за оригиналы Россетти или Дюбюффе, то кто им доктор?»

А тетя Фира? А что тетя Фира. Ничего. Финансовый ручеек иссяк. Тетя Фира, помыкалась некоторое время без работы и устроилась на канатную фабрику.

— Куда, куда? — удивитесь вы, — На канатную фабрику? Почему именно на канатную?

— А почему бы и не на канатную? — отвечу я, — Во-первых, эта работа не требовала ни знания языка, ни умственных усилий. Во-вторых, приносила вполне достаточный доход, чтобы заниматься тем, чем она хочет, не думая, об оплате счетов. А в-третьих, фабрика располагалась через дорогу от дома. Очень удобно — и на работу недалеко ходить, и на транспорт можно не тратиться, и во время ланча можно домой зайти вздремнуть. Для тети Фиры, привыкшей к свободному образу жизни, это было важно.

— И это всё, — спросите вы.

— А что ещё? Сейчас сидит, плетет канаты. В свободное время пишет картины. Хорошие. Я сам видел.

— Нет, нет, — скажет мне мой воображаемый Читатель, — Так дело не пойдет.

— Почему? — возражу я. — Человек счастлив, живет в гармонии с собой и миром. Что еще надо?

— Человек никогда не бывает счастлив. Ему всегда чего-то не хватает, — скажет привередливый, умудренный жизненным опытом Читатель, — нам же интересно как твоя тетя Фира «дошла до жизни такой». Как она стала писать фальшаки, кто ее подвинул на этот, прямо скажем, сомнительный бизнес… Давай, давай, рассказывай. Для начала расскажи, как она вообще оказалась в эмиграции.

— Как, как! Как все.

— Нет, — скажете вы, — все попадают по-разному. И будете правы.

Ну, что ж. Слушайте.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
4 ноября 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик! Спасибо!!! Слов нет передать, как порадовал! Тётя Фира — это счастье! Я готова хорошо себя вести ещё недели две или даже месяц, чтобы вы прислали мне продолжение.

А вы знаете, как это мне непросто! Я желаю знать, как ваша тётя Фира «дошла до жизни такой»! Мне срочно!

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
4 ноября 2014 г. Salt Lake City, UT

В догонку. Сегодня ж выборы! Голосовать не пойду, ну их к чёрту. Единственное, где мне хотелось бы вмешаться: в Конгресс у нас баллотируется жуткая блядь, хоть и республиканка, а против неё — вменяемый человек, хоть и демократ. По внешности она — сестра или близкая родственница Обамы, но на это мне как раз наплевать; но дело в том, что она предлагает упразднить министерство образования и публичные школы и несёт всякую другую несусветную хрень.. К сожалению, её в моих бюллетенях нет, она идёт от какого-то другого избирательного участка. Я в этой выборной системе совсем заблудилась — никак не возьму в толк, почему представлять меня на федеральном уровне должен человек, за или против которого я не имела возможности голосовать. Ну да хрен с ними со всеми. Бегу делать анализ крови.

Обнимаю!

Копелев — Рапопорт
16 ноября 2014 г. Port St. Lucie

Наташечка, ау! Вы куда спрятались? Неужели анализ крови настолько плох?

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
17 ноября 2014 г. Salt Lake City, UT

Нет, наоборот, анализ крови так хорош, что я обратилась к другим заботам, коих оказалась страшная прорва. Писала ли я вам, что у меня умерла от рака груди подружка — девочка, которую я очень опекала, подробности расскажу при встрече. Ей было 49 лет. Совершенно незаурядная. Замечательные, действительно настоящие стихи. Светлый ум (окончила медицинский в Казани), здесь, конечно, была программисткой. В юности — мастер спорта и чемпионка по фигурному катанию. Когда рак обнаружили в первый раз, врачи обещали ей

при мне в среднем четыре месяца жизни. Мне удалось продлить ей жизнь на семь лет, и она в меня очень поверила. Но спустя семь лет — метастазы повсюду. Мы с ней обращались к нашему сенатору, чтобы помог с разрешением FDA на моё зелье — она на него очень надеялась… Сенатор сделал всё возможное, но FDA отказал. И я не решилась.

На её похоронах, не дойдя до открытой могилы, её мать (83 года, ровесница Вайсберга) споткнулась и упала — перелом шейки бедра. Операция, потом nursing home — и всё это довольно далеко от моего дома… Но, слава Богу, есть брат матери (совершенно сумасшедший, по анкете) — из Сиэтла. Сейчас он живёт с ней в nursing home. Всё это, конечно, не способствует давлению 135/85, о котором мечтали большевики… Но и не удваивает, хвала всевышнему!

А к компьютеру просто не было времени даже близко подойти — так, присяду на 5 минут — и бегом дальше. Но завтра день мой. То есть, я так надеюсь.

Обнимаю! Пишите!

Копелев-Рапопорт
23 ноября 2014 г. Порт Сент Люси

Здравствуйте, Наташа! Что-то притормозилась наша активная переписка. Виноват в этом, конечно, я. Пока перебирался во Флориду, пока приводил дом в порядок, не было времени серьёзно засесть за продолжение литературного труда под названием «Вновь я посетил». Что-то я, конечно, понемногу кропал, но привести это в более-менее читабельный вид не получалось.

А потом приехала Людка, затем сестрица Любашка, а три дня назад мой старый еще по ленинградским студенческим годам друг Марик Мондрусов с супругой Зиной. Я их познакомил и был свидетелем на свадьбе. А поскольку дом полон народу и они общаются между собой, или отмокают от трудовых будней каждый со своим айпэдом, или пока Марик сидит на берегу озера с удочкой на моем бэк-ярде, а девки чешут языки на пороге, у меня появилась возможность увильнуть от общения и сесть написать письмо замечательной Наташечке Рапопорт, которая (я уверен) накопила в душе большие запасы говна, которое не преминет вылить на меня в следующем

письме. Давайте, давайте! А я, между тем, спаял очередную часть саги, которую и посылаю Вам.

Confession XIX

«Вновь я посетил…» (часть вторая)

Странная это субстанция — человеческая память. Казалось бы, запоминаться должны самые важные, самые значительные события жизни. Ан нет. Вспоминается всякая чушь, всякая мелочь вроде вывороченного поребрика, о который в двенадцать лет споткнулся и чуть не сломал ногу, когда бежал на тренировку. Неожиданно поймал себя на мысли, что ленинградцы, к коим с некоторых пор я отношу и себя, говорят «поребрик», а, к примеру, москвич скажет «бордюр». Но это я так, к слову, и вспомнил об этом только потому, что *поребрик-бордюр*, о который я разбил коленку почти 60 лет назад, оказался на том же самом месте и в том же самом вывороченном состоянии.

Вообще, во время прогулок по родному городу, меня поражало это сочетание нового и… Здесь выскакивает заезженное словосочетание — *«Новое и Старое»*. В пропагандистских агитках моего детства, когда среди разрушенных бараков воздвигали какую-нибудь хреновину типа панельной пятиэтажки, Владивостокская газета «Красное знамя», захлёбываясь от казённого счастья, с гордостью публиковала фотографию об этом выдающемся событии — в рубрике «Новое и Старое». Поэтому в данном случае уместней употребить не слово *«старое»*, а слово *«запущенное»*. Так вот, меня поражало сочетание «нового» и «запущенного». В этом, наверное, суть русского характера — поставить, скажем, новые ворота, но при этом не отремонтировать забор и не засыпать лужу на подходе. Кстати, о луже. Я позвонил своему школьному другу Юрке Клейману. Он назначил мне встречу около своего старого дома, где мы частенько собирались в школьные годы. Когда я подошёл к этому дому, я с ностальгическим удивлением обнаружил при входе во двор ту же самую лужу, через которую каждый раз приходилось перепрыгивать, когда мы ходили к Юрке. Ну, кто после этого скажет, что постоянство не добродетель. Вот ведь не было никакой ностальгии, и вдруг появилась.

Почему-то все портовые города напоминают мне старую проститутку. Накрашенную, нарумяненную, внешне еще довольно

прилично выглядящую, но с каким-то подспудно ощущаемым налётом продажности. Владивосток не исключение. Блядство, присущее портовым городам, висит в воздухе.

На центральной площади, где в моё время на небольшом пятачке в окружении складов, пакгаузов и старых двухэтажных домов, домиков и домишек стоял памятник Борцам за Власть Советов в Приморье — все снесено вплоть до бывшей улицы «25-го Октября», которой вернули её историческое название. Теперь она, как и прежде, называется Алеутская. После смерти мужа, вдова предпочла девичью фамилию. Между Алеутской и монументом, тоже уже достаточно обветшалым, с грязно-белыми подтёками цемента на фоне розового гранита, воздвигнуто новое двадцатиэтажное здание муниципалитета (железо, бетон, стекло). Местные жители называют его — «ЗУБ». Оно, действительно, торчит вставным сияющим порцелановым зубом посреди несколько гниловатых построек старой площади.

Мне рассказали забавную историю, связанную с этим архитектурным ансамблем: Муниципалитет, как и положено правительственному зданию, обвешан всеми необходимыми причиндалами — развевающимся триколором на крыше, гербом Владивостока на брандмауэре и двуглавым орлом на фронтоне. А центральная фигура монумента, бравый героический красноармеец в будёновке, со знаменем и трубой в руке, бескомпромиссным пролетарским сапогом попирает точно такого же двуглавого орла. Что вполне понятно и извинительно, потому что нынешний герб Российской Федерации некогда был гербом царствующего дома Романовых. Оно бы и ладно, но наличие рядом этих двух одинаковых орлов — одного на фронтоне, а другого, точно такого же, под ногой красноармейца вызывает некоторые неприятные ассоциации и навевает, прямо скажем, опасные мысли.

Так вот. Один чересчур зоркий чиновник или депутат городского совета обратил внимание на этот весьма двусмысленный факт. Перед ним открылась блестящая перспектива показать свою идеологическую бдительность, а заодно пропиариться, чем он, конечно, не преминул воспользоваться. Перед горсоветом встала непростая задача: то ли снимать орла с фронтона, что по всем параметрам идеологически неправильно (еще неизвестно, как посмотрят в центре: мол, что это вы, блин, герб рос-

сийской федерации похерили, на что намекаете?), то ли вынимать опозоренный символ из-под солдатского сапога, что тоже непросто, ибо памятник отлит из бронзы на века, и потрёпанного орла можно удалить только вместе с ногой бравого красноармейца. Одноногий герой революции со знаменем — это как-то не того... А сносить памятник целиком тоже пока рано, потому как монархия официально еще не объявлена.

Чем закончилась эта печальная история — не знаю. Скорей всего, слишком зоркому депутату посоветовали заткнуться. Что он с удовольствием и сделал, потому что уже и сам, наверное, пожалел о своей наблюдательности. Пиар пиаром, но кто ж мог подумать, что последствия будут столь неприятные. Я, честно говоря, как ни вглядывался в скульптуру, никакого орла не разглядел. Наверное, его и видно-то только в бинокль с 15-го этажа муниципалитета, из окна кабинета этого самого бдительного депутата. Как в анекдоте про женскую баню — увидеть, что там происходит, можно только, забравшись на шкаф.

Как известно, духовность России в последнее время растёт, как кислое тесто на дрожжах. Поэтому с другой стороны монумента, в пандан к муниципалитету, возводится новый Кафедральный собор. Цитата из рекламного проспекта гласит: *«В отделке стен Кафедрального собора во Владивостоке решено использовать кирпич светлого тона, причём* ***иностранного производства.*** *Ведь собор на центральной площади никогда не должен выглядеть обветшало».* Ну, правильно! Патриотизьм булькает в зобу и мешает производству нормального кирпича.

Кстати, церквей в городе понаставили чуть ли не на каждом перекрёстке. В моё время, насколько я помню, во всем Владивостоке была только Лютеранская кирха, которую, в силу добротной немецкой постройки, не смогли снести в те времена, когда народ-богоносец, отряхнув с ног прах старого мира, самозабвенно церкви рушил. Причём с тем же надрывным энтузиазмом, с каким теперь строит. Кирха стояла как раз напротив моего дома через «уголяху», и в ней располагался Музей Военно-Морского флота. Во дворе музея стояли разные корабельные орудия и мы, пацанами, любили по ним лазить. Сейчас кирха отреставрирована и выглядит великолепно. Говорят даже, что там иногда случаются органные концерты. И вообще, фасады старых дореволюционных домов в центре города выглядят, как перевязь Портоса — спереди очень привлекательно, а сзади чёрте что. Грязь, помойки, вздыбленный асфальт, мусор в рогожных мешках, который, похоже, не вывозился годами.

А над все этим в небесной лазури, в высоте сияет новый мост через бухту «Золотой рог», построенный к саммиту АТЭС, три года назад.

Когда я учился в восьмом классе, Владивосток осчастливил своим визитом Никита Сергеевич Хрущёв, возвращавшийся из поездки по США. Под впечатлением посещения Сан-Франциско, а может быть, просто с бодуна, он нашёл, что Владивосток очень похож на замечательный калифорнийский город. Сегодня, побывав в Сан-Франциско, я могу сказать, что это чистая

правда. Если посмотреть на город с высоты птичьего полёта. Однако, если опуститься с горних высей на грешную землю, то сходство становится исчезающе малым. Эти два города похожи, разве что, рельефом местности. Тем не менее, Никита Сергеевич «простёр десницу, как крыло» и заявил: «Мы превратим Владивосток в наш советский Сан-Франциско!». Такое смелое заявление сразу подарило миру очень популярный в то время анекдот: «Что надо сделать, чтобы Владивосток стал похож на Сан-Франциско?» Ответ: «Надо на Сан-Франциско сбросить атомную бомбу.»

Но как бы там ни было, визит Хрущёва привёл к бурному жилищному и дорожному строительству. Проекты «Большого Владивостока» появлялись один за другим, с макетами, с красивыми картинками, и почти во всех присутствовал мост через бухту «Золотой рог». Мы, пацаны, смотрели на эти картинки и представляли, как вскоре сможем прокатиться по этому мосту на велосипеде на мыс Чуркин. И вот не прошло и шестидесяти лет, и мост построен. Правда, ни я, ни мои друзья на велосипед уже залезть не могут.

Я видел в жизни много красивых мостов — и мост «Золотые ворота» в Сан-Франциско, и мост Саншайн-Скайвэй-бридж во Флоридский Санкт-Петербург, по длине равный высоте горы Эверест, и Мемориал-бридж через Делавер; да и первый в мире вантовый мост Джорджа Вашингтона через Гудзон до сих пор восхищает меня, хотя казалось бы, пора привыкнуть к этому гениальному сооружению, по которому я в течении 22 лет каждый день ездил на работу в Метрополитен Опера. Мост, построенный в начале прошлого века, когда еще и автомобилей-то по сути не было, сегодня пропускает в день до сотни тысяч машин. Это ж как далеко вперёд надо было смотреть, чтобы создать такое!

Я видел много мостов. Поэтому я с полным основанием могу сказать, что «Золотой мост» Владивостока — прекрасен. Он парит в вышине над городом на высоте почти 70 метров, одним крылом упираясь в Голубиную падь — «Голубинку», а второе положив на мыс Чуркин. Новая автотрасса соединяет его с еще одним не менее прекрасным мостом, который ведёт на остров Русский. Раньше на Русском острове располагались всякие военные объекты Тихоокеанского флота, и добраться туда можно было только на катере и по пропуску. А зимой папа, который одно время там работал, ходил по льду пешком, и дорога эта занимала почти час.

Помню, как мама места себе не находила, если папа долго задерживался. Сейчас на острове Русском расположился Федеральный университет, в котором работают мои детские и школьные друзья — Славка Кузин, Сашка Беккер и другие.

Я спустился на набережную. Не на старую, которая располагалась в Спортивной гавани на берегу Амурского залива, а на новую, построенную недавно на берегу бухты Золотой рог, так называемую «Набережную Цесаревича». Где-то в конце 19-го века, Николай II, ещё будучи цесаревичем, возвращаясь из кругосветного путешествия, посетил Владивосток. Здесь на берегу бухты Золотой Рог он заложил док, который впоследствии стал Дальзаводом. В память об этом событии его именем назвали набережную. Это место во Владивостоке, напротив моего дома, изменилось очень сильно. Раньше территория принадлежала, как утверждают справочные издания, в которые я не поленился заглянуть, главному заводу города — Дальзаводу, хотя мне помнится, что на этом месте был другой, тоже судоремонтный завод, на котором в 10-м классе мы проходили производственную практику. Назывался он «Завод п/я 178», и на нем ремонтировали атомные подводные лодки. Но об этом справочные издания почему-то скромно умалчивают. Не о том, что я проходил здесь практику, хотя об этом, как ни странно, тоже ни слова, а о том, что на этом месте, в самом центре полумиллионного города, ремонтировали атомные подводные ракетоносцы и во-

енные корабли. Секретность, блин. Страна сгинула, а секреты блюдут до сих пор. Ну, да бог с ней, с этой замечательной страной, Дальзавод, так Дальзавод. Слава Богу, что эту атомную хрень, которая могла рвануть в любой момент, из центра города убрали.

С этим заводом и с моей школьной практикой на нем была связана история, которую взахлёб рассказывал Колька (фамилию уже не помню), фиксатый рабочий бригады, куда меня определили набираться жизненного опыта. По словам Кольки, он поспорил на три бутылки водки, что вынесет с завода у всех на виду ведро краски. Надо сказать, это было достаточно сложно, почти невозможно, потому что завод, как я уже сказал, был секретный, пропускной режим строгий, и чтобы что-то вынести, необходимо было заполнить кучу всяких бумажек. Но разве можно смутить чем-нибудь русского человека, когда он хочет что-то спереть. Колька взял ведро белой краски, зашёл за поворот, и двинулся по железнодорожной ветке, по которой с завода вывозилась какая-то шибко секретная продукция, отмечая кистью каждую десятую шпалу. Подойдя к мощным железным воротам, перекрывающим выезд с предприятия, он крикнул охраннику:

— Эй, служивый, хватит спать. Открывай ворота.

Служивый, видя что человек работает, помечает с какой-то неведомой целью шпалы, проверил у него, как и положено по инструкции, пропуск, но на всякий случай спросил:

— А ты чё делаешь-то?

Колька пристально поглядел на охранника и сказал:

— А я вот сейчас позвоню твоему начальнику и скажу ему, что за вопросики ты тут задаёшь. Ты что, бля, забыл, где служишь? Ты, сука, на какую разведку работаешь?

— Да, ладно, ладно, чё ты... — испугался охранник и побежал открывать ворота. Колька, продолжая тщательно помечать шпалы, двинулся дальше вместе с ведром краски. До следующего поворота, естественно... За достоверность этого рассказа не поручусь, потому что Колька, между нами, врун был отчаянный. Но судя по тому, с каким восторгом он это рассказывал, три бутылки водки он действительно выиграл.

Эта глупая история вспомнилась, когда я, бродя по новой набережной, наткнулся на эту железнодорожную ветку. Правда, шпалы в ту пору были деревянные. Видимо, судя по идеаль-

ному состоянию пути, с завода по-прежнему вывозят какую-то чрезвычайно полезную для человечества продукцию.

После окончания школы я поступил в Политехнический институт. В те годы в Министерстве высшего и среднего образования, в чьей-то высокой номенклатурной голове возникла идея, что студенты, поступившие в ВУЗ после школы, должны учиться на первом курсе два года, чтобы заработать производственный стаж, обучаясь первый год в вечернем режиме. А днём работать на заводе, постигая сложности жизни и премудрости будущей профессии. Меня отправили на Дальзавод, и, как студента деревообрабатывающего факультета, определили в столярный цех. Бригада Коммунистического труда, которая должна была научить меня жизни и приобщить к профессии, состояла из пяти человек во главе с бригадиром Виктором Колядой. Надо сказать, что этот дружный рабочий коллектив с полной ответственностью подошёл к порученному делу. В первый же день перед обеденным перерывом бригадир сказал:

— Слышь, студент. Вот тебе требование, пойди получи политуру.

— Где? — спросил я.

— Вон, видишь в конце цеха каптёрка.

— Ну.

— Вот там у Лариски и получишь.

Я пошёл и сунул требование в окошко. Лариска, толстая неприветливая тетка, подозрительно поглядела на меня и проворчала: «И этот сопляк туда же! Ну, алкаши проклятые! Чтоб вам всем околеть!»,— выдала мне трёхлитровую банку спиртовой политуры, и в сердцах хлопнула створкой окошка. Такая реакция меня очень удивила. Я пошёл назад в бригаду, размышляя, чем же я вызвал такое неудовольствие. Отдав банку Коляде, я спросил:

— А чего это она?

— Кто?

— Ну, Лариска. Обозвала алкашом и чуть ли не обматерила.

— А, не бери в голову, студент. Она сильно нервная. У нее муж алкоголик, вот она всех и несёт. Чё ты мне банку суёшь? Иди готовь.

— Чего готовить? — не понял я.

— Как чего? Полину Ивановну.

— Какую Полину Ивановну?

Коляда сплюнул и горестно сказал:

— Вот, бля, молодёжь пошла! Ни хера не знают, ни хера не понимают, ни хера не умеют. Чему вас только в институтах учат?

Он полез в верстак, достал пачку серой крупнозернистой соли и высыпал пол пачки в политуру.

— Пошли,— сказал он.

Он подвёл меня к сверлильному станку, вставил в патрон палку, обмотал ее чистой ветошью, опустил это нехитрое приспособление в политуру.

— Смотри, студент, учись, пока я жив,— сказал он и включил станок на малые обороты.

Палка с ветошью стала вращаться в политуре, наматывая на себя длинные, липкие, тягучие, жёлто-грязные шеллачные нити. В результате такой сепарации в банке осталась какая-то мутно-жёлтая вонючая субстанция. Коляда процедил её через плотную тряпку и разлил по кружкам.

— Пей, студент,— он подвинул мне кружку.— Приобщайся к пролетариату.

Меня перетряхнуло от вида этого пойла. Я и нормальную-то водку в то время не очень потреблял, а тут меня замутило от одного только запаха. Но семнадцать лет есть семнадцать лет. Я не мог показать свою слабость под насмешливыми взглядами рабочего коллектива. Попрощавшись с жизнью, я отчаянно хлобыстнул полкружки. Меня чуть не вывернуло, но Коляда быстро сунул мне в рот солёный огурец.

— Молодец, студент,— сказал он.— Вот это по-нашему, по-рабочему.

Развезло меня почти мгновенно. Меня увели подсобку, уложили в углу, где я, проблевавшись, проспал до конца смены. В конце трудового дня меня, поддерживая с двух сторон, протащили через проходную, довели до дома и запихнули в подъезд. Как я забрался на свой третий этаж — уже не помню. Помню только, что мама, увидев меня в таком состоянии, не сказала ни слова упрёка, а просто засунула мою голову под кран, накапала в стакан с водой нашатырного спирта, влила это в меня, уложила в постель, поставила около кровати тазик, и накрыла тёплым одеялом. Утром она спросила:

— Ну и как?

— Плохо,— честно сознался я.

— А зачем тогда пил?

— Не знаю, — сказал я. — Все пили. Как-то неудобно было отрываться от коллектива.

Мама помолчала.

— Запомни, — сказала она. — Если ты будешь поступать, как ВСЕ — ты и будешь, как ВСЕ. Уважать тебя за это не будут. Научись говорить «нет». Уважать тебя будут, когда ты будешь самим собой.

У меня тогда сложилось впечатление, что маму больше всего расстроило не то, что я напился, а что поддался стадному чувству.

Больше я с бригадой не бухал. На все предложения отвечал твердым отказом. Приготовить — пожалуйста, пить — нет! Поначалу они говорили, что я пацан и слабак, потом, что мол нехорошо отрываться от коллектива, но в конце концов отстали. И, как мне показалось, стали относиться с некоторым подобием уважения. Мама, как всегда, оказалась права.

Все это воспоминалось, пока я бродил по новой набережной, глядя на плавучий док, на бывшие цеха Дальзавода, где происходило моё «приобщение к жизни». Цеха были отреставрированы, отпескоструены и сияли благородным красным цветом старого кирпича. Набережная была вымощена плиткой, построена детская площадка, доступ к воде перекрывала чугунная литая решётка. И вообще, место было очень красивое.

Гуляя, я захотел в туалет. Не писать же посреди всего этого великолепия. Туалета нигде не было видно, народу было не густо, спросить, где я могу справить нужду, было не у кого. Где-то вдалеке маячили несколько человек, но в основном набережная была пуста. Я уже хотел было пристроиться за щитом на детской площадке, но тут на дорожке, идущей вдоль железнодорожной ветки, появилось какая-то тётка.

— Не скажете, где здесь туалет? — спросил я.

Тётка подозрительно посмотрела на меня и спросила:

— Не здешний, что ли?

— Не здешний, — подтвердил я.

— Вот то-то я и смотрю, — сказала тётка. — Здешние-то здесь уже все углы пообоссали. Вот он сортир, — она показала на красное двухэтажное кирпичное здание бывшего цеха, буквально в двадцати метрах от нас. Я посмотрел, куда указывала тётка, но никаких признаков туалета не обнаружил.

— А где?..

— Вот то-то и оно, — сказала тётка. — Сортир построили, а табличку прихуячить забыли. Вот все и ссут здесь, где ни попадя, то на детской площадке, то под фонарём на набережной. Вон видишь дверь? Туда и иди.

Я зашёл в указанную дверь. Внутри был большой холл, отделанный мрамором. Посреди холла стоял большой письменный стол, за которым сидела женщина:

— Туалет у нас платный, — предупредила она, и тоже, в свою очередь, подозрительно посмотрела на меня.

— Сколько, — спросил я.

— Пятнадцать рублей. Деньги вперёд. — Видимо, я не производил впечатления платёжеспособного клиента. А возможно, были прецеденты, когда, справив нужду, человек отказывался расстаться с кровными рублями, поскольку нужда отпала. И что с ним было делать?

Я заплатил. Сделав свои дела, вышел в холл.

— Квитанцию брать будете? — спросила тётка.

— Чего? — удивился я.

— Чего, чего... Квитанцию, спрашиваю, брать будешь?

Я, конечно, посещал платные туалеты и раньше. В основном в России, ибо эта плодотворная идея императора Веспасиана до корыстной Америки ещё почему-то не дошла. Или наоборот — уже изжила себя. В Нью-Йорке ты имеешь право зайти в туалет в любом кафе. Есть такой закон. Но чтобы после посещения сортира тебе выдавали квитанцию... Нет, до такого и Веспасиан не додумался. Я испытал неподдельную гордость за родной город!

— А как же! — сказал я. — Я же должен буду отчитаться. Вы уж, пожалуйста, чтобы всё по форме, с подписью, с печатью... Сами понимаете...

— Да уж, — согласилась тётка.

И что вы думаете? Она таки выдала мне мне справку о посещения сортира. Затем вытащила из стола печать, подышала на неё и шлёпнула на справку.

— А подпись? — потребовал я.

Что-то ворча, она подписалась: «Уб-ца ЧУДНАЯ О.Г.»

Вы, Наташа, наверное, думаете, что этот чудный эпизод посещения родного города я выдумал? Ничуть! Чтобы у вас не

возникло сомнения, прикладываю эту справку к моему правдивому рассказу.

На этом фортиссимо заканчиваю вторую часть произведения под названием: «Вновь я посетил…» Всегда Ваш.

Исполнитель: ЗАО «Клининг Оптима»
690091, г. Владивосток, Океанский пр-т, д. 70А, стр. 2.
ИНН/КПП: 2540183024/254001001 ОГРН: 1122540005345

Квитанция № 000430 Серия АВ

1 экз. Заказчику
2 экз. Исполнителю

о приеме наличных денежных средств

Наименование услуги	Сумма (руб.)
Посещение туалета	15.00
Всего по квитанции:	15.00

Получено наличными Пятнадцать рублей

Лицо, ответственное за совершение операции и правильность её оформления

Уб-ца Чудная О.Т. (должность, Ф.И.О.) «Клининг Оптима» (подпись) 29.09.2014 (дата)

М. П.

Квитанция является бланком строгой отчетности

ООО «Клининг Оптима», ИНН 2540183024, г. Владивосток, Океанский пр-т, д. 70А, стр. 2, тел. 2-30-30

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
23 ноября 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик!!! Порадовал так, что даже говна, действительно поднакопившегося, вылить не могу: перекрыл клапан! Написано превосходно, так живо, что мне теперь во Владивосток ехать не надо, тем более, что не за чем. Я уже там с вами побывала, как те евреи, что просили в Овире отправить их в Санта Барбару, потому что они там всех знают (шёл в моё время по телевидению такой бесконечный сериал «Санта Барбара» — не знаю, достался ли вам). Хотя, конечно, наличие мраморного сортира стимулирует. С другой стороны, в соседней Японии с этим тоже всё в порядке.

Марик, я тороплю время к Новому Году, чего в моём возрасте делать не следует. И начала понемногу работать. Через неделю мы с Володей, ЕБЖ, улетаем на недельку на Гавайи чистить пёрышки, чтобы не испугать вас своим теперешним затрёханным видом. А вы пишите!

Обнимаю, Н.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
23 ноября 2014 г. Salt Lake City, UT

Я забыла сказать, что история с двуглавым орлом — маленький шедевр! Эпиграф ко всему тамошнему абсурду. Она настолько самоценна, что поместили бы вы её куда-нибудь саму по себе, отдельно от всего остального — хоть на фэйсбук, что ли. Эта история, как сказал бы наш друг Губерман — счастье!

Копелев-Рапопорт
24 ноября 2014 г. Port St. Lucie

К сожалению, история с орлом недостаточно достоверна. Мне ее рассказали журналисты «Новой». Как говорится, это история из разряда — «одна бабка сказала». Есть орёл или нет — сказать точно не могу. Я не разглядел, да особо и не разглядывал.. Может, это злобная журналистская выдумка из «злобной русофобской газеты». Но даже если этого не было, это следовало бы выдумать, потому что она всё равно иллюстрирует абсурд, который там происходит. Достаточно посмотреть, чем занимается их Дума и какие законы она обсуждает.

А вот чудесная история со справкой о посещении сортира стопроцентно достоверна и тоже, как мне кажется, «счастье».

А вот скажите, какого чёрта, вам не сидится на месте? То Москва, то Хорватия, то Гавайи. Это ж какое здоровье надо иметь для всех этих перелётов и смены часовых поясов. И что означает аббревиатура ЕБЖ? Всякие неприличные мысли, знаете ли, в голову лезут.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
25 ноября 2014 г. Salt Lake City, UT

Относительно ЕБЖ. Чукча не читатель? Великий российский писатель граф Лев Николаевич Толстой — тот, что не кушал ни рыбы ни мяса, ходил по аллеям босой — этот великий российский писатель такой аббревиатурой обычно оснащал свою переписку: ЕБЖ (читай: Если Буду Жив). А не то, что Вы, сэр, подумали. Вы завсегда об этом?

Копелев — Рапопорт
25 ноября 2014 г. Port St. Lucie

Я же предупреждал — чужих писем не читаю. Даже Толстого.

Копелев — Рапопорт
4 декабря 2014 г. Port St. Lucie

Здравствуйте, Наташечка. Не пишу по одной простой причине. Всё хочу порадовать Вас следующей частью этой самой «Вновь я посетил…», а она, падла, никак не получается. Вечером что-то напишу, а утром перечту и вижу — полная херня. Ну, и опять пытаюсь написать что-то заново. И опять с тем же результатом. А событий бытовых, о которых имело бы смысл написать, здесь в одиночестве не происходит. А вы наверное уже и с Гавайев вернулись, и говна накопили, и… да, черт его знает, какие мысли Вам лезут в голову.

Вот такая печальная картина. Единственное, чем могу Вас порадовать, это отзывом на Ваше посвящение Тимуру, которое было на shaov.net.

«Но, справедливости ради, нужно сказать, что далеко не все поздравления произвели на меня подобное впечатление. Есть, увы, и достаточно банальные. И ещё один существенный недостаток в альбоме я для себя отметила. Некоторые тексты, которые как бы рукописные, а не печатные, даже в очках прочитать сложно. Но, в целом, альбом мне очень понравился. Помимо упомянутой уже «Песни не Гоя», мне очень понравилась «Баллада» Н. Рапопорт (стр.74–75) и поздравление В. Смехова (стр.72). Эти три поздравления я лично для себя особо выделила. Очень тепло о Тимуре написал В. Шендерович. Как я понимаю, уже достаточное количество человек обладает либо самим альбомом, либо его электронной версией. Поэтому интересны ещё мнения».

А вот еще:

«Насчёт дат и пионерских галстуков как-то не обратила особого внимания. Ну, тут уточнения может внести только сам Тимур, если, конечно, вспомнит. Я, например, точно не вспомню, в каком году мне на шею повесили кусочек «красного знамени». А вот насчёт поздравления Н. Рапопорт полностью согласна с Юрием».

А вот комплименты и в мой адрес:

«На маму юбилейный альбом произвёл большое впечатление. И она решила написать Марку письмо с благодарностью и своими мыслями об альбоме и о Тимуре, с тем, чтобы я отправила его Марку. Я спросила, можно ли будет опубликовать его и на форуме, и она согласилась. «Но пошли и лично Марку тоже»,— добавила она. Что я добросовестно и делаю.

Мама Фрожика wrote*:*

«Дорогой Марк, книга о Шаове, созданная тобою — выше всех похвал. Все в ней замечательно: люди, которых ты выбрал, как авторов поздравлений, создают образ Тимура — мудрого, талантливого, честного, бесстрашного, благородного. Честь и хвала тебе за твой выбор. Книга эта — также свидетельство и твоего полиграфического, издательского таланта. Каждая страница превосходно организована, скомпонована. Результат твоего труда — замечательный портрет выдающегося таланта, украшения страны, так нуждающей-

ся в личностях, подобных Тимуру. Он — бриллиант, а ты — создатель оправы, идеально подчёркивающей его. Мы счастливы за страну, в которой смог появиться Тимур. Мы рады за Тимура, у которого есть такие друзья и почитатели, как ты. Но самое удивительное в твоей книге — это то, что она не только о Шаове, но и о стране, способной восхищаться им, т.е. все еще полной людьми, которые нам нужны, на которых мы надеемся, на которых рассчитываем; Россия еще есть, жива, дышит, может. Твоя книга вселяет оптимизм, и это особенно радует. Браво!

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
5 декабря 2014 г. Гавайи

Вау! И правда порадовал! Ещё как! И за себя рада и за вас! А кто авторы этих проницательных рецензий? Кто Фрожик и его мама? И где отзыв некоего Юрия на меня, на который ссылается вторая упомянутая вами дама?

Хрен я вам вернусь с Гавайев раньше положенного времени! И не мечтайте. Отсижу, сколько дали, и на свободу с чистой совестью и выкупанным телом, 10-го. Из пяти минувших дней три лил проливной дождь, четвёртый можно было минуты на полторы высунуть нос на улицу, но с оглядкой и под зонтом, и океан бушевал. Зато я наконец окончила и отослала ту жуткую статью, что тянула из меня кишки и мозги почти целый год, и неожиданно сегодня — почти немедленно — получила тёплое письмо по её поводу от члена американской Академии! Так что, кажется, не зря старалась и на какое-то время, может, будет передышка.

Сегодня, наконец, в первый раз можно было делать, что полагается делать на курорте — типа купаться, потом сохнуть, потом пить вино и есть ананас и папайю. Но в пять утра (то есть через час после того, как я, как говорят образованные люди, наконец, упала в объятия Морфея (уточняю, Морфей — это не Вайсберг, и с объятиями Морфея у меня крутые проблемы), позвонил бывший однокурсник (при этом ещё ваш бывший «земляк» из Новосибирска — оттуда и позвонил, будь Скайп неладен!) — в пять утра позвонил узнать, не надо ли мне чего в Москве, куда он летит через три недели 27-го декабря… От злости я, конечно, не спала до восьми утра и продра-

ла глаза к полдню… Но часа полтора всё-таки плавала, в том числе с маской — здесь потрясающие подводные рифы, и дивной красоты разноцветные божьи создания по-над рифами плывут, скользят, ползают.

Пойду забудусь сном, может, повезёт и удастся.

Вы пишите, вы пишите, вам зачтётся!

Копелев — Рапопорт
6 декабря 2014 г. Port St. Lucie

Наташенька! Кто такие Фрожик и ее мама и кто такой этот Юрий разбирайтесь сами. Посылаю Вам ссылку на этот раздел Форума. Это история создания Юбилейного альбома, если посмотреть на неё со стороны Форума. Там много всякой херни, но я иногда заглядываю туда.

http://www.shaov.net/forum/viewtopic.php?f=2&t=2663&p=215409&e=215409

Как Вам отдыхается, плавается, ныряется? Вы точно экстремал. Несколько лет назад моя сумасшедшая супруга, которая в юные годы имела 10-е место в Союзе по виндсёрфингу, чуть не утопила меня, напялив на меня аквалангу и заставив изучать подводный мир Мексики. Она почему-то думает, что мне это должно быть интересно. Мне на глубине стало плохо, и меня едва вытащили. Поскольку это было 18-го января, я уверен, что она таким образом решила сделать себе подарок ко дню рождения. А как Вы истязаете своего Вайсберга?

Копелев — Рапопорт
10 декабря 2014 г. Порт Сент Люси

Здравствуйте, Наташенька. С трудом, с муками и кровью, вымучил третью часть «Вновь я посетил». Не пишется, блин! Надо подождать, пока синусоида опять поползёт вверх. Как сказал Маркес: «Не прилагай столько усилий, всё самое лучшее случается неожиданно». Да я и сам уже знаю, так всегда бывает — не идёт, не идёт, а потом вдруг такая словесная диарея — не остановить.

Confession XX

«Вновь я посетил…» (часть третья)

Погуляв по набережной Цесаревича, я двинулся назад на Светланскую. Для этого надо было забраться на очередной крутой склон. Город, как я уже говорил, расположен на сопках, и все перемещения по нему — путь то в горку, то с неё. Меня, честно говоря, этот альпинизм достал. В молодости эти перепады ландшафта как-то не очень ощущались, в детстве я вообще проскакивал их одним махом, не замечая, а теперь вдруг подумал, что Владивосток — это не лучшее место для таких старых пердунов, как я. А может, в моей ровной, как стол, Флориде, я просто отвык, да и перемещаемся мы в Америке в основном на автомобилях. Местные-то старички по этим горкам как-то ползают, и ничего — не жалуются. Впрочем, местных никаким дустом не достать — ко всему привыкли.

Мой путь с набережной Цесаревича наверх на Светланскую лежал через «Матросский садик». Во Владивостоке, в этом портовом и военном городе, существовало два похожих по названию заведения — «Матросский клуб» и «Клуб моряков». Помню, в детстве я долго не мог понять, в чем же разница, разве «матрос» и «моряк» — это не одно и тоже? — пока мне не объяснили, что это не вопрос этимологии, а вопрос собственности — какой-то из них принадлежал военному флоту, а какой-то торговому. Оба располагались недалеко от моего дома, один чуть-чуть в горку, другой чуть-чуть под горку, и я их всегда путал. И не только я. Оба клуба, наряду с Домом офицеров, были излюбленными площадками для гастролирующих коллективов. Часто на концерт, объявленный в Матросском клубе, люди приходили в Клуб моряков, и наоборот. Но поскольку оба находились в шаговой доступности, то придя в какой-то из клубов не по назначению, можно было быстро, опоздав всего на пять-десять минут, переместиться в другой. Именно в этих залах я впервые услышал джазовые оркестры Эдди Рознера, Олега Лундстрема, Константина Орбеляна. Джаз в те поры запрещали, и эти оркестры были маленькой отдушиной, глотком свежего воздуха. Понятно, что ни я, ни мои друзья не могли не пойти туда. А потом, когда я уже учился в Политехническом институте, наш Студенческий Театр Миниатюр частенько выступал на сцене Клуба моряков, который располагался как раз напротив центрального

входа в институт. Матросский же клуб располагался напротив моего дома через Ленинскую, на территории довольно большого парка, так называемого «Матросского садика», уступами спускающегося к морю. В этот садик, в своё время, я водил гулять мою младшую сестрёнку Любашку. Туда же, будучи уже постарше, бегал на тренировки. Там в парке, внизу, почти у моря, был большой спортивный зал Спортивного Клуба Тихоокеанского флота — СК ТОФ. Произносилось это, как СКаТОФ, и постепенно эта аббревиатура трансформировалась в «СКОТОВ». Команды, выступающие за этот спортивный клуб, в том числе и юношеская баскетбольная, в которой я играл в классе 9–10-м, так и назывались — «команда СКОТОВ». Больших спортивных высот в этой оруэлловской команде я, ввиду мелкого телосложения, не достиг, что меня, впрочем, не сильно расстраивало — я к этому времени уже серьёзно увлёкся театром.

А ещё в Матросском садике была замечательная танцевальная площадка с ракушкой эстрады и с духовым оркестром из десяти разной сыпучести пенсионеров, которые, нещадно фальшивя, выдували из своей меди всякие вальсы, мазурки и польки. По разумению начальства, их полагалось танцевать. Сейчас я понимаю, что никакими пенсионерами эти музыканты не были, но тогда все люди старше сорока казались мне глубокими стариками. Потом духовой оркестр сменил так называемый «эстрадный», в котором очень короткое время подвизался и я, делая вид, что умею играть на контрабасе. Но поскольку играл я в основном лицом, изображая из себя Джека Леммана в роли Дафны из «В джазе только девушки», то меня очень быстро оттуда попросили. Однако почти месяц я продержался, и даже получил свои первые деньги на ниве искусства. В общем, место было центровое, и на эту площадку собиралось полгорода. В 10-м классе туда бегали и мы. Это было время так называемой «оттепели», когда в СССР пришли узкие брюки вместо тридцатисантиметровых клёшей, «канадская полька» вместо стрижки под «бокс» и «полубокс», а вместе с этой западной мерзостью пришли и отвратительные танцы — рок-н-ролл, твист, чарльстон и буги-вуги. Оркестр в 10.30 прекращал работу, и вместо него по трансляции крутили всякую тлетворную музыку. Народ, который краковяки почему-то не вдохновляли, обычно как раз к этому времени и подтягивался и с удовольствием разлагался под западную заразу, расшатывая устои

и твёрдую мораль советского человека. Носители этой, глубоко чуждой нашей молодёжи идеологии, назывались «стилягами». Конечно же, я и мои друзья, начитавшиеся Аксенова, Сэлинджера и наслушавшиеся джаза, были в числе этих отщепенцев.

Целомудренная Степанида Валькирьевна со стилягами всячески боролась. Осуществлялась борьба следующим образом: дружинники вылавливали вредителей, танцующих твист и чарльстон, притаскивали в «пункт охраны общественного порядка», двое-трое дюжих молодцов заламывали жертве руки, еще двое добровольцев, дрожа от сладострастия, распарывали узкие брюки до бедра, а затем тупой парикмахерской машинкой, которая не столько стригла сколько рвала, простригали волосы от лба до макушки. Такая средневековая экзекуция. Однажды выловили и меня. Обслужив по полной программе, дав пару раз кулаком под ребра, пинком под зад вышибли на улицу. Огородами, огородами я пробрался домой. Ну, не пойдёшь же с таким причесоном по улице. Панковское время еще не пришло.

Придя домой, я тихонько завалился спать. В ту пору у нас было две комнаты в трёхкомнатной коммунальной квартире на две семьи, и я спал на диване в проходной комнате. Чтобы оттянуть неприятное, но, увы, неизбежное объяснение с родителями, я накрылся одеялом с головой, надеясь, что папа, который по утрам тихонечко завтракал рядом с моим диваном, уйдёт на работу, не заметив моей «новой стрижки». С мамой худо-бедно как-то можно было объясниться, но папа, как все военные, был человеком более консервативным, и его реакция была непредсказуема. Ночью, во сне, одеяло, конечно, сползло, и папа, собиравшийся утром на работу, на миг оторвавшись от бутерброда, вдруг увидел нечеловеческую красоту спящего отпрыска. Отпрыск был поднят за ухо и поставлен перед родителями.

— Это что такое? — спросил папа.

— Бэ... Мэ... — сказал я.

— Понятно, — сказал папа.

— Били? — поинтересовалась мама.

— Немного, — мужественно сказал я, всем своим видом показывая, что били, как на допросе в гестапо, и меня необходимо пожалеть.

Родители переглянулись и помолчали. Я тоже молчал.

— Идиоты, — констатировал папа. — А ты дурак. Данные какие-то записывали?

— Нет, — сказал я, — обслужили и даже имени не спросили.

— И то слава богу. На работу я никакого письма не получу?

— Думаю, что нет.

Папа порылся в карманах, достал трёшку.

— Иди, подстригись. Наголо.

— Ну, пап...

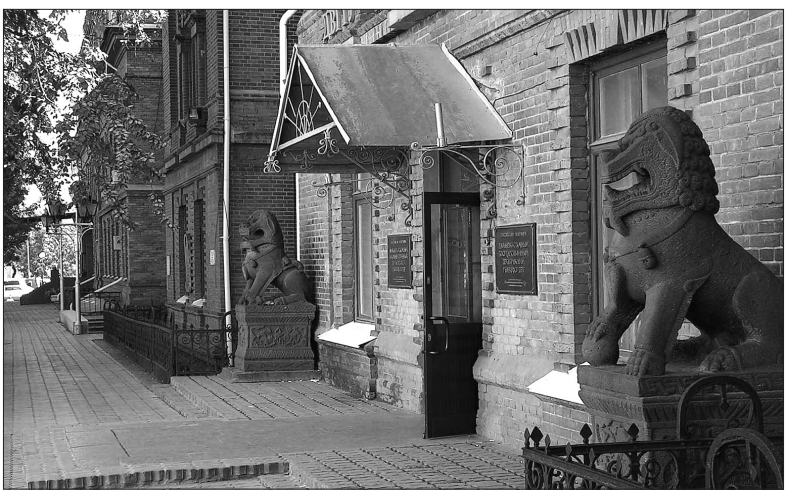
— Наголо, наголо, — сурово сказал отец, переглянулся с мамой и они оба непедагогично захохотали. Видимо, зрелище было ещё то.

— В следующий раз голову оторву. Вместе с причёской, — просмеявшись сказал папа.

Это, конечно, была просто фигура речи. За всю жизнь папа пальцем меня не тронул. От матери еще можно было схлопотать по физиономии, в основном за враньё, но от папы никогда. Он вообще был очень интеллигентным и мягким человеком. Только однажды он попытался меня выпороть, когда его вызвали в школу за то, что я во втором классе случайно чуть не выколол глаз соседу по парте. Папа шёл из школы, крепко держа меня за руку, и старательно накручивал себя, чтобы не расплескать жгучее желание выпороть меня немедленно. Когда мы пришли домой, папа на секунду потерял бдительность и отпустил мою руку, чтобы вытащить ремень из брюк. Воспользовавшись заминкой, я быстро юркнул под кровать. Папа попытался извлечь меня оттуда, но ему это не удалось — кровать была низкая, расстояние между полом и рамой маленькое. Я и то всовывался туда с трудом, а взрослому человеку можно было только просунуть руку. Все угрозы и призывы сдаться добровольно меня не убеждали. Папа пошерудил ремнём под кроватью, но и в этом своём действии успеха не достиг. Кровать была не только низкая, но и широкая. Я забился в самый дальний угол, и ремнём меня тоже было не достать. Папа помахал, помахал, потом, решив, что акт устрашения уже выполнен, плюнул и остыл. Всё-таки эта возня с ремнём со стороны выглядела, наверное, комично, а папа чувством юмора обладал. Воспитательная акция закончилось словесной выволочкой.

Всё это вспомнилось, когда я стоял на бывшей танцплощадке. Полуразваленная ракушка светилась выломанными рёбрами, а часть забора, через который мы сигали, смываясь от ментов, теперь снесли и поставили шлагбаум. Историческое место моих былых подвигов превратилось в пошлую заурядную парковку.

Я вышел на Светланскую и пошёл по направлению к центру. Это очень интересно бродить вот так, без цели, по городу, по которому ты не гулял без малого полвека. Каждая улица, каждое здание будят какие-то воспоминания, а вслед за этим приходят грустные мысли о том, что жизнь, в общем-то, прожита, что многое в этом городе существует только в твоей памяти, а с твоим уходом исчезнет совсем. Вот Политехнический институт, в который я поступил после школы. Теперь его переименовали в Дальневосточный Государственный Технический Университет и перевели на Русский Остров. Ректором в нем тот самый Сашка Беккер, с которым мы жили в одном дворе, и которому в пять лет я написал на голову. Что теперь находится в бывшем здании Политеха, не знаю. Стоит он какой-то сирый, полузаброшенный. Из него ушла жизнь. А раньше около входа, охраняемого двумя гранитными китайскими тиграми, всегда кучковались студенты — курили, травили анекдоты, клеили однокурсниц, запихивали бычки в страшные тигриные пасти... Эти тигры были подарены Дальневосточному политехническому институту в 1899 году генерал-губернатором Приморья. Когда в конце 19 века подавили «боксёрское восстание» в Китае, то уссурийские казаки хапали всё, что плохо лежало, т.е всё. Этих тигров отдали тогдашнему генерал-губернатору Гродекову, а тот потом презентовал их вновь образованному Восточному институту, впоследствии ДВПИ.

Вот лучшая в прошлом булочная Владивостока. За хлебом сюда приезжали со всего города. Сейчас здесь ювелирный магазин, и что-то подсказывает мне, что булочная ушла отсюда не совсем добровольно.

Я зашёл в Институт Искусств. После несостоявшейся любви с Политехом я поступил сюда. Слева от входа, как и в прошлом, восседала тётка-вахтерша. Только раньше она сидела за широким столом вроде гостиничной стойки, а теперь — в застеклённой будочке. Между входом с улицы и небольшой, в пять-шесть ступенек широкой лестницей воздвигнут трубчатый забор с турникетом. Раньше его не было. Ни забора, ни турникета. Вход был вполне свободный, что вполне отвечало духу заведения. Искусство требует свободы.

Я стоял перед этим забором, смотрел на студентов, которые деловито сновали по лестнице. Своей важностью и значительностью они напоминали мне меня самого в те розовые годы. В театральный институт, пройдя большой конкурс, все поступают «Народными Артистами», к середине первого курса, осознав сложность профессии, становятся «Заслуженными», а к концу обучения, дай бог, чтобы стали просто артистами.

Здесь, наверное, будет уместно осветить еще одну сторону бытия персонажа, о котором идёт речь, что добавляет в его портрет определённые краски. А также объясняет логику некоторых случавшихся впоследствии поступков.

Confession XXI

Наш герой влюбился. Нельзя сказать, что это было какое-то экстраординарное событие в его жизни, случалось это и раньше. Более того, случалось с беспримерной регулярностью. Ибо приходится отметить, что этот молодой человек, который стоит сейчас перед забором при входе в Институт Искусств и вспоминает, что здесь случилось много лет назад, был весьма влюбчив. Первый раз стрела Амура сразила его, как рассказывала мама, в 4 года, когда он пришёл домой, переполненный нежными чувствами к соседской девочке, и признался, что он *«Раечке в подъезде ручку поцеловал»*. Заметьте, не за косичку дёрнул, не за попу взял, не щёчку обслюнявил, а *«ручку поцеловал»*. Согласитесь, что подобный куртуазный поступок в 4 года уже что-то объясняет в характере нашего героя.

В дальнейшем мои отношения с женщинами были уже не столь платоническими. Мне помнится, в 6–7 лет, забравшись с соседкой из второго подъезда Наташкой Орловой в большой угольный ящик, мы с интересом изучали половые органы друг друга. Называлось это — «играть в больницу». Игра эта была чрезвычайно увлекательная и растянулось на всю оставшуюся жизнь. Хоть и с другими Наташками. Мне, как всем мужчинам, почему-то казалось, что каждая из них устроена иначе. Что, впрочем, имело под собой определённые основания, хоть и не в сфере устройства половых органов. В результате этого исследования я разобрался, в чем заключается разница между полами, хотя еще и не понял, зачем эта разница нужна и как её применять на практике. Поэтому мои дальнейшие отношения с прекрасным полом до определённого момента носили чисто эмоциональный характер, типа описанного выше объяснения в любви Алке Журавковой...

Но история, которую я вспомнил, стоя перед входом в Институт Искусств, стоит особняком.

Где-то раньше я говорил, что учёба в театральном институте требует всего твоего времени. Я даже не говорю о километровых списках литературы, которую надо было прочитать по истории зарубежного и русского театра, по истории зарубежной и русской литературы, по истории изобразительного искусства, по теории драмы, по истории музыки и проч., и проч. Это даже в расчёт не принималось. Это надо было читать, это не подлежало обсуждению, и никого не интересовало, есть у тебя на это

время или нет. Подразумевалось, если ты считаешь, что главным произведением Толстого является Филиппок, то для продолжения театрального образования необходимо ознакомиться и с другими, пусть менее значительными, произведениями этого автора. Про Софокла, Эсхила, Еврипида, Гомера, про песни вагантов, про Марциала, Катулла, Гесиода, Лукреция, Овидия, Вергилия, других античных авторов я просто молчу. И хотя лично мои познания Филиппком не ограничивались (в ту счастливую пору отсутствия компьютеров и телевизоров, чтение было основным времяпровождением подростков моего круга), но и мне приходилось не сладко. Спасибо нашим преподавателям за этот прессинг. Они заложили основу на всю оставшуюся жизнь.

Но главным были занятия по мастерству актёра. Мы приходили утром в институт в семь-восемь утра и расползались едва живые в десять-одиннадцать часов вечера. Потому что нужно было репетировать и играть не только в своих этюдах и отрывках, но и принимать участие в работах товарищей по курсу. А мне еще и режиссировать. А в промежутках — уроки фехтования, танцев, сценического движения, сценической речи, обучение игре на гитаре, пение, манеры, этикет, история костюма и т.д. и т.п. То есть времени на личную жизнь не оставалось. А так как без личной жизни в 17–20 лет никак невозможно, то все влюблённости и связанные с ними любовные драмы протекали внутри на курсе. Потом, когда я уже учился в ЛГИТМиКе, мне один преподаватель сказал: *«С первыми актёрскими курсами работать невозможно. Пока они там все не попереотрахаются, вбить что-либо в эти пустые актёрские головы невозможно»*. Это, конечно, некоторое преувеличение, но атмосферу жизни театральных училищ и институтов в определённой мере описывает. Двадцать пять-тридцать, здоровых, красивых, талантливых (выбирают из 100–150 претендентов на одно место) молодых людей оказываются на долгое время лишены какого-либо общения, кроме как друг с другом. Можете себе представить, какие страсти кипят в этом котле?

Хотя выдающимися внешними данными я не отличался, но наравне со всеми участвовал в этих тараканьих бегах. Я уповал на интеллектуальное превосходство. В те далёкие годы мне почему-то казалось, что ум для мужчины важнее смазливой морды. Дальнейшая жизнь поколебала это внушённое литературой

заблуждение, а со временем я вообще осознал, что понять, чем руководствуется женщина при выборе партнёра, невозможно в принципе. Потому что этого не понимает и она сама.

Но как бы там ни было, я в очередной раз влюбился и мне вроде бы даже отвечали взаимностью. А в кого может влюбиться описываемый персонаж? Естественно, в самую красивую, в самую талантливую, самую заметную женскую особь на курсе. А среди прочих талантливых и красивых на нашем курсе такая звезда была. Звали ее Наташа.

Высокая, с прекрасной фигурой и длинными ногами, с широко расставленными дивными зелёными глазами. Никогда, ни до, ни после, я не встречал такого чисто-зелёного русалочьего цвета глаз. И талантлива. Действительно, чертовски талантлива. Талант и сам по себе во многом заменяет красоту, вспомним хотя бы, что, скажем, Зинаида Райх или Лиля Брик исключительными красавицами не были. Не говоря уж про целый ряд исторических роковых женщин, начиная с Клеопатры и кончая толстозадой и коротконогой Жозефиной Богарне. Но когда красота и талант сходятся вместе... О! Это орудие страшной убойной силы...

Прекрасно осознавая свои возможности, я бы не стал умножать собой толпу ее поклонников. Зачем? Такими женщинами надо любоваться издали. Но она сама меня зацепила, ударив в самое слабое мужское место — в тщеславие. Однажды во время работы над каким-то этюдом она сказала:

— Ты знаешь, я так много о тебе слышала раньше...

Согласитесь, что такое высказывание работает, как жёлтый сигнал светофора: «Ехать еще нельзя, но к движению приготовиться!» Тем более интонация предвещала приятное продолжение.

— И что же ты такое слышала обо мне? — распушив хвост, спросил я.

Смущённо потупившись (актриса же) она сказала:

— Что у тебя всегда были очень красивые девушки.

Всё! Капкан захлопнулся. Это уже звучало, как приглашение. И хотя то, что она сказала, не совсем соответствовало истине: девушки, конечно, были, но чтобы они были такими уж красавицами, я сказать не могу, да и было-то их к тому времени, честно говоря, не так, чтобы много, но... Но, но, но... Как любил повторять Серега Костюхин: «Лесть — это орудие дьявола.» А Наташа,

надо сказать, этим оружием владела. Как, впрочем, большинство женщин. Лесть — это умение говорить человеку именно то, что он о себе думает, а про *«слегка гипертрофированное самомнение»* нашего героя я уже упоминал. И хотя самоирония и некоторая самокритичность этому персонажу, несомненно, были тоже присущи, я клюнул на эту приманку, как карась на мормышку. Федор Михайлович Достоевский однажды тонко заметил: «Как бы ни была груба лесть, по крайней мере, половина в ней непременно кажется правдой». За точность высказывания не поручусь, но смысл именно такой.

Ну и началось. Времени для свиданий театральный институт не оставлял, перевести наши отношения в более взрослую фазу не получалось, да и была она, как потом выяснилось, девственницей, но в институте мы некоторое время были неразлучны. Вместе ходили в буфет, в столовую, на занятиях садились рядом, старались попасть в совместные отрывки, и тайком целовались на лестницах или в пустых аудиториях, выдавая это, когда застукивали, за репетицию этюда...

Нравился ли я ей? Наверное, нравился. Все-таки на курсе я выделялся. Начитанностью, некоторой интеллигентностью — во всяком случае, на фоне других, независимостью суждений. И преподаватели меня как-то выделяли. А уважение этих «столичных штучек» повышало стоимость моих акций в глазах сокурсников. Ну, и Натальи в том числе. Короче, роман наш развивался, и я, как пишут в романтической литературе, «любил и был любим». Во всяком случае, так мне тогда казалось.

Тут подоспел какой-то праздник, кажется, 7-е ноября, который я собирался отметить в компании моих старых школьных друзей. В связи с большой загрузкой мы давно не виделись, у всех накопилось много новостей, появились новые девушки, кто-то из блаженного состояния невинности перешёл в более осмысленную фазу мужского бытия, и не терпелось поделиться подробностями. Короче, было о чем пообщаться, что порассказать. Мы с Натальей договорились, что праздник будем встречать вместе в моей компании.

Она не пришла. Я напрасно прождал весь вечер.

Это был жестокий удар по самолюбию. Я столько рассказывал о ней ребятам, они хотели наконец взглянуть на мою избранницу, и вдруг такой облом. Не говоря уж о моих ночных

надеждах на перевод наших романтических отношений в этот вечер в более взрослые.

Вначале я ждал. Потом стал беспокоиться, не случилось ли чего, хотя в глубине души уже понимал, что ничего не случилось, меня просто «кинули» или, выражаясь сленгом тех времён, «продинамили». Но надежда, как известно, умирает последней, и я решил к ней съездить. Жила она далеко, на другой стороне бухты «Золотой рог». Моста тогда не было, и чтобы попасть в район, где жила Наташка, надо было или ехать почти полтора часа вокруг по берегу, или пересечь залив на морском трамвайчике, который более-менее регулярно ходил туда-сюда. Я сел на трамвайчик.

Не знаю, замечали ли Вы, как тревожно и сладко сжимается сердце, когда ночью плывёшь по реке или по тихому заливу. Сигнальные огни катеров отражаются в чёрной воде, световые цветные змеи то удлиняются, то ныряют в тёмную глубину, фонари бакенов окружены туманным одуванчиковым ореолом, а воздух напоен густой влагой, запахом водорослей, соли и еще чем-то таким, отчего в душе поселяется беспричинная грусть. А у меня еще и причина была...

Дома ее, конечно, не оказалось, родители сказали, что она уехала в какую-то компанию отмечать праздник. Не солоно хлебавши, терзаемый обидой, я поперся назад. Катер только что ушёл, и мне еще почти час пришлось торчать на пирсе в горе и ревности. Трамвайчик сплавал на тот берег и вернулся. Стукнули сходни. Немногочисленные в этот час пассажиры потянулись на пристань. И тут я увидел ее. Не одну, а, как и следовало ожидать, в сопровождении какого-то высокого молодого человека. Парень что-то такое рассказывал, видимо смешное, потому что она весело смеялась своим, таким знакомым мне, русалочьим смехом. О, мне ли было не знать этот кокетливый, как бы слегка принуждённый смех. Я отступил в тень, спрятавшись за щит со спасательным кругом, на котором было написано: «Брось утопающему!».

На следующий день после праздника, в институте я подошёл к ней:

— Чего не пришла?

— Ой, ты понимаешь, мама заболела.

— А... понятно... Видел я, как ты с этой мамой с катера сходила.

Я давно заметил, что когда на вранье ловят мужчину — он начинает оправдываться, а женщина тут же переходит в наступление.

— А с какой стати я должна перед тобой отчитываться? — высокомерно сказала она. — Кто ты такой! Что ты о себе возомнил! — и, повернувшись, пошла по коридору, покачивая своими красивыми бёдрами.

Если Вы, Наташечка, думаете, что после этого любви настал конец, Вы ошибаетесь. Она имела весьма симптоматичное для нашего героя продолжение. Именно потому я и вспомнил эту историю. Возможно, в другом ВУЗе я бы просто прекратил с ней всякое общение, и всё. Но в театральном этого не получается. Группы маленькие, занятия общие, в этюдах, отрывках мы партнёры, приходится играть вместе, хочешь-не хочешь — общаться приходится. Мы, конечно, не разговаривали, но торчали все время на виду друг у друга. Причём я всячески пытался выказывать своё якобы холодное презрение, а она, безудержно кокетничая с другими, делала вид, что её это абсолютно не колышет. И по злой иронии судьбы, мы с ней еще и играли совместный отрывок из Ильфа и Петрова — «Варвара и Васиссуалий Лоханкин». *«Уйди, уйди, тебя я презираю, волчица старая и мерзкая при том...»* Забавно. Нарочно не придумаешь...

Но 20 лет — есть 20 лет. Сердце просит любви, безумных романтических поступков, тем более, что тебя с утра до вечера накачивают литературой эпохи Возрождения, куртуазными рыцарскими романами с их культом Прекрасной Дамы и тающегося рыцаря, поэмами Байрона, Пушкина, Тютчева, Ронсара и прочей романтической лабуденью. ***«Молчи, скрывайся и таи, и чувства и мечты свои...»*** А на улице приморская мягкая осень с ее напитанными морскими запахами туманами, или — вдруг! — с ярким осенним лучом, пробившимся сквозь внезапно прекратившуюся морось, прилетевшую с залива, и цветы, цветы на каждом углу.

И вот однажды в субботу по дороге в институт я, неожиданно для самого себя, купил букет цветов, завернул в газету, случайно оказавшуюся в портфеле, написал печатными буквами два слова — «Наталье Р.» — и незаметно оставил на вахте при входе в институт. Зачем я это сделал? Не знаю. Просто хотелось подарить кому-то цветы. Ну, так почему бы и не ей. Сердечко-то еще

болело. Ну, и потом, помните? — *«Мама, я Раечке в подъезде ручку поцеловал»*.

Наша размолвка с Натальей, естественно не осталась без внимания. Театральная среда — это вообще невероятный рассадник сплетен, поэтому наш разрыв живо обсуждался и на нашем курсе, и на других — все-таки Наталья была девкой видной, ее расположения добивались многие. А тут место освободилось. Я демонстративно с ней не общался, поэтому никому в голову не пришло, что таинственным дарителем был я. Хотя вру, конечно же пришло, меня кто-то спросил:

– Это ты Наташке цветы даришь?

— Еще чего! — пожал я плечами. — Делать мне больше нечего, что ли? — и от меня отстали.

В следующую субботу кто-то опять оставил на вахте завёрнутые в «Медицинскую газету» цветы. Народ оживился. Всем было интересно — от кого. Что за таинственный поклонник появился у Р. Надо сказать, что и раньше бывало, что нашим сокурсницам дарили цветы. Но это были вполне конкретные поклонники, которые всегда крутятся вокруг театральных девочек. Никакой анонимности, как раз наоборот — чтоб заметили. А тут... Странно, удивительно и непонятно. Ну и, что греха таить, красиво!

С тех пор регулярно каждую субботу на вахте появлялись цветы. К поискам таинственного дарителя подключился весь институт. Устраивались дежурства, засады, наблюдения, но даритель был неуловим. Цветы возникали как бы из воздуха, и никто не мог сказать, когда они там появились. На меня, конечно, подозрительно поглядывали, но, во-первых, я слыл за прагматика, а во-вторых, обставлял всё таким образом, что меня даже заподозрить было трудно. То я незаметно приходил пораньше, оставлял цветы, и уходил из института, а потом демонстративно опаздывал к началу занятий — мол, я тут ни при чём, цветы принесли до меня, я-то, вот он, только что...; то просил оставить букет какого-нибудь случайного прохожего, и было ясно, что этот полупьяный, пыльный тип, приволокший букет, никак не может быть искомым поклонником; то придумывал еще какой-нибудь фокус. В этой игре семестр подошёл к концу, и я, как уже было сказано раньше, сдав всё досрочно, укатил в Москву — Ленинград. Но уезжая, я озадачил своих друзей, и цветы каждую субботу продолжали появляться.

После возвращения из Ленинграда эта игра в казаки-разбойники, в кошки-мышки, продолжалась. Только вместо грустных осенних астр теперь на вахте стали появляться робкие бело-жёлто-лиловые подснежники и крокусы, бархатные вербы, пачкающие жёлтой пыльцой, мимозы, и, наконец, розовые веточки багульника. Ах, это время во Владивостоке, когда зацветает багульник! Сопки наливаются нежным розовым цветом, во влажный весенний воздух, пахнущий солью, водорослями и мазутом, вливается тонкая, почти не ощутимая, струя розового аромата, и сердце начинает щемить в ожидании и предчувствии любви.

Города, где жил и работал, я вспоминаю по запаху. К примеру, Свердловск, где я провёл месяцев восемь на дипломной практике, имел чистый, почти без примесей, несмотря на близость Уралмаша, морозный запах; Питер пах сыростью, лужами, талым снегом, около Мойки и Фонтанки почему-то свежими огурцами и арбузами, на Васильевском острове рыбой, пенькой и мазутом; Рязань, где я проработал год, имела чётко выраженный запах помойки. Причём этот запах был связан не только с тем, что мне пришлось нахлебаться там всякого дерьма, а с вполне прозаичными реальными причинами — на задах театра в овраге протекал ручей, куда несознательные рязанские граждане сливали свои помойные отходы; Чита... Ох, уж эта Чита! Чита пахла колким сорокаградусным морозом, гарью и песком. Этот замечательный город, *«где я провёл изгнанником три года незаметных»* (хотя не три, как у Пушкина, а семь), расположен в котловине между хребтами Яблоневым и Черского. Котловина почти не продувается ветрами, и над городом постоянно висит белёсый густой смог, перечёркнутый вертикальными черными и серыми дымами от всех печек и котельных. Такая серо-чёрная унылая графика. А в центре этого дивного пейзажа, на месте слияния Читинки и Ингоды, ТЭЦ, работающая на угле, выкидывает атомный гриб серо-жёлтого ядовитого месива. Загазованность воздуха в 300(!) раз выше нормы. Причём не европейской или, прости господи, американской нормы, а родной, завышенной, советской. Я знаю эти закрытые данные, поскольку, работая на телевидении, делал несколько передач по экологии края. Поначалу, когда мы с Ольгой, моей первой женой, только приехали в Читу, нас поселили в гостинице «Забайкалье», на центральной площади города. А телевидение располагалось на высокой сопке в километрах

трёх-четырёх от центра. Вроде и не далеко. Но каждое утро, чтобы добраться до работы, мне приходилось преодолевать эти четыре километра в гору. Колючий морозный воздух с частицами песка и сажи рвал лёгкие, скрипел на зубах, и когда я добирался до телевидения, я харкал кровью и полчаса не мог прийти в себя. Потом, правда, стало полегче, потому что квартиру нам дали там же на сопке рядом с телевидением. Да и привык за семь лет. И троллейбусную линию провели. Но этот морозный запах гари с песком до сих пор занозой сидит в мозгу.

«Она несла в руках отвратительные, тревожные жёлтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на чёрном ее весеннем пальто. Она несла жёлтые цветы! Нехороший цвет». Так Булгаков описывает *первую встречу* Мастера с Маргаритой. Почти так же, с некоторыми вариациями, я мог бы описать *конец* своей романтической истории: «Она шла навстречу по коридору в чёрном весеннем пальто, на котором отчетливо выделялись нежные розовые цветы багульника, оставленные мной минут пятнадцать назад на вахте для неё».

— Что, Наташка? — спросил кто-то, — Тебе опять цветы приволокли?

— Да вот, приволокли. — сказала она и в упор посмотрела на меня.

— А что, вы уже вычислили, кто их таскает?

— А что тут вычислять? — с презрительным смешком сказала она. — Вот он, Копелев, и таскает.

И она демонстративно бросила цветы в урну. С равным успехом она могла дать мне пощёчину. Да, собственно, это и была пощёчина.

С этого дня цветы прекратились. Не только потому, что меня унизили. Не только потому, что я вообще не люблю демонстративные жесты. Просто мне стало ясно, что эта женщина не умна. А глупость высоких порывов недостойна. Глупых женщин можно любить, и это достаточно часто бывает, но не романтической же возвышенной любовью. Хотя, как мы видим, случается и это...

...— Молодой человек, Вы кого-то ждёте? — спросила вахтёрша из своей стеклянной будочки.

— Что? А... Да нет... Просто я когда-то здесь учился. Вот, хотел посмотреть...

— Марья Николаевна, что-то не так? — вмешалась молодая Мымра с поджатыми губами, стоящая на лестничной площадке около расписания занятий, и отчитывающая за что-то группку студентов.

— Вам чего-то надо? — обратилась она уже ко мне.

Ну, как ответить на вопрос «что тебе надо» человеку с голосом завуча школы трудновоспитуемых подростков? Да ничего, в принципе, не надо. Просто пройти по коридору, просто заглянуть в аудиторию, просто постоять у расписания... Просто посмотреть на смешных в своей значимости студентов и грустно сказать себе: «Здравствуй племя младое, незнакомое, не я увижу твой могучий поздний возраст...» Как всё это объяснить молодой бдительной мандавошке с казённым голосом?

— Нет, нет. Ничего. Ничего не надо...

— А что вы тогда здесь делаете? — не отставала Мымра.

— Стою. Я когда-то учился здесь.

— Ну и что? Марья Николаевна, не выпускайте его, — и она побежала куда-то наверх.

Вахтёрша вылезла из своего аквариума и встала в дверях, всем видом показывая, что дорого продаст жизнь, если я попытаюсь с боем прорваться. Студенты с интересом следили за развитием ситуации, которая приобретала некую абсурдность. Мымра сбегала наверх и вернулась с какой-то другой, столь же симпатичной.

— Вам чего-то надо? — спросила эта Новая.

Господи! Да, что ж это такое! Опять за рыбу деньги...

— Я здесь учился, — сказал я, теряя терпение.

— Пройдёмте со мной, — сказала Новая. — Марья Николаевна, пропустите его.

Марья Николаевна вернулась на свой пост, нажала кнопку и открыла турникет. Новая повела меня на второй этаж, а Бдительная Мымра замыкала процессию. Наверное, боялась, что я сбегу.

— Ну, чувак, ты попал... — негромко хихикнул мне вслед кто-то из студентов.

Новая привела меня в кабинет завуча на втором этаже.

— Так что Вы хотели?

Да, ё ж, ты, моё...

— Я? Ничего. Это Вы чего-то хотели.

— Я? — удивилась Новая и посмотрела на Бдительную Мандавошку, которая замерла в дверях, как легавая на стойке.

— Ну, да. Вы же меня зачем-то сюда пригласили.

Новая уставилась на меня.

— А, ну да, — наконец-то сообразила она. — Так вы, говорите, здесь учились?

— Да.

— Что-то я Вас не помню, — недоверчиво сказала она.

«Господи, да что же вы все тут такие подозрительные? — подумал я. — Просто не кузница артистических кадров, а секретный объект».

— Боюсь, что Вы тогда еще не родились, — любезно сказал я. — Это был первый набор в институт.

В глазах обеих симпатичных дам загорелся торжествующий огонёк — появилась возможность проверить, не врёт ли этот подозрительный тип.

— А с кем Вы учились?

Я понял, что они ждут фамилию Валерки Приёмыхова, самого яркого и известного актёра из того выпуска. Мы с ним дружили, он жил в общежитии, иногда приходил ко мне домой, и моя мама его подкармливала. После того, как он сыграл главную роль в фильме «Холодное лето 53 года», его узнала вся страна. Естественно, он и Саша Михайлов были гордостью этого института, и не знать их, если ты здесь учился, было нельзя.

— С Приёмыховым, — сказал я.

Завуч открыла альбом, где была фотография первого выпуска, долго рассматривала ее, пытаясь найти меня.

— Что-то я Вас здесь не вижу, — уличила она меня в обмане.

— Неудивительно, — сказал я. — После первого курса я уехал в Ленинград и поступил в ЛГИТМиК, — и для большей убедительности добавил, — на курс Товстоногова.

— Вы учились у Товстоногова? — встрепенулась она. Похоже, я не производил впечатления человека, который мог учиться у Товстоногова.

— Да, — соврал я. Хотя почему соврал. Я не учился на его курсе, но практику-то я проходил в БДТ. Почти два года я сидел рядом с Георгием Александровичем, смотрел, как он работает, и учился у Мастера. Но в данный момент это были ненужные детали.

— Ах, как интересно! — лицо ее засияло фальшивой улыбкой.

— А в каком театре Вы работаете сейчас? — спросила от дверей недоверчивая Бдительная Мандавошка.

— В Метрополитен Опера, — скромно сказал я.

Не думаю, что если бы я сказал, что я главный режиссёр МХАТа, это произвело бы большее впечатление. Ситуация стала поразительно напоминать встречу на вокзале Николаевской железной дороги, описанную Чеховым: *«Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры... Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку...»*

— Как в Метрополитен? — сказала Главная. — Вы что, американец?

Я кивнул.

— Я, пожалуй, пойду, Ирина Владиславовна? — сказала Мандавошка.

— Подождите, Эльвира Михайловна.

— Так, что Вы хотите? — опять обратилась она ко мне, но уже не агрессивно, а как-то так — снизу. Все-таки верно кто-то заметил, что лесть — обратная сторона хамства.

Тут уж я не выдержал:

— Господи, Ирина Владиславовна! Вас, кажется, так зовут?.. Ну, что же Вы заладили: «Что хотите, что делаете, что надо?..» Да ничего мне не надо. Я зашёл просто посмотреть, пройти по коридору, посмотреть в расписании, не преподаёт ли кто из моих бывших сокурсников... Я не был здесь пятьдесят лет. Неужели это так трудно понять?

Похоже, дамам стало стыдно.

— Конечно, конечно, — сказала Ирина Владиславовна. — Я понимаю. Эльвира Михайловна, проводите. Пусть посмотрит.

— Пойдёмте, — сказала Бдительная Мандавошка.

Мы вышли из кабинета.

— Спасибо, Эльвира Михайловна. Я уж как-нибудь сам, если вы не возражаете.

Она молча развернулась и пошла по коридору. Встреча с юностью состоялась.

Я спустился по лестнице, заглянул в нашу бывшую аудиторию. Она была пуста. Только в углу целовалась какая-то парочка. Этюд репетировали. Как мы с Наташкой.

На выходе из коридора на том же месте стояла та же самая (или просто похожая) урна. Опять пришло воспоминание о той давней истории. Вроде для меня она окончилась именно в тот момент, когда Наталья отправила букет в урну. Ан нет. Тогда, если формулировать точно, закончилась *«любовь»*. *«История»* имеет продолжение, о котором я расскажу в следующем письме.

А скажите-ка, мадам Рапопорт, Вы сами-то чего-то пишете? Что-то Вы вроде намекали на какое-то произведение с названием «Скажи мне, кто твой друг». Или мыши, научные статьи и письма Копелеву (которые, кстати, раз от раза становятся всё сжатее и сжатее) съели весь ваш творческий потенциал?

Как отдохнулось? Как Ваше давление? Как Володя?

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
12 декабря 2014 г. Salt Lake City, UT

Марик! Замечательная история с Бдительной вошкой имеет параллель с историей моего папы, который в Симферополе зашёл в свою бывшую школу, году в 60-м — 70-м. Расскажу при встрече. А в начале я бы кое-что отредактировала, тут и там царапают глаз банальные эпитеты-метафоры, видно, что вымучивал и не нашёл. Я покажу. Раньше такого не было, всё было очень свежее и пахло багульником. Я, как вы уже наверное заметили, честный старик и со мной не забалуешь…

Отвечаю на ваши вопросы. Нет, Марик, не двигается моя жизнь в искусстве. Конечно, и то правда, что голова была забита этой дурацкой научной статьёй и было не до литературных подвигов. Теперь, когда статья позади, уже не пойму, зачем тратила на неё жизнь. Никому она, по большому счёту, не нужна — так, очередной кирпичик в небоскрёб. Но ведь не давала же жить! Какой-то obsessive-compulsive syndrom, что ли. Но не только это. Ещё и времени нет присесть к компьютеру. Хозяйство у меня большое… полдня что-то ищем (ключи, очки, электробритва, майка, полотенце, ножницы — да нет же, не эти — другие, чашка…) — словом, неисчерпаемый ассортимент, и в доме как на грех много самых неожиданных уголков, в которых эти срочно понадобившиеся элементы

жизни находят себе место. Я после этих поисковых работ — как выжатый лимон. Но по ночам, в постели пишу в голове какие-то главы, и утром ещё кое-что помню, что ночью сложилось — тут и записать бы, да не получается, а потом забываю все свои находки.

Зато письма пресловутому Копелеву — отдушина, ещё какая! Сейчас часы показывают 3:20, не подумайте, что дня, а я только в час ночи дорвалась до компьютера прочитать третью часть его путевых заметок и написать на них эту хамскую рецензию. На самом-то деле, после первых двух-трёх страниц, всё очень, Марик, очень хорошо, и хотя многое я читала по второму разу и отлично помнила, оторваться не могла и кое-где восклицала «Ай да сукин сын» — не потому, что он сукин сын и есть, а потому, *как* он об этом написал!

Всё, пошла в койку. Обнимаю. Очень ваша.

Копелев-Рапопорт
12 декабря 2014 г. Port St. Lucie

Ну, ладно. Не пишется и не пишется. Очень знакомое состояние. Но это временное, Наташечка. Расслабьтесь

Confession XXII

Тот факт, что я поступил в Ленинградский Институт театра, музыки и кинематографии, да еще сдав все на отлично, придал мне ореол некой исключительности в глазах бывших однокурсников. Для России ЛГИТМиК, ВГИК, Щука, ГИТИС, — то же самое, что для Америки Гарвард, Йель или Стэнфорд. Те, кто там учится, для всех остальных — существа высшего порядка. Соответственно, сей факт существенно повысил мою привлекательность в глазах Натальи. Женщины любят победителей. Из рядового ухажёра, безнадёжно таскающего цветы «прекрасной даме», я в одночасье превратился в сказочного принца на белом коне. Она написала мне письмо, в котором извинялась за свой хамский поступок, объясняла, почему она так поступила, писала, как сожалеет об этом, и бла-бла-бла. Если бы эти слова я услышал во Владивостоке, я бы, наверное, оттаял, и роман вспыхнул бы с новой силой. Но письмо пришло в Питер. Оскорблённое

самолюбие моё было удовлетворено. Но и только. Я ответил, сейчас не помню что, завязалась переписка, с каждым разом её письма становились все нежнее, а я... я жил уже другой жизнью, в другом мире, и любовь этой провинциальной девочки, хоть и была приятна, но уже особенно не волновала. *Amour perdu*. Она, конечно, моё охлаждение чувствовала, и это распаляло ее еще больше. Ну, известно же — «чем меньше женщину мы любим, тем тра-та-та, та-та, та-та...». Для всякой красивой женщины мысль, что её чары не действуют, непереносима.

На зимние каникулы она приехала в Ленинград. Я, как гостеприимный хозяин и уже почти абориген, показывал ей Питер, его красоты, свои любимые уголки, которые появились у меня к тому времени в этом замечательном городе, водил в музеи, в театры, в филармонию. Кстати, нам тогда удалось попасть на концерт Рихтера. И вот однажды, после Эрмитажа, совершенно измотанные и ошалевшие от увиденного, мы вернулись часов в шесть вечера в наше общежитие на Васильевском острове. Ей временно, как студентке иногороднего театрального ВУЗа, предоставили место, я тоже тогда еще обитал в той самой 21-й комнате на семь рыл, причём опять один, поскольку все разъехались на каникулы. Зимой в Питере темнеет рано. Мы, размягчённые разными эстетическими впечатлениями, для пущей романтики зажгли свечи, выпили красного вина, которое она купила по дороге в общежитие, что я, уже изрядно подпорченный столицей, немедленно истолковал как намёк. Ну и, естественно, всё произошло. То, что являлось мне в моих ночных Владивостокских видениях, случилось.

Тому назад уж много лет
Я был с девицей тет-а-тет.
Сплошной интим, неяркий свет
и мягкий диван.
Она пылала, как в огне,
Прильнув доверчиво ко мне,
а я...

А я... А что я?.. Я тупо, как барбос, сделал своё мужское дело, и больше ничем ответить на ее пылкие чувства не мог. Она, как я уже где-то обмолвился, оказалась девственницей.

Есть множество мужиков, для которых этот факт чрезвычайно важен, и жениться они жаждут непременно на невинных девицах. Они наивно полагают, что это гарантия от рогов в будущем. Жизнь-то показывает, что чаще всего рано или поздно случается ровно наоборот. Я уже говорил, что причина женских измен чаще всего непонятна им самим. Все резоны, излагаемые женщинами, есть чаще всего только оправдание, но никак не побудительная причина. Лично для меня невинность — сие недоразумение природы — есть факт скорее отрицательный, чем положительный. И не потому, что как сказал один циник, «нафиг столько лишней работы при минимуме удовольствия», а потому, что сознание, что я у девушки первый, накладывает какие-то моральные обязательства, которых я, как любой нормальный мужик, стараюсь избегать. Все-таки для женщины это вступление в новый период жизни, и происходить, как мне кажется, должно по *взаимной* любви. Хотя, опять таки, жизненные наблюдения показывают, что сами девицы к этому акту перехода в иное состояние относятся гораздо менее трепетно, чем их интеллигентски-рефлектирующие партнёры. Видимо, Наталья для этого перехода созрела. Она потом говорила, что я тоже *«в сновиденьях ей являлся»*. Она ехала в Питер с уже твёрдым намерением отдаться. Я не знаю, как женщины приходят к этому решению, не знаю, какие картины являются девушкам в их сновидениях, сие для нас мужиков тайна великая есть, но думаю, действительность её несколько разочаровала. Женщины существа тонкие, нюансы поведения чувствуют хорошо. Наталья не могла не почувствовать мою неискренность. Мы лежали в полумраке в узкой общежицкой койке, и вдруг я почувствовал: «Кап-кап-кап...» Я приоткрыл глаза. В полутьме, в свете почти сгоревшей свечи, я разглядел, что Наташка приподнялась, смотрит на меня, и из глаз ее капают слезы.

— Ты чего?

— Да нет, ничего...

— Ну, как ничего? Ты же плачешь.

— Нет. Это я так...

— Ты что, жалеешь о том, что произошло?

— Нет.

— А что тогда?

— Ничего,— она помолчала и потом, как будто даже себе, сказала:

— Просто я буду знать, что первым моим мужчиной был человек, который в течение полугода каждую субботу дарил мне цветы. Просто так. Нипочему. Не думаю, что такое часто случается.

После этих её слов мне стало как-то очень неуютно. Это звучало, как прощание. Да, собственно, это и было прощание. Каникулы закончились, она вернулась во Владивосток. Некоторое время мы еще обменивались письмами. Со временем переписка становилась все ленивее и тусклее и, наконец, совсем заглохла.

К лету ситуация в Институте Искусств вокруг Гороховской опять сгустилась, и она, так же как и мне, двум своим любимчикам Наташке и Женьке Путивцу дала рекомендательные письма в ЛГИТМиК на кафедру Зона. Их, так же как и меня, не приняли. История повторилась. Видимо, письма Гороховской были не самой лучшей рекомендацией. В результате они оба поступили в филиал Вахтанговского училища в Твери. Тогда город Калинин.

Потом до меня доходили слухи, что у Натальи был какой-то очень бурный, скандальный роман с ведущим актёром Калининского театра. И не только с ним. Когда она закончила училище, её оставили в Калининском театре, что по тем временам считалось очень приличным распределением — все-таки рядом и с Москвой, и с Питером. Года два-три она была в этом театре на ведущих ролях молодых героинь, потом вышла замуж, как говорят на театре — «за зрителя», то есть за человека не из театральной среды, уведя его, между прочим, у хорошей подруги, и переехала в Ленинград. Там она несколько лет пыталась устроиться в какой-нибудь театр, но безуспешно. В тот период мы с ней пару раз встречались. Просто так, посидеть попить чаю. И как-то она мне сказала.

— Ты знаешь, я давно хотела тебе сказать спасибо.

— За что?

— За всё, что ты для меня сделал.

— А что я для тебя сделал?

— Ты сделал меня женщиной!

— Не стоит благодарности, — попытался отшутиться я. — Дело-то нехитрое.

— Нет, ты не понял. Я имею в виду не то, что ты был моим первым мужчиной. Хотя и это тоже. Я имею в виду цветы, которые

ты дарил мне в течение полугода. В то время я этого не понимала, а теперь думаю, что именно тогда я впервые ощутила себя настоящей женщиной.

Такая вот история. Растоптанная бабочка на тропинке моего прошлого.

Больше мы с ней не встречались. Жизнь подхватила, закружила меня и закинула вначале в Свердловск, потом в Рязань, а затем и в Читу. Наталья родила и с театром завязала. Жаль! Она была талантливая актриса. Могла бы многого достичь…

Копелев — Рапопорт
17 декабря 2014 г. Port St. Lucie

Наташа! У меня тоже не двигается «жизнь в искусстве». А чего это Вы свою рецензию обозвали «хамской»? Боитесь, что обижусь, что ли? Всё нормально и рецензия вполне нормальная. Я и сам чувствую, что начало плывёт. Я уже повыкидывал там целые куски. Стало лучше.

А вот Вы мне скажите, что можно подарить Вайсбергу на Новый год? Я ведь его совсем не знаю, а у нас принято под ёлку подарки класть. С Вами мне более-менее ясно, а вот с ним. Сделайте божеску милость, намекните.

И еще: пришлите мне даты своего прилета-отлета, номер рейса и название компании, которой вы летите.

Ваш сукин сын.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
18 декабря 2014 г. Salt Lake City, UT

Ндааа… Задачка не из лёгких — что дарить Вайсбергу. У него хорошая, заботливая и богатая жена, так что всё есть, что человеку надо. Разве что жидкость после бритья или носки (российский сорок второй, то есть здешний 9–11, то есть нормальный). У меня приготовлен подарок для Люды (вашей), по-моему неплохой.

Наша читательница спрашивает: А что дарят Копелеву? Из какого сундука? С гаджетами, кажется, он не в больших ладах. Вин-коньяков из Юты не возят, в Юте их ещё поди купи, и во-

обще не стоит поощрять пороки, в том числе дарителей. Дарить чужие книги писателю неэтично (хотя и не возбраняется). Словом, проблема.

Читательница спрашивает также, играют ли во Флориде в новогоднюю ночь в шарады. У неё есть несколько фирменных, ею сочинённых, но к ним бывает нужен кое-какой реквизит. К примеру, бумага, типа для принтера. Ещё кое-какие мелочи. Она опасается, что в стерильном доме, который был предъявлен на фотографиях, мало чего сыщешь.

Эта же читательница не унимается и задаёт следующий вопрос, на этот раз о погоде. Какая температура воздуха в среде обитания Марка Копелева в это время года? Что носят дамы? Декольте? Брильянтовые колье? Сарафаны? Лыжные куртки? Норковые шубы? Кокошники?

Наши читатели ждут ответы на поставленные вопросы.

Копелев — Рапопорт
18 декабря 2014 г. Port St. Lucie

Здравствуйте, Наташенька! Не знаю, слышали ли Вы анекдот про Машу Пупкину, которая заказала по радио 40-ю симфонию Моцарта. «Дорогая, Маша,— ответили ей,— Не выебывайтесь и слушайте „Полонез Огинского“, как все». Так что передайте вашей слушательнице, чтобы она не это самое (см. выше), и не сомневалась, что в этом стерильном доме она найдёт всё, что ей нужно. Окажутся ли присутствующие на уровне ваших шарад, сказать не могу. Мы люди простые, а не какие-нибудь, извиняюсь за выражение, research профессора из Emerita Department of Bioengineering University of Utah. Уровень нашего интеллекта, прямо скажем, так себе.

Также передайте вашей слушательнице, что вин-коньяков мы тут тоже не потребляем, а жрём, как все советские люди, родную водяру, иногда изменяя ей, родимой, с легкомысленной мексиканской девушкой по имени Текила. И то только потому, что приезжие варяги из Москвы приучили нас к этому разврату. Кстати эти же варяги утверждают, что в нашем городе самый лучший текильный магазин, который они только видели. Оснований не доверять им у меня нет, ибо их опыт не вызывает сомнений, а эксперт по данному вопросу воспет в песнях и стихах (см. две песни Т. Шаова о Куме). Да и в само-

лёт с вашими благородными напитками вас не пустят. Так же как и с жидкостью для бритья на обратном пути. Хотя… Там объем не большой. Так что не парьтесь. А вот я слыхал, что Вайсберг, несмотря на богатую и заботливую жену, любит рукодельничать. Так может какой-нибудь набор инструментов для ремонта замков?

Также поимейте в виду, что с нами еще будет художница Людмила Успенская. Можете, если будет время, поискать ее имя в интернете. Только на английском языке — **Ludmila Uspenskaya**. На русском ее почему-то распознавать не хотят и норовят вместо неё подсунуть шансонетку Любовь Успенскую. А это, как говорят в Одессе, «две большие разницы».

Насчёт хозяина дома не берите в голову. Этот привередливый сукин сын к подаркам относится весьма нетребовательно. Хозяин дома не такой уж большой писатель, чтобы не читать книг других литераторов. Так что, если уж вы не в силах подарить автомобиль, аксиома «Книга лучший подарок» вполне подойдёт. Да и с гаджетами у меня не такая уж напряжёнка, как вы думаете. Это я просто выгляжу так.

Теперь по поводу погоды и формы одежды. Новый год у нас встречают в бриллиантах и норковых шубах на голое тело. Так что вечернее платье можете не брать. На голове, безусловно, кокошник или *warbonnet* из перьев. Ну, то есть, почти как на балу у Воланда. Только коленку Людке целовать не надо. Хотя, если Вайсберг захочет, может приложиться. Погода… Ну что «сказать за Магадан»? — я почти каждый день после прогулки купаюсь в открытом бассейне. Вода не сказать, что сильно тёплая, но вполне терпимая. Температура воздуха сейчас 20–28 по Цельсию. Ближе к вечеру и по ночам конечно похолоднее, где-то в районе 12–15 С. Думаю, что такая же картина будет и к Новому году. Очень сильно зависит от ветра. Но что-то я не помню, чтобы температура опускалась ниже десяти. Обычно зимой около 20–24 С, летом — около 29–31 С. Здесь довольно ровный климат.

О, блин! Посмотрел сейчас на ваши билеты. Это вам с посадкой почти 9 часов лететь! Ни фига себе! Я думал, что вы ближе.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
18 декабря 2014 г. Salt Lake City, UT

Начинаю с конца. «Ни фига себе! Я думал, что вы ближе». Мы, конечно, ближе, но, к сожалению, лишь виртуально.

Возвращаюсь к началу. Вы ошиблись. Слушательница просила не 40-ю Моцарта, которую и так крутили не меньше, чем полонез Огинского, а второй скрипичный концерт Сен-Санса. И предложили ей не полонез Огинского, а её любимую песню «Валенки». Теперь всё на месте, и я могу успокоиться.

Про вторую Людмилу я, конечно, помню. И вчера меня осенила блестящая идея, закачаетесь. Она относится ко всем сразу и к каждому в отдельности. Ничего, если не будет большого разнообразия в подарках?

Вайсбергу инструменты, как коту сметана. Идея хороша.

Всё, пока кончаю этот поток сознания и иду ланчевать по комсомольскому призыву Вайсберга.

Ваша.

Копелев — Рапопорт
18 декабря 2014 г.Port St. Lucie

Наташа, это у вас в Москве предлагали слушать «Валенки», а у нас в Питере, как в бывшей культурной столице России, предлагали послушать «Полонез Огинского». Может, поэтому я и попрощался с родиной. Сказалось тлетворное влияние музыки.

Насчёт подарков, я же сказал — не парьтесь. Какие будут — такие будут. По мне так хоть бы и совсем не было. С Вайсбергом понял.

Копелев — Рапопорт
23 декабря 2014 г. Port St. Lucie

Наташечка! А Вы не хотите мне прислать свой телефон на всякий случай? Что-то Вы совсем затихарились. Ни слуху, ни духу. А может, даже еще не повидав меня, уже разлюбили? Не торопитесь. Возможно, я окажусь вполне приличным человеком.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
24 декабря 2014 г. Salt Lake City, UT

Меня в детстве учили: «О любви не говори! О ней всё сказано! Сердце верное любви молчать обязано!» Вот я и приумолкла. Плюс тороплюсь перевести до отъезда на незнакомый вам английский язык — сама! — папину историю чумы в Москве в 1939 году, из моей первой книжки. Похожа на Эболу, но умельцы-энкавэдэшники чуму подавили, не без помощи врачей-профессионалов. Хочу послать в Нью-Йоркер, мы на меньшее не разменяемся. Осталась одна страничка, восемь «готовы», но ждут англоязычного читателя — моего приятеля, который, конечно, всё перечеркнёт и переиначит по-своему, чему я буду признательна.

Тут ещё свалились на мою и так больную и бессонную голову приятели из Лос Анжелеса общим числом 10 человек. Приехали кататься на лыжах. Я позвала их в гости, мы их любим. Это художница и скульптор Аня Краснер — посмотрите её вэбсайт, не пожалеете — и её гениальные дети. Среднему мальчику 12, он пианист, предполагается, что войдёт в первую десятку, когда подрастёт. Старшенькая — юное научное дарование, предполагается, что получит Нобеля. Младшему три года, он ещё не определился со своим будущим и предполагать рановато, пока всё играет в игры на телефоне — очень легкомысленный юноша, позор семьи.

Это случится 26-го в пятницу. Вайсберг в панике. У нас и стульев-то столько в доме нет (с нами — 12 персон!).

Меню: салат оливье, салат из свёклы с черносливом, селёдка, красная рыба собственного посола, суп солянка рыбная из лосося (факультативно) и свиные рёбрышки (кошерные). Имею в связи с этим вопросы. В вашем Болдино есть неподалёку русский магазин или захватить кое-что из нашего? А Costco? Привезти сёмгу собственного посола? Её в аэропорту не отбирают. А банку красной икры? Что ещё?

Мы ждём грибной суп. Ограничьте в нём концентрацию бледных поганок, у меня с ними нет хорошего контакта. Вайсберг пару раз попытался меня уморить свинушками и чернушками, но окончательно не преуспел. С тех пор опустил руки и больше не пытается. Так что грибной суп у нас в большом почёте.

Я вас люблю.
P. S. Даже если окажется, что у вас тенор.

Копелев — Рапопорт
24 декабря 2014 г. Port St. Lucie

Как водится, с конца. Ну, что Вы, что Вы! У меня красивый баритональный бас, как у Магомаева или Гуляева и даже лучше. («Вот и написал как Тютчев, прямо Тютчев, даже лучше…») А что Вы имеете против теноров? Я бы, например, не отказался иметь такой тенор, как у Доминго. И такие же гонорары.

А теперь, к началу. Я очень рад, что Вы взялись за перевод «Чумы». Она и написана ярко, и само событие сегодня действительно актуально. Кое-каким «методам излечения» нашему замечательному президенту стоило бы поучиться. Только, уж извините, выражу сомнение в качественности конечного результата. Не потому, что сомневаюсь в вашем таланте, а просто потому, что, по моему глубокому убеждению, на язык перевода должен переводить носитель языка. Самый оптимальный вариант в этом смысле — два переводчика, представители обоих языков. А этот Ваш «англоязычный читатель» — он писатель или просто читатель? Мне ли Вам объяснять, что мало знать язык и быть его носителем, надо еще *уметь писать*. Тут и на родном-то языке ни хрена не получается.

По поводу нашествия гостей могу только посочувствовать. А чего это они такой шоблой путешествуют? Сайт Анны Краснер я добросовестно пытался найти, но интернет упорно выкидывает какого-то модельера свадебных платьев из Витебска. Хороший модельер и платья хорошие, это я Вам как специалист говорю, но я усомнился, что эта Анна Краснер и ваша Аня одно и то же лицо. Краснеров — как Ивановых или Рапопортов, и даже есть сайт однофамильцев Краснеров, в котором по списку человек пятьдесят. Сайта вашей Анны я не нашёл, но нашёл ссылку на её картины. Прекрасная художница. Не знаю, насколько гениальны ее дети, но мама молодец. Я люблю такого рода живопись.

А вот я не понял. Роскошное меню, о котором Вы говорите, предназначено для Ваших прибывающих лыжников, или Вы предполагаете этими изысками усладить моих гостей на

Новый год? Кстати о торговых точках в моей Елабуге. Costco здесь нет, есть BJ's, членом которого я не являюсь. Но здесь достаточное количество других супермаркетов, где можно купить всё, что надо. Русского магазина нет, есть довольно убогий польский, очень дорогой, и я что-то не помню, чтобы там была икра. Вообще-то Людка, когда мы обсуждали новогоднее меню, что-то говорила о блинах с икрой. Так что, пожалуй, икра лишней не была бы. Правда имейте в виду, что когда моя сестрица в прошлый раз пыталась икру провезти, чтобы порадовать брата, у неё в аэропорту все благополучно реквизировали, мотивируя тем, что в металлических банках нельзя. Если, конечно, вы не сдаёте их в багаж. А вообще-то я хочу попросить Вас помочь мне приготовить селёдку под шубой. Я её никогда не делал, а супруга уверяет, что никакого праздника без этого деликатеса быть не может. Селёдка есть.

Насчёт грибного супа не сомневайтесь. Во всяком случае, прежде чем есть, дадите попробовать Вайсбергу.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
25 декабря 2014 г. Salt Lake City, UT

Для разнообразия начну с начала. Баритональный бас принимаю с радостью. Тенор — разве что, если приносит большие гонорары.

Что до «чумы», то никто не согласился бы с вами относительно переводчика больше, чем я сама. Мне легче было бы написать всё с самого начала по-английски, чем переводить уже написанный русский текст, который держит меня и бесит. А приятель, что вставляет пропущенные артикли и вычёркивает лишние, конечно, никакой не писатель, но очень начитанный читатель и интеллигентный человек нью-йоркского разлива, довольно редкая разновидность американца, носителя языка. Он пока озабочен артиклями, но потом я попрошу его прочитать с точки зрения литературы, указать, что плохо написано, что лучше выкинуть. Он всё честно скажет, он меня не щадит.

Роскошное меню предназначено, извините, для ожидаемого татаро-монгольского нашествия. Сегодня весь вечер простояла у плиты, чтобы завтра и послезавтра меньше тревожиться. Они ещё требуют к указанному меню две гитары, а у меня

в доме, блин, нет ни одной! Ума не приложу, где взять вторую (первую надеюсь завтра реквизировать у наших друзей).

Но такое же меню, если одобрите, запросто могу сваять и во Флориде, так же как селёдку под шубой: тоже мне проблема! Только желательно иметь майонез в выдавливаемой бутылочке, чтобы не повредить красоту слоёв.

Анькины Краснер картины мне тоже очень нравятся. Одна, подаренная мне как-то на день рождения, висит у меня на почётном месте. Надеюсь, вы когда-нибудь её увидите.

Теперь об икре. Мы везли металлическую банку на Гавайи в ручной клади, её не отобрали, только проверили на взрывчатку. А вот класть её в чемодан я боюсь, потому что выглядит она как сами знаете что (не хочу произносить вслух это слово, они его ловят на всех языках). Оттуда её точно вынут. А вообще куплю-ка я пару-тройку стеклянных банок, чтобы не беспокоиться по пустякам.

Сегодня получила предназначенные вам подарки, на три дня раньше обещанного срока. Рада безумно! Вот тут я действительно беспокоилась — вдруг не успеют. Но не подвели.

А скажите-ка, у вас дома какого-нибудь солдатского реквизита — всё равно что: фуражка, орденская планка и т.п. — не найдётся?

Ваша Н.

Копелев — Рапопорт
26 декабря 2014 г. Port St. Lucie

Солдатских атрибутов у меня, конечно, нет. Попытаюсь узнать в одном месте, но не уверен, что удастся получить требуемое. Скажите, что еще Вам требуется для ваших новогодних замыслов? В том числе и кулинарных. Сдаёте ли вы какие-то вещи в багаж?

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
26 декабря 2014 г. Salt Lake City, UT

Про солдатские атрибуты забудьте. Не проблема. А чемодан, видимо, придётся сдать, а то всякие кулинарные изыски отберут, что недопустимо. А что, долго приходится ждать багажа в вашем Мухосранске? Я только боюсь, не потерялся

бы на пересадке. У меня таких случаев целая математическая статистика. Когда рейс прямой — проблем нет, а когда с пересадкой, проблема для авиалиний часто нерешаемая. Я как-то прилетела на конференцию в Цюрих в лёгкой маечке и босоножках и, между прочим, прилетела председательствовать на большой международной конференции. А чемодан, как позже выяснилось, предпочёл почему-то лететь в Амстердам (хотя, видит Бог, ни он, ни я косячками не балуемся). Полдня я провела в Цюрихском аэропорту в склоках с «Дельтой», которая пыталась отслюнявить мне 50 долларов на необходимые покупки: это в Швейцарии-то, где за такие гроши и зубную щётку не купишь! В конце концов, я выжала из Дельты 200 долларов и купила туфли вместо вьетнамок (чудесные туфли, кожаные, ношу до сих пор) и чуть-чуть прикрыла верхнюю наготу наспех купленной кофтой. На нижнюю наготу денег не хватило, и я скрывала её за председательским столом, из-за которого старалась не вылезать на люди даже во время перерыва. И на Корсику мой чемодан тоже однажды не долетел, но там вообще все ходили такие расхристанные, что я особо не выделялась. А в Москву, откуда я должна была ехать в Витебск на юбилей Витебского Медицинского Института в машине с заместителем директора Российского Онкоцентра (он встречал меня в аэропорту) — в Москву мой чемодан прилетел только спустя две недели, в день моего отлёта обратно а Штаты — и, заметьте себе, прилетел как раз из Цюриха, куда год назад почему-то вовремя не долетел! В конце концов я плюнула на поиски пропавшего чемодана, и мы с замдиректора Онкоцентра понеслись по Минскому шоссе со скоростью небольшого самолёта. В результате я так и явилась научному миру Белоруссии и сопредельных стран во всём своём перелётном убожестве, ибо времени на покупку чего-нибудь приличного у нас не было совсем. Когда мы наконец прикатили, торжественное заседание уже началось. Для нас были предназначены места в президиуме, куда я и прошествовала в китайской маечке с надписью «Дольче и Габана» и лёгких босоножках… Аудитория, в отличие от меня, пришла в очень хорошее настроение.

Словом, у меня на месте сданного чемодана мозоль, и я стараюсь его не сдавать. Но, видно, придётся.

Копелев — Рапопорт
26 декабря 2014 г. Port St. Lucie

Но-но! Вы полегче с Мухосранском-то! Прекрасный тихий американский городок. Всё чинно и благопристойно. Уровень преступности по статистике — нулевой. Люди добрые, расслабленные. А прилетаете вы, вообще, в один из самых богатых городов Америки — West Palm Beach. Там и особняки звёзд Голливуда, и фамильное поместье Кеннеди, и вообще, как утверждает Википедия, в нем живут самые богатые люди Америки. А самые умные, но бедные, живут чуть-чуть севернее, в городе Port Saint Lucie. Так что Вы свою ютовскую фанаберию попридержите.

С чемоданами так происходит, потому что Вы очень боитесь их потерять. Вот и притягиваете всякие недоразумения. Это называется «виктимность». А сколько ждать… Каждый раз по-разному. В прошлый раз я даже не успел выйти из самолёта, чемодан уже ждал меня.

Погоду я вам приготовил 27–28 по Цельсию. Самый холодный день будет 1 января — 23 °С. Не забудьте купальные принадлежности.

Natasha Rapoport — Марку Копелеву
27 декабря 2014 г. Salt Lake City, UT

Ну, вы-то приготовили нам погоду, а наши не слишком озаботились. В понедельник ожидается лютый снегопад, такой же, как был вчера, и вчера самолёты не летали… Но может, пронесёт, отменят (снегопад, а не рейс). Буду держать вас в курсе на гибкой сцепке.

Обнимаю! Ваша желанная (надеюсь!), гостья Наташа.

Послесловие

Четыре года назад мы летели к Марку в Порт-Сент-Люси на встречу Нового Года — и нервничали, он ехал в аэропорт нас встречать — и тоже, конечно, нервничал. Мы же никогда не видели друг друга. Мало ли что… Но всё обошлось великолепно. Марк узнал нас сразу в небольшой толпе, улыбнулся радостно сквозь стекло аэропорта Вест Палм Бич, поманил рукой, и всё стало на свои места. Мы обнялись как старые друзья, встретившиеся после семидесяти лет разлуки.

Образы, созданные перепиской, не обманули. Нам было легко и интересно друг с другом. Марик восхищал меня эрудицией, остроумием и талантом режиссёра и актёра, сквозившим во всех его устных рассказах. Я очень рада, что буквально заставила его записать рассказ о постановке «Войны и Мира» в Метрополитен Опера; я терзала его, пока он не поставил последнюю точку, и отправила этот текст в «Иностранную литературу», где его высоко оценили и с удовольствием опубликовали. Марик очень радовался, и всё показывал мне по «Скайпу» обратную сторону журнала, где крупными буквами била в глаза надпись в самой середине задней обложки: «УЗНАЙ ЗАВТРАШНИХ КЛАССИКОВ!»

«Скайп»-то нас и сгубил, положив конец нашему эпистолярному роману. Сам роман, конечно, не кончился, но перешёл в формат, более соответствующий стремительному XXI веку. Зачем писать, если можно беседовать глаза в глаза, даром что между нами экран, о котором, кстати, мгновенно забываешь. Мы и беседовали почти каждый день, иногда часами. Марик читал мне всё, написанное «сегодня утром». Особенно если сам был этим текстом доволен. Да если и не был — всё равно читал, чтобы услышать моё мнение, иногда и совет. Читал он, как я уже сообщала, прекрасно, слушать его было огромным удовольствием, даже если это были совсем ещё сырые тексты. А что касается советов… Он был отчаянный спорщик, и хотя

сгоряча мои предложения обычно отвергал, иногда, к моей радости, к ним прислушивался.

А своё я читала ему редко. Он был ко мне страшно придирчив и безжалостно жучил за неточные слова и метафоры. Мои тексты, в отличие от Мариковых, не богаты диалогами, и читать их вслух скучно. А Марик, благодаря театральному образованию, был великий мастер диалога; многие его литературные произведения просто просятся на экран.

Я уже писала, что к тому нашему первому общему Новому году Марик издал нашу переписку в виде альбома тиражом два экземпляра и дал ей название «Ex Epistolis», с подзаголовком «Эпистолярный роман». Друзья переписку прочитали, одобрили и посоветовали издать книгу приличным тиражом. Меня, однако, смущала сентенция, полученная однажды от Дины Рубиной. Я как-то попросила у неё разрешения опубликовать в своей книге несколько фрагментов нашей с ней переписки. «В переписке надо ждать,— писала мне в ответ Дина,— пока хотя бы один из собеседников отдаст концы». Я поделилась этим с Мариком. Он, однако, предложил нарушить сформулированный Диной канон, и мы начали готовить нашу переписку к публикации. В личной переписке, конечно, многое было не для широкого читателя; будущая книга требовала тщательной редакции. Работа шла медленно, потому что у каждого были свои, «левые» литературные дела: Марик готовил к изданию сборник рассказов «Розыгрыш», недавно опубликованный с предисловием Войновича; параллельно писал роман «Синее перо» о тёте Фире и Моське Гольдштейне, фрагмент которого приведен выше. Он не успел его закончить, но куски, которые он читал мне вслух, возможно — лучшее из всего, им написанного. Я тоже писала-редактировала свою, недавно изданную, книгу «Автограф». Так что *Ex Epistolis* существовал для нас обоих как бы на втором плане.

И вдруг Марик тяжело заболел. Мы оба схватились работать над книгой, но — не успели. Марик оставил мне указания, что и как он хотел бы отредактировать и чем закончить. По мере сил я это выполнила. Работа была нелёгкая, я уже полгода не расстаюсь с нашей перепиской. Наш разговор продолжается, и это уже навсегда.

Марк Копелев сменил много мест проживания и много профессий, как средства добывания средств проживания. Причём смена одного зависела от смены другого. Когда он решил сменить страну, которая его растила, воспитывала, кормила и одевала, обиженная сторона отрешила его от должности кинорежиссёра-документалиста, и Марк решил испытать себя в новом деле — в деле шитья штанов и прочих предметов одежды, в чем неожиданно достиг таких высот, что, оказавшись в стране, которая его не растила и не кормила, был принят на работу в Метрополитен-оперу, куда пробиться портным примерно так же трудно, как и солистом. Много лет он там шил новомодные штаны, старомодные камзолы и чёрт знает что ещё, пока не приобрёл достаточно опыта, чтобы освоить ещё две профессии — фотографа и писателя. Этим он доставляет своим читателям много удовольствия и сам его получает. Правда, денег получает меньше, что, впрочем, неудивительно, потому что все читатели рассказов носят штаны, но не все носители штанов читают рассказы.

Владимир Войнович

(из предисловия к книге рассказов Марка Копелева «Розыгрыш»)

Эта книга — эпистолярный роман, и как у всякого эпистолярного романа, у неё есть два автора, и обоих авторов я люблю. К сожалению, Марк Копелев — мой друг, очень близкий, в этом году от нас ушёл. Это человек изумительной, удивительной судьбы. По образованию театральный режиссёр, Марк вынужден был уехать из СССР и много лет проработал в Метрополитен Опера портным в пошивочном цехе. Параллельно взял в руки камеру и стал выдающимся фотохудожником. У меня есть песня, посвящённая Марку Копелеву. Она так и называется «Фотограф, или правда глаза колет».

Второй автор — Наташа Рапопорт. Для меня — Наташа, а вообще-то она почётный профессор американского университета. Мы с ней когда-то, гуляя по Лас Вегасу, пили виски из горлышка, передавая друг другу бутылку, запрятанную в бумажный пакет. Кроме того, что она профессор, она ещё и замечательный писатель и чудесный человек с изумительным чувством юмора. Вы убедитесь в этом, прочитав книгу, которую сейчас держите в руках.

Тимур Шаов

M-GRAPHICS PUBLISHING
www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com

ISBN 978-1-940220-95-6
90000 >
9 781940 220956